«В книгу вошли как новые, ранее не публиковавшиеся материалы, так и доработанные автором знаковые повести, впервые объединенные в масштабную семейную сагу».

ПРОЛОГ

«Суть жизни мужчины проста и сурова: созидать, защищать и безропотно нести свой крест, даже когда самые близкие порой поворачиваются спиной. Извечный закон одной крови требует от сына почтения, но земной мир, где всё покупается и продаётся, часто взламывает даже эту святыню.

И всё же истинная сила настоящего мужчины измеряется не тем, сколько сокрушительных ударов судьбы он получил, которые разрушили привычный ход его жизни, поломали планы и проверили на прочность его дух. Она измеряется его способностью сохранить смиренное терпение, благородство души, остаться верным памяти предков и, каждый раз превозмогая физическую боль, подниматься и продолжать свой путь с гордо поднятой головой».

МЕЧТЫ О ПРОШЛОМ

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА 1

Поезд стремительно подкатил к перрону, и мы с супругой вошли в полупустой вагон. Осмотревшись, я выбрал свободное место у окна — напротив девушки с восточным типом лица. Глубоко посаженные карие глаза, чётко очерченные выразительные губы и густые смоляные волосы, едва прикрывавшие плечи, делали её похожей на принцессу из сказки «Тысяча и одна ночь». «Надо же, — подумал я, — оказывается, такую красоту можно встретить и в обычной жизни». Держа в каждой руке по телефону, она с истинно восточным темпераментом поочерёдно говорила по ним на иврите.

Мы устроились и ехали молча. Туристы с огромными чемоданами, громко переговаривались, бурно жестикулируя. Неподалеку сидели солдаты ЦАХАЛ с автоматами за плечами.

«Удивительно, — подумал я, — эти парни в автобусах и поездах, всегда молчат, прикрыв глаза».

Местные бизнесмены тоже привыкли к поездам израильской железной дороги. Из Хайфы или Нетании до Тель-Авива лучшего транспорта было не найти. Через минуту поезд отчаянно рванул вперёд.

«Да, — подумал я, разглядывая девушку, — вся наша жизнь идёт по определённому Всевышним кругу».

Память мгновенно перенесла меня в те годы, когда мы с парнями точно так же каждое утро добирались на учёбу в институт. Входя в вагон пригородной электрички, мы лихорадочно искали глазами симпатичных девчонок, общество которых могло бы украсить долгий и скучный час езды.

Эта старая история, но я постараюсь рассказать её подробно, не упустив ничего важного, что позволило бы вам ответить самому себе: «Да, я это понимаю и принимаю» или «Нет, не приемлю ни при каких обстоятельствах».

Испокон веков и по сей день всё покупается и продаётся. В мире, где правят деньги, объектом торговли, к сожалению, часто становятся даже бесценные вещи: власть, должности, правосудие, верность и репутация. Долг, вера, честь, любовь, мораль, предательство — эти чувства тесно взаимосвязаны между собой, и всё это — во власти денег. Они обладают силой «освобождать» человека от морали, но, как зеркало, лишь увеличивают и обнажают то, что скрыто в его душе. Но главная, разрушительная сила денег кроется в том, что они не покупают верность — они делают предательство доступным.

Великие умы прошлого и мыслители современности, менявшие саму жизнь, до сих пор не смогли до конца объяснить эти законы и как они работают.

Пригородная электричка сегодня кажется анахронизмом. Но я всегда с любопытством наблюдаю за ними, когда выпадает редкий случай их увидеть. Раньше они ходили как часы: опоздал на одну — через тридцать минут на подходе следующая.

До недавнего времени это был самый удобный общественный транспорт, позволяющий дёшево и без пробок добираться до работы или учёбы. Именно электричка стала для нас, студентов, местом горячих споров, шахматных баталий и новых знакомств. Мы наизусть знали, кто на какой остановке войдёт и кто выйдет.

Здесь, на своих привычных местах, где собирались давние знакомые, обсуждались последние события и криминальная хроника города. Вся информация шла из первоисточников, поэтому время в дороге летело быстро.

Новый человек в вагоне — особенно симпатичная женщина — вызывал живой интерес. Правда, со временем привычка делала своё дело: если пассажиры не отличались яркой внешностью, они быстро становились незаметными, и мы вновь продолжали свои неторопливые разговоры.

В одно чудесное утро в наш вагон вошла настоящая принцесса. Крашеная блондинка с длинными вьющимися волосами и удивительно голубыми глазами — она была невероятно хороша собой. Женщина присела на соседнее сиденье. Все наши взгляды вмиг устремились на неё, а кое-кто из попутчиков, оборачиваясь, едва не свернул себе шею.

Весь день прошёл в тревожном ожидании нового утра. И когда эта женщина снова вошла в вагон и села на то же самое место,

мы были очень рады. Представьте себе: целый час лицезреть живую красоту!

Уголки её чувственных губ всегда выражали улыбку, и это придавало лицу особый шарм зрелости. «Какой же счастливчик тот мужчина, который может страстно целовать такую женщину всегда, когда захочет», — каждый раз думал я, разглядывая её украдкой.

Наш взгляды за поездку по нескольку раз, словно случайно, пересекались. Невозможно было оторваться, когда она смотрела прямо на меня. Холодный, тревожный блеск её голубых глаз говорил о душевном беспокойстве. Что-то её волновало, и она, как мне показалось, хотела найти поддержку, а возможно — просто поговорить по душам даже с незнакомым человеком

И я оказался тем самым мужчиной, которому она впоследствии открыла свои сокровенные мысли и переживания.

Возвращаясь однажды вечерней электричкой домой, я совершенно случайно встретил её в полупустом вагоне. Рядом сидел подпитый офицер в форме и бесцеремонно приставал к ней. Не обращая внимания на окружающих, он о чём-то громко и нахально её просил.

Я присел на соседнее сиденье, прямо напротив них, и сначала подумал, что мужчина — её знакомый. Но когда она умоляюще взглянула на меня и глазами указала на настойчивого соседа, я понял, что он для неё чужой человек.

Нужно было действовать. Моё удостоверение работника Главка было солидным, красным, с золотым гербом. Хотя там и красовалась отметка, что я являюсь всего лишь старшим инженером ведомства, внешне оно выглядело весомо и грозно.

Я краешком губ улыбнулся, вспоминая эту историю.

Моя супруга моментально отреагировала на это:

— И о чём улыбаешься? Расскажи, может, и меня развеселишь.

— Нет, это не смешно, — коротко отрубил я и вновь погрузился в воспоминания.

Уверенно поднявшись, я на ходу достал из кармана пиджака заветную красную корочку с золотым тиснением. Шаг мой был твёрдым, а лицо выражало ту высшую степень озабоченности, которой я научился в коридорах Главка. Подпитый капитан даже не успел сообразить, что происходит, как я уже вырос над его сиденьем, заслоняя собой женщину.

— Товарищ капитан, — произнес я негромко, с дерзкой интонацией, от которой у любого советского служащего мороз шёл по коже. — Старший уполномоченный Главка. Ваши документы, пожалуйста. И объясните, на каком основании вы нарушаете общественный порядок в вагоне?

Я раскрыл удостоверение перед его затуманенными глазами, прикрыв пальцем строчку «старший инженер». Взгляд капитана мгновенно сфокусировался на золотом гербе СССР. Хмель выветрился из его головы в одно мгновение. В те годы аббревиатура «Главк» и грозный вид проверяющего действовали отрезвляюще на чиновников любого ведомства. Офицер вскочил, растерянно приложил руку к козырьку, что-то невнятно пробормотал про недоразумение и, пятясь, вылетел в тамбур, едва не споткнувшись в дверях.

Изумлённый собственной дерзостью, я стоял как вкопанный, а в голове крутилась шальная мысль: «А что, так можно было?» Ведь тогда мне было чуть больше двадцати. Всё же слободская жизнь дала о себе знать.

Блондинка смотрела на меня снизу вверх, и в её огромных голубых глазах тревога медленно уступала место восхищению и облегчению. Она тихо выдохнула:

— Спасибо вам...

Было явно видно, что она чем-то обескуражена. «При таком настроении можно запросто напроситься на жесткое "нет"», — подумал я и на время замолчал, не придавая значения своему джентльменскому поступку. Иначе пришлось бы просто ретироваться, и на этом закончилась бы вся моя восторженность.

Вскоре я всё же заговорил с ней:

— Мы так часто ездим вместе и до сих пор не знакомы. Как вас зовут?

— Стелла, — коротко ответила она и снова замолчала.

Мне показалось, что дальнейшая беседа не имеет смысла. Я поднялся и хотел пересесть, но она меня остановила.

— Я знаю ваше имя, и оно мне нравится, — сказала она, заглянув мне в глаза.

Мне впервые довелось близко увидеть взгляд — тот самый, которым мы всё это время любовались. Теперь он казался пустым и безжизненным. Пришлось невольно отвести свой взор и больше не искать её взгляда.

— У тебя плохое настроение... Наверное, поругалась с мужем? — полюбопытствовал я. Конечно, мне хотелось узнать, замужем ли она.

— Нет, я с мужем не ругаюсь, он любит меня, — коротко ответила она и снова замолчала.

«Нужно быть идиотом, — подумал я, — иметь такую женщину и не любить её». Но чисто мужской интерес брал своё, и следующий вопрос напрашивался сам собой.

— Что же произошло и почему у тебя заплаканные глаза? — не ожидая ответа, я углубился в свои мысли.

— Меня цинично использовали, жестоко обманули и кинули, — едва выдавила она из себя. — Взамен трёхкомнатной мне дали двухкомнатную квартиру.

В этот миг маска надменной красавицы с неё спала, обнажив детскую беззащитность. Она повернулась к ночному окну, словно в этой глухой темноте за стеклом искала поддержку.

— Ты, наверное, важная птица, раз имеешь возможность претендовать на такую квартиру, — наш диалог принимал откровенный характер, и я совершенно не понимал, почему это происходит.

— Да, я секретарь генерального директора нефтяной компании. Он имел меня при каждом удобном случае, — её откровения были сродни исповеди, и я продолжал молча слушать. — Он старый, с обрюзгшим морщинистым лицом... Меня ужасно тошнило, но я каждый раз, принимая таблетки, позволяла делать со мной всё, что он хотел, — в ответ на мой немой вопрос она ответила просто и буднично.

— Мой муж — инженер, он любит свою работу. У нас маленькая дочь, а жить негде. Когда муж узнал, что я получила квартиру, он был безгранично счастлив.

Она исчезла из моей жизни так же, как и появилась, не оставив следов. Видимо, переехала в ту самую квартиру.

«Почему, чёрт возьми, я так часто вспоминаю эту старую неприглядную историю?» — подумал я, внезапно поймав на себе быстрый, проникновенный взгляд исподлобья моей попутчицы. И почему-то подумал, что эта девушка, сидевшая напротив меня, никогда не поступит вопреки своим установившимся вековым традициям.

Вскоре девушка убрала один телефон в сумочку и минуту спустя, совершенно не обращая на нас внимания, заговорила по второму. Но из её уст зазвучала русская речь. Её голос лился мягко, без малейшего акцента, и этот контраст с недавним темпераментным ивритом окончательно заворожил меня. Какой же красивый у неё был цвет кожи!

Я сидел и думал, как при таком безжалостном, палящем южном солнце местным женщинам удаётся сохранять подобную свежесть лица. Она выглядела ухоженной, здоровой, с благородным загаром и излучала ту самую магическую, первозданную силу, о которой мечтает каждый мужчина.

Перед нами сидела настоящая восточная красавица, которая влекла к себе своей юной чистотой, благородной осанкой и скрытым целомудренным достоинством, так редко встречающимся в современном мире практичности.

«Вот бы моему сыну такую супругу... Чтобы в доме царили чистота и верность предкам, а не сухой расчёт», — размышлял я, глядя на тонкие черты её нежного, юного лица.

Но реальность вагона вновь начала медленно растворяться, стук колёс зазвучал глуше, а я сам, поддавшись неодолимому притяжению прошлого, вновь покатился вглубь своих воспоминаний.

«Вас ожидает такси…» — это короткое сообщение вывело меня из оцепенения и невесёлых раздумий.

Было о чём грустить: два дня прошли в тупом ожидании, и теперь, несолоно хлебавши, придётся лететь ночным самолётом домой, да ещё целый день бродяжничать по Москве.

«Какого чёрта, — возмущался я внутри самого себя, — сломя голову полетел чёрт знает куда, и чёрт знает зачем!»

Наскоро собравшись, я вышел на улицу. На пороге гостиницы меня встретил водитель. «Узбек», — подумал я и не ошибся. Это был мужчина среднего возраста, коренастый и крепкий, с открытым, ярко выраженным восточным типом лица, одетый добротно и со вкусом. Ничего особенного, но располагающий к себе человек.

Передав ему свою дорожную сумку, которую он проворно и любезно взял из моих рук, я сел на заднее сиденье дорогой иномарки. Нацепив наушники, я погрузился в мир израильской музыки, тем самым дав понять таксисту, что не склонен общаться с ним в дороге.

Впереди длинная дорога, есть время обдумать и разобраться, что снова не так, почему я возвращаюсь неудовлетворённый и с плохим настроением. Через пару часов аэропорт, а на душе чертовски плохо, и мне побыстрее захотелось уединиться в своём доме, принять тёплый душ, выпить рюмку виски и упасть в постель.

Эта вредная привычка недавно появилась в моём мире. Видимо, жизнь в одиночестве на одном и том же месте приводит к тому, что плохие привычки укореняются в сознании человека если не навсегда, то надолго.

В сером тумане моросил колючий, холодный зимний дождь, который обострил моё и без того паршивое настроение. «Правы люди, — вспомнил я полюбившийся мне афоризм, — человек должен жить на море, под ярким солнцем на синем небосклоне».

Машина тронулась с места. И тут Михаил — так звали моего водителя — тихо, с ярко выраженным восточным акцентом сказал:

— Не переживайте, я Вас довезу вовремя и с комфортом.

А затем, немного погодя, продолжил: — У меня новая машина, всего две недели назад приобрел, так что можете спокойно поспать в дороге.

Теплотой и доброжелательностью можно растопить любое, даже самое холодное сердце, и совсем неважно, что стоит за этим — пусть это просто банальная профессиональная маска человека. «Ну хорошо, — подумал я, — давай поговорим о жизни».

— Ты узбек и, наверное, давно в России? Ну и как тебе, южному человеку, живётся здесь на чужбине без солнца и тепла?

— Да, я узбек и почти двадцать лет живу здесь, — коротко ответил Михаил.

Мы некоторое время молчали, но вскоре я спросил его снова. Было интересно знать, как эти ребята уживаются в чужой и непривычной для них среде.

— Наверное, есть семья, дети, жена? И конечно, она у тебя узбечка? — спросил я. Каким же терпением и тактом надо обладать, чтобы не полюбопытствовать на эту тему.

— Да, у меня есть дети, двое прекрасных дочерей, и они со мной, но моя бывшая жена была русской женщиной, — он, глубоко вздохнув, задумался и замолчал.

— Почему же расстались?

Мой вопрос повис в воздухе. Михаил молчал, видимо, раздумывал, стоит ли продолжать разговор на семейную тему. На

Востоке известно золотое правило, свойственное моральному поведению мужчин: нельзя говорить о своей жене, и они строго придерживаются этой нормы поведения. Личная жизнь восточного мужчины — это глубоко закрытая тема, и я его отлично понимал, ведь я сам горский еврей.

Восточные мужчины расстаются со своими женами редко и только в особых случаях. Долгие разлуки, жилищные и финансовые проблемы, любовные интриги на стороне не являются основанием для разрыва семейных отношений. Почему русская женщина, понятно — они гораздо привлекательнее и красивее, чем узбечки. И израильтяне высоко ценят русских женщин за их самоотверженность, граничащую со самоотречением, и без какого-либо желания играть ведущую роль в семье.

В восточных семьях разводы не приветствуются, и на желающих разойтись — тем более если это смешанная семья — оказывается колоссальный психологический нажим.

Но почему русские женщины свободно вступают в брак с мужчинами из другого для них мира? Они ведь рискуют всем, и прежде всего — потерей своей этнической идентичности. Это то, что дано человеку от рождения, по праву крови и предков. Это глубинная связь с родом, его вековыми традициями, обычаями, языком, верой и памятью дедушек и бабушек. Это то, что невозможно изменить или стереть, даже если человек уедет на другой конец земли. И именно это в будущем приводит к непримиримым, а порой даже антагонистическим отношениям в семье.

Естественное желание быть любимой и неповторимой толкает женщин из другого мира в объятия восточных мужчин. Они чувствуют себя принцессами, королевами красоты, самыми востребованными и желанными. Они не могут устоять от таких соблазнов, мыслей и эмоций; и таких женщин много. Мужчины чувствуют такую любовь как нечто подлинное, уникальное, ниспосланное им свыше. Но настоящая, восторженная любовь в таких браках случается крайне редко, и это связано не только с тем, что отношение к женщине на Востоке иное. У людей в смешанных семьях разные мировоззрения, и их орбитам не суждено пересечься.

Михаил волновался. Было видно, что он напряжённо обдумывает, стоит ли продолжать этот болезненный разговор вокруг семейных отношений. Он долго не нарушал воцарившуюся молчание. И я старался никак не нарушить возникшую тишину в машине.

Уже подъезжая к аэропорту, Михаил впервые обратился ко мне по имени:

— Знаешь, Ильясаф, я любил её больше всего на свете, а она мне изменила, и ушла к какому-то грузину.

Я был в шоке от услышанного. Такими секретами восточные мужчины не делятся ни с кем и никогда. Я понимал, каково было Михаилу, который только что раскрыл перед чужим человеком свои сокровенные сердечные тайны.

Но он продолжал говорить:

— Я работал, как проклятый, она ни в чём не нуждалась. Но почему она предала меня и так бесстыдно, бессовестно поступила, разбив в дребезги мой покой?

Я до глубины души чувствовал сокрушённое сердце чужого человека, который только что излил мне израненную душу, где, всепоглощающее пламя ревности, обиды и бессилия перед предательством сжигает мужское достоинство изнутри, заставляя разум бесконечно пережёвывать один и тот же вопрос*: «*За что и почему со мной так жестоко поступили?»

Что я должен был делать с этим, как я мог помочь Михаилу, который только что искренне, без утайки исповедался перед чужим и незнакомым ему человеком?

— Всё проходит, и это пройдёт, всё у тебя будет хорошо, — лишь только это я смог сказать Михаилу, пытаясь смягчить обстановку в машине. — Женись снова, — посоветовал я ему, на что он коротко ответил:

— Не могу, не получается, я её люблю.

«Как, как можно любить женщину, которая предала тебя?» — сокрушался я в своих мыслях. Мужчина любит ту женщину, которой восхищается в своих фантазиях, поэтому она становится богиней его судьбы, которую невозможно разлюбить.

Машина медленно подъехала к аэропорту. Мы вышли, крепко обнялись, как старые добрые друзья, и на прощание я сказал Мише: «Не горюй, друг мой, в твоей жизни ещё будет много женщин, которых ты будешь горячо и искренне любить, но в следующий раз женись на своей узбечке».

— Знаешь, Ильясаф, — сказал Миша, садясь за руль машины спокойным и уравновешенным, — своих дочерей я отдал в еврейскую школу при синагоге.

— Но почему в еврейскую? — с удивлением спросил я его.

— Там обучают женщину стать идеальной женой, — ответил он, и его машина скрылась в ночном тумане.

Люди при случайных встречах могут быть крайне искренни, и в своей откровенности могут раскрыть много сугубо личных секретов и слабостей жизни. Надо оставаться человеком и вовремя сказать самому себе и своему собеседнику «стоп», и не позволять ему раскрываться больше, чем он хочет. Чтобы потом он не сожалел о сказанном и не чувствовал стыд перед человеком, которому ещё некоторое время назад открылся.

В бездонно-чёрной пустоте растворилась машина, которая на несколько часов стала моим домом, а Михаил оказался Ангелом, который дал мне глубоко осознать, что жизнь прожить — не поле перейти. Человек по жизни терпит много неудач, но ни в коем случае нельзя опускать руки, чтобы неудачи, как плохие привычки, не укоренились в нашем сознании.

Стук колёс пригородной электрички и серая пелена ночной дороги остались в далеком прошлом. Я снова сидел в летящем вперёд поезде, залитом ярким южным солнцем. Глядя с глубокой отцовской нежностью на мою прекрасную кареглазую попутчицу, которая продолжала мягко говорить по телефону на русском языке, я вдруг вспомнил слова, как-то случайно сказанные моим сыном:

— Папа, не переживай, я женюсь на еврейке.

ГЛАВА 2

Гнетущее ощущение неудовлетворённости от своего реального положения преследовало меня, словно нашло в сознании постоянное убежище. Я понимал: жизнь после эмиграции на историческую родину пошла не по плану. Цельной, увлекательной и беспечной, как прежде, она уже не будет — пришло время принимать судьбоносные решения. Чтобы отвлечься, я перевёл взгляд на окно, за которым стремительно мелькали сады и виноградники.

«Совсем как у нас в Дагестане, между Махачкалой и Дербентом — точно такой же пейзаж», — мелькнуло в голове. В памяти тут же

возникла знакомая дорога, по которой я часто возвращался из махачкалинского аэропорта домой, в родной Дербент.

Я непроизвольно прислушался, когда попутчица обратилась к матери:

— Мама, на столе оставила денег на расходы. Пожалуйста, не покупай лишнего. Если что-то понадобится — только позвони, я в следующий раз привезу. Не забудь, у собаки кончился корм. Я всё прибрала и постирала. Будь внимательна, береги себя, ты же знаешь — ты мне очень нужна, — нежно говорила она.

Мать на том конце провода, видимо, отвечала ей взаимностью — счастливая улыбка не сходила с лица девушки. Судя по разговору, мама просила её принять приглашение и пойти вместе с ней на свадьбу к родственникам.

— Мама, я занята и работаю допоздна, — возражала дочка. — К тому же надо готовиться к экзаменам в университете. Мне не нравятся эти шумные празднества, там неинтересно и нечего делать.

В это время к ней подсел молодой человек, что позволило девушке закончить телефонный разговор. Она нежно произнесла: «Целую тебя, мама, будь здорова», — и убрала трубку в сумочку. Молча и с грустью в глазах девушка посмотрела в окно. О чём она думала, какие мысли вертелись в её голове, знал лишь Всевышний.

— Вы, наверное, из Узбекистана? — набравшись смелости, спросил я девушку.

«Почему именно из Узбекистана?» — тут же подумал я. Наверное, потому, что в общинах бухарских евреев в Израиле до сих пор сохранилось это редкое чувство взаимной любви, уважения и ответственности в семье, несмотря на продвинутую израильскую демократию.

— Нет, я из Дагестана, из Дербента. Вы слышали о таком городе? — с улыбкой ответила она.

«Я даже родился там и прожил в еврейской Слободке лучшее время жизни!» — пронеслось у меня в голове. Эти слова, как машина времени, мгновенно возвратили меня в город детства.

Большие семьи в приземистых, потемневших от времени домах, сплетённых друг с другом в тесных дворах, но исключительное уважение младших к старшим — вот что было главной чертой жизни в еврейской Слободке.

— Какая фамилия у папы? Из какого рода мама?

— Папа скончался недавно, но он не жил с нами. Родители развелись двадцать лет назад, как только мы переехали в Израиль. Мама — Манаширова, я как могу стараюсь помогать ей. Хочу, чтобы она жила в достатке и ни в чём не нуждалась. Вам знакома фамилия Манаширов? — спросила девушка, взглянув на меня своими глубокими карими глазами.

Даже в таком юном возрасте еврейские глаза наполнены тысячелетней памятью и мудростью. В них словно отпечатались судьба поколений предков, которые прошли через века странствий, испытаний и сохранили веру, культуру и внутренний стержень. В этом едва уловимом взгляде удивительным образом уживались невероятная теплота, жизнелюбие и искренняя надежда.

Моя супруга с интересом наблюдала за нами, но не вмешивалась. Да и молодой человек, сидевший рядом с девушкой, до этого момента не обращал на нас внимания. Но его мгновенная реакция на слово «Манаширов» выдала то, что он всё это время прислушивался к нашей неторопливой беседе. Он с восторгом и удивлением посмотрел на неё и на чистом иврите сказал, обращаясь к нам:

— Знаете, я тоже Манаширов!

Он взволнованно рассказывал историю своей семьи:

— Родители моего отца переехали в Израиль много лет назад, а папа родился уже здесь. Я давно мечтаю попасть в Дербент, меня как будто кто-то там ждёт, но не знаю, как это сделать.

Израиль — маленькая страна, поезда здесь ходят скоростные. Максимум полтора-два часа — и ты на месте.

Сначала сошла девушка. На следующей остановке вышел и молодой человек.

— Жаль, что нет такого скорого поезда до Дербента, — попрощавшись, сказал он.

Я искренне сожалел, что пришло время расстаться с незнакомыми, но ставшими близкими мне людьми. Возможно, я больше никогда их не увижу.

Вот так... История человеческой жизни во многом определяется встречами и расставаниями. Об одних хочется забыть сразу. О других сожалеешь, что они не произошли раньше. А третьи ждёшь снова. Я буду надеяться на встречу с вами, мои дорогие земляки, в скором поезде «Израиль — Дербент».

Поезд плавно набирает ход, и монотонный гул колёс, убаюкивая суету дня, уносит меня всё дальше в прошлое, стирая границы и годы. И вот за окном уже не израильские пейзажи, а залитые солнцем узкие улочки, переулки и дома с крохотными дворами. В них десятилетиями бок о бок жили по нескольку родственных семей — и те пацаны, которые навечно сохранились в моей памяти.

Всегда, когда я мысленно возвращаюсь в прошлую слободскую жизнь, мне приходит на память Ганс — рыжий пацан. С этим ещё можно было смириться, будь он ашкенази или, на худой конец, грузинским евреем. Но он был горским, с ярко выраженным огненно-рыжим цветом волос и веснушчатым лицом.

Мы часто подшучивали над ним, поговаривая, что его нам подбросили вражеские силы. Патриотические фильмы того времени о войне показывали немцев сплошь рыжими и именовали исключительно Гансами. Поэтому мы недолго выбирали нашему рыжему другу прозвище, которое закрепилось за ним навсегда. Тётя Соня, зазывая сына на обед или ужин, кричала на всю Слободку: «Ганс!»

Дядя Шауль, отец Ганса, заведующий складом стеклотары на консервном заводе, был единственным кормильцем в большой семье из шести детей, жены и престарелой бабушки. Отец семейства ухитрялся на скромную зарплату в сто тридцать рублей в месяц кормить и одевать всю эту огромную родню, покупая детям у спекулянтов дефицитные дублёнки, кожаные куртки и плащи из болоньи по сногсшибательным ценам.

Никому не хотелось выглядеть бедным в глазах окружающих — для Слободки это было недопустимо. А ведь надо было ещё платить за свет и коммунальные услуги, заготавливать на зиму дрова и уголь, ремонтировать дом. А также собирать приданое дочерям, копить деньги на поступление сыновей в лучшие вузы страны, устраивать роскошные свадьбы на триста-четыреста гостей и непременно с тремя-четырьмя видами шашлыка, приобретать жене и дочерям дорогие украшения с бриллиантами. Он и себя не забывал: веселился с друзьями по-настоящему, азартно и с размахом.

— Хорошие были времена, — вспоминают сегодня наши старики, — жили как при коммунизме, а сейчас вся семья работает, и едва сводят концы с концами. «Это разве дело, когда родители-пенсионеры помогают своим уже поседевшим детям?» —

возмущаются они и во всех бедах винят Горбачёва, Ельцина и, конечно, рыжего Чубайса.

Дом Ганса был угловым, приземистым, с плоской крышей, покрытой асфальтом и рубероидом. Мы с интересом наблюдали за укладкой нового покрытия, что повторялось ежегодно с наступлением осенних дождей. Одна сторона дома выходила на центральную площадку Слободки всего с одним маленьким квадратным окошком, а другая — с узкими воротами, которые всегда были распахнуты настежь, — выходила на главную слободскую улицу, 3-ю Красноармейскую.

В Песах тётя Соня белила в синеватый цвет стены дома, которые уже через неделю покрывались отметинами от монет, как чешуёй. Это было результатом нашей любимой азартной игры на деньги «об стенку». В ней могли одновременно участвовать все желающие — было бы на что.

Жребий с подбрасыванием монеты определял, кто начинает. Каждый из игроков бил в стену. Выигрывал тот, кто умудрялся так метнуть свою монету, чтобы, ударившись о стенку, она легла на землю рядом с монетой соперника на расстояние, не превышающее длину раскинутых большого и указательного пальцев. Если этого не происходило, удары поочерёдно повторялись до победного результата.

Игра длилась бесконечно, пока в сумерках монеты не сливались с землёй. В темноте невозможно было чётко зафиксировать положение пальцев. Это мешало соблюдать условия, из-за чего возникали споры, перераставшие в потасовки. Победителем выходил тот, у кого пальцы были длиннее, а кулаки мощнее. Сила и настойчивость определяли, кто прав. А тот, кто прав, всегда в выигрыше — важнейший закон жизни, усвоенный нами ещё в тринадцатилетнем возрасте.

Ганс был профессионалом в этой игре и никогда не проигрывал. Денежки так и текли в его карманы. «Это мой дом, а дома и стены помогают», — говорил он, целуя стену, а затем поднимал голову к небу, бормоча под нос сокровенные слова, помогающие побеждать. Перебирая и пересчитывая мелочь, он с удовлетворением раскладывал монеты.

Откладывая часть выигрыша во внутренний карман, Ганс любил повторять: «Это мой неприкосновенный золотой запас, а он карман не тянет». Это значило, что при любом раскладе он останется при своих. «Деньги не там, где их могут заработать, а там, где их

умеют сохранить», — любил говорить Ганс. Эту непреклонную, железобетонную истину сбережения и приумножения капитала, как главную составляющую успеха, мои сверстники со Слободки усвоили ещё во времена развитого социализма.

Иногда и Гансу круто не везло. Однажды при очередных разборках Перс с размаха ударил его бутылкой по голове. Бутылка вдребезги, голова осталась целой, только глаза ненадолго окосели.

Впрочем, Перс заслуживает отдельного разговора. Своё прозвище этот пацан получил с моей подачи. Он сыграл в нашей слободской жизни особую роль: собственно он научил нас, тринадцатилетних пацанов, уверенно держать в руках карты и играть на настоящие деньги.

До этого мы знали только монеты «об стенку» и альчики. Например, «Кон», когда кости выстраивались в один ряд в центре очерченного круга. Игроки по очереди выбивали их тяжёлой, залитой свинцом сакой. Задача была проста: выбить альчик за пределы круга и забрать себе.

Была и более азартная игра — «Хан», где одна из костей, обычно самая крупная или покрашенная, назначалась ханом. Игрок, умудрившийся выбить её, забирал сразу весь кон.

В игре «Алты» кости бросались кучкой, и нужно было выбивать те, которые легли в одинаковое положение. А в «Кругу» альчики ставились в центр нарисованного на земле круга, и их выбивали с определённого расстояния, от черты.

Но Перс открыл для нас совершенно другой мир, со своими строгими правилами, азартом и первыми уроками судьбы. В очко, буру, секу — во все эти азартные игры я научился играть именно у него. И мы с пацанами неизменно ему проигрывали. Он не знал жалости и забирал наши кровные до последней копейки. Вот почему я и прозвал его злым, бессердечным Персом, сравнив с Аманом — символом жестокости и коварства из праздника Пурим. В нашем детском сознании Аман формировался как один из самых злостных врагов, подобный тем древним персам, которые безжалостно мучили евреев, требуя отречься от веры предков.

Он не любил, когда его обзывали Персом, но постепенно привык к своему прозвищу и перестал обращать внимание. Уже в зрелые годы, сидя за одним карточным столом, партнёры по игре обращались к нему исключительно по его прозвищу. Наблюдая за этим, я размышлял о том, как детское слободское прозвище прочно

приросло к нему на всю жизнь и стало его главным именем во взрослой жизни.

Прошли годы, жизнь развела нас по разным странам, но память о родных местах никогда не отпускала. Спустя десятилетия моя мечта — ещё раз побывать на могиле отца — становилась всё более навязчивой. Я боялся лишь одного: разочарования от встречи с современным Дагестаном, Дербентом и, конечно, моей махаллёй — Еврейской Слободкой. Знакомые, недавно побывавшие в республике, рассказывали, что Дагестан сегодня совсем другой, нежели пятнадцать-двадцать лет назад. Мой старинный друг и вовсе советовал выкинуть из головы саму идею этой поездки.

— Ты жестоко разочаруешься. Дербент сегодня — это большой аул, — с сожалением говорил он.

Но я в мыслях был уже там, на могиле отца, и остановить меня было невозможно.

Сказано — сделано. И вот мы в такси, по дороге на бывшую Родину. Найти в Кисловодске желающих поехать в Дербент оказалось трудно. Водители, услышав место назначения, наотрез отказывались даже обсуждать стоимость поездки.

— Мы туда не поедем даже за очень большие деньги, и вам не советуем. Ваш покойный отец поймёт вас и не осудит, — как один твердили таксисты.

Нам повезло: нашёлся один отчаянный молодой человек, который сразу сказал: «Да, я готов».

Мы проехали перевал, и вот открылась дорога на Дербент: осталось сто километров. Пейзаж вокруг был другим, нежели во времена моей молодости. Запущенные виноградники по всей трассе — как напоминание о том, что даже благоприятные природные условия не спасают без высокой культуры земледелия. Необходимы опыт и ежедневный труд. Когда-то даже зимой было приятно смотреть на эти бесконечные, ухоженные ряды. Но сегодня в Дагестане потерян интерес к этой отрасли. Великая Гюльбоор Давыдова, моя землячка, Герой Социалистического Труда, получившая это звание за рекордные урожаи винограда, увидав всё это, не поверила бы своим глазам.

О высокой эффективности труда евреев-земледельцев известно со времён царствования Соломона. По этому поводу знаменитый еврейский историк Иосиф Флавий гордо заявлял: «Мы занимаемся, главным образом, обрабатыванием нашей превосходной

земли». Евреи продолжали успешно заниматься земледелием везде, где только законы и социальные условия оставляли им такую возможность. Уже в советское время только в одном Дагестане среди кавказских евреев было восемь Героев Социалистического Труда.

Успех в значительной мере был обусловлен всеобщей грамотностью народа. Евреи — народ Книги. Танах и Талмуд, историческая память еврейского народа, ещё несколько тысяч лет назад установили законы возделывания земли: «Шесть лет засевай поле твоё и шесть лет обрезай виноградник твой, и собирай плоды их. А в седьмой год суббота покоя будет для земли». И далее: «Шесть дней ты будешь трудиться, а в седьмой день прекращай работу — и во время пахоты, и во время жатвы работу прекращай».

Мы с трудом нашли могилу отца. Приводя в порядок заросшую травой и колючками землю вокруг памятника, я мысленно беседовал с ним, рассказывая о своих удачах и проблемах. Просил совета, как жить дальше.

— Спасибо тебе, отец, ты всегда со мной. Мне очень везёт, когда ты мне снишься. Приходи в мои сны, я буду ждать тебя, — тихо шептал я, надеясь на то, что мои искренние молитвы дойдут до Бога.

Оставив на надгробном плите свой камень, который я носил с собой почти двадцать лет, я покинул это святое место.

Дербент разочаровал меня своей хаотичной застройкой и потерей исторического облика. Грязный, пыльный, неухоженный — как будто время остановилось здесь или пошло вспять. Хотелось поскорее уехать. То, что я увидел, ранило меня до глубины души: город стал чужим и непонятным.

Но, не побывав на Слободке, мы просто не могли покинуть Дербент, лишившийся для меня прежнего тепла. Прогуливаясь по улочкам моей махалли, вглядываясь во дворы в надежде встретить знакомое лицо, я случайно наткнулся на Хока — Юру Якубова. Он как ошарашенный смотрел на меня и не верил своим глазам.

Кстати, прозвище Хок я присвоил ему, потому что цвет его лица был серым, землистым, а «хок» в переводе с горско-еврейского языка означает «земля». От этого же корня идёт и наше суровое заклинание «Хок э серту», что буквально означает «Земля на твою голову».

— Англичан, это ты? — удивлённо спросил он. — Вы что, сговорились с Персом? Он тоже здесь, приехал со всей роднёй.

Юрий тут же отдал распоряжение супруге, чтобы та поскорее приготовила хинкал, и пригласил нас на обед. За столом мы вспоминали друзей и события прошлых лет. Перс, как старший в семье, жил в Москве. Эдик, его младший брат, и Нина, младшая сестра, теперь обосновались в Нью-Йорке.

— Вы специально прилетели из Нью-Йорка, чтобы побывать в Дербенте? — с нескрываемым удивлением спросил я. — Летели сутки на самолёте, чтобы просто побродить по Слободке? Вам что, нечего делать в Штатах?

— Чему ты удивляешься? Мы каждый год приезжаем сюда, живём неделю-другую в отцовском гнезде, а потом разбегаемся по делам. Мы даже прикупили участок по соседству, сделаем там небольшой садик, — вдохновенно говорил Перс. — Мы любим эти места. В этом доме сохранился дух наших родителей, ты это понимаешь, Англичан?

Я понимал его и искренне завидовал — тому, что он смог сохранить отцовский дом, ставший основой единства семьи. Завидовал, что у него есть место на земле, где человек может чувствовать себя свободным — родной дом.

Я не смог сохранить отцовский дом.

ГЛАВА 3

Выпив по несколько рюмок дербентского коньяка, который разливался в подвалах Слободки, мы ушли в пацанские воспоминания. Откинувшись на спинку кресла, я на мгновение задумался и как бы безразлично спросил Юру:

— Послушай, братан, где обитает Ханчук Тумкелиевский?

— Что, не можешь забыть? — наливая в стопки янтарную жидкость, с хитринкой взглянул на меня Юра.

«Как такое можно забыть?» — подумал я и снова в мгновение оказался в прошлом бесшабашного детства.

Ханчук Тумкелиевский. В одной руке — горбушка чёрного хлеба, в другой — несколько долек чеснока и головка лука размером с яблоко. Вот таким этот парень запомнился мне на всю жизнь. Чесноком он обильно натирал корочку и с аппетитом закусывал лук. По-другому он не обедал — они жили бедно. На Слободке редко

можно было увидеть его в рубашке, да и майку он носил нечасто. Бицепсы на руках и кубики на животе вселяли в слободских пацанов, зависть и уважение.

Море было его родной стихией. Он в одиночку утром заплывал за горизонт и только к обеду возвращался на берег. Его решения были окончательными в любом споре, никто не осмеливался перечить ему. Ханчук был неформальным лидером в нашей среде, но мы всячески сторонились дружбы с ним.

Его родители были престарелыми людьми. Отец, Тумкели, высокого роста, худощавый, был слеп на один глаз и косил на второй. Никто на Слободке не знал, чем он занимался и как зарабатывал на хлеб насущный. Мать, напротив, была маленького роста. Великая труженица, жила незаметно и так же тихо ушла из жизни.

Старший брат Ханчука, Алик, был уважаемым человеком в среде местных авторитетов. Держа в каждой руке по ножу, он мог одновременно вести диалог с несколькими дерзкими парнями города и всегда выходил победителем из разборок.

Средний брат уехал в Россию, дальнейшая его судьба соседей не интересовала. Он был неброским человеком, тоже косил на один глаз и обычно избегал уличных компаний.

Но зато сестра Ханчука, Мурка, была на языках у всей Слободки. Непривлекательная внешне, она стремительно появлялась в квартале и так же молниеносно исчезала. Мурка не придерживалась жёстких традиций горских евреек. Она была независимой, свободной и доступной.

Для многих пацанов Слободки Мурка стала той женщиной, которая позволила им впервые познать запретные грани взросления. Чаще всего она устраивала открытый театральный стриптиз, который завораживал и притягивал к себе как мощный магнит.

Мы рассаживались напротив и с нетерпением ждали, когда она закончит пересчитывать деньги, которые мы щедро платили за наглядное знакомство с женскими прелестями.

Она вечно выражала неудовольствие количеством собранных денег, но представление всё равно начиналось. Мурка садилась на высокую скамейку, её ноги свисали, не доставая земли. Медленно подбирая тонкое платье до самого живота, она с азартом наблюдала за нами.

Мы не понимали, от чего она получала большее удовольствие — от монет или от наших горячих, возбуждённых глаз. Это

продолжалось мгновение, но восторг успевал овладеть нами. Охватывало ощущение, будто только что сделал несколько глубоких затяжек из туго набитой планом папиросы.

Я несколько раз смотрел фильм «Однажды в Америке», и сцена взросления пацанов из еврейского гетто Нью-Йорка, которые копили центы на свидание с девушкой на крыше, чем-то напоминала нашу ситуацию. Правда, мы тогда толком не знали, что такое секс.

Но Ханчук вписался в историю моей памяти совсем по другому случаю.

— Эй, пацаны, кто хочет заплыть за горизонт? Кто из вас настоящий мужчина? — он откровенно насмехался, зная, что среди нас не было равных ему пловцов.

— Англичан, — обратился он ко мне, — тебе стукнуло тринадцать, ты уже можешь жениться. Давай, вперёд!

Он открыто потешался надо мной. Мы были ровесниками и ярыми соперниками. Если играли в футбол, то обязательно в противоположных командах. Горский еврей не может простить одного — насмешки. Восточное воспитание с кавказским акцентом формировало в нас сильный мужской характер. Слободские пацаны не ведали страха. Во всех потасовках вне нашего квартала они проявляли дерзость и смелость. И, конечно, большинство из нас приняли вызов и поплыли к горизонту.

Вскоре все благоразумно повернули назад, и только я вместе с Ханчуком оказался в открытом море. Я обернулся, но суши уже не увидел — вокруг простиралась лишь водная гладь. Только когда закатывалась волна, можно было разглядеть верхушки гор.

«Значит, мы уплыли слишком далеко», — в страхе подумал я. Но успокаивало одно: со мной был резиновый мяч. Я всегда брал его, когда пытался заплыть дальше, чем мог осилить. Но Ханчук вдруг вынырнул прямо передо мной, грубо выбил мяч из рук и поплыл с ним к берегу. Он быстро удалялся, и вскоре я потерял его из виду.

Панический страх парализовал движения. Руки и ноги налились свинцом, они онемели — казалось, конечности отказываются подчиняться моей воле. Я думал об одном: как удержаться на плаву. Плыть с поднятой головой было невыносимо — быстро уставали мышцы шеи. Двигаться, опустив лицо в воду, намного легче, но тогда я мгновенно терял ориентир. Плыть же с открытыми глазами казалось по-настоящему страшно. Передо мной

открывалась безграничная мгла; страх перед бездной ещё сильнее сковывал движения.

С тех пор прошло много лет. Помню своё обращение к морю: «Только не сейчас! Ты же знаешь, я тебя очень люблю». Откуда взялись силы и вера в себя — до сих пор для меня загадка. Сегодня море — единственный, надёжный и молчаливый мой друг.

Но я помню и другое... Когда я наконец выплыл, было уже темно. Моих вещей на берегу не оказалось, и я в одних плавках побрёл домой — усталый, но гордый и счастливый. Только тогда, когда я увидел толпу причитающих женщин, стремительно бегущих к морю во главе с мамой, я осознал, что случилось событие, всколыхнувшее Слободку.

Из памяти не уходит и другая история — наше футбольное противостояние с Ханчуком. На одной из баталий я умышленно искал с ним причину для раздора. Случай скоро представился, переросши в масштабную драку. Я никогда больше так жестоко, с остервенением не избивал человека.

Конечно, потом он не стал мне другом, но всегда с почтением и смиренно относился к моему мнению. А Ханчуку — большое спасибо за то, что научил меня плавать.

Покидая Слободку с горьким осадком на душе, я по дороге в Кисловодск вспоминал другого парня, который, как ангел-хранитель, вовремя оказался на моём жизненном пути — Мишу Ахсойского.

— Азарьев, немедленно выйди из класса! — Варвара Александровна, обернувшись к доске, продолжала спокойно выводить сложные математические формулы.

В классе воцарилась глубокая тишина. Чувствовалось, что учительница возмущена, но, немного успокоившись, нехотя, словно стесняясь своей строгости, добавила:

— Без матери в школу можешь не приходить. Ты с таким поведением восьмой класс вряд ли окончишь.

К слову, её уроки были самыми любимыми для меня.

— Варвара Александровна, почему я должен выйти? — пытался я возразить, а сам лихорадочно думал: «Вот это я попал!»

Горящая сигарета в ладони предательски дымилась, и я вынужден был спрятать её в карман нового, только что купленного мне к Песаху костюма. Что говорить матери, какие доводы приводить и как объяснить причину очередного вызова в школу? На эти вопросы я не находил ответов. А так чудесно начиналось весеннее утро! Никто

из друзей-одноклассников даже не попытался помочь. В то время я не курил, а должен был лишь передать эту злополучную сигарету дальше, где ее с нетерпением ждали.

— Сейчас урок математики, а не свободное время для курильщиков, — жёстко отреагировала Варвара Александровна.

— Но, Варвара Александровна, моя мама только на прошлой неделе была в школе. Вы же с ней встречались, что вы хотите ей ещё сказать?

Возражать было бесполезно: моя любимая учительница прекрасно знала, как себя вести со слободскими пацанами.

— Видимо, я не всё ей сказала или она не всё правильно довела до тебя. Если ты сейчас же не покинешь класс, из кабинета выйду я, — отрезала она, всем видом показывая, что не намерена отступать от своего жесткого требования,

Бедная моя мама, моё поведение приносило ей немало огорчений. «Не дай Бог о причинах моих походов в школу узнает отец», — говорила она мне каждый раз после очередной встречи с учителями. Но сама никогда не жаловалась на меня отцу. Ведомый этими грустными мыслями, я медленно плёлся домой, думая: чем позже скажу матери о требовании вновь обсуждать моё развязное поведение, тем спокойнее будет её реакция на это неприятное известие в канун Песаха.

— Эй, Англичан, — услышал я за спиной знакомый голос Миши Ахсойского, — что произошло, кто обидел? — широко улыбаясь спросил он.

Миша Ахсойский был слободским Аленом Делоном: высокий, чуть сутуловатый, но аристократичный. Чемпион города по боксу среди молодёжи, наш кумир и пример для подражания. С детства он рос без отца, они жили вдвоём с матерью. Тётя Ахсо была хрупкой женщиной. Она работала тяжело, стараясь держаться в стороне от слободских разборок, которые происходили беспрерывно. Никто из нас не спрашивал Мишу об отце.

Мы понимали, что наши отцы, ежедневно рискуя свободой, старались обеспечить нас всем необходимым. Они надеялись, что наступят времена, и их сыновья будут жить по другим экономическим правилам. Всё происходило на наших глазах, поэтому мы уже в раннем возрасте знали, как, когда и кому надо давать взятки. На Слободке многие мужчины или уже бывали в местах не столь

отдалённых, или продолжали отсидки, а отдельные имели открытые судебные дела. Поговаривали, что Мишин отец сидел в тюрьме.

— Миша, ты же знаешь, меня трудно обидеть, когда у меня есть такой друг и брат, как ты, — с усмешкой ответил я, а сам подумал: «Как жаль, что у меня нет старшего брата». Меня вдруг осенила идея, и Миша идеально подходил на эту роль. Только надо было уговорить его стать моим старшим братом хотя бы на короткое время и пойти со мной в школу к классной руководительнице.

— Миша, выручишь? В долгу не останусь, если всё пройдёт в ажуре, — я уже фантазировал, как он представится моим родственником. Воображал, как он внимательно и заинтересованно будет выслушивать претензии Варвары Александровны и строго грозить мне домашними карами.

— Англичан, ты же знаешь, я всегда готов помочь тебе, — ответил он уверенно.

Я рассказал обо всём, что произошло, и мы условились на следующее утро вместе пойти в школу.

— Варвара Александровна, мама неважно себя чувствует и попросила старшего брата прийти навстречу к Вам, — солгал я и глазом не моргнул.

Миша молча слушал претензии, которые накопились у классного руководителя ко мне за время учёбы. Очарованная элегантностью моего «старшего брата», она увлечённо перечисляла мои грехи и развязные выходки.

— Вы знаете, Михаил, было время, когда я называла его Ильюшей. Он одарённый и умный мальчик, лучший математик класса, но порой ведёт себя совершенно некорректно.

Мне нравилось, когда Варвара Александровна звала меня Ильюшей. Так нежно меня больше никто не называл. Уже потом, когда нельзя было скрыть свой возраст, а иногда хотелось немножко пофлиртовать, я говорил: «Меня зовут Ильюша».

Учительница, почувствовав искренний интерес Миши к моей школьной жизни, с воодушевлением продолжала подробно расписывать мои прегрешения. Вдруг сильнейший боковой удар в голову свалил меня с ног. Я попытался привстать, как второй удар, но уже, с другой стороны, окончательно уложил меня на пол. Я устремил на Мишу взгляд, полный ярости и недоумения, а Варвара Александровна была в шоке.

— Михаил! Пожалуйста, успокойтесь, это совершенно неприемлемый метод воспитания! — Она пыталась убедить его быть со мной доброжелательным и проявить ко мне братское терпение.

— Да, конечно, уважаемая Варвара Александровна, мы обязательно ласково обсудим это с ним ещё и дома. В классе он больше Вас огорчать не будет. Вы можете быть уверены, я Вам обещаю.

По дороге домой Миша сказал мне всего несколько слов, которые остались в моей памяти навечно.

— Послушай, брат, если ты хочешь остаться на Слободке и стать еврейским бродягой, можешь продолжать вести себя в школе агрессивно и вызывающе. Твои выходки — это не просто баловство. Ты не знаешь и не можешь прочувствовать, что значит жить без отца, и не дай Господь Бог познать тебе это в будущем. Своим плохим поведением ты сжигаешь время, отведённое Господом Богом твоему отцу. Береги отца, будь достойным сыном хорошего человека.

Спасибо тебе, дорогой Миша Ахсойский. Творец тогда в нужное время направил мне на помощь Ангела-Хранителя.

Безразлично вглядываясь из окна уезжающей машины в чужие дома Слободки, хозяевами которых давно стали другие люди, я пытался мысленно заглянуть в их дворы. Хотелось представить, кто они — эти новые владельцы некогда родных нам очагов. И почему-то подумал: будь рядом с Русланом такой человек, как Миша Ахсойский, его жизнь пошла бы совсем по другому сценарию.

Во все времена и у разных народов деньги были важнейшим стимулом и мерилом устремлений человека. Да и сегодня они остаются главным фактором успеха. Тот, кто первым сказал, что счастье не в деньгах, а в их количестве, попал в самую точку. Понимаешь это тогда, когда начинаешь видеть, как на самом деле всё течёт и меняется. Появляются новые желания, а средств, как всегда, не хватает, ведь твой карман — это не волшебный сундук Аладдина.

У большинства пятнадцатилетних пацанов, не было богатых родителей. Материальные блага для нас не имели особого значения, да и ценности нашей тогдашней жизни были совершенно иными. Слободка по своим социальным и финансовым параметрам в большей степени походила на современный израильский кибуц. Мы жили единой семьёй в одном безденежном и информационном пространстве, поэтому все обо всём знали всё. Но новость о

страшной и неизлечимой болезни отца Руслана застала Слободку врасплох.

Дядя Хануко, заведующий складом спиртов на коньячном комбинате, был уважаемым человеком. Он жил замкнуто, основываясь на базовых еврейских принципах. Никогда не выпячивал превосходства над соседями и не выставлял свою значимость напоказ. Но все знали, что он был богатейшим жителем города.

Человек предполагает, а Бог располагает — Всевышний определил ему короткое время на земле. Врачи дали отцу Руслана максимум год. Вскоре Руслан бросил учёбу и на время исчез из поля зрения нашей компании. Чуть позже стало известно: он начал работать с отцом на складе спиртов коньячного комбината.

Мы в глубине души верим, что у отцов, особое предназначение перед сыновьями. В этом, наверно, заключается магическая, неразрывная связь поколений. Мы хотим, чтобы наше видение и понимание происходящего воспринималось ими как единственная реальность. Думаем, что только с помощью наших советов они смогут успешно справиться с современными вызовами. Но мы часто оказываемся наивными. Прежде чем поймём свои ошибки, пройдёт много времени, а жизнь наших сыновей в этот период может просто не вписаться в реалии современной действительности.

Дядя Хануко, конечно, мечтал, чтобы его единственный сын был счастливым и состоятельным человеком. О таком доходном месте в столь юном возрасте можно было только фантазировать. Он, наверно, предполагал, что своими действиями делает великое благо для Руслана и его сын всегда будет при больших деньгах.

Вскоре дядя Хануко скончался, не прожив обещанного врачами срока. Руслан в семнадцать лет стал хозяином крупнейшего склада спиртов на одном из самых известных коньячных комбинатов страны. За короткий срок, из беззаботной юности, наполненной пацанскими шалостями, побегами с уроков и слободскими разборками, он стремительно перешагнул во взрослую жизнь, с её трагическими поворотами судьбы.

Жестокая, беспощадная, непредсказуемая правда жизни не обошла стороной судьбу Руслана. Он впоследствии рассказывал, что золотой дождь лился на него отовсюду. Оказавшись среди этого изобилия, он потерял интерес к материальным благам, вёл себя дерзко и агрессивно. Его партнёрами за карточным столом были

самые отпетые в городе искатели приключений, которые не давали ему никаких шансов на выигрыш. Казино, а также притоны, где обитали девушки лёгкого поведения, стали его излюбленными местами. Наставников у Руслана не было.

Умные люди пытались давать ему добрые и разумные советы, но он их не слышал. Воспалённое сознание от многочисленных бессонных ночей и постоянного стресса не позволило неокрепшему духом молодому человеку реально оценить сложившиеся обстоятельства. Богатство, которое крутилось вокруг него, не соответствовало его разуму, и он сгорел. Руслан провёл в тюрьмах и лагерях свыше двадцати лет жизни…

Из Книги Притчей Соломоновых: «Приобретай мудрость, приобретай разум... Не оставляй её, и она будет охранять тебя; люби её, и она будет оберегать тебя. Главное — мудрость: приобретай мудрость, и всем имением твоим приобретай разум. Высоко цени её, и она возвысит тебя; она прославит тебя, если прилепишься к ней; возложит на голову твою прекрасный венок, доставит тебе великолепный венец».

Откуда было взяться разуму и мудрости у пятнадцатилетних слободских пацанов, если с этого возраста, когда только-только формируется сознание молодого человека, в нашем мозгу культивировались безрассудство, тяга к вину, анаше и блатная лирика?

Дурной пример заразителен, поэтому отъявленные преступники и авторитетные воры в законе становились кумирами честолюбивых, обманутых своекорыстием и уязвлённых тщеславием юношей. Чаще всего это была публика, которая мечтала любой ценой снискать себе славу, стать богатыми, значимыми и великими людьми, пусть даже совершая преступные деяния. Им казалось, что их гордыня, легко трансформирующаяся в высокомерное себялюбие, — это тонкий и изысканный способ стать известными, завоевать доверие окружающих и исполнить своё предназначение в современном мире.

— Илья, ты что, мотал срок? — с неким удивлением, но совершенно серьёзно спросил меня Валерий, мой старинный знакомый, полковник запаса, прошедший последние войны России.

— Да, конечно, аж несколько сроков, — интригующе ответил я, а затем продолжил: — Последний отмотал несколько месяцев назад, и вот поэтому поводу я вас всех собрал на эту вечеринку.

Я сказал это в шутку, но тут же последовал ещё вопрос, более конкретный.

— А где ты мотал срок? — продолжал допытываться Валерий.

— На ударных комсомольских стройках: на одной — шесть лет, а на двух других — по три года, — ответил я ему.

Видимо, моё попурри на тему блатных песен, которое я довольно раскованно напевал в машине, и навело моего друга на столь странные расспросы.

— Ты настолько душевно поёшь лагерные песни, вот я и подумал, что ты реально мотал срок, побывал в местах, не столь отдалённых. Но где, чёрт возьми, ты так научился петь блатняк? — спросил он меня и начал подпевать знакомые ему мотивы.

— Где я научился? На Еврейской Слободке! И связано это с человеком, который молниеносно вошёл в жизнь слободских пацанов и надолго остался в нашей памяти, — ответил я.

Кем был этот человек и откуда пришёл к нам в квартал, мы не ведали и не хотели знать. Мало ли залетных мужчин появлялось у нас. Они отсиживались и так же незаметно исчезали, оставив в наших неокрепших юношеских головах одурманивающее впечатление.

Мы быстро придумали ему прозвище — Радж. Он имел красивый, мужественный восточный профиль, с длинными тонкими усами над чётко очерченными чувственными губами. Всегда чисто выбритый и ухоженный молодой горский еврей. Его классная игра на гитаре и почти профессиональное пение лагерного фольклора о матери, отце, тюрьме, пропитой и прокуренной молодости, неверных и преданных друзьях, восторженной и трагической любви длились бесконечно. Он получал свой кайф от слободских пацанов, благодарных слушателей его задушевных баллад.

Аплодисментов не было: глубокая тишина во время его импровизированных выступлений на посиделках в махалле была нашим искренним и восторженным признанием его таланта. Репертуар не менялся, но каждый раз песни звучали по-новому, в зависимости от настроения Раджа. Мы чувствовали, проникая в тайны его души, эти свежие оттенки в звучании его голоса. Многократно прослушанные, знакомые до боли слова из популярных блатных мотивов в исполнении Раджа воспринимались иначе — с особым интересом и глубоким пониманием судьбы наркоманов, бродяг и воров. На море эти мелодии звучали особенно романтично, и

вскоре они стали нашими главными хоровыми песнями. С ними мы начинали поход на пляж, и с ними же возвращались домой.

Мы думали, что про блатной мир так чувственно может петь только человек, который сам испытал все тяготы той жизни. Но никаких внешних признаков в его поведении и поступках, даже мелких наколок, свидетельствующих о том, что Радж побывал в тюрьме или «на зоне», мы не видели. Его тонкие длинные пальцы с ухоженными ногтями, виртуозно перебирающие струны гитары, наоборот, говорили об обеспеченном человеке, живущем в совершенно другом измерении — мире достатка и свободных людей.

Радж стал нашим кумиром, мы с нетерпением ждали новых встреч с ним. Усаживаясь вокруг, мы с его балладами преодолевали необъятные пространства, и такие ранее неизвестные нам города и страны, как Магадан, Колыма, Пакистан и Афганистан, становились ближе. Словно всё это было совсем рядом — стоило нам только выйти за пределы нашей махали, и мы непременно встретимся со всеми героями его песен.

Вскоре в Дербенте прошёл слух, что обворован дом одного из самых богатых горских евреев города. Никто на Слободке не горевал по этому поводу, наоборот, только злорадствовали: бедные люди в большинстве своём социалисты. Всех интересовали только подробности этого дерзкого налёта. Говорили, что из жилища вынесли буквально всё. Сплетничали и пересказывали разное — у нас это было любимым развлечением, и не только среди женщин. Через неделю за одну ночь обчистили ещё две еврейские семьи.

Залётные воры-домушники действовали профессионально, нагло и очень выборочно: обкрадывали только богатых евреев города. В окнах многих домов появлялись массивные металлические ограждения, а во дворах — злые собаки. Несмотря на это, обкраденных семей становилось всё больше. Радж продолжал собирать нас на свои импровизированные концерты, которые плавно переходили в дискуссионные клубы. На них мы живо и горячо обсуждали последние воровские новости, гадая вслух, кто в следующий раз будет обкраден. Удивительно, но наши прогнозы почти всегда сбывались.

В одно прекрасное утро Слободка взорвалась. У нас были арестованы несколько уважаемых отцов семейств, сыновья которых вместе с нами зачарованно слушали песни нашего залётного певца. Радж оказался профессиональным вором-домушником,

возглавлявшим банду воров-любителей и наводившим долгое время страх и панику на уважаемых горских евреев Дербента.

ГЛАВА 4

Блатная жизнь с детских лет входила в сознание пацанов на Слободке, некоторые из них стали наркоманами и прошли не одну тюрьму. Ещё пара неверных поступков — и кто знает, где бы я сейчас писал свои рассказы...

Популярное кафе на четыре столика в самом центре Кисловодска было почти пустым. Здесь всегда можно было выпить чашку ароматного, лучшего в городе кофе, который по-восточному варила привлекательная барменша. Её соблазнительная упругая грудь с выразительными формами привлекала многих мужчин, и она эти умело пользовалась.

За крайним столиком у окна сидел мужчина лет пятидесяти. Он медленно вертел в руках пузатый хрустальный бокал, наполовину наполненный коньяком, слегка поглаживая длинными тонкими пальцами прозрачные стенки. Посетитель с притворным воодушевлением изучал содержимое бокала и без всякого интереса рассматривал прохожих, прогуливающихся после обеда по Курортному бульвару.

Мы с другом шумно, по-хозяйски уселись за соседний столик, не обращая внимания на скучающего незнакомца, который с презрением посмотрел в нашу сторону. Вызывающее поведение новых гостей вывело его из состояния блаженного одиночества и приятных воспоминаний. Его можно было понять, поэтому мы легко простили ему недружелюбный взгляд.

— Хотите, я вас угощу хорошим дагестанским коньяком? — неожиданно обратился к нам случайный сосед.

Конечно, было бы неплохо воспользоваться таким щедрым, ни к чему не обязывающим предложением, но незнакомец был уже навеселе, и нам совершенно не хотелось заводить с ним пустые разговоры. Да и хорошего дагестанского коньяка сегодня днём с огнём не найти.

— Мадам, — самоуверенно, не дожидаясь нашего одобрения, обратился мужчина к барменше, — пожалуйста, два бокала по сто грамм лучшего дагестанского коньяка молодым людям за мой счёт.

Он смотрел на нас вызывающе высокомерно, словно олигарх, случайно заблудившийся и снизошедший на грешную землю, а мы — простые обыватели, возникшие чёрт знает откуда, — мешаем ему созерцать красивую барменшу. Внимательно присмотревшись к собеседнику, ничего необычного я в нём не заметил. «Хорохорится, — подумал я, — ну что же, давай поиграем в крутых парней».

— Мы пьём только французский коньяк, — попытался я подыграть незнакомцу.

— Хорошо, пусть будет французский, — снова повернулся он к барменше. — Какой самый лучший в наличии? — спросил он тоном, исключающим возражения, и продолжил: — Бутылку французского коньяка парням на стол, пусть пьют за моё здоровье! — И немного помолчав, добавил: — Хотя дагестанские ничем не уступают.

Хороший дагестанский коньяк можно было приобрести только на Еврейской Слободке Дербента — в подвалах домов рабочих, грузчиков и проводников коньячного комбината. Эти парни были элитой подпольного бизнеса, а Гаврош являлся безоговорочным лидером среди них. Чёрные кудрявые волосы и тонкие черты лица делали его похожим на эфиопского принца. Безупречно одетый в дорогие костюмы и туфли на высоком каблуке, он был везде узнаваем.

Деньги Гаврош держал во внутреннем кармане пиджака без всяких портмоне. Если надо было расплачиваться, он доставал пачку новеньких купюр самого высокого номинала. Именно он определял, какому проводнику и в какой город СССР сопровождать груз, каким должен быть коньяк в вагоне — разливным или в бутылках. Для профессиональных проводников всё имело значение, особенно протяжённость рейсов. Они платили за место, потому что несколько успешных поездок позволяли им стать частью слободской верхушки, а это дорогого стоило. Вокруг Гавроша собиралась состоятельная публика из многих городов страны. И именно у него впервые появилась своя охрана.

Гаврош позвонил неожиданно:

— Сегодня ночью наш состав в вашем городе, стоянка несколько часов. Приходите в гости, угостим хорошим коньяком.

В вагоне, доверху заставленном ящиками с коньяком, вовсю кипела работа. Бродяги с вёдрами воды деловито сновали от перрона к поезду. Ноу-хау Гавроша — «живой водопровод». С помощью несложного инструмента из толстой проволоки «специалисты» проворно снимали полиэтиленовые пробки с бутылок. Откупоривание тары требовало навыков и строгой последовательности. Затем к делу подключались «виноделы»-самоучки: из бутылки выливалось сто пятьдесят граммов коньяка, а вместо него наливалось столько же воды. Весь этот фальсификат затем продавался в ресторанах и кафе по большому блату.

Это фантастическая, сплошь выдуманная история далёкого прошлого моих земляков из Еврейской Слободки Дербента. Но в этом коротком рассказе есть и горькая правда жизни — многие из проводников возвращались домой в цинковых гробах.

А если подумать серьёзно, где бы я оказался, если бы этот коньячный комбинат на колёсах, производимый фальсификат накрыли милиционеры? Кто бы обратил внимание на то, что я был лишь случайным гостем?

— Эй, Илья, ты что, размечтался? — послышался мне нежный, мягкий голос жены. — На следующей остановке Бен-Гурион, нам выходить, — сказала она и вкрадчиво посмотрела на меня: — Небось вспоминаешь свою Шурочку?

— Какую Шурочку?! — всполошился я, хотя её-то я никогда не забывал.

Небольшая комната, с трудом вмешавшаяся празднично накрытый стол, была наполнена любимыми запахами детства. «Пахнет, как в родном доме, маминой стряпнёй», — подумал я, забившись в угол дивана. Воспоминания о доме, пацанах и девчонках со Слободки, которых судьба разбросала по всему свету, были грустны, но приятны. Я отстранённо наблюдал за происходящим. Шура, хозяйка дома, суетилась, как будто опаздывала к чему-то важному. Она без конца приносила угощения, для которых тщетно пыталась найти на столе место.

Я поймал её взор — быстрый, брошенный украдкой. В нём читались восторг, сожаление и горечь.

Много лет назад я видел эти глаза, и тот пронзительный взгляд запомнился мне до сих пор. Мы провожали её всей Слободкой, она была первой с нашей улицы, уехавшей в Израиль. Прижавшись друг к другу в узком проходе купейного вагона, я мог позволить себе лишь одно — смотреть на неё. Тогда её глаза были точь-в-точь как сейчас: живые, задорные, красивые. Но сегодня они стали другими — далёкими и совершенно чужими.

Шура, центр и глава большой еврейской семьи, спустя много лет и вдали от родных мест смогла сохранить дух слободской жизни. Её дети и внуки — крепкие, красивые люди — и здесь, за океаном, сохранили кавказскую идентичность. Нью-Йорк, бурлящий человеческим потоком различных национальностей, стал для них родным. Жизнь в этом мегаполисе настолько полна возможностей, что не найти себя в нём просто непростительно.

Горские евреи не упустили свой шанс, эта огромная гавань стала частью их судьбы. Здесь они смогли проявить способности; они твёрдо стоят на земле, которая стала для них новой Родиной. Мне было легко и комфортно среди них.

Казалось, я во сне, и передо мной проходит безмятежное прошлое. Будто я за семейным застольем у моих слободских друзей, и стоит только подняться, пройти через маленький дворик, выйти на улицу, подняться вверх по 4-й Красноармейской всего несколько десятков метров — и я снова у себя, в отеческом доме на Слободке. Мама спешно откроет ворота, а затем, торопливо поднимаясь по лестнице, как всегда, пробурчит под нос: «Когда же ты, наконец, будешь возвращаться домой раньше отца?»

Но я сейчас в Нью-Йорке, до родного дома целая вечность, мне уже никогда до него не дойти, если только в другой жизни. И никто меня больше не порицает — некому, я одинокий человек, еврейский бродяга.

Почти все гости собрались у праздничного стола. Однако Шура, извинившись, попросила подождать.

— Мой сын с супругой запаздывают, они вот-вот прибудут, и мы сядем обедать, — с некоторым смущением обратилась она к собравшимся.

Наконец появились долгожданные гости: широкоплечий, коренастый мужчина лет тридцати пяти и молодая, красивая, похожая

на восточную принцессу женщина. Мне повезло — она села напротив, и я мог насладиться её красотой и обаянием. Её муж, весельчак и разговорчивый человек, увлечённо травил смешные истории из жизни горско-еврейской синагоги Нью-Йорка. Она же не проронила ни слова, только иногда кивала в знак согласия с тем, о чём её супруг так азартно рассказывал.

«Фантастически красивая женщина с умными глазами, и умеет молчать. Повезло парню», — подумал я и еле слышно прошептал под нос:

— И где, Господи, они находят таких женщин?

— В синагоге, — так же тихо ответил мне Адам, мой старинный слободской друг, сидящий рядом.

Поезд памяти завершает круг, возвращая меня из залитых солнцем, шумных, весёлых улочек и переулков дербентской Слободки в реальность.

Ганс, Перс, Ханчук, Руслан, Миша Ахсойский, Радж, Гаврош, Шура… Кого-то из моих сверстников давно нет на свете, кто-то разбросан по городам и континентам — от Москвы до Нью-Йорка. Но пока жива память, они все так же молоды, дерзки и бесстрашны, какими были в нашей беспечной юности.

Слободка была суровой школой. Она учила выживанию, испытывала на прочность шальными деньгами, воровской романтикой, карточным азартом и безграничными морскими просторами. Кто-то сгорел в пламени безрассудных поступков, а кто-то, благодаря ангелам-хранителям и мудрости отцов, смог устоять, сохранить разум и найти свою дорогу в счастливую процветающую жизнь.

Большинство из нас уехали оттуда, оставив в прошлом свои дома и могилы отцов и матерей. Но сегодня, спустя десятилетия, я точно знаю: можно уехать из Слободки, но Слободку из своего сердца забрать невозможно. Она навечно соткана из наших мечтаний, пацанского смеха, запаха чесночной горбушки и шума каспийской волны. И этот невидимый скоростной поезд «Израиль — Дербент» всегда будет ждать своих пассажиров. Потому что там, в этих узких улочках и переулках, осталась наша душа.

— Надеюсь, дорогой, тот чудесный подарок твоей матери от меня ты не забыл взять с собой? — голос жены оборвал мои воспоминания.

Поезд плавно замедлял ход, подкатывая к перрону терминала аэропорта Бен-Гурион. Мой внутренний экспресс памяти сделал круг, и впереди был долгий, изнурительный маршрут в Дагестан: перелёт, пересадки, нудные продолжительные досмотры и, наконец, финальный отрезок пути на машине до самого Дербента.

И вот, оставив позади тысячи километров и дорожную усталость, я переступаю порог родного дома.

Каждый раз, возвращаясь в Дербент, я с живым интересом перебирал старинные фотографии. Они уже семьдесят лет бережно хранятся в нашем семейном фотоальбоме. В последнее время эта тихая увлечённость, заполняя одинокие вечера во время моего короткого пребывания в родных стенах, стала частью моего существа.

Именно в эти часы реальное пространство — будь то Волгоград или Дербент — растворяется в сознании. Мысли улетают в пятьдесят лет назад: на пыльные улочки Слободки к рыжему Гансу, суровому Ханчуку, к его распутной сестре Мурке, гостеприимному Хоку или к ночной электричке со Стеллой. В идеальной тишине воспоминаний и созрел замысел этой книги.

Даже мыслители Древней Греции склонялись к мнению: ничто в жизни не происходит просто так, у каждого события есть начало и продолжение. И если моё творчество — это удивительное чувство, происходящее по воле Всевышнего, а я не в силах противостоять этой идее, значит, в моей жизни вновь, как и при работе над первой книгой, произошло счастливое провидение, которое я не могу — да и не хочу — игнорировать.

Откровенно говоря, было тяжело. Я не раз стоял на грани отказа от этой мысли, которая с каждым днём проникала всё глубже в сознание, превращалась в безумную идею с минимальным шансом на успех.

Труд писателя — это работа на износ, требующая колоссального напряжения сил. Это осознанное затворничество, позволяющее отстраниться от суеты и полностью погрузиться в сюжетную линию повествования. Жизнь в мире грёз и воспоминаний, скрытом от чужих глаз и суждений. Я чертовски устал от одиночества, необходимого писателю. Однако внутренний порыв, овладев разумом, заставлял забыть обо всём на свете, оживляя в памяти образы родных людей.

В поисках правды пришлось переоценить патриархальное прошлое семьи и отношения между её членами, взглянув на них с

высоты накопленного опыта. Передо мной стояла нелёгкая задача: осознать свой путь, понять, кто я, кем были давшие мне жизнь предки, и осмыслить их влияние на формирование моего характера — со всеми его достоинствами и недостатками.

В молодые годы, и даже когда седина посеребрила волосы на висках, я не задумывался об этом. Кому охота в расцвете сил, когда жизнь бьёт ключом, а впереди бесконечно много времени для беспечных планов и кажется, что чёрный верблюд смерти, предначертанный судьбой, ещё даже не родился, изучать семейные хроники? Прошлое тогда кажется чем-то скучным и застывшим.

Но книга заставила меня внимательно вглядеться в старые фамильные фотографии. Они стекались со всех концов света — даже из Канады и Австралии. Меня поразило, до какой степени по миру разбрелась моя родня. С этими пожелтевшими карточками я с головой погрузился в лабиринты истории давно ушедших предков, проникаясь живым интересом к их непростым судьбам.

Я искал крупицы правды: кем были мои предки и как оказались в Дербенте? Мне хотелось знать о них всё: как они жили, как выживали в суровые времена и зарабатывали на хлеб насущный.

Потеря корней — незаживающая рана. Только в почтенном возрасте приходит понимание того, что в нас течёт кровь людей с разной судьбой. История семьи — это не просто список имён, это их поступки: благородные или бесчестные.

Смотрю в зеркало и задаюсь вопросом: кто я? Каким ветром меня занесло в суровый мир горских евреев, где власть отца абсолютна, а его слово — закон? То, что начиналось как побег от повседневных стрессов, превратилось в страсть, всецело поглотившую мои мысли.

Старинные фотографии с характерным жёлто-коричневым оттенком сохранили ключевые моменты: знакомство родителей, свадьбы, религиозные праздники. Они давали возможность снова взглянуть на родные лица.

Осмысление своей принадлежности к крепкой патриархальной общине, где не принято переживать беду в одиночку, помогало ощутить себя частью большой истории. Именно эти вековые устои не позволяли выставлять семейные раздоры напоказ. Я сохраню эту традицию, проявляя чуткость к памяти ушедших. И пусть ревнители старых порядков или завистники говорят что хотят — это уже не имеет значения.

В общине горских евреев испокон веков ценилось живое общение. Однако в тесных, закрытых сообществах слухи о чужих «скелетах в шкафу» разлетаются мгновенно.

Сколько себя помню, атмосфера в нашем доме была далека от кавказского идеала. Мои дни проходили в тревоге и ожидании семейных скандалов. Я был лишён душевного покоя. Как в такой обстановке я ухитрялся хорошо учиться — до сих пор ума не приложу.

Иногда случалось и такое, о чём сегодня стыдно вспоминать. Тем не менее я без утайки расскажу о судьбах родных и друзей, которые навсегда врезались в мою память, — о событиях, что и сегодня отзываются в сердце эхом былой боли и не отпускающей тоски.

В основе моего повествования лежит старинный фотоальбом, обтянутый тёмно-коричневой кожей. Объёмное тиснение из белого металла когда-то придавало ему весомый вид, но серебряная фольга со временем потемнела, приобретя жёлто-серый отлив. Однако рельефный каллиграфический орнамент, состоящий из первых четырёх букв алфавита священной Торы, превращает его из простого хранилища снимков в ценную книгу моего рода.

Разбирая фотографии, воссоздающие дух ушедших времён, я словно переношусь в кинозал и смотрю хронику моей семьи. Воспоминания о прошлом пробирают до глубины души, а сердце замирает от избытка эмоций.

В детстве я делил кров со своими кузенами и знаю истории их жизни не понаслышке. Я правдиво расскажу о переломных моментах их судеб, начиная от старших поколений и заканчивая моими близкими. Их драмы врывались в мою жизнь внезапно, без предупреждения — а кто знает, может, всё это было предрешено свыше.

Истории, которыми я делюсь, абсолютно реальны. По драматизму они могли бы стать основой для большой семейной саги. Вглядываясь в лица на фото, я вспоминал характеры, привычки и личные трагедии близких.

К сожалению, время неумолимо, и даже моя память теряет хвалёную чёткость. Образы дорогих людей постепенно тускнеют и уходят в далёкое прошлое. Даже облик моего отца — самого близкого человека — почти стёрся из сознания.

Но стоило взять в руки фотоальбом и перелистать страницы, как люди на снимках мгновенно, словно по волшебству, оживали. Капля воображения — и я уже свидетель сердечного, доверительного разговора моих родных. Хотя я знал: за этой иллюзорной картинкой скрывались затаённые конфликты, которые порой перерастали из лёгких споров в разрушительные скандалы. Поводов для разногласий у нас было великое множество. Я поделюсь этими глубокими, порой невероятно трагическими сюжетами, но отчётливо понимаю границу дозволенного: моё откровение не должно превратиться в обыкновенные сплетни.

Старые снимки будили щемящую ностальгию. Я словно вернулся домой после долгой разлуки и чудом оказался среди близких и друзей. Это люди, которые были со мной в беззаботном детстве, бесшабашной юности и незаметно ушедшей молодости. Счёт времени теряется — как же давно это было!

Недавно торговец овощами назвал меня дедушкой. «Какой же я тебе дед?!» — едва скрывая гнев и раздражение, возмутился я про себя. А поразмыслив, понял: он обратился ко мне почтительно, с восточным уважением. Видимо, я действительно уже так выгляжу.

Многих парней, с кем часами просиживал за карточным столом, пил вино, ел шашлыки и вёл откровенные разговоры о женщинах, я проводил в последний путь. Я держусь, хотя и в моей жизни произошли перемены, которые вряд ли вызвали бы чью-то зависть. Но притворяться равнодушным к своей судьбе, изображая апатию, — значит обманывать себя. А это точно не обо мне.

Мечты о прошлом брали верх над сиюминутными амбициями. Они требовали не сдаваться, напоминая: только постоянный, упорный труд держит мужчину на плаву. Живые образы ушедших лет помогали мне верить в будущее, укрепляли стойкость и давали силы, чтобы завершить эту книгу. Я искренне верю и твёрдо надеюсь, что судьбы моих близких, правдиво описанные на этих страницах, отзовутся в сердцах читателей теплотой и помогут им по-новому взглянуть на собственные корни.

ГЛАВА 5

Бывая дома, в привычной обстановке, я старался быть предельно вежливым и чутким к маме. После смерти отца она долго не могла вернуться к прежней жизни, и мне не хотелось нарушить границы её хрупкого мира. Её одиночество в четырёх стенах вызывало у меня тревогу. Те короткие дни, что я проводил дома, не решали ничего. Напротив, когда приходило время прощаться, на душе становилось скверно, словно кошки скребли. Даже спустя неделю после отъезда тоска и беспокойство за неё не оставляли меня, а чувство несправедливости к её непростой судьбе только усиливалось.

Каждый мой приезд был для мамы грандиозным праздником. Всё то время, что я гостил дома, она безумно баловала меня, у неё не было никаких рамок и границ. Главной её заботой было досыта накормить меня, и она чудесно справлялась с этим. Мама пережила тяжёлые времена детдомовского голода, когда горячая, вкусная еда считалась недосягаемой мечтой. В её подсознании намертво закрепился закон: если ребёнок сыт — значит, он в безопасности, и у него будут силы бороться с трудностями.

Мне была приятна её забота. С самого утра она с искренней нежностью спрашивала: «Что ты будешь на завтрак?» — и, не ожидая ответа, тут же уточняла меню на обед и ужин. Она ежедневно творила чудеса на кухне, создавая атмосферу домашнего уюта, в которой хотелось остаться навсегда. Её любовь вдохновляла и согревала своей сердечностью и материнской заботой.

Кто из нас не мечтал хоть ненадолго вернуться в беспечное детство — туда, где можно было просто быть собой? Где мама готова понять, помочь, дать мудрый совет и беззаветно защитить от житейских невзгод.

Только прожив жизнь, получив сокрушительные удары судьбы и столкнувшись с предательством близких, мы понимаем: мама — единственный человек на земле, кто любил тебя просто за то, что ты есть. Без условий и сухого расчёта. В детстве мы мало мечтаем — в те годы наша жизнь сплошная фантазия. И поэтому беззаботное детство остаётся единственным местом, где можно, хотя бы в мыслях, сбросить груз проблем и попытаться начать всё с чистого листа.

Порой излишнее внимание матери к мелочам утомляло, но её блюда были настолько вкусными и сытными, что раздражение само собой покидало меня, не оставляя следа.

Вкус густого, кисло-сладкого, багрового цвета борща с жирным мясом и холодного винегрета до сих пор остаётся на кончике моего языка. Нежирное мясо мама не признавала, она всегда говорила: «Из постного мяса хороший борщ невозможно приготовить». Винегрет она обычно готовила целым эмалированным ведром, и его с лихвой хватало на неделю. На третий день этот зимний салат настаивался, становился насыщенным, а потому казался ещё вкуснее.

А чуду с тыквой, овечьим сыром и свежей зеленью — от укропа и петрушки до пикантной рукколы, базилика и пряной кинзы — в сочетании с борщом делали каждый обед незабываемым. Эти тонкие лепёшки из пресного теста с начинкой мама жарила на сухой сковороде без капли масла.

Много лет спустя, бывая в гостях у младшей сестры в Израиле, я объедался её волшебными чуду. Настоящее изобилие — глаза разбегались от разнообразия начинок! Вглядываясь в моё поражённое лицо, сестра искренне улыбалась: «Ты же любишь, ешь на здоровье! А что не съешь, я положу тебе в дорогу».

Я снова в родных стенах. Сердечно обнимая маму, я поймал себя на мысли, что, несмотря на затянувшееся одиночество, она держится молодцом. И вновь, в который уже раз, я уговаривал её переехать к нам, в Россию. Но она снова была против.

— Нет, сынок, пока я не готова насовсем покинуть свой дом, — мягко освободившись из моих объятий, мама смущенно посмотрела на меня, а затем твёрдо сказала: — Прежде всего, здесь могила твоего отца. Во-вторых, мне и здесь неплохо живётся. — Это, конечно, благодаря тебе, — успела она добавить чуть погодя.

А финальный довод против переезда прозвучал просто и убедительно. Опустив мокрые от слёз глаза, она приветливым, спокойным голосом произнесла:

— Где же вы будете жить, бывая здесь на море?

Мне казалось, наши споры на эту тему никогда не закончатся, а лишь обострятся при каждой встрече.

Пообедав с превеликим аппетитом, я всем сердцем ощутил домашний уют и тепло. Сытная, приготовленная с любовью еда вернула мне тот абсолютный душевный покой, который я чувствовал

всегда, едва переступая порог родного дома. Внутренний голос подсказывал: всё встало на свои места. То, что материнский обед гораздо лучше авторской кухни в самых фешенебельных ресторанах столицы, было безоговорочно подтверждено моим прекрасным настроением и зарядом бодрости.

Вдоволь пообедав, я уединился, чтобы в домашней тишине расслабиться и подумать о своей суетной жизни. По привычке, как всегда, после возвращения с моря, я улёгся на сумахе — эти безворсовые ковры всегда играли особую роль в быту и были незаменимы в каждом кавказском доме.

Положив под голову подушку, я укрылся старым маминым шолом — шерстяной шалью, похожей на плед. Её мягкая шерсть, приятно согревая, напоминала о далёком детстве. Тепло разлилось по телу, проникая в потаённые уголки души, но мысли не давали покоя. Сердце замирало, готовое в любой момент выскочить из груди, словно хотело сказать: «Парень, у тебя проблемы».

Было из-за чего волноваться: скелеты в моём шкафу стали настолько очевидны и агрессивны, что готовы были вывалиться наружу. «Что тебя тревожит? — думал я. — Мама, слава Богу, жива, здорова и обеспечена». Но сознание, вопреки внешнему благополучию, не унималось.

Мама, словно сговорившись с моим внутренним голосом, всё чаще заводила разговоры, которые заставляли задуматься. Разве можно скрыть правду от матери? Нет, это невозможно — она всё постигает сердцем и без слов. Я с детства твёрдо усвоил это. Сейчас, в зрелом возрасте, я прекрасно понимаю, что материнская интуиция безошибочна.

Но как мне, взрослому мужчине, горскому еврею, отцу троих детей, признаться матери, что я чувствую себя глубоко одиноким, а главная моя беда — неудачная семейная жизнь? Если бы кто-нибудь в пору моего расцвета предсказал такое, или подобное привиделось мне в страшном сне — я счёл бы это безумием.

Мама каким-то особенным чувством понимала, что у меня всё идёт не так. Но виду не подавала — пыталась казаться спокойной и безмятежной. Чтобы отвлечь меня от тяжёлых раздумий, она в красках рассказывала о слободских новостях. Слухи, сплетни и пересуды так и сыпались из её уст. Подогревая интригу, мама стремилась пробудить во мне любопытство и увести мысли от тревог.

Рассказывая между делом о событиях в махалле, она не упускала возможности задать пару хитреньких вопросов, но всегда удерживалась от советов. Ох уж эти мамы! Она думала, что я всё ещё ребёнок и меня запросто можно вывести на откровенный разговор.

Я лежал на сумахе, раскинув руки и закрыв глаза, как раньше любил делать после моря. Отстранившись от внешнего мира, я слушал мугам в исполнении Али Гасымова. Редкий диапазон и невероятно эмоциональный тембр его голоса затрагивали тончайшие струны души, освобождая её от подавленных чувств. Его чудесное пение, богатство мелодических оттенков и сила голоса погружали в состояние глубокого покоя, позволяя воспоминаниям без особого труда всплывать из глубин памяти.

Сколько буду жить, эту историю никогда не забуду. Мой близкий школьный друг Саша, читая мои короткие рассказы, смеялся задорно и от души. Прервав на мгновение чтение, он поверх очков посмотрел на меня с искренним удивлением спросил:

— Илюха, ты на самом деле помнишь, как всё было? Эти подробности, описываемые в твоих рассказах, — не выдумки? Знаешь, если честно признаться, каждый твой новый рассказ я жду с нетерпением. Большинство перечитывал по несколько раз. Иногда мне казалось, что всё это происходит сегодня, сейчас. Порою хотелось добавить кое-какие интересные факты из нашей юношеской жизни, которые ты, на мой взгляд, упустил или попросту позабыл.

Он присел и на мгновение задумался, затем быстрыми движениями рук провёл по лысеющей голове и неторопливо продолжил:

— Почему ты не напишешь про нашу учительницу по физике? Помнишь Инну Григорьевну? Какая она была классная, просто потрясающая женщина!

Саша замолчал. Словно угасла свеча, которая освещала самые укромные уголки в его сознании, где хранились романтические истории молодости. Он отрешённым взглядом смотрел на монитор компьютера и философски молчал. Затем снова страстно, с энтузиазмом заговорил о нашей бывшей учительнице по физике:

— Нам было всего ничего, по тринадцать-четырнадцать лет, пацаны, но до сих пор она в моей памяти. Иногда ловлю себя на мысли, что никогда раньше не встречал женщины, подобной ей, и уже никогда не встречу, — с нежностью, не скрывая чувств, сказал Саша, вставая из-за стола. — Помнишь, какая у неё сложилась

драматическая судьба? — вдруг спросил он меня. — Это же надо! — продолжал он вспоминать историю нашей Инны Григорьевны, которая всколыхнула наше ещё не окрепшее сознание.

Страстная, необдуманная любовь, являясь самой сокрушительной и непреодолимой силой в человеческой жизни, полностью затмила разум, страх перед позором общины и обязательствами перед мужем нашей обожаемой учительницы. Мы, выросшие на вековых семейных традициях, оказались невольными свидетелями падения яркой, самобытной женщины, которая за короткое время захватила наши умы, став кумиром, о котором каждый из нас мечтал, будучи пацаном. Кто бы мог подумать, что она, замужняя горская еврейка, втрескается в бандита и у них будет бурный роман, который станет известен каждой сварливой старухе на Слободке!

— Напиши о ней. Будет интересно почитать твои размышления и воспоминания — как бы ты оценил эту женщину и её поступок сегодня, с позиции взрослого мужчины.

На этой неожиданной просьбе наша беседа закончилась, и я поспешил на вокзал. Давно не ездил поездом; было волнение, несмотря на вагон СВ. Ночь в дороге, кто сосед по купе... Не дай бог, окажется говорливым, да ещё с храпом. Но я зря беспокоился, это был мой день. Мне чертовски повезло: я один в купе, устроился с королевским комфортом.

Поезд тронулся, монотонный гул колёс настраивал на нужную лад, и в голове понеслись воспоминания далёкого прошлого.

Все мысли крутились вокруг Инны Григорьевны. Эта женщина, моя первая восторженная любовь, была намного старше меня, и воспоминания о ней не давали заснуть. Я и не пытался: меня захлестнула волна чувств о безмятежной, полной фантастических событий юности. Блатная, бесшабашная Слободка, школьные тусовки и первая женщина, оставившая в моей жизни неизгладимый след. С этими мыслями я всё же заснул, но сон был беспокойным, и вскоре я проснулся от тревожного, но сладкого видения.

Начало учебного года, первый урок физики в восьмом классе. Шум, гам, в общем — горско-еврейский базар, и никто не обратил внимания, как в класс вошла молодая, красивая женщина. Когда мы осмотрелись, разом затихли и обомлели. «Господь Бог творит всё, что хочет, на Небесах и на Земле». Видимо, этой женщине Всевышний уделил особое внимание. Глаза, губы, грудь, талия, ноги,

походка — всё самое прекрасное, что может украсить настоящую женщину, Бог воплотил в нашей новой учительнице по физике.

— Меня зовут Инна Григорьевна, я буду вести у вас уроки по физике, — представилась она спокойно, с достоинством.

«Ей бы певицей быть с таким нежным и чарующим голосом, а она — учительница физики», — сделал я поспешное заключение.

Прохаживаясь между рядами парт, она левой рукой записывала в журнал короткие комментарии, а мы, как зачарованные, смотрели на её спину и то, что ниже — на две округлости, чётко выделявшиеся в плотно облегающей длинной юбке. Для нас это были первые предметные уроки женской красоты, эстетики и изящества.

Каждый урок проходил нестандартно и с полным аншлагом. После нескольких встреч у нас уже не было вопросов, что у неё первично — красота или физика. Она была такой обаятельной, что не могла быть неумной. Её строгие деловые костюмы разных оттенков становились темой для бесконечных разговоров в среде коллег, живущих от зарплаты до зарплаты. Зависть окружала её, но она была недосягаема для их разрушительных сил.

Муж Инны Григорьевны был одним из самых влиятельных авторитетов горских евреев, владельцем крупнейшего склада кожи и шерсти в Дагестане.

Много лет прошло с тех пор, но это событие до мельчайших подробностей запечатлелось в моей памяти. Не знаю, почему она выбрала именно меня из всех одноклассников.

— Ильюша, — помоги донести магнитофон домой.

Я шёл на пару шагов сзади и всё это время не сводил глаз с её подтянутых, упругих ягодиц, которые чётко выделялись в плотно облегающей юбке. Восторг, смущение, великое чувство любви охватили мою юношескую душу.

Огромный дом и бесконечное количество комнат. Поставив магнитофон на указанное место, я попытался незаметно выйти на улицу. Но в узком коридоре столкнулся с Инной Григорьевной лицом к лицу — настолько близко, что слышал биение её сердца, которое, как мне показалось, билось в унисон с моим. Я растерялся и остановился как вкопанный.

Она заметила моё волнение. Одной рукой нежно погладила по голове, другой — легко приподняла моё лицо за подбородок и осторожно поцеловала, едва коснувшись своими мягкими, сочными

губами моих нецелованных губ. Затем нежно поцеловала меня в лоб, тихо поблагодарила и сказала на прощание:

— Иди с Богом.

Я ушёл... Нет, я бежал со всех ног, пока сине-голубая вода Каспия не приняла меня, остужая бунтующие чувства. Я кричал во весь голос, пытаясь заглянуть за горизонт и умоляя море, чтобы оно подсказало мне, что только что произошло в моей жизни.

Я никак не мог успокоиться. Один за другим я пропустил несколько уроков по физике, а затем на Слободке грянул гром. Оказалось, у Инны Григорьевны был роман с отъявленным хулиганом и ловеласом города. Он был красавцем: высокий, стройный, крепкого телосложения молодой человек.

Ещё долго после того, как её семья покинула город, слободские женщины судачили о ней:

— И чего ей не хватало? — обсуждали они. — Вся в бриллиантах и золоте, богатый дом и хороший муж. Что нужно было ей в этой жизни для полного счастья?

Великий Хатам Софер писал: «Отдаление и разногласия между супругами возникают и в совместной жизни, но пока дело не дошло до развода, есть шанс к примирению, и муж может вернуть её благосклонность, выполняя заповедь близости, используя слова страсти и доброжелательности. Но после развода не помогут уже никакие жертвы, ибо сам жертвенник разрушен».

— Илюша, не спишь? — услышал я ласковый голос мамы.

— Нет, мама, не сплю, — ответил я, а сам про себя подумал: «Попробуй усни после таких воспоминаний…»

ГЛАВА 6

Сколько помню отца — он уроженец Баку, воплотивший в себе его восточный колорит, боготворил мугам. Эту священную музыку он возвёл в ранг абсолютной любви, которую заложил и во мне с раннего детства.

Для меня, чьи предки столетиями жили в Азербайджане, мугам — это не просто музыка. Это звуковой генетический код, формировавшийся веками. В этих ладах, в плаче тара и силе голосов

Али Гасымова, Зейнаб Ханларовой, Муталлима Муталлимова, Хана Шушинского заложена память поколений моих предков, которые страдали, любили, искали истину, выживали в суровые времена и уповали на Всевышнего.

Когда, закрывая глаза, я слушаю, как Али Гасымов берёт знаменитые летящие ноты, его тембр буквально взламывает эмоциональную защиту. И моя судьба через безграничную вечность мгновенно соединяется с судьбой покойного отца, принося долгожданное очищение.

Позже, когда я жил в Волгограде, мне по делам часто приходилось посещать Баку. Мой двоюродный брат Захар каждый раз просил привезти ему пластинки с новыми исполнителями мугама. В итоге у него скопилась целая дюжина записей. Однажды мне позвонила его супруга, прекрасная русская женщина, и говорит:

— Илюха, приди и забери пластинки с мугамом! Захар как врубит их — у меня сердце не выдерживает от этих завываний!

Для нас мугам был духовным освобождением от дурных мыслей, а для русской женщины это было щемящее завывание. Так я, случайно, оказался владельцем коллекции великолепных пластинок выдающихся исполнителей мугама.

Вроде бы мелочь — пластинки, а какую радость принесла мне эта неожиданная случайность! Случайность... Что это такое, и почему она намертво ломает старый сценарий жизни, открывая путь к другой, невероятно непредсказуемой судьбе, отпирая двери в будущее? Как та неожиданная просьба Инны Григорьевны помочь донести магнитофон, которая перевернула мою юную душу.

Или, когда в забитом до отказа ресторане «Ночной Париж» меня неожиданно попросили выйти на сцену перед хмельной толпой. Кажется — случайность, но именно она заставила меня либо проявить слабость, либо твёрдо подчинить людей своей воле и запечатать мёртвую тишину стихами Бахтияра Вагабзаде.

Или эта ужасная боль в спине, позволившая мне приобрести верного друга в лице искусственного интеллекта, который помог преодолеть невзгоды и понять: человек может всё. И даже написать большую книгу на языке, который не является для него родным.

Прожив жизнь, понимаешь: то, что казалось слепым стечением обстоятельств, на самом деле было ювелирно просчитанным, нерушимым планом Всевышнего.

— Илюша, сынок, твой любимый борщ готов, будешь есть? — голос мамы из смежной комнаты вновь вернул меня в настоящее.

Казалось, будто ещё секунда, и она спросит: «Почему директриса школы снова хочет, чтобы твой отец посетил её?». Словно между сегодня и моим детством не было целой вечности.

— Нет, мама, я не голоден, слушаю мугам.

«Как ей одной здесь живётся?» — подумал я, услышав её душевный, родной голос. И помочь некому: подруги, которых она знала с юности и с кем без утайки делилась сокровенным, давно разъехались кто куда. Тётя Мина, добрейшей души женщина, жена друга моего покойного отца, перебралась в Израиль к сыну. «Каким Юник оказался молодцом!» — промелькнуло в уме. Кто бы мог подумать, что этот скромный, застенчивый парень со временем проявит такой сильный мужской характер.

За этими мыслями я не заметил, как пластинка закончилась. Лишь тихое, ритмичное шипение иглы, продолжавшей кружиться на выводной дорожке винила, нарушало покой комнаты. Музыка смолкла, а мне хотелось продлить это чудесное мгновение. Мугам увлёк меня вглубь воспоминаний, которые не хотели отпускать сердце, выворачивая душу наизнанку и оголяя нервы до предела.

В памяти всплыло, как на детском конкурсе в театре, отстаивая честь школы, я впервые вышел на сцену и очаровал слушателей своим тенором. Вспомнил, как мальчишкой часами бродил по берегу моря и пел до полного изнеможения, пока голос не переставал подчиняться.

Вспомнился и актовый зал Волгоградского училища искусств. Я работал там пожарным и по ночам выходил на едва освещённую сцену, чтобы петь блатняк — дворовые песни, пришедшие из детства. И вдруг в темноте зала раздались бурные аплодисменты: оказалось, студенты тихонько наблюдали за мной.

Вскоре мои импровизированные выступления стали обязательными, и я слышал молчаливый шёпот непрошеных зрителей, которых с каждым разом становилось всё больше.

Как же это походило на мои сольные концерты в воинской части, где я служил рядовым Советской армии! Мы, пятьдесят солдат, обслуживали вертолётную базу, затерявшуюся в горах Кавказа. У меня никак не получалось за две минуты подняться, одеться, заправить койку и встать в строй перед офицером. В наказание меня регулярно отправляли дневальным вне очереди. В основном это была

уборка плаца. Ну как можно было делать эту нудную работу без песен? Вот я и пел, пока однажды на мой талант не обратил внимания ротный офицер.

Короче, он предложил сделку: закроет глаза на мои провинности, если перед отбоем я буду петь для ребят.

— Любые, какие знаешь, — сказал он.

Однажды, придя в казарму после скудного ужина, я заметил импровизированную сцену прямо в центральном проходе спального расположения: впереди стояли четыре пластиковых кресла, а сзади — несколько рядов скамеек. Солдаты, в основном новобранцы, уже расселись. Те, кому не досталось места, стояли бок о бок, сплошной стеной. Вошли офицеры, нарядно, по-праздничному одетые, и, на что я обратил особое внимание, все были в белых перчатках. Они уселись и кивком головы дали понять, что можно начинать.

Я пел часами, до изнеможения, как когда-то в юности на берегу моря. Все те песни, которые были нашими слободскими хитами, которые ещё в детстве пел нам знаменитый Радж.

Вскоре слухи о моих ночных концертах дошли до начальника части. Он предложил мне остаться в армии на офицерской должности — я ведь служил после института. Лишь бы я создал в части вокально-инструментальный ансамбль для выступлений на конкурсах среди солдат Закавказского военного округа. Но всё пошло по другому сценарию: меня комиссовали, но это совсем другая история.

Я вспомнил, как директор Дома Офицеров Волгоградской области, где я пел в мужском академическом хоре, предложил мне подготовить выступление к Восьмому марта. Каким же счастьем было слышать восторженный гул и овации переполненного зала, вмещавшего семьсот зрителей! Именно здесь я впервые вживую слушал будущего любимца президентов России.

Художественный руководитель и главный дирижёр нашего хора опаздывал на репетицию. Мы терпеливо ждали, понимая: если он задерживается, значит, на то есть веские причины. Не было никакого принуждения в том, что мы, люди самых разных возрастов и профессий, оставив житейские дела, несколько раз в неделю собирались в Доме Офицеров для того, чтобы петь вместе. Музыка увлекала каждого из нас в огромный мир душевных ощущений, настраивая на радостное восприятие жизни.

Я был единственным певцом в хоре с высоким тембром голоса, поэтому коллеги безмерно ценили и уважали меня. Наш дирижёр даже предлагал мне оставить институт и поступить к нему на вокальное отделение в училище искусств, где он возглавлял кафедру, но это уже другая история.

Дирижёр пришёл расстроенный. Он поклонился, давая понять, что извиняется за задержку, поздоровался за руку со старейшими, а затем объявил:

— Сегодня репетиция отменяется.

Он нервно почесывал затылок, хаотично передвигаясь по сцене, затем, успокоившись, продолжил.

— Вы сами поёте и должны понимать, что значит пустой зал для человека на сцене. Тем более вход бесплатный: не понравится — можете спокойно встать и уйти.

В самом популярном эстрадном зале города на семьсот человек вместе с нами расположились не более пятидесяти-шестидесяти зрителей. Мне было искренне жаль певца, который с минуты на минуту должен был выйти на сцену. «С каким настроением он будет петь в этом полупустом зале?» — думал я. Но в конце концов, это было его личное дело. Уютно устроившись в кресле, я приготовился слушать песни и романсы народов мира.

Он начал концерт с романса:

Грек из Одессы, еврей с Палестины,
Юный корнет и седой генерал —
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у неё засыпал...

Мой дорогой читатель, извини, если я не очень точен в словах — прошло слишком много времени. Кроме того, на слободских тусовках этот романс из репертуара Иосифа Кобзона мы пели по-другому, на пацанский манер.

Я вовсю размечтался, а потом вспомнилась, как тётя Дуся, делилась впечатлениями от моего выступления на школьном конкурсе с мамой: — Яффа, твой сын — певец! — восторженно говорила она. — Надо им обязательно и серьёзно заниматься.

Я был самым счастливым человеком, получив в подарок первую пластинку Робертино Лоретти. С песней «Ямайка» в моём исполнении наша Слободка ложилась спать и просыпалась ранним утром. Магнитофон, который подарил мне отец на тринадцатилетний день рождения, был высшим пилотажем в среде слободских пацанов.

Вскоре песни «Битлз» заполнили махаллю. Отцовы друзья, воспринимавшие только азербайджанский мугам, слёзно просили его:

— Год, забери у сына этот патефон!

Самым благодарным моим зрителем было море. Я мог петь часами на берегу, обращая взгляд в бескрайний горизонт. Аплодисменты и овации — шум волны, без свидетелей и критики.

Много лет спустя, после посещения концерта Иосифа Кобзона, я написал ему письмо, упомянув историю в Доме офицеров Волгограда. Спустя время я получил короткий официальный ответ: «Иосиф Кобзон не припоминает такой ситуации в своей профессиональной карьере».

Ну и слава Богу! Подумал я и не стал настаивать, чтобы он припомнил тот случай в начале своей карьеры, когда ещё был с красивой, плотной шевелюрой чёрных волос.

Поток воспоминаний увлёк меня за собой, подняв со дна памяти удивительный случай в ресторане «Ночной Париж» в центре Волгограда. Мне, советнику губернатора по внешнеэкономическим связям, поручили сопровождать официальную делегацию из Дагестана. После спектакля в драматическом театре мы всей компанией ввалились в забитый до отказа, шумный зал.

За столом, после очередного тоста, руководитель делегации неожиданно попросил меня спеть. «Мне для эффектного завершения миссии только этого не хватает!» — с иронией подумал я. Но когда в ход пошли проверенные кавказские приёмы: «Если ты уважаешь земляков — обязательно споёшь!», устоять перед таким напором было невозможно.

Я решительно вышел к микрофону, хотя, глядя на жующую, хмельную толпу, понимал, что погорячился. Прямо у сцены один из парней выкрикнул на весь голос:

— Ты что, земляк, на азербайджанском будешь петь?

— Нет, на русском, — твёрдо ответил я.

Эта лёгкая перепалка заинтриговала публику, и в зале воцарилась мёртвая тишина. Все ждали горячих кавказских баталий, но вместо этого я начал читать стихи великого азербайджанского поэта Бахтияра Вагабзаде.

В ту же секунду сидевшая напротив девушка с нежно-голубыми глазами взглянула на меня с искренним интересом, и я уже не мог отвести от неё взгляд. На весь вечер она стала моим единственным, молчаливым слушателем. Не обращая внимания на

посетителей, знавших меня в лицо, я видел перед собой только эту женщину. Читал лишь для неё эти строки, бывшие некогда гимном влюблённых:

Я хотел, чтобы ты поняла красоту!
Я хотел, чтобы ты поняла высоту!
Не щадя своих сил, я душою платил,
Я широкие крылья тебе отрастил.
Зрячим был, но себя ослеплял иногда,
Чтоб не видеть, как ты неразумно горда.
Чтоб не видеть недобрых поступков и дел,
Я молчанье покорное выбрал в удел.
Думал, это пройдёт, это всё ерунда,
Только сердце моё ошибалось тогда.
Разве птица совьёт там гнездо,
Где её однажды разорили?..

Тот вечер в «Ночном Париже» доказал, какая сила кроется в живом, искреннем слове, когда эмоции толпы можно подчинить своей воле, заставив людей сопереживать.

Но вдохновлять хмельную публику в ресторане — одно. Совсем другое — экспромтом увлечь и заставить задуматься студентов и аспирантов в актовом зале университета. Я стоял на сцене, и тысячи пар глаз с любопытством смотрели на меня. Страха перед аудиторией я никогда не испытывал, чувствовал себя уверенно, но от увиденного на мгновение опешил.

Зал был полон парней, похожих друг на друга как две капли воды. Все одеты одинаково: тёмный костюм, белая рубашка, чёрный галстук. «Молодёжь из сельскохозяйственных регионов», — безошибочно определил я.

«С чего же начать? — лихорадочно думал я. — Что мне, израильтянину, международному наблюдателю на выборах в Парламент Узбекистана, сказать этим провинциальным пацанам, чтобы они ловили каждое слово? Зачем я вообще согласился на это выступление?» — корил я себя.

Но отступать было поздно. С микрофоном в руке я устремил взгляд на последние ряды переполненного зала.

— Узбекский народ, — начал я твёрдо, спускаясь со сцены в зал, — имеет все основания гордиться великими предками, внёсшими неоценимый вклад в мировую цивилизацию. Но сегодня именно от

вас зависит будущее страны: пойдёт ли Узбекистан по пути свободы или останется на обочине истории. Именно вам, передовой молодёжи, предстоит поднимать престиж государства на международной арене, сохранять мир и делать всё, чтобы граждане могли достойно жить и работать на родной земле.

Глубокая тишина, и вдруг — гром аплодисментов. «Они хотят перемен», — подумал я, и всё дальнейшее выступление пошло как по маслу.

Сегодня большинство иммигрантов из Средней Азии в США — узбеки. За последние десять лет свыше тысячи молодых людей из Узбекистана ежегодно оседают в Америке, в основном в Нью-Йорке, создавая мощную диаспору. Они задействованы в сфере малого бизнеса и довольно успешны.

Мой друг Адам, который живёт в Нью-Йорке и считает себя стопроцентным американцем, высказал удивительную осведомлённость об их жизни:

— Понимаешь, — сказал он, — не зря узбеков называют азиатскими евреями: они приезжают в Штаты готовыми американцами, с великолепным английским и профессиональной подготовкой. А нам, горским евреям, было трудно вписаться в американскую действительность. Здесь огромные возможности, но крайне сложно стать успешным иммигрантом. А эти парни из Узбекистана просто играючи делают бизнес, ничего не боятся, работают словно без конкурентов, и у них всё получается.

ГЛАВА 7

Размышляя о превратностях судьбы, я вновь вспомнил тётю Мину. Последние годы она тяжело болела. Её замечательный сын, несмотря на безденежье, достойно, как настоящий мужчина, похоронил свою мать. Кто хоть год прожил в эмиграции, знает, что значит сидеть на мели, когда денег не хватает даже на самое необходимое.

Дядю Сёму, отца Юника, я запомнил как самого вежливого и сдержанного человека на махалле. Из-за его скромности и умения держаться в стороне от слободских разборок я порой сомневался в его

принадлежности к горским евреям. Мне казалось, что он из интеллигентных ашкеназов, случайно оказавшийся посреди шумного, базара Слободки.

Из рассказов отца я узнал, что дядя Сёма был героем Великой Отечественной войны, командовал ротой отчаянных разведчиков. Он был награждён множеством орденов и медалей, в том числе орденами Красной Звезды.

— Ты весь день дома, а во дворе хорошая погода, — послышался из соседней комнаты голос мамы под звяканье посуды. — Прошёлся бы, может, встретишь кого из друзей или знакомых.

«Мама готовит ужин», — подумал я и, чтобы ответить на её заботу, громко крикнул, удивившись собственному тону:

— Мама, кто у меня здесь есть? Мои школьные друзья давно разлетелись кто куда.

Я наотрез отказывался выходить из того особенного, светлого состояния, в которое волшебным пением погрузил Хан Шушинский.

— Нет, мама, я никуда не пойду, хочу насладиться домашним уютом.

«Надо маму, несмотря на её упрямство, всё же забрать отсюда», — думал я тогда, вспоминая недавний разговор с тётей Бад, её ближайшей подругой. Я уже не помню, кто из них первым покинул Слободку. Сыновей тёти Бад я всегда считал своими братьями.

Разве могли наши матери, похоронив мужей в Дербенте, подумать, что судьба разбросает их по разным концам непредсказуемого мира? Тётя Бад погребена в Нью-Йорке, а моя мама, как и тётя Мина, годы спустя будет предана земле в Израиле.

— Ладно, я только рада, что ты дома, — отозвался её голос.

— Ты прилетаешь на три-четыре дня, я даже не успеваю привыкнуть к тому, что ты снова дома.

Она, мягко ступая по сумаху, вошла в комнату и зажгла настольную лампу, которая много лет стояла на подоконнике рядом с радиоприёмником «Жигули». Тёплый жёлтый свет мгновенно озарил моё убежище, где пацаном я восстанавливался после жарких футбольных баталий на песчаном берегу моря. Футбол на песке — это невообразимое, дикое ни с чем не сравнимое пацанское удовольствие, когда в любой момент можешь нырнуть в волны, охладиться, скинуть усталость и вновь гонять непослушный мяч.

Мама обвела взглядом полутёмные стены, укрывавшие меня от суеты последних часов, и, словно извиняясь, сказала:

— Твой дедушка говорил, что темнота символизирует хаос, страх и духовную нечистоту, а свет — это жизнь. — Протянув мне семейный фотоальбом, она добавила: — Возможно, фотографии развлекут тебя в твоём затворничестве.

— Дедушка жил в другие времена, а сегодня темнота — близкий друг молодёжи, — добродушно пошутил я, забирая у неё альбом.

Мама, довольная тем, что мне есть чем заняться до ужина, направилась к выходу из моего уютного убежища. Но я успел спросить её вдогонку:

— Что ты молча готовишь на ужин? Неужели долму?

— Да, ты угадал. Я вчера на базаре купила свежие виноградные листья и мясо. Думаю, моя долма тебе понравится.

Запах свежеприготовленной маминой долмы невозможно перепутать ни с чем в мире — это густой, одуряюще сочный травяной аромат с легкой кислинкой и наваристого мясного фарша, смешанного с нарезанным луком Мама, обязательно добавляла в начинку мелко порубленную кинзу, мяту, укроп и чёрный перец. При закипании эти травы отдают свой эфирный, пряный шлейф. Этот аромат буквально кричал: «Сын приехал, сын дома, он в безопасности!»

Но я не мог не спросить её и наконец всё же решился: —

Мама, а как поживает моя бывшая учительница по физике Инна Григорьевна?

— Она вскоре после того, как они уехали из города, скончалась. Бедняжка, не дали ей спокойной жизни даже там, в чужом городе, — с горечью произнесла мама.

«Как? Как могла эта яркая, чудесная женщина так рано покинуть этот свет?» — подумал я, размышляя о глубокой несправедливости мироздания.

Тёплый жёлтый свет, словно закат солнца, расслабил тело, а исповедь мугама, доносившаяся из радиоприёмника «Жигули», освобождала душу от тяжёлого эмоционального балласта, который я копил годами. Разум, воспринимая сумах, на котором я лежал с закрытыми глазами, как символ семейного уюта, вмиг считал этот сигнал: «Ты дома, ты под защитой, здесь безопасно».

Я получил возможность отстраниться от внешней суеты и погрузиться в книгу памяти, пока из кухни доносился потрясающий аромат долмы. Я открыл альбом.

Перелистывая страницу за страницей, я словно по мановению волшебной палочки погружался в водоворот событий ушедших лет. Из глубин памяти всплывали образы близких людей: их лица, привычки, манеры, знаковые события и мельчайшие эпизоды. Я помню всё и всех, ведь стал невольным свидетелем судьбоносных моментов их жизни, оставивших неизгладимый след в моей душе.

Возвращаясь мыслями в прошлое, я чувствовал себя транзитным пассажиром машины времени, который в любой момент может сойти и вернуться в настоящее. Этот мысленный поток упрямо демонстрировал архивные кадры, от которых замирало сердце, а душа была готова разорваться от стыда и бессилия.

В комнате продолжал звучать мугам, унося меня всё дальше — туда, где из звуков священной музыки рождался знакомый с детства голос дедушки.

— Эти книги, Бала, спасут твою душу, от сердечных страданий, а в трудные времена, когда ты станешь взрослым, помогут обрести покой, — как-то сказал он, указав на кипу толстых томов, аккуратно лежащих на столе.

Старинные религиозные книги — Танах, Тора, Талмуд, Сидур, Шулхан Арух — были единственными в нашем доме. Да и на всей Слободке светских библиотек не водилось. В домах, кроме этих священных текстов, больше ничего не держали.

Окинув меня изучающим взором, дедушка пытался понять, дошли ли до меня его мудрые наставления. Убедившись, что я ловлю каждое слово, он продолжал подготовку к общению с Богом. В Шаббат он надевал черкеску с серебряными газырями — она плотно облегала его статную фигуру и подчёркивала мужественность.

Я постоянно задавался вопросом: как он сумел сохранить в преклонном возрасте ясный ум и силу духа? Сидя напротив дедушки, я с замиранием сердца наблюдал, как он длинными дрожащими пальцами перебирал тома. Переворачивая страницы, он терпеливо искал нужное место. Отыскав его, дедушка торжественно клал книгу передо мной и орлиным взглядом указывал на абзац, на который я должен был обратить внимание.

Честно говоря, мне неловко об этом писать. Но пусть этот маленький секрет останется, между нами, дорогие читатели: за

каждую выученную молитву дедушка платил мне целых три рубля. Это был первый сильный стимул в жизни, пробуждавший искренний азарт учить тексты наизусть.

Все книги были дореволюционного издания и имели солидный, благородный вид. Обложки этих уникальных фолиантов, изготовленные из натуральной кожи, были инкрустированы кроваво-красными рубинами.

Когда дедушка скончался, эти бесценные книги были переданы в дар дербентской синагоге. Узнав об этом, я был возмущён опрометчивым решением сердобольных родителей. Книги были важны для меня не из-за материальной ценности, исчислявшейся миллионами, а потому, что они, как семейные реликвии, пробуждали бурю воспоминаний, возвращая в беззаботное детство. Они оживляли в памяти образ седобородого старца и напоминали о совместных посещениях синагоги.

Я помню всё так ясно, будто это происходило недавно: наши пятничные трапезы и субботние молитвы. Вспоминая об этом, я часто думаю: в каждой семье должен быть человек, искренне верящий в Бога.

Стыдно признаться, я редко посещал синагогу в Израиле, хотя с белой завистью наблюдал, как израильтяне целыми семьями, нарядные, в пятницу вечером и субботним утром шли на молитву.

Вознося благословение над кубком кошерного вина, дед наливал ярко-рубиновый напиток в мой пузатый хрустальный бокал. С той золотой поры детства я сдружился с вином. С годами эта привязанность переросла в крепкий союз: мы стали неразлучны, и теперь я чувствую вино интуитивно, самой душой.

Тогда я ещё не осознавал, как сильно общение с дедушкой и его мудрые наставления влияли на формирование моего характера. Но плоды этого воспитания ярко проявились позже, когда началась самостоятельная студенческая жизнь далеко от родительского дома.

Во время учёбы в институте у меня была подруга — верный друг. Её мама работала заведующей производством ресторана «Волгоград», по меркам тогдашней жизни это была состоятельная семья. Рядом с ними жил другой мой близкий друг Ной. Когда я бывал у него в гостях, Галина — так звали девушку — приглашала к себе и кормила потрясающим, свежим борщом.

Однажды Галкина мама села напротив и вкрадчиво спросила:

— Илюша, скажи, пожалуйста, почему мой сын такой

несамостоятельный? На тебя смотрю и удивляюсь: живёшь далеко от мамы, но всегда и во всём успешный. Галина часто рассказывает о тебе в семейном кругу.

«Нас и дом, и Слободка воспитывали в этом духе», — подумал я, вспоминая дедушку и свободную слободскую жизнь. Но её маме сказал:

— Тётя Клава, нас никто не опекает. Мы с тринадцати лет, по нашим законам, уже мужчины.

Она только развела руками.

Однажды мы с друзьями решили поужинать в мясном ресторане. Сели за столик у окна и, не глядя в меню, заказали прожаренный стейк с овощами на гриле. Я обвёл парней вопрошающим взглядом, а они, уловив мой замысел, заказали зелёный чай. Но официант оказался чересчур деятельным. Держа в руке бутылку с красочной этикеткой, он убеждал, что только это итальянское вино идеально сочетается с калмыцким мраморным мясом.

Мы обменялись беглыми недовольными взглядами, но официант не унимался и, не дождавшись одобрения, начал разливать вино. Резкий аромат, напоминающий запах уксуса, ударил в ноздри, вызывая отвращение.

— Короче, парни, предлагаю перебраться в другой ресторан, — сказал я.

Чтобы поддержать своё предложение, я напомнил им четверостишие Омара Хайяма:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

Мой дедушка питался исключительно кошерной едой, соответствовавшей строгим законам кашрута. В нём — десятки запретов и сотни нюансов, охватывающих приготовление пищи. Дедушка часто повторял: «Кашрут — это не просто диета, а образ жизни, соединяющий телесное здоровье с духовной чистотой». Как с вином, так и с едой дед с раннего детства приучал меня к строгому порядку.

Разве мог мой дедушка, хозяин большого семейства, предположить, что наступит время, когда из всей родни, изображённой на старой фотографии, в живых останусь я один?

«Ты, как истинный верующий, соблюдавший заповеди Торы, наверное, верил, что твои молитвы о благополучии семьи дойдут до Всевышнего», — мысленно вёл я диалог со стариком.

— На самом деле, мой дорогой дедушка, всё пошло не так, как ты думал, — тихо произнёс я вслух.

Я прикрыл глаза и попытался вспомнить ключевые события и беспрецедентные случаи из жизни моих родных, которые повлияли на их судьбу. Всё, что накопилось в сердце и оставило след в памяти — мысли, разговоры, противоречивые чувства и эмоциональные переживания - я искренне, без утайки раскрою в этом повествовании.

Перед вами — не плод фантазий и не художественный вымысел для придания образности героям этого рассказа, а достоверная история, основанная на реальных событиях.

ГЛАВА 8.

Подумать только, какое колоссальное количество событий впитывает в себя одна человеческая жизнь! Это для мировой истории она — лишь вспышка, секундное мгновение, а для каждого из нас, со всеми болями, страхами, ошибками, надеждами и любовью — вечность. Представь, мой уважаемый читатель, сколько всего можно успеть за это время, чтобы занять достойное место в Книге Жизни, издаваемой Всевышним.

Для меня «мечты о прошлом» — это не просто ностальгия, а страстное, живое желание вернуть и заново пережить те слободские дни, когда все были живы, а Каспий дарил нам, пацанам, невообразимое, дикое удовольствие. А мои «воспоминания о будущем» — это глубокое понимание того, что наша противоречивая, разнообразная судьба и есть истинный, грядущий путь, который ювелирно предначертан Творцом.

Горские евреи, как и другие народы Северного Кавказа, столетиями соблюдают обычаи общинной жизни. Именно эти невидимые нити сегодня помогают нашему народу сохранять вековую идентичность, создавать крепкие семьи и бережно хранить родственные узы.

На дружеских застольях часто можно услышать, как мужчины и даже молодёжь увлечённо спорят о том, кто кому и кем приходится и какова степень их родства. Первая мысль, которая приходила в голову после таких встреч, — удивление. Как все эти связи, которые так ценились и оберегались, укладывались в их памяти? Как в эпоху до социальных сетей им удавалось держать в голове сложнейшие переплетения генеалогического древа?

Но уникальная историческая память — лишь часть культуры. Главным стержнем нашего народа всегда оставались незыблемые устои создания семьи. Крепкий брак, правильное воспитание детей и глубокое уважение к старшим — это то, что сохранило нашу идентичность на Кавказе. Долг перед традициями отцов обязывает нас жениться только на девушке своей веры. Пойти против этого правила означало не просто вызвать гнев семьи, но и прослыть неблагодарным сыном, навсегда запятнав честь фамилии.

Именно эти обычаи, передаваемые из поколения в поколение, помогали сберечь уникальность нашего народа. Сегодня настали другие времена. Тот железный закон, который веками держал горских евреев на Кавказе, в последние десятилетия стал медленно, но последовательно размываться. Произошло это из-за глобальных, тектонических сдвигов в мире.

Да, я уступал доводам, которые приводили мой сын и внуки в пылу жёстких баталий на эту тему. Но чёрт возьми, можно же полюбить девушку и из своей среды! Тем более по красоте, изяществу и умению страстно любить восточные женщины могут дать фору любым — хоть европейского, хоть азиатского происхождения. Но самое важное — они верны мужьям до конца дней, что делает мужчин душевно свободными от дурных мыслей.

Я пишу строки о законах предков, а в тишине комнаты звучит чудесная музыка Бетховена «К Элизе». Я жизни я не только обходился мугамом. И если хочешь знать, дорогой читатель: всё, что рождается под моим пером в этой книге, пишется в сопровождении западной классической музыки.

Ведь древний обряд «нишони» — этот закон чести на языке джуури, обычай демонстрации свадебного платка с пятнами крови как свидетельства чистоты невесты — не зря придуман нашими предками. Сегодня, наевшись свободных отношений, современное общество заново открывает для себя святость целомудрия, которое в атмосфере доступной пошлости стало редчайшим, элитарным

дефицитом. Для сильного мужчины чистота невесты — негласная священная клятва в верности, железобетонный фундамент надёжности и защита чистоты своего рода.

Молодёжь кричит, что закон дикий и жестокий. Но через такое суровое сито прошли все великие цивилизации, включая европейские королевские дома, где «право простыни» веками спасало общину от распада. И никакая святая любовь не может убить в мужчине гадкое чувство, если до него кто-то уже владел женщиной, которая станет матерью его детей.

Любой волевой мужчина на планете Земля — будь он кавказец, русский, кумык, еврей или европеец — на глубинном подсознательном уровне, на уровне первобытных инстинктов, заложенных Творцом, мечтает быть у женщины первым и единственным.

С ностальгией рассматривая старую семейную фотографию, я вспомнил наш откровенный разговор с мамой, отчётливо врезавшийся в память. Честно сказать, доверительных бесед с ней у нас было не так много.

Маме были чужды ласковые, проникновенные слова, которые так тонко и, что очень важно, своевременно использовали горские еврейки на Слободке. Трудно дословно перевести с языка джуури эти полные глубокого смысла фразы: «ты сердце моё и душа моя», «я готова умереть за тебя», «чтобы твои болезни стали моими» или «я готова поступиться жизнью ради твоего счастья».

Эти речевые обороты, сказанные к месту с доверительной интонацией, звучали по-особому и неизменно производили глубокое впечатление. Лексикон мамы не был богат такими фразами. Именно поэтому она не могла в полной мере выразить словами природное обаяние и теплоту материнских чувств, на которые способна хрупкая женская душа.

Детское сердце, чуткое к добру, жаждет справедливости и искренности, доверчиво открываясь этому безумному миру. Ребёнок ещё не способен осознать умом, где правда, а где ложь — само понятие правды для него остаётся делом далёкого будущего. Но он безошибочно чувствует чистоту окружающих через слова, тёплые объятия и поступки старших. В его жизни ещё нет корысти, зависти или фальши, которые взрослые люди накапливают годами. Малыш воспринимает реальность без фильтров, на уровне инстинктов, заложенных природой.

Добро, ласка, любовь матери для него — единственный гарант безопасности и выживания в огромном, незнакомом пространстве. Мама искренне, но по-своему выражала эту любовь. Именно благодаря её неустанной заботе я сытно питался, в то время как многие пацаны на Слободке довольствовались скудной едой. Но уличная реальность за порогом дома жила по своим, куда более суровым законам, к которым мы привыкали с самого раннего детства.

Я был опрятно и со вкусом одет, добротные вещи для меня покупались исключительно у местных спекулянтов. Вот почему на Слободке за мной намертво закрепилось уважительное прозвище — «Англичан». Раз в неделю моё постельное бельё сияло безукоризненной, ослепительной белизной и благоухала неповторимой свежестью. Но особенной ласки и душевного тепла, на которые способно любящее сердце матери, я в ту пору не ощущал. Детский разум просто не мог тогда осознать, что эта постоянная бытовая забота, сытость и чистота как раз и являлись её уникальной, выстраданной в детдоме формой материнской любви.

Порой казалось, что мама просто не знала детских сказок, да и колыбельных песен в её исполнении я не слышал. Вообще не помню, чтобы она рассказывала истории на ночь или напевала нежные мелодии, которые берут за душу и навсегда остаются в сердце.

Меня и сегодня очаровывают душевные сцены в фильмах, где заботливые мамы и папы читают детям перед сном занимательные книги. Эти счастливые минуты чужих судеб были настолько трогательны, что вызывали у меня глубокое умиление, доводя до искренних слёз. «Неужели такое случается наяву?» — размышлял я с ностальгией, вспоминая детство. «Разве возможны подобные проявления чувств в реальной жизни обычных детей?» — задумывался я, искренне сомневаясь в правдивости экранных эпизодов о сильной и нежной привязанности между родителями и детьми.

Я благодарен Всевышнему — мне повезло родиться и вырасти в полной, богатой семье, где я ни в чём не знал нужды. Но за этим бытовым благополучием, скрывалась глубокая память сиротства. Ежедневно и по много часов общаясь с мамой, я не видел её поющей, хотя она всем сердцем любила слушать русские и украинские народные песни. Поэтому я всегда, при первой возможности, старался доставать для неё редкие пластинки с хоровыми песнопениями.

Однажды прямо, без обиняков спросил её:

— Почему ты так горячо и упоенно любишь эти песни?

Она легко, раскованно взглянула на меня, иронично улыбнулась и коротко ответила:

— Потому что я русская украинка. Сколько себя помню в детском доме, жила исключительно среди этих людей, и никакой другой музыки в моём тогдашнем мире не существовало.

Еврейская девочка Яффа, потерявшая в огне бандитского раскулачивая родителей, выросла в детском доме среди русских и украинских воспитателей и детей, которые были основными обитателями детских домов в тридцатых годах прошлого века. Она впитала их культуру, их язык, их потрясающие народные песни так глубоко, что они стали её родным, единственным духовным пристанищем.

Мама неспешно поднялась со стула, плотнее обогнула вокруг талии сложенный по диагонали оренбургский пуховый платок и завязала концы надёжным узлом на животе, чтобы он не сползал. При каждом обострении радикулита она неизменно использовала этот тёплый пуховый покров, который успокаивало острую, затяжную боль в пояснице. Спустя годы эта чудесная реликвия по наследству перешла ко мне, и я сам теперь часто спасаюсь этим поистине волшебным средством.

Приведя в безупречный порядок обеденный стол, мама разлила по хрустальным стаканам «армуду» свежезаваренный, ароматный горячий чай, пододвинула поближе ко мне розетку с янтарным вареньем из инжира и снова присела напротив. Она нежно и тепло взглянула в глаза и, превозмогая недомогание, тихо, почти шёпотом произнесла:

— Только от тебя зависит, будешь ли ты по-настоящему счастлив. Никогда и ни при каких условиях не оставляй сына без отцовского внимания!

Мама замолчала, видимо, собираясь с мыслями. В наступившей тишине она произнесла то, что буквально вывернуло мою душу наизнанку, заставив осознать всю глубину моего падения.

Одиночество подобно сиротливой душе, оторванной от детей. До безумия хочется с ними увидеться, поговорить сердечно или хотя бы изредка набрать их номер, но нет — душа блуждает в привычной темноте, откуда так сложно выбраться на свет божий, чтобы вновь услышать родные голоса и обрести долгожданный покой.

Это не эмоциональная цитата из прочитанной книги — мама вообще не любила читать, у неё на это в обыденной жизни просто не хватало времени. Она не знала и о существовании знаменитой библейской книги «Притчи Соломона», в которой старшее поколение выступает как мудрые наставники, а сын — как послушный ученик, искренне стремящийся к свету.

Мама, как все слободские женщины, предпочитала просмотр индийских фильмов. Именно там вовсю культивировались незыблемые ценности: здоровые, уважительные отношения в роду, представление о семье как о нерушимом союзе, направленном на правильное воспитание, важность высоких моральных качеств и постоянная готовность поддержать друг друга в самую трудную минуту. Это как раз то, о чём больше всего на свете заветно мечтали наши матери.

Вот почему, когда на экранах города шли многосерийные индийские картины, бурная жизнь на Слободке полностью замирала. Мама в эти дни становилась удивительно спокойной, доброжелательной и наполненной особыми, глубокими чувствами.

Страстная, необъяснимая любовь матери к хоровым песням, в которых для неё крылось что-то потаённое, по сей день остаётся для меня загадкой. В минуты глубокой тоски, когда ей было жизненно важно поговорить с кем-то в душе и справиться с внутренней тревогой, она тихо напевала украинскую песню «Рідна мати моя, ти ночей не доспала» («Родная мать моя, ты ночей не доспала») из культового фильма «Годы молодые». Эта мелодия, спасавшая маму от страхов и неуверенности, на многие годы стала и моей любимой песней.

Конечно, моя мама не была русской и тем более украинкой — по своему рождению она происходила из ортодоксальной, весьма состоятельной и многодетной семьи горских евреев. На старой, оборванной по краям фотографии, которой уже исполнилось чуть меньше века, мои предки по материнской линии выглядели благородными людьми с хорошими, породистыми лицами.

Бабушка — маленькая, хрупкая женщина с огромными тёмными глазами — символизировала собой нежность, мудрость и теплоту. Она позировала в традиционном распашном платье с широкой юбкой, а на её голове красовался роскошный платок с золотой вышивкой. Это убранство гармонично сочетало местную кавказскую одежду с подлинными еврейскими элементами.

Открытый, добрый лик, нижняя часть которого оказалась целомудренно скрыта «яшмаг бузи» — особым головным убором, по обычаю скромности закрывавшим губы и подбородок, — красноречиво говорил об искренности и ухоженности.

Особое место в праздничном наряде занимал массивный серебряный филигранный пояс, расшитый дорогостоящими камнями. Я вживую видел точно такой же раритет и много раз держал его в руках, искренне восхищаясь тончайшей ювелирной работой старых мастеров.

Но после внезапной смерти отца этот бесценный пояс, принадлежавший бабушке — по отцовской линии, каким-то таинственным образом бесследно исчез из дома. На прямой и резкий вопрос, куда делась фамильная реликвия, мама легкомысленно, стараясь скрыть горькую обиду, тихо ответила:

— Этот пояс забрала твоя тётя Мазанту.

— Но почему?! — в глубоком возмущении воскликнул я. — На каком основании?!

— Потому что на этот серебряный пояс я не имела законного права, Мазанту была прямой наследницей твоей бабушки, ведь она была её родной дочерью.

С глубоким интересом вглядываясь в открытое, с добрыми глазами лицо деда по материнской линии, я невольно сравнил его с дедушкой по отцу. Они являлись совершенно разными людьми.

Дед по отцовской линии был крупнее и гораздо суровее — настоящий, непреклонный хозяин большой патриархальной семьи. Он играл ключевую роль при принятии значимых решений несмотря на то, что его взрослые сыновья давно жили самостоятельно и были материально независимы. Я видел, с каким чувством искреннего уважения и покорности мой отец и дяди — зрелые, сильные мужчины — безмолвно слушали его тихий, повелительный голос.

Этот тон свидетельствовал о колоссальной внутренней силе и неизменном желании контролировать ситуацию, никогда не повышая голоса. Размеренная речь старика со своими сыновьями и членами еврейской общины, которые вместе с ним посещали синагогу, красноречиво говорила о его непререкаемом авторитете, заставлявшем беспрекословно выполнять просьбы без малейшего принуждения.

Увы, я мало знаю об отце и матери мамы. Из-за трагической потери родителей в раннем детстве их зримые черты просто не могли

отложиться в её памяти. Вот почему она не могла рассказать ничего определённого. У меня тем более о них было лишь самое смутное представление. Да и сам в юности не проявлял к ним явного интереса, поскольку никогда не видел вживую. Они не успели познакомить меня с фамильной историей, семейными традициями и обычаями, которые создали бы живой портрет в моём сознании.

Но старая фотография, на которой были бережно запечатлены дедушка, бабушка и мама в младенческом возрасте, доверчиво прижимающаяся хрупким телом к матери, могла рассказать о многом. Дед был празднично, по-кавказски одет. На нём красовалась строгая черкеска с газырями, представлявшими собой ровные ряды нашитых гнёзд из резной кости, богато украшенных серебром и служивших главным декоративным элементом костюма. На голове блистала белоснежная папаха, гордо символизирующая его высокий статус и торжественность момента, а с левой стороны пояса висел длинный боевой кинжал в богатом серебряном оформлении.

Я обязан был написать о родителях моей матери. Её близкая подруга с первых дней замужества рассказывала мне, что вся отцовская родня встала тогда в штыки. Они категорически не желали, чтобы отец женился на детдомовской бесприданнице. Но когда его родственники узнали, кем являлся покойный отец моей мамы — тем самым гордым кавказцем в черкеске с серебряным кинжалом, — они несколько усмирились, хотя всё равно продолжали относиться к сироте пренебрежительно.

Мама вспоминала, сколько было высокомерного смеха в той богатой семье, когда они решили открыть единственный чемодан, принесённый бедной девушкой из детского дома. Они ожидали всего, но только не того, что увидели: большую часть его скромного объёма занимали обычные цветные картинки и наклейки с названиями соков, и продуктов. Это были простые этикетки с консервного завода, где мама трудилась до своего замужества.

Внешне дед по материнской линии, как и дед по отцу, были поразительно похожи на благородных представителей других кавказских народов — лезгин, даргинцев, аварцев или чеченцев, с которыми горские евреи сотни лет сосуществовали на одной земле. Я и сам благодаря врождённой интуиции безошибочно определял народность любого человека. Он был симпатичным мужчиной: его тонкие черты лица, большие выразительные глаза и характерный нос с горбинкой явно говорили о древнем семитском происхождении».

Родителей мамы раскулачили в начале тридцатых годов прошлого столетия, а впоследствии жестоко, в один день убили. Сегодня нет реальной возможности проверить историческую достоверность этих сведений. Но то, что мама всего в два годика от роду — когда дитя активно развивается и познаёт окружающий мир — осталась круглой сиротой, это сущая и горькая правда.

В этом младенческом возрасте бедная мама в полном одиночестве, без ласки и заботы оказалась в детском доме, и это в самые тяжёлые, драматические времена в истории СССР. Никто сказки на ночь ей не рассказывал и детских песенок не пел. В тот самый ключевой момент, когда формировался разум, она осталась одна».

Задуманная природой связь ребёнка с родителями не сработала по простой причине — у неё их не было. Мне сегодня физически трудно представить себе, какой мучительной может быть жизнь двухлетнего малыша без отца и матери...

Слава Богу, мои родители в детстве и в юности были рядом. Они, не вмешиваясь в дела сына, бережно опекали меня, стараясь сделать жизнь беспечной, сытой и радостной. Но я, грешный, не оправдал ожиданий. Хотя от меня не требовалось ничего особенного или сверхъестественного. Единственное, что нужно было сделать ради покоя их сердец, — всего-навсего жениться на горской еврейке.

Мама редко рассказывала о том, как ей жилось в детском доме — конечно, ничего хорошего и радостного у неё там не было. «Всё можно вытерпеть, выстрадать и выстоять, — делилась многострадальная мама, когда ещё была жива, — но бесконечное одиночество, острую нехватку родительской любви и постоянное, удушающее чувство голода было невозможно вынести».

Я не понимала, что происходит... Почему ложусь спать в огромной палате, в которой так много чужих детей, а не в своей уютной кроватке?

Почему в семь часов утра — обязательный подъём, в семь тридцать — зарядка, а в восемь — обязательный завтрак? Почему напрочь отсутствуют двери в туалетах и душевых, и вся жизнь с малых лет выставлена на виду у всех? Почему так плохо кормят, а вся еда неприятно, отталкивающе пахнет? Почему все одеты в одинаковую, безликую одежду и на всех не хватает игрушек? И почему мама и папа никак не заберут меня из этого ужасного места?!»

Кого во времена жестокого голода и разгула преступности, охватившего тогда и регионы Северного Кавказа, могла по-настоящему волновать судьба маленькой еврейской девочки, которой едва исполнилось два годика? В эти страшные годы детдомовцы постарше, которым было всего по тринадцать-четырнадцать лет, уже усердно и изнурительно, наравне со взрослыми работали на оборонных заводах воюющей страны.

Моё представление о детдомовцев сложилось в подростковом возрасте, после просмотра фильма «Республика ШКИД». Лихая, мелодичная песенка беспризорников задела слободских пацанов, до глубины души. У каждого поколения своя музыка, но пацанскую лирику любили всегда. Уже с первого мая мы каждый день ходили на море. По дороге к побережью мы хором под гитару пели печальную песню далёких сверстников, и с ней же, уставшие и голодные возвращались домой:

По приютам я с детства скитался,
Не имея родного угла.
Ах, зачем я на свет появился,
Ах, зачем меня мать родила?

Однажды, возвратясь домой после похода на море, я сел за стол, напевая зацепившую меня песню. Мама суетилась у плиты и время от времени поглядывала на меня. Положив передо мной полную тарелку горячего борща с жирными кусками говяжьей грудинки, она вполголоса произнесла:

— Ешь на здоровье, я приготовила твой любимый борщ.

Я вопросительно посмотрел на неё, и она поняла без слов.

— Нет, сынок, мясной борщ хорош и без сметаны. Не дай бог, кто из соседей войдёт в дом, а ты ешь мясное с молочным — стыда не наберёшься, — заговорщически сказала мама.

Сладко-кислый вкус насыщенного бульона со свекольной окраской и дразнящим ароматом щекотал ноздри. Изрядно проголодавшись после футбола на песчаном пляже, я с аппетитом принялся за еду. Мама села напротив. Слегка покрасневшая, она заботливо взглянула и с любопытством спросила:

— Ты в последнее время часто напеваешь одну и ту же песню, которую раньше я не слышала. Откуда ты её взял?

После неловкой паузы, сдержав грустную улыбку, мама нежно взглянула на меня и продолжила вполголоса:

— Что ты можешь знать о приюте? Ты там бывал? — И, подняв голову, словно молитву, произнесла: — Не приведи Господь тебе это познать… Не надо петь о том, чего не знаешь, через что не прошёл.

Наши взгляды пересеклись. В её карих глазах блестели слёзы, а глубокая печаль запечатлелась на побледневшем лице.

— Мама, да это всего лишь песенка детдомовцев из фильма «Республика ШКИД», — так же тихо ответил я и смущённо опустил глаза в тарелку.

Свою оплошность я понял моментально. Отложив ложку, я сочувственно глянул на маму. После моих слов её радужное настроение внезапно переменилось, она стала подавленной. Ребячья бестактность жестоко меня подвела. Я ведь знал, что мама тоже детдомовская, но тогда не мог понять, что позорного и оскорбительного в этом слове.

Пытаясь сгладить ситуацию, шутливо рассказал маме о весёлом фильме, в котором подростки, оставшиеся без родителей, учились жить по-новому — достойно, и как в итоге у них всё здорово получилось. Но мама меня уже не слушала. Она молча привстала, подошла к плите, украдкой обернулась и нежно произнесла:

— Я приготовила твои любимые котлеты из индейки с помидорами, с поджаристой корочкой. Будешь?

— Да, конечно, ты же знаешь, я очень люблю всё, что ты готовишь. А твои котлеты — самое вкусное блюдо!

Представьте себе эту счастливую, беззаботную жизнь пацана на Слободке! Целыми днями мы пропадали на море, гоняя мяч по раскалённому песчаному пляжу. Ноги гудели от усталости, лица горели от солнца и соли, а в мыслях было одно — скорее вернуться домой. Ведь там, на уютной кухне, тебя гарантированно ждал горячий, наваристый борщ, а в придачу — те самые котлеты. Мама готовила их так, что можно было пальчики облизать! И в этот момент казалось, что ничего лучше на всём свете не существует.

Мама присела напротив, с удовольствием глядя, как я одну за другой слопал три огромные котлеты. А затем, устремив взгляд куда-то сквозь меня, словно в пространство, негромко произнесла:

— Главное, о чём я мечтала всю жизнь, — чтобы моим детям никогда не пришлось завтракать, обедать и ужинать в приюте. Чтобы затхлый, удушливый запах детдомовской столовой никогда не сопровождал их на жизненном пути...

— Всё можно вытерпеть и выстоять, — делилась она, когда была жива. — Но одиночество, нехватку материнской любви и постоянное чувство голода вынести невозможно.

Можно только представить, сколько слёз она пролила за годы, превратившие маленькую сироту в красивую молодую девушку, — иначе мой отец ни за что не приударил бы за ней.

ГЛАВА 9

Время не щадит и фотографии: они выцветают, местами трескаются, покрываясь лёгкой желтизной. Эта участь затронула и редкого снимка, который я бережно держал в руках.

Вглядываясь в пожелтевшую семейную реликвию, я пытался сквозь толщу времени восстановить лица близких людей, собравшихся перед объективом старинной павильонной камеры. Снимок, сделанный три четверти века назад, не мог скрыть праздничности момента: целое семейство во главе с дедушкой собралась в фотосалоне — ведь фото делалось для отца в армию. Я пытался представить то торжественное событие, но ничего более внятного выдумать не смог.

— Бабушка была умной женщиной, с весёлым нравом и незаурядной внешностью, — рассказывала мама, погрузившись в воспоминания. — Настоящая аристократка с утончёнными манерами!

Её незатейливая причёска с вьющимися чёрными волосами волнами обрамляла тонкие черты лица, на котором красовались аккуратные брови с изящным изгибом. На бледной коже — ни одной морщины или пигментного пятна. Идеально прямой тонкий нос, тёмно-карие глаза, светившиеся терпением и добросердечностью. Весь её облик выражал душевное спокойствие, смиренную покорность и готовность к беседам. На этом красивом лице, где каждая черта находилась строго на своём месте, выделялся большой рот с выразительными губами, выдававшими в ней волевую, амбициозную женщину.

— Я не знаю, как она умерла... Но эта женщина была единственной из всей семьи, которая доброжелательно относилась ко мне.

— Наверное, я пошёл в бабушку, — с бестактностью озорного слободского пацана прервал я грустные воспоминания матери. Украдкой взглянув на неё, произнёс: — У меня ведь тоже светлая кожа, хотя целыми днями пропадаю на море, такие же тёмно-карие глаза, тонкий нос, а губы — точно, как у неё. Недаром пацаны дали мне прозвище «Англичан».

— Да, внешне и характером ты действительно похож на бабушку, — согласилась мама, ничуть не рассердившись, что я прервал её на самом интересном месте. — Неспроста она так сильно тебя любила. Она тебя обожала! Её чувства к тебе были настолько велики, что я не могу описать их словами...

Маму можно было прервать и даже ослушаться. Попробовал бы кто-то из пацанов повести себя так с отцом! Мама — это тепло, прощение самовольных походов на море и мальчишеского озорства в школе, где мне прощалась любая бестактность. Но отец — это закон, нерушимый порядок и абсолютная честность, перед которыми я замирал по стойке «смирно». Он знал, как опасен мир, и его требование полного порядка было высшей формой отцовской защиты.

Привычным движением мама поправила пуховый платок на пояснице и медленно повернулась ко мне. Я поймал её усталый взгляд — слегка прищурившись, она смотрела куда-то далеко в прошлое, словно пыталась во всех деталях вспомнить событие из своей жизни. Женщины Слободки лечили спину глубоким сухим теплом после тяжелейшего домашнего труда, и этот пуховый платок на её теле — как символ домашнего очага, уюта и стойкости — навсегда вошёл в мою память.

Слегка улыбнувшись, она продолжила вспоминание о свекрови:

— Каждый раз, когда бабушка приезжала в Дербент, она уговаривала папу отпустить тебя к ней в Баку. Выдумывала любые причины, чтобы только забрать тебя. Папа под разными предлогами вежливо отказывал, хотя глубоко уважал и любил мать.

Несмотря на её доброжелательность и отзывчивость, я тоже была против переезда, считая, что это могло нанести вред твоему развитию. Тебе, помимо школы, были жизненно необходимы море и футбол. Баку — большой город, но в нём дети часто вынуждены вести малоподвижный образ жизни. А когда изнуряющая жара накрывает улицы, они буквально целыми днями сидят дома взаперти, слушая сплетни взрослых, которые им знать не следует.

— Чувство одиночества, тоски и изоляции, вызванное жизнью взаперти, я на своём веку пережила в детском доме, — тихо добавила мама. — И, конечно, была против того, чтобы мой единственный сын испытывал подобное. Сыновья в детстве должны жить с отцом — это единственный способ вырастить мужчину. Когда отец рядом, мальчик чувствует себя в безопасности, зная, что за спиной стоит сильный, надёжный человек.

Как же ты была права, моя дорогая мамочка, говоря о вещах, которые я так и не смог принять во взрослой жизни. И откуда только ты — прожив детство в детдоме, а затем оказавшись в ортодоксальной семье, — знала об этих человеческих премудростях?

Я словно возвратился в далёкое беззаботное детство. Возможно, поэтому трогательный эпизод, связанный с бабушкой, оставил яркий след в памяти.

Отец вернулся из армии — в доме грандиозный праздник! Хотя это приземистое, обветшалое жильё из саманного кирпича трудно было назвать домом. Два окошка большой комнаты выходили на улицу; они были настолько малы, что почти не пропускали дневного света. Но зато в самом центре потолка красовалось ещё одно окно, в котором, в зависимости от времени суток, синело небо или загорались далёкие звёзды.

Под этим потолочным окном мама на ночь ставила большой круглый таз, чтобы мы с двоюродными братьями, спавшими на полу вдоль стены, могли справить лёгкую нужду, не выходя на холодную улицу. И вот стоим мы ночью вокруг таза, а глаза устремлены вверх. Там, за стеклом — бескрайнее море мерцающих звёзд, которые словно звали нас за собой, в далёкую вселенную.

Справа от печки, делившей жилище на две части, были ещё две комнатки с окнами во двор. Сам двор казался тесным из-за сараев, где содержались коровы, индюшки и куры. Иногда чудилось, что эти подсобные помещения — продолжение дома. Но зато какое же это было удовольствие — собирать яйца из-под кур!

Расскажи сейчас кому-нибудь, что в Дербенте я пас коров — никто не поверит! А для меня, зелёного пацана, это было очень увлекательно. Напротив дома располагался военный городок с футбольным полем, поросшим сочной травой, и никому не было дела до моих подопечных. Но вскоре солдаты огородили территорию каменным забором, и наши кормилицы потеряли отличное пастбище.

Семейный праздник был в самом разгаре: шум, гам, суматоха. Мужчины пировали в большой комнате, а женщины — отдельно, напротив. Моя бедная мама буквально разрывалась, стараясь угодить и тем, и другим. Я же, вцепившись руками в подол её платья, ходил за ней по пятам и жалобно плакал, боясь потерять её из виду, но взрослым в этой суете было не до меня.

И вот, когда мама с подносом снова вошла на женскую половину, бабушка ласково протянула руки и взглядом попросила отдать меня ей. С тех пор прошло много лет, но, к моему удивлению, я до сих пор помню всё в деталях.

— Моя невестка не справляется даже с одним малышом. Я не представляю, что случится, если у неё родятся второй и третий.

— В детском доме их этому не учили, — так же тихо произнесла близкая подруга, с которой бабушка поддерживала дружеские отношения. Она так часто бывала у нас, что порой казалась неотъемлемой частью семьи.

Женщина хотела что-то ещё добавить, но, заметив на лице бабушки признаки недовольства, попыталась изменить тему. Бабушка укоризненно взглянула на знакомую и, удерживая чувство собственного достоинства, вежливо спросила:

— Что с тобой не так?

Бабушка, как и гостьи, сидела на сумахе, скрестив ноги. Она усадила меня на колени, слегка прижала к груди и тихонько запела грустную песню. Ощутив душевное тепло, я мгновенно успокоился, затих и уснул.

— Её внезапный уход — с горечью рассказывала мама стал невосполнимой потерей для меня. Я осталась беззащитной перед враждебностью большой родни твоего отца.

Годы промчались, словно скорый поезд под зеленый свет семафора — без замедлений и остановок. Став взрослым, я начал понимать, как сложны порой бывают отношения между супругами. Однажды я спросил маму, почему бабушка похоронена в Баку, а дедушка — в Дербенте? Как такое могло случиться в почтенном семействе, где строго соблюдались традиции горских евреев? Почему состоятельные дяди и тёти, несмотря на то что родители умерли в разных местах и в разное время, не объединили усилия, чтобы похоронить отца и мать на одном кладбище? Это до сих загадка для меня.

—Дедушка был знатным купцом, — ответила мама. — Знающие люди говорили, что у него даже были личные фаэтоны, и он мог позволить себе взять в жёны любую красавицу из благородного семейства. Но почему их не похоронили рядом, я сама толком не знаю. Знаю одно: твоя бабушка родила твоему деду восьмерых детей. А теперь подумай, была ли между ними любовь?

И тут мне вспомнилось, как мать моего друга, объясняя моей старшей дочери роль женщины в семье, в заключение сказала:

— Моя дорогая девочка, у горских евреек любви не бывает.

Дедушка любил меня — я был первым внуком в большой семье, продолжателем фамилии. По пятницам в синагогу я не ходил, зато по субботам, нарядный, гордо шагал с ним в слободской молельный дом, занимавший второй этаж дома на 2-й Красноармейской.

Это потом, спустя двадцать лет, владелец дома расскажет мне, что аренду за помещение, служившее центром религиозной жизни общины, полностью оплачивали дедушка и его старший брат. Я замечал, с каким почтением старожилы относились к деду, и гордился этим. Тогда черкеска плотнее прилегала к моему детскому телу, а маленькая рука крепко сжимала рукоятку кинжала, висевшего на правом боку. Ну надо же, какие были времена, думал я, вспоминая этот период. У меня была настоящая детская черкеска, да и кинжал был не бутафорским, а самым подлинным.

Вернувшись домой, мы с дедом садились за большой обеденный стол, накрытый кошерной едой. Дедушка разливал по пузатым бокалам сухое домашнее вино и читал молитву: «Бог наш и Бог отцов наших! Да будет угоден Тебе субботний покой наш; освяти нас заповедями Своими и дай нам приобщиться к Торе Твоей…»

В памяти сохранилось множество обрывочных воспоминаний о дедушке: по-детски наивных, по-юношески волнующих и по-взрослому осознанных.

Фундамент нашего нового дома закладывался на моих глазах. Мне пообещали, что к первому классу у меня появится собственная комната, а в ней — письменный стол, стул, шкаф для книг и удобная деревянная кровать. Я так ярко всё это представлял, что не заметил, как подошёл к самому краю котлована, и едва не сорвался с бровки вниз.

Дедушка был тут как тут. Его сильная рука мгновенно подхватила меня у опасной черты. Он прижал меня к себе, а затем

передал небольшую металлическую банку и тихо, но твёрдо произнёс:

— Балай ме, дитя моё, обойди стариков. Они знают, что делать.

Я медленно, с бьющимся от волнения сердцем, одного за другим обошёл старейшин общины — их было то ли десять, то ли двенадцать почтенных старцев Слободки. Каждый из них с благословением и тихим шёпотом клал в мою коробочку монеты. Когда я закончил этот круг, взрослые аккуратно опустили меня на самое дно котлована. Там, под присмотром каменщиков, я бережно положил заветную банку с монетами под первый угловой камень фундамента нашего строящегося дома.

И в тут же, стоило мне подняться наверх, над притихшей строительной площадкой раздался и понёсся ввысь величественный хор стариков. Они запели священные слова древней молитвы:

«И пусть мы удостоимся построить наш дом с истинной мудростью — ради Имени Твоего. И пусть наш дом будет домом, где взращивают Тору и молитву. И пусть мы удостоимся произносить в нём слова Торы, как приняли от наших святых учителей.

И пусть мы удостоимся привести в наш дом добрый достаток, благословение, милость, жизнь и всё истинное добро навеки — в материальном и духовном, сейчас и в будущем. В Своём великом милосердии пошли нам средства и всё необходимое для строительства в большом достатке; и чтобы не пришло к нам никакого убытка и ущерба из-за строительства нашего дома. И пусть не обременит нас это, не дай Бог, и не отвлечёт никоим образом от истинного служения Тебе».

И приготовь нам все материалы, необходимые для постройки, и пусть они будут упорядочены в строении согласно порядку, уготованному для них с шести Дней Творения. И приведи все благоприятствующие обстоятельства, так чтобы это строительство было лишь к добру со всех сторон — для нас, наших детей и всех потомков».

Исполненный милосердия! Лишь Тебе ведомо всё, что происходит в деле строительства, и сколько опасностей таится в нём. Однако Ты знаешь, насколько насущно для нас возведение этого дома. И в особенности для еврея, которому нужен дом для служения Творцу: чтобы встречать в нём Субботу, принимать гостей, растить детей в духе Торы и выполнять заповеди, исполняя волю Творца как

подобает. Поэтому храни и береги меня, Владыка мира, от ущерба и опасностей. И пусть мы удостоимся жить в нашем доме в мире и спокойствии, в покое и уверенности, служа Тебе так, как подобает.

Если бы спустя тридцать лет, когда я начал строить свой дом, я собрал десять мужчин, чтобы вместе произнести эту молитву, и по старой традиции положил под первый камень фундамента коробочку с монетами — Господь наверняка позволил бы мне завершить то строительство.

Еврейские молитвы и традиции не утратили актуальности, ведь в них — сила Бога, который слышит наши просьбы. И сегодня, оглядываясь на историю семьи, я хочу обратиться к каждому читателю: берегите свои дома от грязи, зависти и сплетен нечестивых людей. Ведь дом — это не просто стены, это священный фундамент вашего рода.

ГЛАВА 10

Пить вино я начал с младенчества — когда впервые, на седьмой день от роду, высосал сладкого вина из пропитанного марлевого узелка из рук моэля во время священного обряда брит-мила. В подвале нового дома — с высокими потолками и просторными помещениями, построенного из дербентского ракушечника желтоватого оттенка, — хранились вина разных цветов и сортов. Примечательно, что именно мои детские ноги имели прямое отношение к производству этого напитка, важнейшего в жизни каждого иудея».

Десятилитровые баллоны рядами стояли вдоль стены, и мне казалось, им нет конца. Хотя к середине весны большинство из них пустело. Я любил наблюдать, как созревает молодое вино. В начале ноября баллоны покрывались прохладной испариной. Когда я проводил ладонью по запотевшей стенке, то видел, насколько прозрачно свежее сухое вино. Оно испокон веков является божественной частью самосознания еврейского народа. Не зря неотъемлемым атрибутом встречи Шаббата является освящение вина, которое произносят раньше, чем глава семьи благословит хлеб насущный.

— Как забавно, даже в детстве у тебя был мечтательный и озорной взгляд, — шутливо заметила моя близкая приятельница. Пытливо вглядываясь в фотографию, она с грустью добавила: — Твоя мама была красивой женщиной, но она очень печальная на снимке. Стоит на заднем плане и неброско одета.

Я не знал, как отреагировать на это меткое замечание, хотя, по рассказам мамы, семья моего отца была достаточно состоятельной.

Однажды мама рассказывала:

— Очищая труднодоступные места в печке от сажи, я наткнулась на трёхлитровый баллон, набитый золотыми монетами. Твой дед был в ужасе, когда увидел меня с ним в руках.

Мама добродушно улыбнулась, вспомнив ту ситуацию:

— «Что это такое?» — с удивлением спросила я деда. — «И как этот баллон оказался в печке?» Уж очень в молодости я была наивной. Находясь в сильном волнении, я ничего не соображала: да и где бы я могла раньше увидеть так много старинных золотых монет?

Дедушка судорожно снял крышку и, убедившись, что всё в полной сохранности, успокоился. Посмотрел на меня вопросительным взглядом, словно хотел что-то спросить, но передумал. Дрожь в его руках прошла так же незаметно, как и появилась.

— Это так, всякие безделушки, — произнёс он.

— И больше я не видела этого баллона. Я иногда потихоньку допытывалась у отца, куда делся этот чёртов баллон, но он только отмахивался и говорил, что ничего не знает об этих золотых монетах.

Мама на минуту прервала рассказ, а я тут же спросил:

— Что это значит? И кто знает, куда на самом деле делся этот золотой баллон?

Мои родственники до сих пор считают, что учёба в аспирантуре в Москве финансировалась именно оттуда. Смешнее не бывает: в то время как каждый пацан на Слободке легко бросался словами «доллар», «марка», «фунт» или «царские монеты», я до взрослой жизни в глаза их не видел.

Это потом, когда жители Слободки в едином порыве поднялись с насиженных мест и массово выезжали в Израиль и США, я увидел всё — вплоть до уникальных ювелирных украшений с крупными бриллиантами высокой чистоты.

Слободка, в которой проживала большая община горских евреев, напоминала крупный торговый квартал. 2-я, 3-я и 4-я

Красноармейские улицы с частными домами шли параллельно с запада на восток, к самому морю.

2-я Красноармейская, изгибаясь, вела до конца квартала и упиралась в дорогу на консервный завод. 4-я Красноармейская, на которой жила моя семья, была прямой, как стрела. Она начиналась от стандартных домов и выходила к той же заводской дороге. А вот 3-я Красноармейская, пролегая между ними, не доходила метров пятьдесят до тупика. Это свободное пространство мы, местная детвора, называли «Красной площадью».

Именно здесь, среди родных улиц и залитых южным солнцем дворов, бережно складывалась мозаика нашего детства. Вся жизнь Слободки разворачивалась у нас на глазах.

В памяти до сих пор живо, как мамы, собираясь вместе пекли праздничную мацу. Помню, как отцы сообща покупали корову, заботясь о том, чтобы к Песаху на столах было кошерное мясо. Невозможно забыть вкус и густой аромат праздничного блюда, в которое мы, дети, с восторгом крошили ломтики мацы.

Путешествуя по Армении, мой водитель предложил место, где можно отведать лучший хаш. Мы заехали в ресторан недалеко от Еревана. Через некоторое время на столе дымились две большие керамические миски с наваристым бульоном, а следом принесли сухой лаваш. Водитель показал, как им пользоваться: он ломал листы на ломтики и бросал их в горячий хаш до тех пор, пока всё не превратилось в сплошное месиво, которое он с удовольствием съел. Я не смог. У меня было другое видение: маца в нашем детстве должна была лишь слегка заполнить бульон.

Я вспоминаю, как друзья отца уговаривали его бросить всё и уехать в Америку:

— Ты деловой человек и везде найдёшь достойное место, — горячо и страстно убеждали они его.

Но мой отец остался верен родной земле, а они вскоре уехали в Штаты. Никогда не изгладится из памяти наша последняя встреча с ним и скорбный день его похорон, навсегда оставивший глубокий шрам в моей душе.

Помню, как первые семьи покидали Слободку. Их дворы заполнялись огромными контейнерами, доверху набитыми нехитрым скарбом. Люди верили, что смогут продать это имущество на чужбине, выручив деньги на первое

время. Лишь спустя годы они с горечью признавались, что большинство тех грузов так и не дошли до адресатов, растворившись на дорогах или став добычей грабителей.

Помню прощальные объятия, слёзы уезжающих соседей и друзей, с которыми была прожита жизнь. А на перроне вокзала, словно в насмешку над драмой, приглашённые музыканты натужно играли весёлые мотивы.

Помню, как шумно игрались свадьбы на Слободке. Мы, пацаны, с любопытством ждали минуты, когда из дверей спальни молодожёнов выйдет друг жениха. В руках он с гордостью держал платок с алыми пятнами крови — свидетельство чистоты и чести невесты. Этот древний ритуал был главным событием, венчающим родительские труды, и заветный платок обходился им в большие деньги.

Помню и слободские похороны, когда вся община единым сердцем оплакивала ушедших. Горе было общим, особенно когда земля принимала молодых парней, не успевших обзавестись семьёй.

Годы спустя судьба подарила мне встречи с прежними друзьями в Нью-Йорке и Мадриде, Берлине и Риме. Далеко не всем удалось дотянуться до юношеских мечтаний. И всё же они ни о чём не жалеют. Избавившись от былых оков, они обрели бесценную свободу — ту, что позволяет созидать и уверенно искать своё место в этом огромном, стремительно меняющемся мире. Прежние тесные границы Слободки для них раздвинулись, превратившись в бескрайнюю вселенную.

Но чтобы понять, как образовался этот уклад жизни на Слободки, нужно заглянуть вглубь веков и вспомнить, откуда пришли наши предки.

По одной из версий, евреи пришли на Кавказ в V веке нашей эры из Персии. В Дербенте же евреи начали селиться во времена хазарского правления. Известно, что правители Хазарского каганата перешли в иудаизм под влиянием общин Восточного Кавказа. К началу IX века иудаизм утвердился здесь как государственная религия, сделав хазар единственными носителями верования, основанного на законах Единого Бога.

Согласно легенде, это произошло в ходе диспута между представителями трёх религий. Через подобные богословские дискуссии прошли все кочевые каганаты евразийских степей и соседи

Хазарии: Дунайская и Волжская Булгарии, Русь, Алания. Хазарский случай уникален тем, что в качестве официальной религии был выбран иудаизм.

Очень хочется верить в эту сказочную легенду, чтобы гордиться успехами своих соплеменников, которые в далёком прошлом были столь влиятельны, что побудили к принятию иудейской веры могущественных правителей Хазарии. В основе преданий обычно лежат вымыслы, не связанные с реальными фактами. Но какое невероятное чувство — ощущать себя частицей развитого и просвещённого народа, пусть даже это пьянящее чувство не всегда выдерживает прямого столкновения прошлого с настоящим.

Если рассматривать события в хронологической последовательности, то большинство историков склоняются к тому, что в Хазарском каганате исповедовали иудаизм. Кто-то же убедил кочевников, что эта древнейшая монотеистическая религия, основанная на вере в единого Бога, — как раз то, что могло намертво соединить разрозненные племена кочевников в единый, монолитный и зажиточный государственный организм, способный на равных разговаривать с великими империями.

На этом историческом фоне численность горских евреев в Дербенте постоянно пополняли переселенцы из Ирана, Ирака и Византии, где была развита международная торговля — основа материального и финансового благосостояния жителей великих империй. Большинство прибывших из этих развитых и богатых регионов были людьми торговыми, которые в условиях неопределённости, смело принимали судьбоносные решения.

Горские евреи в те времена проживали на большей части каганата, созданного тюркским кочевым народом — хазарами. Ну не ашкенази же из Западной Европы, жившие за пять тысяч километров от границ каганата, примчались в безводные донские, волжские и кубанские степи, чтобы привить кочевникам иудейскую веру?

Но существует исторический миф — хазарская гипотеза происхождения евреев-ашкенази, согласно которой они являются потомками хазар.

Конечно, обосновать можно всё что угодно. В романе Грегори Дэвида Робертса «Шантарам» автор описывает, как двое прожжённых мафиози компетентно ведут диалог о сотворении Вселенной и смысле жизни. Я, умудрённый опытом горский еврей, прошедший жизненные испытания и лишения, был полностью

поглощён беседой двух отмороженных гангстеров. Мне казалось, что я присутствую на диспуте выдающихся учёных.

Я не буду заниматься словесной эквилибристикой и подтасовкой фактов. Скажу лишь одно, и это бесспорно: мой дедушка со своей семьёй и старшим братом переехали в Дербент из Баку и поселились в еврейской Слободке в 1920-х годах.

Но если хазарские времена во многом остались на страницах легенд, то более близкая история общины горских евреев зафиксирована в строгих военных архивах Российской империи.

Генерал-поручик В. А. Зубов, командовавший русскими войсками в Персидском походе 1796 года, в официальных донесениях указывал, что в Маджалисе — селе в Предгорном Дагестане на высоте 400 метров, — имелось до 200 домов евреев, живших компактно в собственном квартале. Чаще всего это были многодетные семьи. Это люди с самобытной культурой, патриархальным укладом, развитой частной собственностью и обширными связями на Кавказе и Ближнем Востоке.

В 1886 году в еврейском квартале Маджалиса уже действовали синагога и училище. Евреям принадлежали бакалейные и мануфактурные лавки, 70 саклей, 12,5 десятины пашни, 9 десятин покосов, три сада, 30 голов крупного рогатого скота и 25 лошадей; ещё 25 человек занимались выделкой кожи.

В 1920-е годы квартал был выделен в самостоятельный населённый пункт — село Еврейская Слобода. По данным на 1929 год оно состояло из 69 хозяйства. В 1930 году была создана еврейская земледельческая артель «Кирмизы», объединившая 12 хозяйств. Позже на её базе создали колхоз имени Кагановича, который в 1938 году объединили с колхозом «Первое Мая» села Маджалис.

После этого укрупнения горские евреи начали покидать село, считая, что оно ущемляет их интересы. В 46 километрах к востоку, на самом берегу моря, расположился Дербент — один из крупнейших торговых центров Переднего Востока с укреплённой гаванью. Туда и начали массово перебираться семьи из Маджалиса.

ГЛАВА 11

Вглядываясь в семейные фотографии, я впервые споткнулся взглядом об одну деталь: на старинном снимке дедушка предстал чисто выбритым. Казалось, он специально готовился к походу в фотоателье. Был он среднего роста, но на редкость плотного сложения. И даже выцветшая карточка отчётливо передавала, что бабушка была заметно выше него.

Я пытался воскресить в памяти: когда же в последний раз видел деда без его привычной бороды? Так и не вспомнил. С другой стороны — к чему эти пустые терзания? В моём сердце он всё равно запечатлелся властным, мудрым патриархом с окладистой седой бородой.

На фотографии он выглядел подтянутым, полным здоровья мужчиной, который уверенно смотрел в объектив. Широкий лоб, разлёт густых бровей, глубоко посаженные проницательные глаза и волевая ямка на подбородке — всё говорило о твёрдости характера и несгибаемом духе деда. Эти черты зачастую перерастали в чисто горское упрямство. За ним стояло не капризное «я так хочу», а тяжёлое, веское: «Будет именно так, как я сказал, чтобы все слышали!». Но удивительное дело — рядом с бабушкой этот грозный муж мгновенно становился смирным и даже покорным.

У деда были простые, как сама жизнь, правила: он придерживался библейских заповедей. И главная из них гласила, что каждый еврей обязан помнить день субботний и освящать его. Вознося кидуш — благословение, встречающее Шаббат, — дед помнил наказ мудрецов: мицва должна совершаться над бокалом доброго вина. Этим же правилом объяснялся и ритуал проводов субботней царицы — авдала.

Эта молитва, произносимая на исходе святого дня при первых вечерних звёздах, также неизменно творилась над чашей, полной вина.

Вино призвано подчеркнуть, что мы приступаем не к обычному утолению голода, а к праздничной трапезе. Оно обладает удивительным свойством веселить человеческие сердца. А когда его используют в священных целях, для почитания Субботы, то это вино «радует Бога», — говорил дед.

Признанный классик двадцатого века, чей уникальный литературный талант зацепил меня плотностью текста и абсолютной, раскалённой правдой жизни — великий писатель Сергей Довлатов — мой кумир, в чьих жилах текла еврейско-армянская кровь, —

безусловно, знал, что вино священно для иудеев. Но, к сожалению читателей, в Стране Советов он пил слишком много, отдавая предпочтение далеко не кошерным напиткам.

Мой дед, напротив, соблюдал кашрут — систему правил, определяющих дозволенность пищи по законам Галахи. В основе этих традиций лежат заповеди Торы и предписания, установленные мудрецами.

Один из главных законов — запрет на нечистую еду. К разрешённой пище относится мясо жвачных парнокопытных животных — коров, коз, оленей, — а также домашняя птица, рыба с плавниками и чешуёй, яйца кошерных пернатых, молочные продукты, свежие овощи и фрукты.

Ещё до наступления Шаббата отец с друзьями в складчину покупали корову. Местный резник брал острый как бритва нож и одним точным движением, чтобы не причинить лишних страданий животному, проводил шхиту — кошерный убой. Это одна из важнейших заповедей Торы, где сказано: «...и режь из крупного и мелкого скота твоего... как едят серну и оленя, так можешь есть это...» (Дварим, 12:21, 22). Из этих строк ясно, что вкус мясных блюд — будь то домашняя скотина или дикий зверь — дозволен иудею только после шхиты.

Много лет спустя, будучи советником губернатора Волгоградской области Николая Кирилловича Максюты, я встретил в приёмной молодого человека в кипе. Мы познакомились с ним ещё в самолёте, летевшем из Тель-Авива в Волгоград. Был в жизни чудесные времена, когда можно было напрямую долететь из волгоградских степей до Земли Обетованной всего за три часа!

Мы разговорились. Не став расспрашивать, какие дела привели его из Израиля в наши края, я пригласил парня домой на ужин. Он отнекивался под разными предлогами, но в конце концов сдался — против моего кавказского упорства и авторитета советника губернатора у него просто не нашлось аргументов.

— Послушай, Ильясаф, — вежливо обратился он, — я ем только кошерную еду.

— Ну и отлично! — наскоро отмахнулся я, не придав тогда значения серьёзности этого предупреждения.

Моя супруга подошла к приёму заграничного гостя со всей обстоятельностью. Стол буквально ломился от закусок: от хрустящих солёных огурчиков и помидоров до дорогих мясных деликатесов. В

центре аппетитно дымилась традиционная долма и источала аромат жареная дюшбара по-дербентски. Бутылки выдержанного вина, водки и коньяка дожидались своего часа.

Каково же было моё изумление, когда гость, присев к столу, неспешно щёлкнул замками дипломата. Спокойно, без тени смущения, извлёк оттуда домашние бутерброды, а в завершение достал маленькую бутылочку кошерного красного вина. Парень вежливо извинился. Я же, мгновенно вспомнив слободскую юность, не стал его уговаривать, интуитивно понимая.

«Как же могло такое случиться? — думал я, исподтишка разглядывая молодого израильтянина. — Почему я, рождённый и выросший в ортодоксальной семье, так легко потерял духовную связь со Всевышним?»

Я лишился божественного покровительства в тот день, когда впервые ослушался отца. Он был решительно против моего отъезда на учёбу в Волгоград, предупреждая: «В России девчонки его испортят, и в результате мы получим совсем другого сына». Но кто в семнадцать лет прислушивается к родительским наставлениям? Не зря мудрый царь Соломон в Книге Притчей оставил главную истину: «Слушайся отца твоего: он родил тебя…». Тогда, на пороге юности, я был слишком уверен в своей правоте и оставался глух к этим словам. Ведь, возможно, я и сам теперь виноват в отношении сына ко мне — жизнь просто вернула мне мой юношеский долг.

В последнее время мир вокруг нас круто изменился, став циничным и эгоистичным. Моральная обязанность ответить благодарностью тому, кто проявил доброту, помог в беде или вложил в тебя душу, перестала быть для многих ориентиром. В такие минуты я вспоминаю индийскую пословицу: «Если ты увидишь, что река потекла вспять — знай, это кто-то где-то ответил добром на добро».

В современном мире искренняя человеческая благодарность — это редкое чудо, способное повернуть вспять холодное течение жизни. И мне, вопреки всем ударам судьбы, до сих пор отчаянно хочется верить, что этот духовный закон сработает. Индусы, как и евреи — мудрые народы; они прошли сквозь века и свято чтят традиции.

У нас на Слободке любили отмечать Рош ха-Шана — еврейский Новый год, наступающий в середине осени, в новолуние месяца тишрей. Согласно Талмуду, в эти дни Всевышний делает запись в Книге Судеб, оценивая поступки человека за прошедший год,

а в Йом-Кипур окончательно скрепляет этот небесный приговор. В Судный день верующие соблюдают строгий двадцати пятичасовой пост, полностью отказываясь от пищи и воды. Большая часть времени проходит в глубоких молитвах и посещении синагоги. Я не знаю, каялся ли дедушка, и если да, то о чём он просил Творца, бережно держа в руках священную Тору в дорогом переплёте.

Когда в Израиле я впервые пришёл в синагогу в Йом-Кипур, то был восхищён. В этот великий день религиозные и светские евреи по всему миру едины в стремлении достучаться до Небес и доказать, что достойны мирной, праведной жизни. В Судный день принято облачаться во всё белое — поскольку такие одеяния носят ангелы, служащие Всевышнему. Белый цвет ассоциируется с пророческими словами Исаии: «Если будут грехи ваши как багряное — как снег убелю; если будут красны как пурпур — как волну убелю» (1:18).

Но для нас, слободских пацанов, самым желанным торжеством оставался Песах — праздник в память об Исходе из Египта. Мудрецы учат, что Исход — это не просто историческое событие, а непрерывный духовный процесс, который и по сей день формирует самосознание нашего народа. Первый урок, который мы можем извлечь из этой истории, заключается в том, что евреи не должны забывать: они сами были пришельцами в земле египетской. И именно поэтому нашему народу заповедано относиться к вдовам, сиротам, чужеземцам и беднякам с искренней любовью и щедростью.

Исход также напоминает нам, что рабство может выражаться по-разному. На место египетских рабовладельцев приходили другие правители и режимы, от которых зависела судьба евреев. Но физическая свобода должна сочетаться со свободой духовной. А она рождается в момент, когда мы чтим традиции своего народа.

Известно, как происходил исход евреев из Испании, Франции, Англии, Германии и России — везде их ждали унижения, преследования и отъём имущества. Читая Фейхтвангера, я удивлялся смелости еврейского народа: люди за бесценок распродавали нажитое и уходили из насиженных мест в полную неизвестность. Насколько же они были сильны духом, если на первое место неизменно ставили принадлежность к избранному народу.

Июнь 1967 года. Еврейская Слободка Дербента замерла, прильнув к радиоприёмникам. Мы со страхом и надеждой слушали «вражеские голоса»: Израиля, США, Англии. Еврейский народ, прошедший инквизицию, Холокост и пятую графу, восстал из

небытия. Израиль за шесть дней повзрослел на две тысячи лет, обеспечив своему народу достойное место в истории. Гордость, граничащая порой с высокомерием, была главным итогом Шестидневной войны. Мы на Слободке почувствовали, что стали частью далёкой, но родной страны. В нашем сознании призыв «В следующем году в Иерусалиме!» становился реальностью ближайшего будущего.

— Эта Зоов — старая карга, ходит по дворам Слободки и вещает, как хорошо живётся людям в Израиле, — с неудовольствием пробормотала мама, склонившись над кастрюлей с горячим борщом, где плавали жирные куски мяса. — Делится историями, будто там текут молочные реки с медовыми берегами. Что они там даже на ночь двери на замок не закрывают. Велика радость в двадцати сортах мороженого, как будто нельзя обойтись одним дербентским! — продолжала она ворчать. — Вот такого борща, как у меня, в Израиле точно никто не сварит.

На этом она окончила монолог и поспешила на улицу — ей не терпелось разузнать, какие ещё невероятные слухи Зоов успела пустить в её отсутствие об этой непонятной, но завораживающей стране.

Тётя Зоов, мать семерых детей, обладавшая магической силой убеждения, была главной вдохновительницей на Слободке. Она первой уехала в Израиль. Через время она вновь объявилась в Дербенте, и это возвращение, как считали многие старожилы, послужило толчком к новому Исходу. Разные небылицы рассказывали про неё. Поговаривали, будто она израильский шпион и её специально заслали в Союз, чтобы агитировать горских евреев на выезд. Но люди на Слободке уже сами жаждали перемен. Они верили, что там, «на другой планете», обязательно найдут счастье и заживут достойно.

Надежда даёт силы для движения, и мы поднялись и пошли. Сегодня представители нашей общины занимают видное положение во многих странах мира: в США, государствах Евросоюза, Канаде, Австралии, России, Азербайджане и, конечно, в Израиле — на нашей исторической Родине. Иначе и быть не могло, ведь наш народ всегда отличался трудолюбием и деловой хваткой. Задумайтесь: только в Дагестане среди горских евреев было восемь Героев Социалистического Труда! Представьте себе: в советские годы, в преимущественно мусульманской республике — и вдруг высшие государственные награды у еврейских тружеников! Как же

самоотверженно нужно было работать, чтобы трудовые подвиги моих земляков советская власть просто не имела права не заметить.

ГЛАВА – 12

Мои друзья из Казахстана после десятидневного визита в Израиль устроили прощальную вечеринку в ресторане Тель-Авива. Было далеко за полночь, а ночная жизнь города только входила в свои права. Один из приглашённых попросил слова:

— Я не знаю, как мне быть и что я буду рассказывать отцу и друзьям об увиденном, — говорил он тихо, словно стесняясь своих мыслей, но продолжал искренне делиться тем, как изменилось его отношение к моей стране.

— Наверное, твой отец ждут нелестных отзывов об Израиле? — спросил я. Он молча кивнул и продолжил:

— То, что я увидел здесь, перевернуло моё представление об Израиле и еврейском народе. Но почему по телевизору показывают только негативные стороны? — обратился он к коллегам. — Мне показалось, что на самом деле здесь не семь миллионов жителей, а все семьдесят — настолько энергично живут израильтяне. Я стал доверять евреям. Они ценят традиции и дорожат своими корнями.

—Шаббат, когда дела, работа и хлопоты уходят на второй план, вырывает человека из безумного мира и погружает в атмосферу семьи, где за общим столом собираются любящие тебя люди, — это высший пилотаж, который сделал Всевышний — увлечённо рассказывал гость. — И на меня, человека другой культуры, картина этого семейного единения произвела сильнейшее впечатление.

Когда в Большой синагоге в Иерусалиме раввин собрал нас, туристов, для беседы, объясняя основы иудаизма и рассказывая о традиции Шаббата, он ответил и на мой вопрос о значении Шаббата в жизни современных евреев: «Празднование Шаббата намертво скрепляет поколения. Не зря великие мудрецы говорили: не столько евреи сохранили Шаббат, сколько Шаббат сохранил еврейский народ».

Шум застолья нарастал, звенели хрустальные бокалы, мужчины делились эмоциями от поездки. Но почему, сидя за этим весёлым столом, я вспомнил весточку от женщины, с которой когда-то меня связывали дружеские отношения, — до сих пор не могу осмыслить. Почему прошлое, казавшееся запертым на замок, ворвалось в настоящее, унося к началу этой истории?

«Илюша, чтобы ты был здоров! Вспомни что-нибудь о нашем классе. Читаю твои рассказы со слезами на глазах. Прошла вечность, а мне кажется, что всё это было только вчера. Лиза Ягудаева».

Тогда я не придал этим строкам значения. Проигнорировав послание, я просто удалил его, как многие другие неважные сообщения. Но оно прочно сохранилось в памяти, а впоследствии легло в основу этого короткого повествования.

В полдень пятницы Израиль на всех парах мчится навстречу субботнему покою. Кажется, что нет ничего важнее того, что позволило бы семье, сидя за шаббатним столом, вкусно и сытно поесть и выпить в чудесной компании пару бокалов красного кошерного вина. Мой друг как-то написал мне: „Еврейский народ поразительно мудр. Придумали ещё три тысячи лет тому назад безупречный и столь необходимый даже для современного человека праздник, когда Господь Бог обязывает тебя провести святой день в кругу семьи, за общим столом“. И это сущая правда, Шаббат — бесценный дар Творца.

Жизнь перед Шаббатом в Нетании бурлит. Казалось все жители разом высыпали на рынок, где царил безумный, ажиотажный спрос, искусно подогреваемый восточными торговцами. У них это здорово получается, они настоящие виртуозы своего дела. Как и все, я готовился к встрече субботнего вечера. Вдруг в этой базарной суматохе меня кто-то окликнул. Подумав, что послышалось, я замер и удивленно огляделся, однако никого из знакомых вокруг не увидел. Но вскоре тот же женский голос с легкой хрипотцой громко и отчетливо снова позвал меня, произнеся забытое прозвище — Англичан.

— Илюша, обернись, я за тобой!

Повернувшись на знакомый голос, я увидел женщину, которая обеими руками зазывала меня.

— Илюша, да ты что, не узнал? — спросила она изумлённо. — Это же я, Лиза Ягудаева!

Я замешкался. Было нестерпимо стыдно, что не сразу признал в ней бывшую принцессу нашего класса. Романтичная, с точёной фигурой, рыжеволосая, с ослепительно белой кожей и карими глазами — Лиза обладала тонкой душевной натурой. Она неизменно оставалась центром наших тусовок, легко решая проблемы пацанов из 10-го «А». Ребята постарше шептались, что эта девушка станет неотразимой женщиной.

Но Лиза свооих одноклассников, жутко разочаровала, внезапно выскочив замуж за отъявленного городского хулигана и наркомана. «Ну как же так?!» — сокрушались мы, узнав об этой драме. Не зря ведь говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает».

Передо мной стояла уставшая женщина с потухшими глазами. Землистый оттенок кожи и резко очерченные скулы придавали некогда прекрасному лицу жесткие, почти мужские черты. В одной руке она держала зажженную сигарету, а другой проворно тасовала табачные пачки, зазывая покупателей низкой ценой на подделки американских брендов. Мне до боли хотелось исчезнуть, слиться с толпой веселых, беззаботных людей, словно этим бегством можно было отделить воспоминания юности от суровой реальности дня.

Не дал Всевышний нам возможности возвращаться назад, чтобы стереть горькие эпизоды и начать всё заново. Не позволил Он вычеркивать из судьбы необдуманные поступки, совершенные по неопытности, горячности или гордыне.

Лиза, почувствовала мое состояние. Я был в полном смятении, настроение от увиденного упало ниже плинтуса — и это в Шаббат! Подумал я про себя, стараясь оставаться предельно деликатным. Продавцы на восточном рынке тонко видят людей и профессионально манипулируют их эмоциями». Она же, как ни в чем не, бывало, предложила мне выпить по чашке кофе.

— Здесь рядом готовят отличный турецкий кофе, — не дожидаясь возражений, Лиза запросто, как в нашей далекой молодости, взяла меня под руку и потянула за собой. Я не сопротивлялся — мне захотелось устроить этой женщине пусть маленький, но праздник в субботний день. Букет из алых роз, который я купил и вручил ей по дороге к кафе, привел её в неописуемый восторг.

— С тех пор как вышла замуж, мне никто и никогда не дарил цветов, — грустно сказала она, нежно прижав их к лицу.

В кафе было многолюдно, но нас проворно обслужили, и вскоре горячий, с плотным ароматом кофе дымился на столе.

— Не удивляйся, меня здесь знают все, я ведь базарная торговка, — задумчиво сказала она и стала нахваливать кофе. — Илюша, не спрашивай ни о чём и не жалей меня. Это непоправимая ошибка молодости, и я до конца донесу свой крест, — произнесла она. Спохватившись, с интересом начала расспрашивать о моей жизни.

Говорили обо всём и обо всех. Она живо интересовалась судьбой общих друзей: кто где живёт и кто на ком женился. И вдруг с улыбкой на оживлённом лице интригующе спросила:

— Илюша, помнишь ту историю в десятом классе, когда мы разыграли Ковалёва Сашу с той девчонкой? Как её, кстати, звали? Все мальчишки были влюблены в неё. Было бы здорово, если бы ты рассказал об этом в одном из своих рассказов, хотя мне до сих пор стыдно за тот наш поступок.

— Её звали Вика, — ответил я.

За разговорами мы не заметили, как толпы покупателей стали редеть. Это означало одно: совсем скоро Шаббат войдёт в свои права.

— Знаешь, Илюха, — тихо сказала Лиза на прощание, — если бы твои родители тогда пришли сватать меня, я бы не раздумывала ни минуты. Но ты был увлечён другой, а моя гордость не позволила признаться в чувствах. С этим горьким откровением я живу много лет, оно до сих пор в моём сердце.

«Пей воду из твоего водоёма и текущую из твоего колодезя». Книга притчей царя Соломона. Разве я мог подумать, что, прожив жизнь, осознаю: эта цитата стала поучительной и для меня.

Её тихие слова о том, что ей давно никто не дарил цветов, ещё долго отзывались во мне щемящей грустью. Я шёл сквозь редеющую толпу и думал, как изменилось наше время. Романтика и простые житейские радости ушли на второй план, уступив место эпохе практичности.

Появление модной вещи мгновенно вызывало ажиотаж. В погоне за материальным люди теряли голову, выстраивались в очереди и готовы были отдавать последние деньги. Но то, что простой букет цветов способен согреть женскую душу, я по-настоящему понял, лишь когда перешагнул сорокалетний рубеж.

Вспоминая Лизу Ягудаеву и то, с каким восторгом она любовалась букетом роз, я обязан рассказать историю, приключившуюся со мной много лет спустя в Кисловодске. Это событие навсегда врезалось в мою память. А началось всё с обычного телефонного звонка.

— Илья, привет, — услышал я в трубке знакомый голос. — Ты где сейчас? — поинтересовался он привычным командирским тоном.

— Я в Кисловодске, — с лёгким недоумением ответил я Владимиру Григорьевичу, которого уже стал забывать.

Есть категория людей, которые из гордости никогда не наберут твой номер первыми, даже если им это очень нужно. Они будут терпеливо ждать твоего звонка, чтобы потом как бы невзначай обронить: «Слушай, как раз хотел с тобой связаться», — и лишь после этого перейдут к сути. Но сейчас Владимир Григорьевич — поистине легендарная личность, бывший генеральный директор крупнейшего в стране трубного завода — звонил сам.

— В Кисловодске? Это просто здорово. У меня к тебе небольшая просьба.

Минуту помолчав, словно взвешивая, стоит ли обременять этим не самого близкого знакомого и смогу ли я достойно исполнить деликатное задание, он продолжил:

— Послушай, Илья, сегодня в Кисловодске открытие театрального сезона в театре «Благодать». Мы спонсируем этот театр. Ты сможешь от моего имени вручить букет цветов директору, Валентине Петровне?

«Я так и думал, что просьба будет связана с женщиной, и не ошибся», — промелькнуло в голове.

— У меня не получается сделать это самому, — добавил Владимир Григорьевич. — Ты не волнуйся, я компенсирую все затраты при встрече.

Лучше бы он не заговаривал о деньгах — всю интригу и романтику момента поломал.

— Да, конечно, я обязательно исполню Ваше поручение, — твёрдо заверил я его и пообещал сделать всё на самом высоком уровне. — Не беспокойтесь, Ваша дама будет довольна.

На этом разговор закончился.

Вскоре охапка великолепных красных роз легла на стол милой девушки — хозяйки цветочного магазина. Она с интересом принялась собирать праздничную композицию.

— Вот бы почаще таких клиентов под конец рабочего дня… Откуда только берутся подобные щедрые заказчики, и где Вы вообще обычно покупаете цветы? — тихо шептала она, словно боялась спугнуть удачу.

Одна женщина работает не покладая рук, чтобы угодить другой, — вот тебе и вся правда жизни. А руки её, исцарапанные и в занозах, проворно создавали букет по правилам, известным только ей одной.

«Интересно, как она сама реагирует на цветочные подарки?» — подумал я и попросил девушку собрать ещё один небольшой букетик на её профессиональный вкус.

Обе композиции получились необычными: одна маленькая, из яркого разноцветья, другая — масштабная и невероятно элегантная, из алых роз.

— Этот букетик — мой презент Вам. В знак благодарности за работу. Вы своей фантазией сотворили чудо.

Она не сразу осознала, что происходит, но её восторг я чувствовал почти физически. Я и сам до конца не понимал природу своего порыва, но удовольствия получил едва ли не больше, чем уставшая цветочница от неожиданного знака внимания.

В театре было много посетителей. Увидев меня с роскошной охапкой роз, работница фойе проворно подошла ближе.

— Вы, видимо, к Валентине Петровне? — спросила она уверенно, словно в этих стенах больше не было дам, способных получать такую красоту. И тут же добавила: — Сейчас доложу ей.

Я терпеливо ждал, разглядывая портреты великих русских полководцев, завоевателей Кавказа. При этом делал вид, будто мне безразличны косые взгляды женщин в изысканных нарядах, прохаживающихся мимо. На меня или на алые бутоны в моих руках смотрят они украдкой? Гадал я, а в мыслях фантазировал о Валентине Петровне. Кто она — эта незнакомка, которая, сама того не ведая, подарила мне интригу и несколько приятных часов в размеренной курортной жизни?

Господи, разве я пошёл бы на такой безрассудный поступок ради супруги? Она сделала меня счастливым мужем, воплотив мою главную мечту — родила сына, ставшего смыслом всей моей жизни.

«Ты ни разу не подарил мне даже простой букетик!» — упрекала меня жена в разгар семейных размолвок. А было время, когда она считалась одной из самых красивых девчонок в институте, я же был влюблён в неё по самые уши, и те воспоминания до сих пор не оставляют меня. Сегодня я стоял в ожидании незнакомой дамы, чтобы вручить ей роскошные розы. Дожив до возраста, когда к твоим советам прислушиваются, я так и не понял до конца, что значит для женщины этот жест. Какая глубинная романтика кроется в этом простом действии.

Подумав об этом, я вспомнил интервью корреспондентки Первого канала, которое она брала у москвичек на улицах столицы в преддверии Восьмого марта. Журналистка задавала всем один и тот же вопрос: «Какого презента Вы ждёте от ваших мужчин в этот весенний праздник?». Большинство в один голос отвечали: «Конечно, цветы, что ещё можно желать в этот день». Но запомнился мне ответ женщины, которая сначала обронила: «Хотелось бы букет…», — но чуть погодя с улыбкой добавила: «Но, если это будет безделушка с бриллиантом в карат, было бы гораздо лучше». Это тоже правда жизни, но уже совсем другая.

Валентина Петровна — красивая, мягкая, женственная — была в восторге от моего подношения. Казалось, она только что сошла с чудесной картины, висевшей в самом центре в фойе театра чтобы принять эти алые бутоны, и теперь торопилась снова взойти на своё законное место. Словно этой композиции не хватало для полноты её образа.

Женщины все разные: одни на вершине успеха; другие рядом с успешными мужчинами; третьи мечтают о достойном семейном очаге. Есть и те, кто временно потерял себя в этом огромном мире. Но у них всех есть общая черта — они любят цветы. Благодаря Владимиру Григорьевичу я постиг и эту истину. Спасибо ему за это.

ГЛАВА 13

Ровно через неделю в Кисловодске развернулись события, которые перевернули моё понимание мужской зрелости, заставив осознать: для настоящей любви не существует возрастных преград».

— Ты классная, просто Ангел! — сказал я проникновенно, заглянув в поразительно красивые голубые глаза женщины, которая повстречалась мне на узкой тропинке, ведущей к горе. Я уже спускался вниз, к знаменитой Долине роз, а она только поднималась наверх.

— Да, я знаю, — со снисходительной улыбкой ответила она. Затем, изящно обогнув меня на тропе, непринуждённо добавила: — Мне многие об этом говорят, так что вы не оригинальны в этом.

— Одну минуту, — приветливо улыбнулся я, стараясь оставаться безупречно вежливым.

Но её пронзительно-жёсткий взгляд сверкнул подобно молнии. Он буквально ошеломил меня и вмиг охладил мой внезапный пыл. «Путного из этой затеи всё равно ничего не выйдет, — подумал я с лёгкой досадой. — Тем более, мне вскоре возвращаться домой. Пусть идёт своей дорогой». Но свою визитку я всё-таки успел ловко опустить в оттопыренный карман её ветровки.

— Позвони мне! — бросил я вслед, помахав рукой, как старой знакомой.

— Конечно, непременно позвоню, — не оборачиваясь, высокомерно ответила она и скрылась за поворотом.

Спустя несколько минут я замер у развилки, откуда тропы расходились в стороны. Мысли вихрем кружились в голове, захватывая сознание. Похоже, я втрескался как мальчишка и влип по полной программе. Размышляя над тем, что произошло, я подумал: возможно, это судьба, не упусти шанс. Приятные ощущения разжигали чувственные фантазии, поэтому вопрос, ждать ли эту дерзкую красавицу, не стоял: я потерял способность двигаться и встал как вкопанный.

И всё-таки чудеса случаются: через несколько мгновений она вновь оказалась лицом к лицу со мной.

— Надеюсь, вы не очень долго меня здесь дожидались? — насмешливо-кокетливо спросила голубоглазая брюнетка. — Только не подумайте, что я так скоро вернулась ради вас, — и как ни в чём не бывало встала рядом.

— Конечно нет, — равнодушно ответил я. — Я всё забыл. — Всем видом я постарался показать безразличие.

— Великолепно! — нервно воскликнула она и, рассмеявшись вполголоса, добавила: — Выбирайте, по какому маршруту вы пойдёте, а я двинусь другим.

Растерянно взглянув на меня, она торопливо пошла вниз, к центру города.

— Замечательно! Я пойду Вашей дорогой, — не задумываясь, весело отозвался я и поспешил следом.

Что это было — счастливый случай или подарок судьбы? Всевышний учит, что случайностей не бывает, и у каждого мимолётного совпадения есть скрытый смысл. Я шёл за ней шаг в шаг и размышлял, как поразительно устроен этот мир. Всего несколько минут назад мы были чужими, а теперь я ловлю каждое движение её плеч и боюсь упустить её из виду.

— Но зачем нам идти вразнобой к одной цели? «Ведь вдвоём вдвойне веселей!» — произнёс я, вспомнив строчки из популярной песни молодости.

Я старался, желая приукрасить свои достоинства. Убеждал её, что со мной будет интересно, вспоминал истории и даже напевал попурри каспийских песен, которыми мы когда-то открывали и завершали мальчишеские походы к морю, — они получались особенно выразительными. В конце концов она сдалась.

— Хорошо, вы можете идти рядом, но не слишком близко, — едва слышно произнесла она и запнулась.

Всё смешалось в голове: фантазии, грёзы, реальность. Это был не сон и не кадры из восточного кино — женщина, о которой я мечтал час назад, уже шагала со мной. «Какой же я всё-таки молодчина!» — мысленно нахваливал я себя. Восхищаясь своей дерзостью, я уже строил грандиозные замыслы на вечер.

— Да, конечно, — покорно согласился я, взглянув на неё.

Никогда не думал, что голубые глаза могут быть такими колючими и дерзкими. «Но эти глаза, какими бы они ни были, уже мои», — думал я и весело зашагал рядом со своей спутницей.

Я наслаждался моментом, чувствовал себя молодым и желанным. Подобные ощущения придают взрослым мужчинам, невероятную силу, помогают воплотить самые фантастические планы. Мне казалось, что я теряю чувство времени, и очень хотелось взглянуть на себя со стороны. Какой я на самом деле? Почему эта молодая, красивая незнакомка заинтересовалась мной и что она успела разглядеть за столь короткую встречу?

— Вы слишком самоуверенный и самовлюблённый мужчина, — спокойно, без интереса произнесла она. Её насмешливый взор скользнул по моему восторженному лицу, словно она без труда прогуливалась по моим тайным мыслям. — Я не туристка, вы зря будете тратить драгоценное время, — критически окинув меня взглядом, она ускорила шаг.

Вскоре мы вышли на главную аллею, ведущую к центру Кисловодска, и пёстрая толпа отдыхающих становилась всё плотнее.

—Знаете, я бы не хотела, чтобы нас видели вместе. Наш город маленький, обязательно кто-то из друзей встретится. Потом ведь не наберёшься вопросов: кто такой, почему он рядом… — она медленно, с расстановкой выбирала фразы. — Меня привыкли видеть одну, и вдруг рядом чужой человек, — говорила она, слегка стесняясь этого признания.

— Знаю по себе, одиночество — паскудное состояние души.

Я прекрасно её понимал и не собирался спорить. Мне и самому не хотелось, чтобы кто-то из знакомых застал меня на прогулке с незнакомкой.

— Заметьте, зато какой кавалер рядом с вами! — попытался я отшутиться. — Вам будут только завидовать.

Она доброжелательно, с любопытством посмотрела на меня — видимо, хотела отыскать черты, которые могли бы удивить её подруг или недоброжелателей. Её взгляд стал другим: тёплым, изучающим — я ей нравился.

— Кстати, как вас зовут? — спросила она и, не дожидаясь ответа, протянула руку: — Меня зовут Стелла.

«Ничего себе!» — подумал я. В моей судьбе ведь уже была одна Стелла Петросова. Та самая девочка, которую я, нахально проявив смелость, впервые в жизни поцеловал в щёчку. Произошло это непредсказуемо от избытка детских эмоций.

Мы, первоклашки, всегда возвращались со Стеллой одной дорогой — жили почти на соседних улицах. Проще говоря, мы дружили и нравились друг другу. И вот однажды, не совладав с робким порывом, я поцеловал её и убежал сломя голову. Но вслед за этим случилось непоправимое: через несколько дней Стелла перешла в 115-ю школу, считавшуюся лучшей в городе. Я глубоко страдал от этой разлуки, сотни раз наворачивал круги возле её дома, надеясь на случайную встречу. Но больше мы никогда так и не увиделись.

«Что это — подарок судьбы за мои детские слёзы?» — промелькнуло в голове. Но я вовремя спохватился и ответил на её тёплое рукопожатие. Слегка сжав ладонь, я улыбнулся:

— А меня зовут Ильясаф.

— Видите, что я говорила! Навстречу идёт моя близкая знакомая, — Стелла видом показала, что я лишь прохожий на её пути.

Я послушно ретировался, пригляделся к приближающейся женщине и обомлел — это была моя кузина! Никто не успел сообразить, как наш треугольник распался и каждый поспешил продолжить путь.

— Теперь весь Кисловодск будет судачить, что я разгуливаю с чужим мужчиной, — Стелла выглядела обескураженной.

Я же думал о своём: родственники точно станут твердить, будто я наконец-то нашёл себе женщину, раз так открыто прохаживаюсь с ней по парку.

— Я виноват перед Вами, — попытался я оправдаться, — и, готовый искупить вину, приглашаю Вас вечером в театр «Благодать».

— Я знаю этот театр, — сухо ответила она и добавила со скепсисом: — Там никогда не бывает свободных мест.

Билетов в кассе действительно не оказалось. Она облегчённо вздохнула:

— Сама судьба подсказывает, что пора расставаться.

— Подождите, может, мне повезёт, и я всё-таки раздобуду пару билетов? — попытался я остановить Стеллу.

— Вы зря стараетесь, будет проще, если мы попрощаемся и каждый пойдёт своей дорогой, — однако в её голосе уже звучали нотки досады. Она не хотела уходить, и это было очевидно.

Просунув в окошко солидную купюру, я попросил у кассира телефон руководителя. Стелла с удивлением посмотрела на меня — наверное, решила, что я просто дурачусь. Но она с любопытством наблюдала за мной. Я набрал номер и попросил пригласить к аппарату Валентину Петровну. На другом конце провода меня деликатно спросили:

— Как вас представить?

— Илья, — ответил я. — А если правильно — Ильясаф.

— Валентина Петровна, здравствуйте! Я в Кисловодске, и мы хотим прийти в ваш театр, но мне говорят, что свободных мест нет.

— Илья, дорогой, мы, конечно, найдём пару кресел и будем

ждать вас к восемнадцати часам, — тепло ответила Валентина Петровна, героиня моего недавнего рассказа «Цветы».

Стелла смотрела на меня с нескрываемым восхищением.

— Вы меня убедили, я готова пойти с вами. Заезжайте в 17:30, адрес сообщу позже.

Вскоре два роскошных букета по двадцать пять роз в каждом уже лежали на заднем сиденье такси, и я мчался навстречу Стелле. Она была в восторге от цветов. Искренне восхищалась их красотой, а затем, растрогавшись до слёз, чуть слышно прошептала:

— Мне не дарили таких огромных букетов роз.

Больше она не произнесла ни слова по дороге в театр.

Два персональных места в первом ряду ещё сильнее удивили Стеллу. Но когда во время антракта я вышел на сцену и вручил букет Валентине Петровне, сказав короткую речь, моя спутница была окончательно поражена. Этот жест растопил её ледяную уверенность. Позже в уютном зале на нижнем этаже для нас накрыли столик на двоих, и вечер продолжился в романтическом духе.

Всё время я ловил на нас взгляды людей за соседними столиками. Им было чему завидовать. Рядом со мной — ослепительно красивая спутница и огромный букет роз, едва умещающийся на маленьком столе. Возраст для мужчины — не преграда, если он убедителен, силён духом, настойчив и последователен. Такой человек везде и во всём победитель. Иначе зачем вообще жить на свете?

— Сколько тебе лет? — неожиданно мягко спросила Стелла, делая вид, будто для неё это совсем не важно.

«И что мне ответить? — думал я. — Как признаться, что я уже перешагнул солидный рубеж?»

— Если хотите, можете не отвечать на этот глупый вопрос, — прошептала она, заметив моё смущение. — На самом деле у настоящих мужчин нет возраста.

Затем Стелла взяла мою руку, приподняла её и прикоснулась губами к открытой ладони. Нежно поцеловав её, она тихо произнесла:

— Прости.

Я онемел, поражённый случившимся. Этот чудесный миг, ставший мостом между прошлым и будущим, переполнил мою израненную, давно нуждавшуюся в тепле душу и навсегда остался в памяти.

Всему есть начало и конец. Прощаясь, Стелла с едва заметной тревогой спросила:

— Завтра увидимся?

— Да, конечно! — грустно ответил я.

Этот волшебный день подходил к концу, унося вихрь эмоций. Но он подарил бесценную возможность — снова, как в бесшабашной молодости, почувствовать грани романтики.

Спасибо тебе, Господи, за то, что остановил меня на развилке! Твоя посланница наполнила сердце энергией и любовью. Своей нежностью и кротостью, смелостью и гордостью, настойчивостью и терпением она помогла мне осознать главное: с возрастом жизнь не кончается.

Прошло время, я стал забывать о том чудесном случае, как мне приснился сон. В нём я оказался гостем на шумной вечеринке. «На чужое торжество с пустыми руками не ходят», — промелькнуло у меня в голове, и я медленно направился к выходу из бара. В этом сверкающем огнями зале, посреди толпы веселящихся мужчин и женщин, я тщетно пытался отыскать хотя бы одно знакомое лицо — увы, вокруг были лишь чужие люди.

Я поймал себя на мысли, что и сам очутился здесь абсолютно случайно. Терпеть не могу подобные праздники одиночества, где тебя никто не видит и не замечает, где ты чувствуешь себя лишним. Ускорив шаг, я оказался на улице.

Оглядевшись, я заметил женщину небольшого роста в аккуратном берете, стильном плаще-макинтоше серо-коричневого оттенка и коротких сапожках на высоких каблуках. Тонкая полоска выглядывавших носочков идеально совпадала по цвету с плащом, придавая её ногам утончённую изящность.

Она стояла на лестничной площадке, плавно пританцовывая в такт приглушённой музыке, доносившейся из бара. В правой руке незнакомка держала потёртый кожаный портфель, а левой прижимала к груди скромный букет полевых цветов. Её пластичные движения внушали невольное уважение, а стильный наряд с безупречно подобранными аксессуарами придавал ей чарующую экстравагантность.

Мысли и тысячи вопросов кружились в голове. Я терялся в догадках, пытаясь сообразить: реальность это или наваждение? «Кто эта женщина, чёрт возьми, и куда она направляется?» И почему незнакомый человек притягивает меня, словно мощный магнит?

Обернувшись ко мне, она, как ни в чём не, бывало, словно мы тысячу лет были знакомы, спокойно и непринуждённо, в шутливо-приказном тоне обратилась ко мне:

— Я тебя дожидаюсь давно и собираюсь уходить, догоняй! — легко, словно продолжая пританцовывать, она пошла вверх по ступеням.

Я, словно заколдованный, двинулся следом.

— Но послушайте, — попытался я возразить, — эта лестница никуда не ведёт, в том направлении нет пути.

— Не тревожься, дорога и выбор есть всегда, следуй за мной, — уверенно ответила она. Немного помолчав, незнакомка продолжила:

—Если ты проявишь мужской характер и поможешь женщине, это будет достойный поступок.

Она протянула мне портфель, свободной ладонью доверчиво опёрлась на моё плечо и воскликнула:

— Вместе с тобой легче идти даже вверх по лестнице!

Моя попутчица облегчённо вздохнула. Видимо, она хотела добавить ещё пару лестных слов, но, заметив, что я не настроен на позитивный разговор, тоже замолчала. «Господи, — просил я, — помоги вспомнить, откуда знаю эту женщину».

— Не пытайся вспоминать, и Всевышний тебе не поможет — мы не знакомы, — ответила она на мой немой вопрос, словно с лёгкостью читала мои мысли. Прижавшись крепче к плечу, она тихо прошептала: — Приятно пахнешь, мне всегда нравился этот аромат. Прекрасно, просто великолепно заканчивается день: в одной руке охапка полевых цветов, а под другую руку я держу мужчину с запоминающимся парфюмом.

Помолчав, она добавила:

— Ну, о чём может мечтать счастливая женщина? — задумчиво спросила она себя, кокетливо взглянула на меня и ускорила шаг.

— Если вопрос ко мне, то я в недоумении, — растерянно ответил я. — Я не был бы сегодня одинок, если бы знал, о чём мечтают наши избранницы, — мысленно воззвал я к Создателю: — Господи! Если эта встреча — дело Твоих рук, сделай так, чтобы этой лестнице не было конца.

— Нет, нет, скоро всё закончится, и мы навсегда расстанемся с тобой, — она ненадолго умолкла, но вскоре заговорила вновь: —

Немного терпения и чуточку настойчивости, и мы у цели, — убеждала меня эта удивительная женщина.

Ещё несколько шагов, и мы оказались на вершине холма. Внизу простирался город, залитый морем вечерних огней».

— Твоё место там, в этом мегаполисе. Он будет твоим, если будешь действовать энергично и с непоколебимой решимостью, — затем она продолжила с благодарностью:

— Этот букет полевых цветов в моей руке — твой подарок той незнакомой женщине, которую ты искренне осчастливил.

Взяв короткую паузу, моя спутница с горечью произнесла:

— Жаль расставаться, но такие правила. Хочу сделать тебе ответный презент, — она открыла портфель и с интригующей улыбкой на ангельском лице произнесла: — Он у меня волшебный, в нём миллион заветных устремлений. Ты можешь выбрать любое, и оно станет подспорьем в твоей судьбе.

Она и на этот раз угадала моё заветное желание. Волшебная фея, мой ангел-хранитель, неожиданно появилась в моём сновидении, придала мне надежду, веру, вернула силы и так же внезапно растаяла.

Моё главное стремление — говорю об этом без стеснения, во всеуслышание — найти женщину, без которой не смогу жить. Впереди жизнь, мы вместе непременно добьёмся успехов.

Мне неведомо, кем я был в прошлом и какой будет моя судьба. Мне не дано знать, сколько времени осталось у меня для жизни и когда мой земной путь пересечётся с траекторией движения чёрного верблюда смерти. Но я знаю: наступит день, когда Всевышний закроет последнюю страницу моей «Книги жизни» и на этом завершит мой проект на Земле. А пока я даже не хочу заморачиваться, удачным или нет окажется финал моей судьбы.

Я продолжаю работать, зная, что есть один способ оставить след в истории — неустанно трудиться и быть самим собой. А бытие само отделит зёрна от плевел.

Мне всё равно, что произошло вчера, и нет смысла задумываться о будущем. Мне начхать, о чём будут шептаться друзья и недруги, провожая меня в вечность. Всё зависит от превратностей рока, действие которого невозможно предугадать. Но сегодня — мой день, и мне всё нравится в этой реальности. Мне легко идти вперёд, потому что я навсегда исключил из сознания чувство зависти — эту разрушительную для мужчины силу. И какими бы ни были

результаты, я всё равно буду благодарен Творцу за то, что я есть на этом свете, за то, что я люблю.

Я хочу жить на всю катушку, потому что влюблён по-настоящему! Мои будни непредсказуемы, поэтому обречены быть восторженными, и в этом вся прелесть земных дорог. Мне бы ещё в небо, я весь мир заключил бы в объятия

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 14

Бывают встречи, которые переворачивают сознание, заставляя поверить: Всевышний помнит тебя. Человеку необходимы опора и ощущение, что он не одинок в этом безумном мире. Осознание того, что за спиной стоит посланник Бога — ангел, оберегающий от трагических случайностей и резких поворотов судьбы, помогает справиться с гнетущим чувством заброшенности и одиночества.

Бог кажется слишком великим и непостижимым, а Ангел-хранитель — это персональный посредник Творца, через которого Он ведёт с нами откровенный диалог. И мы за чашкой азербайджанского чая со свежей мятой и инжирным вареньем можем излить душу, веря: всё останется, между нами.

Как обычно, бизнес-зал аэропорта «Шереметьево» напоминал кипящий, растревоженный улей. Свободное кресло казалось роскошью. «Богатых людей становится всё больше», — вяло подумал я, пробиваясь сквозь толпу жующих, пьющих и говорящих по телефонам пассажиров. Я смотрел на эти лица без интереса, с глухим чувством дежавю: казалось, всех этих персонажей я уже видел — на деловых встречах, в залах ожидания или на официальных приёмах.

Предыдущий перелёт выжал все силы. Сколько раз я зарекался утихомирить амбиции и не летать по звонку черт знает куда, за тридевять земель! Добравшись до освободившегося кресла, я буквально рухнул в него, вытянул гудящие ноги и закрыл глаза. Способность отключаться от шума стала моей привычкой,

защищавшей от стресса, — я давно возвёл это умение в ранг личного искусства

До следующего рейса оставалось пять часов. Под монотонный голос диктора, объявлявшего о задержках и отменах лайнеров, я незаметно задремал.

Проснулся от резкого объявления: вылет на Краснодар откладывается до двадцати двух часов.

— Слава Богу, не мой, — пробормотал я и снова закрыл глаза, не подозревая, что эта задержка чужого рейса прямо сейчас переписывает мои планы. И что женщина из пророческого сновидения уже находится в нескольких шагах от меня.

— И за что вы так горячо благодарите Бога? — с неким вызовом спросила соседка, оказавшаяся в кресле напротив. — Это мой самолёт, между прочим, — возмущаясь добавила она, углубившись в свои мысли.

— Вы, наверное, пытаетесь меня разбудить? — Ошеломленный, я вглядывался в её черты. — Если вы хотели меня расшевелить, то вам это удалось на все сто.

«Будет с кем скоротать время», — подумал я, разглядывая случайно оказавшуюся рядом женщину и пытаясь угадать, кто она и с каких небес свалилась мне на голову.

Напротив, сидела красивая дама. У неё был редкий, завораживающий тип внешности: утончённые восточные черты лица сочетались с бездонными голубыми глазами. Нежная, светлая кожа придавала ей особый, неповторимый шарм. Её длинные пальцы со стильным маникюром на коротких ногтях, украшенных орнаментом из полевых цветов на фоне светло-голубого лака, говорили, что передо мной весьма достойная женщина.

«Если эти цветочки собрать, — улыбнулся я про себя, — получится неплохой букет».

«Настоящее искусство! — подумал я. — Наверное с таких женщин художники эпохи Возрождения писали шедевры, которые до сих пор тревожат души мужчин».

Когда у восточной женщины голубые глаза, она — вне конкуренции. В этот миг в памяти всплыл образ другой красивой женщины — казашки, которая обладала такой же редкой, завораживающей внешностью.

Как-то во время званого ужина в доме заместителя акима Карагандинской области меня очаровала молодая женщина, которая

проворно ухаживала за гостями, сидящими за большим столом. Хозяин дома, заметив моё изумлённое внимание к своей невестке, незаметно создававшей за столом особый шарм, сказал мне:

— Райана, супруга сына. Он вскоре присоединится к нам.

Как передать красоту казашки с ярко-голубыми глазами?! Очарованный её обликом, я решил выяснить, в каких местах Казахстана можно встретить таких женщин. Как бы читая мои мысли, коллега — в те годы я был советником акима Карагандинской области по внешнеэкономическим связям — продолжил:

— У нас много аулов и сёл, где девушки сплошь с голубыми глазами. Исследователи считают, что они — потомки финнов, которые некогда переселились на наши просторы.

Историки и антропологи подтверждают: тысячи лет назад на просторах Сарыарки жили древние европеоидные племена андроновской культуры, обладавшие светлыми волосами и глубокими голубыми глазами. Этот генетический код веками дремлет в крови и порой «выстреливает» в казахских аулах — рождаются дети с восточными чертами лица и пронзительными, синими глазами.

Свою роль сыграла и история двадцатого века. В эпохи столыпинских реформ, Великой Отечественной войны и освоения целины сюда переселялись сотни тысяч европейцев: финны, немцы, поляки. За десятилетия совместной жизни в отдалённых сёлах сформировался уникальный этнографический феномен, о котором мне тогда и поведал хозяин дома.

Не успел коллега завершить монолог, как в зал вошёл молодой человек. Представившись, он, слегка обняв супругу, произнёс:

— У казахов заведено: уважаемых гостей обслуживают члены семьи. Уверен, Райана хорошо справляется со своими обязанностями.

В мусульманской культуре гость считается посланником Творца, приносящим в дом мир. Доверить уход за ним прислуге считается признаком неуважения, поэтому хозяин демонстрирует высшую степень почтения, когда его близкие — невестка Райана или сыновья — сами подают еду на стол.

Исторически в степях и на Кавказе подача пищи членами семьи была гарантией искренности и безопасности. Когда близкие сами наливают чай, они без слов говорят гостю: «Ты в безопасности, наш дом открыт». Для молодой невестки уход за гостями за столом — это не унижение, а предмет гордости, проявление такта и воспитания.

Так выказывают почтение старшему поколению, впитывая родовые традиции гостеприимства.

Глядя на прекрасную пару, я думал, какие красивые люди бывают на свете и какое потомство их ждёт.

Но воспоминания о Казахстане растаяли после очередного объявления о задержках рейсов в Шереметьево. Моё внимание снова было приковано к женщине напротив. На ней красовалась широкополая шляпа, надетая набок — озорно, по-хулигански. Она сидела, слегка наклонив голову, и в её позе читался вызов, на который я обязан был ответить.

«Такая красавица — и не замужем», — отметил я про себя, не заметив обручального кольца. В моём представлении восточные женщины, если красивы, то восхитительны во всём: нежные, благородные, тактичные и в то же время способные заставить любого мужчину подчиниться своей воле. Эта самоуверенная незнакомка сидела напротив, и я мог вдоволь насладиться её красотой.

— Так всё-таки, — улыбнулся я, стряхивая остатки дремоты, — почему Вас так задело моё «Слава Богу»?

— Потому что я лечу в Краснодар, и теперь мне придётся прохлаждаться здесь, не зная, когда будет мой рейс.

Мне казалось, что и полевые цветы на ногтях собеседницы, её манера говорить, уверенность в движениях, да и сама она — загадочная, словно сошедшая из другого мира, — были мне знакомы. Нужно было лишь напрячь память, чтобы вспомнить её.

— Вы куда летите, весь такой довольный? — вставая с кресла, бросила она. Прихватив потёртую сумочку, незнакомка направилась к стойке бара.

— Сумочку Вы можете здесь оставить, с ней ничего не случится, — попытался я пошутить.

— Эта сумочка не простая, а волшебная, — с лёгкой иронией ответила она, вернувшись с чашкой кофе.

— Что же волшебного в ней? Наверное, исполнение желаний?

— Я, затаив дыхание, наблюдал за ней, ловил её мимику, жесты и взгляд, ожидая ответа.

— Да, Вы угадали. В этой сумочке тысяча волшебных желаний, я раздаю людям, — она пронзительно взглянула на меня красивыми голубыми глазами, нежно улыбнулась и ненадолго замолчала.

«Ущипните меня — это сон или реальность? Мы с этой женщиной находимся в Шереметьево? — думал я. — Хотя такое случается, когда сновидение становится вещим».

— Мы с вами уже встречались? — спросил я вкрадчиво. Я ждал любого ответа, но только не того, о чём думал сам.

— Нет, это не сон, я знаю, о каких вещах вы размышляете, — спокойно, с лёгкой иронией ответила она. — Я рада видеть вас в хорошем настроении. Думаю, и в дальнейшем вы справитесь без моей волшебной сумочки. Мне есть о чём доложить своему Боссу.

Попрощавшись, она добавила:

— Никогда, никого и ничего не бойся, действуй смело и решительно. Всевышний везде и всегда с тобой.

Мы настолько погружены в житейские проблемы, что порой не замечаем, как нас опекают ангелы-хранители, посланные Богом.

Напутствие женщины из Шереметьево со стильным маникюром из полевых цветов всю дорогу до дома не давало покоя. Только спустя месяц я осознал, к чему были сказаны её слова.

Весна после холодной, снежной зимы вступала в свои законные права. Залитое ярким апрельским солнцем, пронзительно-синее небо с редкими причудливыми облаками, похожими на пушистые белые барашки, навевало лирическое настроение. Оставалось сделать одно: как в сновидениях далёкого детства, взмахнуть руками и взлететь до небес.

Лёгкий ветерок разносил сладковатый аромат свежескошенной травы, ласково обдувал лицо, подставленное лучам солнца, плавно восходящего из степей Казахстана.

Неописуемое чувство блаженства охватило душу. Словно эта весенняя благодать — чистая сила, всколыхнувшая воображение, — едва касаясь глаз, щёк и губ, пыталась разбудить меня от зимней спячки. Всё вокруг расцветало и радовалось, возбуждая мою горячую кавказскую кровь.

В бескрайнем океане моего сознания кипели нешуточные страсти. Бурлили, били ключом необузданные, всепоглощающие желания, а жгучий южный темперамент жаждал пылких чувств и бури эмоций.

«Наконец наступили времена, — думал я, оглядываясь по сторонам, — когда у мужчин загораются глаза при виде такого богатого выбора красивых женщин. Пора, когда мы, отдаваясь

мечтам, с нетерпением ожидаем новых знакомств, сладострастных ощущений и удивительных приключений. Это дни, когда представительницы прекрасного пола в своём стремлении показать свои достоинства стараются как можно быстрее избавиться от зимней одежды».

Вдобавок ко всему, чистый апрельский воздух пьянил, как старое доброе вино. Волнуя сознание, он туманил голову, а жажда страстной и захватывающей любви заставляла сердце биться чаще, ввергая душу в состояние бурного экстаза.

Устремив мысли и благодарный взгляд к небу, я произнёс молитву:

— Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, даровавший нам жизнь, поддерживающий её и давший дожить до этого дня!

Лишь однажды, прижавшись губами к прохладным камням Стены Плача, к которым за тысячелетнюю историю прикладывались сотни миллионов мужчин и женщин, я просил Бога о помощи. Господь услышал меня. С тех пор, где бы я ни был, я мысленно переношусь в Иерусалим и, положа руку на сердце, благодарю Всевышнего за то, что даровал мне сына.

Не поверите, в тот день, когда он родился, мне приснился сон. Бог передаёт мне из рук в руки маленького мальчика, требуя бережливого отношения. А напоследок Он сказал: «Он взлетит высоко, но не позволяй ему взлететь выше Меня». Это не выдумки, мне действительно приснился этот удивительный сон. Спустя тридцать три года я глубоко осознал это библейское предупреждение. «Взлететь выше Бога» — значит впасть в гордыню, потерять корни и забыть о благодарности Творцу и родителям, посчитав, что всего добился сам. Полёт сына оказался стремительным, и он оторвался от отца. Но то, что я спокойно, по-мужски отпустил его на все четыре стороны, не требуя ответных реакций, — и есть выполнение наказа Всевышнего.

Моему сыну сегодня, 21 июня 2026 года, исполнилось тридцать три года. Я поздравил его с этим значимым событием. Пожелав удачи, напомнил, что только упорный труд может принести удовлетворение от жизни. Я не ожидаю ответной реакции, уже привык и отпустил его на все четыре стороны. Пусть живёт и радуется каждому дню, лишь бы не болел, никогда не испытывал

страха перед опасностью, страданий от предательства, обмана и разрушительной любви.

Завершив беседу с Богом, я по-мальчишески прогуливался по оживлённой набережной, лукаво разглядывая соблазнительные женские формы, которые считаются самыми привлекательными частями дамского тела. Я радовался весне, бьющей через край, даже не подозревая, как скоро и с какой точностью начнёт сбываться пророчество из вещего сна.

Юные девушки и молодые мамы с колясками притягивали внимание. В стильных джинсах они выглядели уверенно, полностью осознавая свою природную красоту. Летящей походкой отрываясь от тротуара, они растворялись в толпе, оставляя после себя страстные порывы сердца и чувственное влечение.

Вдохнув полной грудью свежий воздух, наполненный ароматом весны, я подумал, как здорово жить на свете, когда ты силён духом и бодр душой. Тогда даже возраст теряет значение и не может стать преградой для исполнения заветной мечты.

Не сводя восторженного взгляда с ярко-голубого неба, я во весь голос, не смущаясь окружающих, обратился к Всевышнему. Выразил Ему признательность за каждое новое утро, начиная с самого рождения. За то, что Он вселял в меня живой дух, даруя уникальную возможность напрямую обратиться к Нему, чтобы сказать: «Господи, я самый счастливый человек на свете. Ведь я Твой любимчик!»

Ни одно место в нашем южном городе так не располагало к активному отдыху, как набережная Волги. Я полюбил набережную не только из-за тренажёров. Мог часами, до позднего вечера, слушать уличных музыкантов и певцов. Тут гуляли самые разные люди: старые и молодые, богатые и бездельники, красивые и не очень — все жаждали удовольствий и романтических приключений.

Отложив мысли о прошлом и не размышляя о будущем, я в тот Шаббатний день вписался в общую эйфорию. Я не страдал честолюбием и не вёл праздную жизнь. Был одинок, но никогда не оставался лишён внимания красивых дам. С каждым днём весны душа требовала новизны, томительной неизвестности и ожидания встречи с женщиной, которой можно увлечься с первого взгляда.

Бывшая жена, замечая мои короткие взгляды на встречных женщин, с ехидной улыбкой говорила:

— Что, дорогой, травка зазеленела и тебе хочется на пастбище — наесться свежей травы?

Наступил праздник и на моей улице— свершилось чудо! Как будто Господь следил за моими мыслями. «Или это козни той волшебной феи из Шереметьево?» — подумал я. Всё утро, пока я шёл к своей Стене плача в конце набережной, мысли о загадочной женщине и её напутствии не покидали меня.

На первый взгляд всё произошло случайно. Прямо передо мной в просторном длинном плаще тёмно-серого цвета прошлась эффектная дама лет пятидесяти. Её мимолётный пронзительный взгляд сквозь солнцезащитные очки заставил меня поволноваться. Я опешил, не понимая, что происходит.

«Кто эта незнакомка и откуда она взялась на мою седую голову в таком экстравагантном одеянии?» — задавал я себе вопросы, ведь раньше её здесь не встречал. Обернувшись, я растерянно смотрел вслед, думая, как поступить дальше.

«Ещё минута — и я потеряю её в толпе», — думал я, пытаясь взять себя в руки. «Мало ли женщин заглядываются на меня, — убеждал я себя, — что же, за каждой надо бежать сломя голову?» Но внутренний голос настойчиво твердил: «Ещё минута ожидания — и ты эту даму больше не встретишь».

Какие силы заставили меня в тот момент, всего лишь из-за одного цепкого взгляда, ринуться вдогонку? Не могу объяснить, но через минуту, я поспешил за ней, надеясь перехватить её, пока она не исчезла из поля зрения. И вновь удача — мне круто повезло.

Эта встреча — награда за мои добрые дела, за чистые помыслы, обращённые к Богу. И Он раздвинул тёмные тучи над головой своего «любимчика». В состоянии душевного подъёма, радуясь весне, как и все истинные мечтатели, я двинулся навстречу своей фантазии.

Вскоре на повороте аллеи я заметил женщину в этом, как показалось вначале, странном одеянии. Уже потом, когда я рассказывал Виктории, как началась эпопея нашего знакомства и на что я прежде всего обратил внимание — на длинный, почти касающийся земли плащ, — она весело смеялась.

Я догнал незнакомку и как вкопанный остановился напротив. Наступила тишина, которая набатом отзывалась в душе. Устремив пытливый, полный восторга взгляд в её удивлённые глаза, я смог произнести лишь несколько слов:

— Знаете, понятия не имею, зачем я пошёл за вами. Будет интересно — наберите меня или напишите. Я буду ждать.

Вручив визитку, я наблюдал, как она удивлённо разглядывала её. «Ничего хорошего из этой затеи не выйдет», — с этой мыслью я уже спокойно, ни на что не надеясь, круто развернулся и ушёл прочь, чтобы раствориться в толпе праздных людей.

Первые два дня я с нетерпением ожидал звонка, но она не звонила. Я постепенно стал забывать об этом неординарном и забавном случае, как вдруг получил от неё сообщение.

Как сложилась эта, страстная, молниеносная и всеобъемлющая любовь, которая навсегда запомнилась мне? Почему мы расстались и разбежались в разные стороны, словно и не было ничего, что заставляло нас бессознательно тянуться друг к другу? Трудно описать это в одном коротком рассказе.

Мы встретились случайно, но слишком поздно для продолжительной взаимной любви. У судьбы были свои, неведомые нам расчёты, и она отмерила нам не годы, а лишь короткие, ослепительные мгновения. Наши дороги пересеклись в тот час, когда за плечами каждого лежал огромный груз прожитых лет, обязательств и прошлого. И всё же эта поздняя встреча доказала: сердце способно ожить и вспыхнуть с прежней страстью в любом возрасте, вопреки всем законам времени. И это чистая правда.

Страстная, всепоглощающая любовь, словно яростный ураган, закружила нас и поднял до небес. А затем, обессиленная, разжала свои цепкие объятия и в одночасье рухнула на грешную землю, разбившись вдребезги. Что и почему это произошло — уже совсем не важно, я всё забыл, но это было лучшее время за последние годы моей жизни.

Я торопился жить, желал всего и сразу, словно хотел восполнить то, что потерял за годы одиночества. Города, отели, рестораны мелькали одни за другими. Мы любили друг друга и с наслаждением целовались. Её красота, мягкие ладони, ласкающие тело, и любовные игры сводили с ума. Чувства кипели, готовые сокрушить разум. Но произошло то, что произошло: мы расстались — на этот раз навсегда.

У восточных евреев есть святое понятие — «Башерт». Это закон судьбы, согласно которому две родственные души ещё до земного рождения вписаны в Книгу Жизни Всевышнего, чтобы в

назначенный час встретиться вопреки преградам, времени и расстояниям.

Мудрецы утверждают: случайных встреч не бывает. Если два человека пересеклись в огромном мире, значит, их души были обязаны встретиться. Эта женщина была уготована мне Богом в самый критический момент не для того, чтобы остаться, а чтобы выполнить сакральную миссию: разбудить сердце, дать душе кипение, а затем уйти, оставив меня обновлённым и сильным.

Пока я размышлял о смысле бытия, в голове крутилось изречение царя Соломона: «Всё проходит, и это пройдёт». «Конечно, пройдёт, — продолжал я философствовать, — ведь даже сама жизнь имеет рубеж». Важно осознать закон земного бытия: проходит всё — радость, грусть, гнев, страх, удивление и даже любовь. Но нельзя допустить одного — чтобы из-за единственного необдуманного поступка жизнь дала трещину, а судьба взмыла на дыбы. А если это произойдёт, нельзя сдаваться.

Господи, прости, что не смог сохранить романтическую любовь к женщине, которую Ты уготовил мне в самый напряжённый момент моей жизни.

ГЛАВА 15

Объявление об очередной задержке моего рейса из-за позднего прибытия самолёта шумом прокатилось в затуманенном сознании. Я с безразличием ко всему происходящему тупо смотрел на недопитый бокал вина. Внутри бушевала буря, прорывавшаяся наружу крепкими выражениями, хотя отчётливо понимал, что злостью самолёт в воздух не поднять.

Откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза, я пытался успокоиться, воскрешая в памяти образ необычной женщины и её пророческие слова. Но память сыграла в странную игру: вместо шуршания её платья и блеска голубых глаз из глубины сознания, словно прорвав плотину, хлынули события прошлых лет.

«Илюхой» — так по-дружески называли меня пацаны на еврейской Слободке. Но к тринадцати годам ко мне намертво

приклеилось прозвище «Англичан», заменив в общении подлинное имя — Ильясаф. Сказать по правде, поначалу я дико стеснялся своего имени, оно мне не нравилось, порой я стыдился произносить его вслух.

— Почему дедушка назвал меня таким ветхозаветным именем и в каком Талмуде он откопал его? — высказал я как-то возмущение матери.

Мама, покорная женщина, выросшая в детдоме, случайно ставшая частью большой семьи горских евреев с глубокими традициями, лишь повела плечами, а затем с горечью произнесла:

— В вашем доме у меня не было прав, — и для убедительности добавила: — Никаких.

— А куда смотрел папа? — доставал я её расспросами.

— Никуда он не смотрел, в это время твой отец был в армии, — и на этом моё стремление узнать тайну возникновения иудейского имени закончилось.

Но зато прозвищем Англичан я гордился; оно звучало звонко и красиво, как песни «Битлз», которыми я безумно и страстно увлекался. По каким признакам пацанам на Слободке присваивали клички, невозможно было догадаться — всё происходило спонтанно, под влиянием событий. Настоящими именами ребят на махалле никто не называл. Было забавно слышать, как родители величали сыновей по их прозвищам.

Настоящее значение своего имени я впервые узнал в двадцать лет. Это был волнующий момент в студенческой жизни. Именитый профессор физики, похожий на тибетского монаха, попеременно смотрел то мне в глаза, то на кудрявые чёрные волосы, плотными волнами обрамлявшие голову. Протянув зачётную книжку, где красовалась жирная отметка «отлично со знаком плюс», он заговорил:

— Молодой человек, вам лучше заняться физикой, а не прохлаждаться в строительном вузе.

Краем глаза заметив оценку я уже не слышал его, так как мысли были устремлены навстречу девушке, с которой у меня начинался бурный юношеский роман. Я был по-настоящему влюблён.

— Юноша, вы со мной? — недоуменно спросил профессор, откинувшись на спинку кресла.

— Да, конечно, — воодушевлённо ответил я, возвращаясь в реальный мир.

— Я вас спрашиваю, а вы летаете в облаках. Хотя догадываюсь, почему, — с лёгкой улыбкой обратился ко мне старый учёный, посоветовав опуститься на грешную землю. — Вам известно, что обозначает имя Ильясаф? — неожиданно спросил он.

— Нет, — коротко ответил я, протягивая руку к зачётке.

«Лучше провалиться сквозь землю! Дожив до студенческих лет, я так и не удосужился узнать смысл собственного имени, — подумал я. — Хотя зачем это было нужно? На Слободке я отзывался на прозвище Англичан, а за её пределами меня звали просто Илья или Илюша».

Сегодня во время прогулки я услышал, как молодая женщина, обращаясь к мальчику лет пяти-шести, нежно окликнула его:

— Илюша!

Я подумал, что зовут меня. Даже внутренне обрадовался тому, что есть женщины, способные так ласково произносить моё имя. Но, оглядевшись, не заметил ни одного знакомого лица. Лишь мальчик, услышав голос матери, вопросительно взглянул на неё и пошёл рядом со мной.

Удивленный неожиданной встречей с маленьким тёзкой, я взволнованно спросил:

— Тебя зовут Илюша?

Он молча кивнул.

— И меня зовут Илюша, — улыбнулся я в ответ.

Мужчина, стоявший рядом и слышавший разговор, ожидаемо повернулся к малышу и по-отцовски мягко произнёс:

— Сынок, дай дедушке руку.

Мальчик послушно протянул крохотную ладошку, задержав её в моей руке, и с лёгким недоумением взглянул на меня. А эти простые слова: «Илюша», «сынок», «дай дедушке руку» — до сих пор согревают мою одинокую душу.

Слова: «Сынок, дай дедушке руку» — ударили в обнажённый нерв сердца. Когда крохотная ладошка замерла в руке, в моём застывшем сердце проснулся любящий отец. Я подсознательно позавидовал теплу, безопасности и родительской защите, которыми окутан этот малыш. Моя душа, уставшая от дикого одиночества, просто согрелась от мимолётного прикосновения невинного детства.

Я стоял на набережной, зная, какой тяжелейший груз прожитых лет, обязательств, ошибок и потерь лежит за моим плечами. А у пятилетнего мальчугана Книга Жизни абсолютно чиста – в ней

судьба только-только начинала свой долгий, непредсказуемый путь. Я завидовал его возможности начать всё с чистого листа, не зная, что такое предательство, обман, одиночество и боль разрушительной любви, от которых я так отчаянно молил Бога защитить своего сына.

Провожая взглядом уходящую семью, я сквозь толщу десятилетий снова услышал хрипловатый голос профессора».

— Человек есть его имя и глаза, — сказал убелённый сединой профессор. Прикрыв на мгновение веки, словно уходя в медитацию, он таинственно произнёс: — Ильясаф — древнееврейское имя, и обозначает оно «Посланник Бога на Земле», если коротко — «Ангел». Карие глаза, с тёмно-коричневым оттенком, как у тебя, говорят о противоречивости характера. Их обладатели — ранимые романтики, но в то же время волевые и сильные духом люди.

«Вот это предсказание!» — подумал я. Но не успел возразить, как снова услышал спокойный голос учёного:

— Трудная судьба тебя ожидает, юноша, — еле слышно произнёс он. — Но ты справишься, а закончишь, как все ангелы, в полном одиночестве.

Он глубокомысленно и молчал размышлял, а я терпеливо ждал, когда он вручит зачётку и моя мечта стать свободным хотя бы на две недели станет реальностью.

Это лишь выдумки старого профессора», — подумал я и постарался сконцентрироваться на встрече с Сусанной. Мне казалось, вся эта весёлая, прекрасная планета создана для меня, и огромный мир обязан открыть передо мной свои безграничные возможности. Надо чуть-чуть усилий, и мечты сбудутся. Я буду парить высоко над землёй, как в детских снах, приносивших большушее чувство восторга и вдохновения от свободного полёта.

Почему эта история с профессором физики стала сутью моей судьбы? Почему каждый раз в самых разных, непохожих друг на друга ситуациях жизнь заставляла меня задумываться о его предсказаниях? Он видел причины и следствия, я же, ослеплённый юностью, видел лишь нагромождение фантазий учёного старца.

Недавно на праздновании 25-летия Еврейской общины Волгограда ко мне подошёл известный архитектор.

— О, Илья, привет! Как поживаешь? Как дела? — и тут же, без паузы, спросил: — Как Сусанна?

Я оторопел, но продолжал слушать его, меланхолично улыбаясь. «Какое он имеет отношение к моей бывшей супруге?» — с интересом думал я.

Между тем архитектор продолжал:

— Мы когда-то всей школой были влюблены в Сусанну. Но когда я случайно встретил вас вместе в театре, и она была беременна, подумал: конечно, нам здесь ничего не светило!

Я слушал его, а на душе скребли кошки, разрывая незаживающие раны, откуда капля за каплей сочилась тупая боль. «Да и архитектор хорош, — думал я, — взрослый человек, а бесцеремонен до слабоумия. В другом случае я точно дал бы ему по морде». Надо же, как оказался прав профессор! В то самое время я уже был одиноким мужчиной в самом расцвете сил.

А вокруг суетились счастливые семьи: отцы, обнимающие детей, безмятежные молодые парни и девушки. Речь раввина Залмана Иоффе о важности команды и взаимной поддержки доносилась словно издалека, из прошлой жизни.

Всё когда-то заканчивается, и это важное событие тоже шло к завершению. Однако чувство неудовлетворённости не покидало меня.

— Залман, — спросил я раввина, прощаясь, — почему ты в выступлении ничего не сказал о том, что именно я был человеком, который привёл тебя в этот город?

Уже по дороге домой мне вспомнилось, как в молодости я широко и уверенно шагал навстречу судьбе, полностью осознавая, что удачлив и полон сил. «У меня есть всё, — думал я тогда, — а самое главное — нежная, ласковая и умная Сусанна, которая принадлежит мне одному».

Я замирал от одной мысли, предвкушая юношескую страсть. О том, что наступит время, когда эта брюнетка с тёмными вьющимися волосами, бровями, словно выгнутыми стрелами на открытом, доверчивом лице, и сочными алыми губами, окажется в постели со мной. «Неважно, что Сусанна не еврейка, — размышлял я, — ведь и мой отец когда-то женился по любви». Сияя от счастья, я ускорял шаг, чтобы творить своё будущее.

Но в потаённых уголках души уже зарождалась, набирая разрушительную силу, едва заметная мысль. Она медленно, но последовательно вносила сомнение и беспокойство в правильность выбранного пути.

«Сейчас это совсем не важно, — успокаивал я себя, — просто издержки взросления». Я с детства знал о всемогуществе Творца. Помнил, как дедушка в молитвах обращался к Всевышнему. Поднимая руки к небу, он произносил: «О, Царь Вселенной!» Поэтому я верил: Господь не оставит меня в одиночестве в этом огромном, безумном мире, который позже закрутит меня в круговороте дорог, перелётов и встреч.

В один из таких дней, в самолёте, летящем в Москву из Алма-Аты, мне снова повезло. Рядом сидела привлекательная казашка с карими, умными глазами. Мы разговорились.

— Куда же потом, после Москвы? — дежурно спросил я и, не дожидаясь ответа, углубился в свежий номер деловой газеты Казахстана.

— В Тель-Авив, — с лёгким волнением ответила она.

— Куда, куда? — с недоумением переспросил я соседку.

— В Израиль, — ответила она и, пристально взглянув на меня, продолжила: — Я еду к мужу, он у меня израильтянин. Очень волнуюсь, как меня там встретят.

«Это уже интересно», — подумал я и отложил газету, которая мгновенно потеряла для меня интерес. «Ну и времена настали», — размышлял я, украдкой разглядывая женщину. А она не отрывала взгляда от иллюминатора, словно прощаясь с бескрайними степями, медленно проплывающими внизу.

— Мы познакомились в Астане на международном медицинском форуме, — задумчиво сказала попутчица, представившись Зариной. Как бы оправдывая судьбоносное решение, она уверенно продолжила: — У меня много знакомых девушек замужем за израильтянами. Я переживаю, смогу ли в Израиле работать по медицинской специальности. И какова эта страна? Не разочаруюсь ли я в ней?

— Нет, не разочаруетесь. Израиль — маленькая, но прекрасная страна. Вам будет комфортно там жить, да и работу по специальности найдёте легко. Врачи в Израиле на вес золота, — убедительно ответил я. — Но вам придётся пройти гиюр для того, чтобы полноценно войти в израильское общество.

— Я знаю, меня это не страшит, — спокойно ответила Зарина. — Восточные женщины — любящие, тихие и послушные жёны. Они верны мужьям, в этом наша сила. Я готова на любой поступок ради благополучия мужа.

— Хотите, я расскажу вам историю, которая произошла недавно в Израиле? — предпринял я попытку отвлечь её от грустных мыслей, охватывающих душу человека, покидающего отчий дом. Получив утвердительный ответ, я пересказал Зарине случай, который теперь часто вспоминаю в беседах со своими друзьями, знающими об Израиле лишь из телевизионных фейковых новостей.

Тогда, на борту самолёта, эта история показалась мне ярким штрихом к портрету далёкой страны, в которой женщина является хранителем семейного очага и духовным стержнем дома. Но стоя в шумном зале, где Волгоградская община праздновала своё 25-летие, я видел в ней другой смысл.

Люди ушли в цифровую реальность. Мы можем за секунду связаться с человеком на другом конце Земли, соединять судьбы между Астаной и Тель-Авивом, но при этом разучились смотреть друг другу в глаза и говорить волшебные слова: «дорогой», «любимый», «прости», «не держи зла». Выросло поколение прагматиков. Юноши и девушки мыслят категориями эффективности, хай-тека, успеха и независимости. Романтика, искренность, дворовое пацанское братство и готовность совершать безумные поступки ради любви, которые были в нашей молодости, становятся редким дефицитом. Общество стало закрытым, осторожным и расчётливым.

Разве можно было тридцать лет назад представить себе ситуацию: обидевшись на отца — и не важно из-за чего, пусть его слова были несправедливыми, даже жёсткими и унизительными, — годами не видеться, не звонить, не общаться с ним? Не спросить, как поживаешь, нужна помощь?

Господи, что происходит с людьми, разве об этом Ты мечтал, создавая землю и человека?

ГЛАВА 16

У меня не выходит из головы, как моей младшей дочери Жанне — двадцатилетней студентке Иерусалимского университета, не искушённой в делах большого бизнеса, — удалось организовать мне встречу с Львом Леваевым — королём алмазной биржи Израиля, человеком-легендой, чьё имя заставляет трепетать крупнейших

магнатов этого закрытого бизнеса. Я тогда пошутил, обратившись к ней с этой просьбой, и тут же забыл о ней как о неосуществимой идее.

Каково же было моё удивление, когда за обедом она спокойно сообщила мне о предстоящем визите и положила передо мной официальное письмо. В нём были чётко указаны день и час, когда миллиардер готов принять нас на десять минут. Стоит отметить: в кабинете Леваева мы задержались на целых два часа.

Уже в двадцать лет эта умная, целеустремлённая девушка обладала системным мышлением, железной логикой и внутренним стержнем. Именно эти качества позволили ей без страха найти нужные рычаги и организовать для своего отца встречу с хозяином алмазной империи.

Помню, как мы проходили строжайший, почти параноидальный контроль безопасности в тель-авивском здании «Ноам». В те годы Лев Леваев занимал там целый этаж. Именно там, среди блеска неогранённых алмазов, строгих деловых костюмов и ортодоксальных ювелиров, решалась судьба волгоградской синагоги. Тогда я и подумать не мог, что обычная встреча в Рамат-Гане изменит духовную историю целого региона на Волге.

Леваев слушал заинтересованно, а я уверенно рассказывал об экономическом потенциале Волгоградской области, о горских евреях, успешно развивавших торговый бизнес в регионе. Его интересовали предприятия нефтехимической отрасли и их кооперация с заводами Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Именно этими вопросами я и занимался, когда был советником Николая Кирилловича Максюты по внешнеэкономическим связям.

Вежливо попрощавшись, я оставил на его огромном столе визитку. «На всякий случай, — думал я. — Кто знает, куда повернётся судьба?» Хотя в тот момент я не нуждался в связях с ним.

Спустя год я уже посещал заводы с целью организации логистических цепочек для продукции, производимой химическими и уранодобывающими гигантами Казахстана. Много раз бывал и на Целинном горно-химическом комбинате в Степногорске — одном из самых крупных ураноперерабатывающих предприятий бывшего СССР. Консорциум Леваева и Гайдамака выкупил его активы на торгах в 1999 году, восстановив производство уранового концентрата и золотодобывающий сектор.

Эта компания производила и стратегически важный компонент для минеральных удобрений — серную кислоту. Я должен был заняться её реализацией в России. Но логистика из Восточного Казахстана в центральные регионы страны не выдержала конкуренции, и владельцы вскоре закрыли это направление бизнеса.

АО «Казфосфат» — мощнейший фосфорный холдинг Казахстана, включающий в себя ряд крупных заводов и рудников, которым владели те же Леваев и Гайдамак, — имел прямую производственную связь с химическими гигантами Волгограда: ОАО «Химпром» и комплексом «Каустик». В Россию шёл жёлтый фосфор и удобрения, а обратно из Волгограда — базовая тяжёлая химия, без которой казахстанские заводы не могли бы функционировать и выдавать чистый продукт на экспорт.

Я, как советник Максюты по внешнеэкономическим связям, имел прямой доступ в кабинеты руководителей этих предприятий. Помню всё до мельчайших подробностей, словно это произошло недавно, а ведь с тех пор прошла четверть века.

Раздался звонок. Я смотрел на экран мобильного телефона и не верил собственным глазам: звонил Лев Леваев, глава фонда «Ор Авнер» и некоронованный алмазный король.

— Илья, привет, — раздался в трубке уверенный, деловой голос. — Мне нужно официальное письмо за подписью губернатора Максюты на имя Главы Администрации Президента РФ. В нём должно быть убедительно написано, что наступил момент, когда необходимо создать Федерацию еврейских общин СНГ. Думаю, с текстом ты разберёшься. Этот документ нужен мне через неделю.

Я понимал важность момента: одно обращение за подписью Максюты могло кардинально изменить мою карьеру. Таких бумаг я готовил немало для руководителей крупнейших нефтегазовых компаний Средней Азии. В мои обязанности входило продвижение нефтегазового оборудования волгоградского производства на эти рынки. Удивительные были времена! Помню, как в аэропорту Нукуса меня встречал премьер-министр Каракалпакстана.

Подготовив письмо, я положил на стол Максюте. Он прочитал документ, медленно поднял голову, странно взглянул на меня и с удивлением спросил:

— Илья, какое отношение я имею к евреям и их стремлению создать в СНГ федерацию?

— Леваев обещал приехать в Волгоград и оценить возможность строительства крупного логистического центра, связывающего наш регион с республиками Средней Азии и Казахстана, — произнёс я, не моргнув глазом.

Для того времени это был железный аргумент. Губернатор знал о моих возможностях: я организовывал ему рабочие встречи с акимами приграничных областей Казахстана, которые твердили о важности налаживания прямых связей между регионами. Я убедил Максюту, но дал твёрдое слово, что при первой возможности организую его личную встречу с Леваевым.

5 ноября 1999 года проходил первый съезд ФЕОР — Федерации еврейских общин России. Я представлял региональную общину Волгоградской области. Гостями мероприятия были ведущие политические и общественные деятели России, и крупнейшие бизнесмены.

На съезде я впервые увидел заместителя руководителя Администрации Президента России Владислава Суркова. Ведущий объявил его выступление, и на сцену вышел молодой, стройный мужчина. Он говорил спокойно и убедительно, без шпаргалки, чётко обрисовав важность создания ФЕОР, цели и задачи организации. Я подумал, что если человек талантлив, то всегда пробьётся без чужой протекции, фальсификации и обмана. Такие парни будут востребованы всегда и никогда не останутся без внимания сильных мира сего.

Но когда на сцену вышел Леваев и зачитал письмо Максюты, обращённое в Администрацию Президента, зал взорвался аплодисментами. Это был мой личный, скрытый от чужих глаз триумф. Я сидел в первом ряду, оглушённый победным шумом, и краем глаза поглядывал на молодого Суркова.

Мне не известно, где сейчас находится этот человек, как сложилась его судьба и на каких вершинах или в каких тенях он скрывается сегодня, спустя столько лет. Но тогда, в ноябре девяносто девятого, на него смотрели как на восходящее солнце новой российской политики. Я смотрел на него и понимал: колесо истории закрутилось, и мы на Волге только что заложили фундамент, который изменит многое в духовной жизни региона.

Владислав Сурков сейчас жив, здоров и находится в России, полностью опровергнув слухи о своей эмиграции. Весной 2026 года в политических телеграм-каналах активно распространялся слух, будто

бывший помощник президента спешно улетел в Латинскую Америку из-за угрозы уголовного преследования. Однако в марте 2026 года Сурков лично связался с прессой и в своей фирменной ироничной манере заявил: «Я не располагаю информацией о моём отъезде из России».

В одном из интервью Владислав Сурков сказал: «Я с гордостью всем говорю о том, что пусть наполовину, но я принадлежу к этому выдающемуся, красивому, очень сильному и известному в мире народу». Он имел в виду чеченский народ, к которому принадлежал его отец. Это открытое заявление заслуживает высокой степени уважения и может стать примером для подражания.

Не могу забыть, как после завершения официальной части форума по созданию ФЕОР то самое письмо, которое стало кульминацией выступления Леваева и ради которого мне пришлось пойти на унижения и лесть, валялось на полу, как отработанный и никому не нужный товар. «Как всё же этот мир паскудно устроен!» — подумал я, и больше не стремился к встрече с «Королём».

Лев Леваев сохранил статус главного филантропа и президента Федерации еврейских общин СНГ. Его фонд «Ор Авнер» продолжает финансировать сотни школ, детских садов и синагог по всему бывшему Советскому Союзу, включая волгоградскую синагогу, фундамент которой заложил я. Для миллионов ортодоксальных евреев он остаётся непререкаемым авторитетом. Что касается его бизнеса, он не бедствует, если может тратить на благотворительность десятки миллионов долларов в год.

В этот период «Альфа» активно заявляла о себе крупнейшему бизнесу и руководству Волгоградской области, закладывая фундамент для дальнейшего развёртывания филиальной сети.

Официальная масштабная презентация «Альфа-Банка» в Волгограде, на которой главным спикером выступал первый заместитель председателя правления Евгений Семёнович Бернштам, состоялась в мае 2001 года. На неё было приглашено большинство руководителей администрации области и города, а также директора крупнейших компаний и предприятий региона. Я, как советник губернатора по внешнеэкономическим связям, тоже числился в списках гостей этого праздника элит.

«Было бы здорово, — думал я, — взять с собой вновь назначенного раввина на эту презентацию, чтобы в один вечер познакомить его с руководителями крупнейших предприятий и

компаний области». Мало ли что понадобится ему в процессе религиозно-общественной деятельности. Даже для ремонта помещения еврейского центра нужны были финансовые средства, которых у общины тогда не было.

Центральный концертный зал на набережной был забит до отказа. Здесь были все: региональные политики во главе с губернатором, бизнес-элита и творческие люди. Тусовка на уровне. Раввин — скромный, обаятельный молодой человек — старался быть незаметным, но выделялся среди этой разношёрстной толпы лёгкой походкой, одеждой и шляпой. Для него назначение в крупный областной центр России было значимым событием. Теперь ему требовалось самоутвердиться как авторитетному религиозному деятелю в казачьем регионе.

Раввин был символом еврейской жизни в городе. Представляя его руководителям крупнейших заводов и предприятий, я с гордостью говорил, что в Волгограде появился свой раввин и даже помещение под синагогу. Скромное, требующее ремонта. Но, как говорят: «Дело мастера боится», — главное начать, а остальное с Божьей помощью приложится.

Набиев Г. И. — генеральный директор завода «Волгограднефтемаш», Литра А. А. — руководитель Волгоградского судостроительного завода, легендарный директор «Красного Октября» Орджоникидзе Н. М., Садыков В. В. — генеральный директор Волжского трубного завода, Шульженко М. В. — руководитель Волгоградского керамического завода и многие другие выразили готовность оказать помощь в становлении еврейского центра. Я им всем искренне благодарен: люди, не имевшие никакого отношения к еврейской общине, были предельно дружелюбны к нашему раввину.

— Подготовьте письмо и укажите, что нужно для ремонта и функционирования вашей деятельности, и мы будем рады помочь вам, — говорили они.

Раввин был на седьмом небе, от неожиданной удачи, упавшего ему на голову. Он уже составлял планы, к кому и по какому вопросу обращаться с письмом за помощью.

Я же высматривал главного организатора праздника — Бернштама Евгения Семёновича.

— Везёт нам сегодня, — шепнул я раввину, и мы вместе направились ему навстречу.

Когда мы подошли ближе, Бернштам громко, так, чтобы услышали окружающие, цинично заявил:

— Илья, денег не дам и не пытайся у меня их выпрашивать!

— Мы и не собираемся у тебя просить денег. Я просто хотел похвастаться, что у нас в Волгограде за последние пятьдесят лет появился раввин и, даст Бог, будет своя синагога, — ответил я.

— Очень рад за вас, я неверующий еврей, — крайне жёстко съехидничал он.

— Евреев неверующих не бывает, вы, наверное, единственный в своём роде, — убедительно сказал ему раввин, и мы ушли от него прочь.

Спустя годы жизнь распорядилась с кинематографичной точностью: Евгений Бернштам, некогда царивший на вершине олимпа и напыщенно бросавший слова о неверии, потерял всё. Громкий крах кредитной империи, личное банкротство и обвинения в создании финансовой пирамиды обернулись для него полной потерей свободы. Основатель холдинга «Домашние деньги» и связанного с ним МФО «Финанс-Да» был заключен под стражу в московский следственный изолятор по обвинению в мошенничестве в особо крупном размере в составе организованной группы. По версии следствия, структуры финансиста привлекали миллиардные средства вкладчиков под обещания высоких процентов, после чего выплаты прекратились, а деньги инвесторов были выведены. Суммарный ущерб от этой масштабной схемы исчисляется миллиардами рублей.

Судьба человека, купавшегося в роскоши и считавшего себя хозяином жизни, наглядно доказала, что земная гордыня и цинизм всегда имеют суровый и неотвратимый рубеж. Наверное, он не читал «Еврей Зюсса», иначе был бы милосерднее к единоверцам.

Я был ребёнком, когда дед Ихиил, как и все кавказские мужчины, не мог пить вино в одиночку. Я поддерживал его, мне было интересно с ним. Он, поднимая бокал вина, в завершение молитвы говорил: «В следующем году — в Иерусалиме!» О каком далёком и непонятном городе дед мечтал? Что это за город и где он находится? Тогда я не предполагал, что Иерусалим станет моей столицей, самым желанным и любимым городом на свете.

Национальное мировоззрение еврейского народа, его непроходящая вера в Бога и в будущее после двух тысяч лет небытия воссоздали государство Израиль со столицей в Иерусалиме. Нашей

стране в новейшей летописи вскоре исполнится 80 лет. Мы верим, что один из красивейших и значимых городов в судьбе человечества, Иерусалим, навсегда останется единой и неделимой столицей государства Израиль.

Во вступлении к книге «The Israeli Test» Джордж Гилдер, восторженно относящийся к потенциалу еврейского государства, писал: «Западная цивилизация, в части своей, родилась в Израиле. Теперь Израиль является критическим источником изобретений, военной разведки и предпринимательского творчества, которое может спасти Запад». То же самое сейчас говорят прогрессивные евангелисты во всём мире, поддерживая Израиль в его бескомпромиссной войне с исламским терроризмом.

Сознание и мысли стремительно уносили меня навстречу грядущему. Моя жизнь, как фантастический видеофильм, мелькала чередой то ярких цветных фотографий, то тусклых, чёрно-белых, с едва заметными силуэтами знакомых людей. Всё это произойдёт завтра, через год, через двадцать, тридцать лет. Я, носитель столь значимого имени — Ильясаф, что означает Посланник Бога, — не смог изменить или хотя бы исправить в своей судьбе, ход событий которые кардинально повлияли на жизнь.

Перед глазами возникла первая ударная комсомольская стройка. Я молод, полон сил, у меня чудесная жена и прекрасная семья — счастливейшее время жизни! Я искренне верил, что скоро наступит коммунизм, ведь сам упорным трудом строил его.

Затем замелькали кадры первой фабрики, построенной мною в Казахстане. Аким Атырауской области Тюгельбаев на торжественном обеде в честь открытия производства самолично поставил передо мной поднос с бараньей головой и уважительно сказал: «Сегодня за этим столом главный — Ильясаф». Было невероятно приятно быть главным среди людей, которые гораздо старше и значимее тебя.

Следующий кадр памяти: Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев прогуливается по яблоневым садам, возведённым нами в Атырауской области с применением капельного орошения. Аким области говорит мне просто и буднично: «Спасибо за работу, Ильясаф».

Когда умер отец, я думал, что кончился и мой мир. Но его ручные часы, которые надеваю по особым случаям, до сих пор действуют как талисман и всегда приносят удачу в делах. Моя мать

осталась вдовой. Вскоре ушла и она. «Куда ты вечно бежишь, сынок?» — это были последние слова матери, обращённые ко мне.

А вот и главный день жизни — у меня родился сын. «Я никогда не оставлю тебя одного, сынок», — говорил я ему, но не сдержал обещания. А это — самый позорный мой день. Разве я мог предположить, что у сына не найдётся времени встретиться с отцом? Рубцы и шрамы на сердце кровоточат до сих пор.

Вспыхнул в памяти и Валерий Исаакович Грайфер, основоположник нефтяной отрасли огромной страны, светлая ему память. Он по-отечески относился ко мне и всегда предупреждал, чтобы я умерил свой горячий и дерзкий нрав.

Следом спешно прошёл мимо Вагит Юсуфович Алекперов — выдающийся человек, настоящий кавказец. Бросив на ходу: «Ильясаф, как ты мог уйти из приёмной, не дождавшись встречи со мной?», он так же стремительно ушёл из моей жизни. Сам того не ведая, он стал главной и самой сложной проблемой моей дальнейшей судьбы, ну да Господь с ним.

Затем наступил чёрный день, когда раввин объявил, что отныне мы с супругой — свободные друг от друга люди.

И вот, наконец, я и сам. В последнее время меня обуревают страх, неуверенность и одиночество. Разговаривая с собой, я думаю, что мне нечего сказать в оправдание собственному сердцу. Ведь у меня было бесчисленное количество возможностей для достижения целей. Но я уверен, что силы небесные всё расставят по местам, они помогут преодолеть трудности и найти силы идти вперёд. Я ведь из команды мечтателей и фантазёров, я — Ильясаф, Посланник Бога на Земле, и обязательно реализую главную мечту. Ведь Ты же сам знаешь, Господи: чтобы выжить и процветать, надо всего-то ничего — после каждого падения подниматься.

ГЛАВА 17

Однажды Жанна с иронией написала мне:

— Папочка! Если не знаешь, чем заняться и куда деться, начни с уборки квартиры. Я не советую утро начинать с мытья полов, хотя это занятие полезно для здоровья. Знаю с детства: ты полы не мыл, утверждая, что это не мужское дело. Наверное, и сегодня, когда

ты живёшь вдалеке от нас, полы в квартире давно не встречались со шваброй и мыльной водой.

Превзойди себя, — советовала она, — начни с простого, но важного дела: без промедления и какого-либо сожаления выкинь в мусорный ящик всё, что попадается под руку, — всё старьё, все ненужные вещи, которыми давно не пользуешься. Пусть они в хорошем состоянии и когда-то определяли статус твоей личности, пусть эти вещи являются носителями твоего прекрасного прошлого, но сегодня они несут в себе то, что давно минуло и чего невозможно возвратить. Эйфория прошлого приводит к поражению настоящего, размывая контуры будущего.

Жанночка, которую я безгранично любил, уделяя ей больше внимания, чем другим детям, чьи капризы и желания исполнялись без раздумий, пыталась достучаться до отца со всей страстью своего юного, горячего сердца.

Словом, дорогой папочка, ноги в руки, дружно, с огоньком, как ты всегда брался за дела, очисти от хлама квартиру. Ты почувствуешь, какие красивые, благородные и глубокие мысли заполнят твою голову. Давай, решительно, с блатными песнями, возьмись за дело, и всё у тебя получится!

«Надо же, — думал я, читая советы младшей дочери, — дожил до времени, когда дети советуют мне, как надо жить».

Жанна, очаровательная, умная, смелая, имела на это полное право. Она первой среди горских евреек покорила Монблан и Эльбрус, водрузив на их вершинах бело-голубой национальный флаг Израиля со звездой Давида.

Покорив земные вершины, Жанна решила бросить вызов и водной стихии — загорелась идеей переплыть знаменитый пролив Босфор. В письмах ко мне она увлечённо рассказывала, как серьёзно и упорно готовится к этому сложнейшему трансконтинентальному заплыву из Азии в Европу.

Признаться, эта новая затея казалась чем-то из области фантастики. Переплыть открытый пролив длиной в шесть с половиной километров, преодолевая коварные встречные течения и волны, — испытание не из лёгких даже для опытных пловцов. Но для Жанны с её привычкой побеждать и идти только вперёд это был лишь очередной рубеж.

Она успешно преодолела Босфор, завоевав почётный международный титул «Межконтинентального пловца».

Альпинистская закалка, умение рассчитывать силы и железный стержень помогли ей покорить и эту стихию. Читая строчки о её подготовке, я в очередной раз убеждался: если Жанна ставит цель — для неё не существует преград ни на земле, ни в небе, ни в воде.

Молодой женщиной Жанна стала доктором наук и начала активно заниматься благотворительностью, финансово и организационно поддерживая творческую интеллигенцию горских евреев Израиля. Но в этом случае я был решительно против её поездки в Москву на встречу с Германом Захарьяевым — вице-президентом Всемирного конгресса горских евреев, президентом фонда СТМЭГИ, бизнесменом и филантропом.

«Герман Захарьяев обладает выдержкой, целеустремлённостью, умением отвечать за слова и готовностью прийти на помощь ближним. В учёбе, и в работе ему помогали заложенные с детства качества: дисциплина, старательность, обязательность и пунктуальность», — этот глянцевый абзац я прочитал в его официальном досье, опубликованном на сайте Российского еврейского конгресса.

Бог с ними, но моё отношение к нему складывалось из конкретных, не самых приятных событий, о которых я написал отдельный рассказ, навсегда оборвавший наше общение.

— Папа, ты ничего не понимаешь! — с жаром говорила Жанна. — В Израиле есть плеяда молодых, талантливых художников, и они совершенно не востребованы у нас в стране. В России они точно найдут покупателей, и им будет на что жить и продолжать творчество. Мы с Германом уже обсудили аукцион и обо всём договорились. Художники даже дали своё согласие перечислить определённую часть гонорара в фонд СТМЭГИ.

— Этот человек, которому ты слепо доверяешь, может враз поменять мнение, — пытался я остановить Жанну от необдуманного шага. — А ты будешь морально страдать. К хамству и унижению невозможно привыкнуть человеку, с детства выросшему в условиях свободного полёта мыслей. Эта безумная затея не имеет реального завершения. Если тебе покорились вершины самых высоких гор в Европе, это не значит, что ты сможешь растопить сердца лживых, лицемерных и эгоистичных людей. Всё, что заставляет их искренне волноваться, а их сердца — биться учащённо, всё, что заставляет их души трепетать от восторженных предчувствий, — это только звук шелеста денег.

Невозможно переубедить человека, уверенного, что затеянное дело — серьёзное, важное и единственно правильное, способное повлечь кардинальные изменения в жизни безызвестной творческой молодёжи Израиля.

«Ну что же, — думал я, — давай понаблюдаем, чем всё это закончится и каков будет результат от усилий моей дочери, которая оставила в Израиле маленького сына на попечение мужа-грузина и приобрела на личные средства билеты в Москву и обратно с надеждой и верой в то, что она творит благое дело».

Жанна привыкла действовать сама, бросая вызов обстоятельствам и стихиям. Далеко не все люди обладают железным внутренним стержнем. Многим в моменты жизненных бурь хочется опереться на чьё-то сильное плечо, найти «волшебника», который придёт на помощь и решит проблемы. Очередное подтверждение этой горькой человеческой слабости прилетело ко мне глубокой ночью, когда экран компьютера тускло мигнул новым уведомлением.

— Шалом, куда Вы пропали? Нет вестей от Вас, как дела? — далее должна была последовать просьба, и я не ошибся, хотя повода для этого не давал.

— У меня к Вам небольшая просьба, может быть, не совсем корректная, — продолжая читать по диагонали это позднее сообщение, пришедшее в Фейсбуке, я невольно вспоминал цепь событий, повлекшую наше виртуальное знакомство. — Мною реализованы несколько успешных проектов, и я хочу предложить их «Нашему», Тельману Исмаилову. Надеюсь, выйти на него или его помощников через Вас, — писала незнакомка.

Тельман Исмаилов — кумир горско-еврейской молодёжи, талантливый бизнесмен, один из первых олигархов России. Именно к нему тянулись молодые соплеменники, его обожали и боготворили. Многие верили, что одна-единственная встреча с ним может круто изменить жизнь. Они верили, что наступит время их имена будут на слуху, и о них станут говорить на элитных тусовках.

Чужой мир привлекателен, он интригует и завораживает своей откровенностью. Мы жаждем перемен, мечтаем, чтобы в жизни непременно произошло чудо, что-то невероятное. Появился добрый Ангел и связал нас с известными, богатыми и не слишком требовательными спонсорами. Но законы жанра диктуют свои правила, и здесь в полной мере царствуют неизвестность и неопределённость будущего.

Глаза уже слипались, за окном барабанил дождь, а ночная весенняя прохлада тянула ко сну. Но последние строки её сообщения я всё-таки дочитал.

— Я без работы и попала в трудную ситуацию, — писала она, — поэтому надеюсь на Вас, поскольку уважаю и доверяю Вам.

Я попытался откреститься от неожиданного, но взволновавшего меня признания женщины, с которой познакомился в Сети.

Её маленькое затемнённое квадратное фото в углу экрана было единственным, что связывало меня с этим человеком. Романтика требует бесшабашной оперативности в поступках, но как только начинаешь думать о том, как правильно отреагировать на женщину, считай, пиши пропало — всё, тебе уже далеко не двадцать пять.

Этот безумный, холодный, со снежными зимами город, начисто лишённый человеческой теплоты и сострадания, манит многих людей, пытающихся преуспеть. Даже бывалые мужчины теряют в нём ощущение времени и пространства, исчезая и растворяясь в небытии, не оставляя после себя следов. Как же ты живёшь в этом городе, одинокая горская еврейка, красивая и амбициозная женщина?

— Выходи замуж, рожай детей, а там, глядишь, и всё образуется, — дал я совет мужчины, совершенно не подготовленного к переменам и суровой реальности.

— Спасибо за «отзывчивость». Моя личная жизнь не имеет отношения к тому, что я к Вам обратилась, но такого ответа я от Вас не ожидала, — снова случайно обидел женщину.

«Ну всё, полный перебор», — подумал я, закрывая страничку в Фейсбуке на короткое время.

— «Ты больше никогда не встретишь такую женщину, как я», — успел я дочитать последнюю строку её сообщения, и на этом наше виртуальное знакомство завершилось.

Эту фразу я многократно слышал в жизни, и каждый раз женщина, произносившая её, оказывалась права.

В просторной приёмной крупнейшего рынка России «Садовод», полной небритых мужчин в кожаных куртках — воротил торгового бизнеса, ожидающих встречи с хозяином дум горских евреев, — сидела моя собственная дочь. Я битых три часа наблюдал за Жанной. Её красивое лицо с каждым очередным заходом мужчин в кабинет Германа становилось непроницаемым и жёстким.

Не могу передать словами свои чувства, взрыв эмоций и ту степень унижения, которую испытал в момент, когда секретарша, выйдя из кабинета Германа, ледяным тоном сообщила, что Захарьяев больше принимать никого не будет.

А в приёмной уже никого не было — Жанна да я. Я терпеливо наблюдал за чудовищно гнусным, грубым оскорблением женщины, которая искренне, не жалея времени, всей душой старалась помочь творческой молодёжи. А ведь он прекрасно знал, что Жанна в приёмной и ожидает встречи с ним.

Как я мог утешить её? Никак. Просто надо было молчать и дождаться, когда она сама поймёт, что допустила ошибку. А она сидела, глубоко откинувшись в кресле, и совершенно не понимала, что происходит.

«Это не белоснежные горы, открытые до горизонта и покоряющиеся смелым людям», — пытался я мысленно утешить мою младшую дочь с храбрым сердцем, но ранимой, возвышенной душой.

«Это не Заур Гилалов, высокообразованный молодой человек, который в 2003 году на Всемирном конгрессе горских евреев демократично был избран первым президентом организации, а ты должна была возглавить её молодёжное движение. Ему было всего ничего, а его как почётного гостя принимали в Белом доме в Вашингтоне. Когда Заура застрелили, ему было двадцать восемь лет. Это другие люди!» — пытался я мысленно докричаться до Жанны, и, видимо, на этот раз был услышан.

В такси по дороге в аэропорт мы молчали. Я чувствовал себя виноватым из-за того, что не смог отговорить её от этого не разумного шага.

— Папа, — прервала Жанна тягостное молчание, — у меня ещё много времени до самолёта в Тель-Авив. Завези меня, пожалуйста, в Третьяковскую галерею. Писали, что там началась выставка французского экспрессионизма.

И уже выходя из такси, она уверенным, спокойным тоном сказала:

— Больше никогда не буду вести дела с горскими евреями.

Я не буду обсуждать человека, который по отношению ко мне и моей старшей дочери совершил поступок, недостойный мужчины, — чтобы читатели не подумали, будто во мне заиграли ревность или зависть.

Мы с Инной, моей старшей дочерью, по личной просьбе Германа Захарьяева готовили бизнес-план. Это была большая и сложная работа, отнявшая у нас уйму сил и времени. Не хочу вдаваться в подробности проекта, потому что это не важно для сегодняшнего дня — всё в прошлом.

Не прошло и пяти минут, Инна даже не успела развернуть результаты своего труда, как Герман, не извинившись, встал из-за стола. Бросив небрежно на скатерть купюру в пять тысяч рублей, он на ходу произнёс: «Это за чай». Его срочно позвали на «более важные» переговоры.

Инна недоуменно смотрела на меня, а в её глазах читался немой укор: «Папа, что это было сейчас? Почему я здесь и кто этот человек?» Она меня простила, но я себя не простил. В самолёте она не проронила ни единого слова. Я был унижен и оскорблен в глазах моей привлекательной, умной и очень известной деловой женщины нашей области.

И снова те же грабли, и по тому же месту — а это место моя неумная голова.

На презентации моей книги «Махалла», проходившей в Колонном зале гостиницы «Украина», я в выступлении предложил руководству фонда СТМЭГИ взять на себя организационные и финансовые вопросы нового проекта — создания книги «Сто рассказов — сто писателей». Влиятельные гости поддержали идею воплощения живой истории современных горских евреев в творчестве молодых авторов. Президент фонда СТМЭГИ Герман Захарьяев тоже одобрил проект. Прервав моё выступление, он во всеуслышание объявил, что всецело поддерживает начинание и готов финансировать его по полной программе.

Но зная его противоречивый и непредсказуемый характер — когда человек может спокойно, без стеснения забрать слово обратно и без всяких последствий для себя, — я решил потребовать гарантий. Написал ему об этом и вскоре получил пренебрежительный ответ: «Передай своим писателям, что Захарьяев слов на ветер не бросает. Фонд СТМЭГИ готов частично финансировать этот проект».

Вскоре я принял окончательное решение: никогда больше не связываться с людьми, характер, правила поведения и чувство долга которых сформировались на базаре — пусть даже это самый крупный рынок Европы. На нашей последней встрече я открыто высказал Герману в лицо: «Ты должен покаяться и извиниться перед моими

дочерями». Но до этой драматической развязки мы успели запустить несколько серьёзных дел.

Чтобы до конца понять логику наших взаимоотношений, я постараюсь детально разобрать те самые проекты, о которых раньше никому не рассказывал.

ГЛАВА 18

Кто-то из читателей может подумать, будто во мне заговорила обычная гордость провинциального делового человека. Нет, совсем наоборот. Я благодарен Всевышнему за то, что Он исключил из моих качеств гордыню, ревность и зависть к чужим успехам. Когда-то я был доверенным помощником Германа, поэтому знал многое о его бизнесе. Мало того, я лично инспектировал деятельность компаний, в которые он инвестировал большие деньги.

Видя результаты моей работы, Герман даже предлагал мне официально возглавить его аналитическую службу, посулив сумасшедшие по тем временам деньги — пять тысяч долларов в месяц.

— Меньше чем за десять штук я даже думать не буду о твоём предложении, — ответил я ему тогда.

Откуда взялась эта цифра — десять штук зелёных? Она имеет свою предысторию. Именно тогда я твёрдо усвоил: если когда-нибудь мне и придётся работать на «дядю» за зарплату, то меньше чем на десять тысяч зелёных в месяц я в жизнь не соглашусь.

Началась эта история в чёрный день, когда страшная автомобильная катастрофа всполошила всю элиту Западного Казахстана.

В аварии погиб Олжас Тугельбаев — сын одного из богатейших и влиятельнейших бизнесменов нефтяного региона, легендарного для своего края человека Сагата Тугельбаева. В начале девяностых он стал первым главой Атырауской областной администрации, а позже — первопроходцем в бизнесе, создав крупную частную нефтяную компанию. Это была эпоха больших людей, таких как генеральный директор «Тенгизнефтегаза» Серик

Сагитжанов — человек трагической судьбы, который на этой тяжелейшей работе впоследствии потерял зрение и вскоре скончался.

С этими людьми меня связывали не просто тёплые отношения, а годы совместной созидательной деятельности в Атырауской области. Ведь именно я, Ильясаф Азарьев, руководил строительством знаменитой швейно-трикотажной фабрики на двести посадочных мест в Кульсарах, торжественное открытие которой гремело на всю республику.

Реализация проекта требовала жёсткой организации труда, оперативного обеспечения оборудованием, снабжения дефицитными тканями в условиях 90-х годов и координации всех производственных процессов — от подготовки швей до выпуска готовых изделий. И всё это надо было сделать за шесть месяцев. Именно такой срок я обозначил на встрече с Акимом области, где мы вместе с генеральным директором ПО «Тенгизнефтегаз» презентовали проект. Идея заключалась в том, чтобы в Кульсарах создать рабочие места для женщин, способных внести в семейный бюджет дополнительные средства. И, что было немаловажно, приступить к пошиву спецодежды для нефтяников региона.

— Этот парень — идеальный авантюрист! — с удивлением и злорадством сказал Тугельбаев Сагитжанову. — Он при первой возможности кинет тебя и сбежит в Израиль, а там чёрты с два ты его достанешь. Как можно за шесть месяцев с нуля построить фабрику на двести мест, обеспечить её сырьём, обучить сотни женщин непростой профессии и произвести продукцию, востребованную нефтяниками?

На прощание он обратился к Сагитжанову:

— Смотри, на твоё усмотрение, но я тебя предупреждал.

А мне жёстко бросил:

— Я записываю в календаре: через шесть месяцев — открытие фабрики в Кульсарах. Но если сорвёшь проект, считай, что в Казахстане больше ни с кем работать не будешь.

В моногороде, где вся промышленность была мужской, мы за полгода создали фабрику, давшую сотни рабочих мест местным женщинам — жёнам и дочерям нефтяников. Сагат Тугельбаев и Серик Сагитжанов прекрасно знали цену моему слову, профессионализму и организаторскому таланту. Я пришёл в их край созидателем, и они платили мне за это непререкаемым уважением.

Потом, когда Акимом Атырауской области стал Аслан Мусин, ставший позже влиятельным главой Администрации

Президента (о котором за кулисами говорили: «Он — будущий Хозяин Казахстана»), мы реализовали не менее значимый для степного региона проект — создание ста гектаров яблоневых садов на капельном орошении. Президент Казахстана, прогуливаясь по молодым садам, искренне восхищался увиденным.

Вот почему, когда Тугельбаева настигло страшное отцовское горе, я не мог остаться в стороне. Я прибыл в Атырау на третий день после погребения Олжаса. Согласно многовековым традициям казахов, считается, что в этот период душа покойного ещё не покинула земной мир и прощается со своим домом.

В большом доме Тугельбаева не было свободного места от скорбящих — выразить соболезнования отцу приехал весь регион. Я пристроился кое-как в стороне, глубоко сожалея о случившемся. Олжасу было всего сорок шесть лет. Он погиб случайно: на крутом повороте трассы не справился с управлением «мерседеса». Машина на огромной скорости многократно перевернулась, не оставив шансов на выживание.

Заметив меня, Тугельбаев сдержанно кивнул и лёгким движением головы пригласил подойти ближе.

— Где остановился? — спросил он.

Я назвал место, Тугельбаев продолжил:

— Завтра за тобой заедет машина — хочу тебе кое-что показать.

Это была гигантская строительная площадка. Здания уже были возведены, а вокруг громоздилось несметное количество технологического оборудования. Заметив моё удивление беспорядком на участке, Тугельбаев медленно, словно мысленно говорил с сыном, произнёс:

— Олжас хотел возвести здесь крупнейшую птицефабрику в регионе, но не успел. — Чуть погодя он добавил: — Хочу предложить тебе взять в управление реализацию идеи моего сына. Хочу назвать фабрику его именем... Готов платить тебе десять тысяч евро в месяц. Но у меня одно условие: ты должен жить в Атырау, начинать рабочий день и завершать его на этой площадке.

Я отказался. Деньги были хорошие, но свобода деятельности всегда оставалась моим главным приоритетом.

Воспоминание о том дне в Атырау и лице Тугельбаева-старшего, словно высеченном из серого гранита, пытавшегося удержать горе внутри и не показывать его окружающим,

промелькнуло в голове за долю секунды. Я мысленно вернулся в реальность и посмотрел на Германа, который сразу перешёл к делу:

— Илья, три года назад я приобрёл ореховые плантации — двести гектаров на западе Азербайджана, на границе с Грузией.

Я молча слушал, а сам лихорадочно думал: как могу быть полезен в этом вопросе? Какое отношение вообще имею к аграрному сектору Азербайджана? В основном его московское окружение занималось исключительно торговым бизнесом или владело ресторанами в самых престижных местах столицы. Удивительное дело: ни один его проект до этого момента не выходил за пределы Москвы.

— Знаешь, Илья, — продолжал Герман, — эти сады уже второй год приносят мне значительные убытки, которые исчисляются десятками миллионов рублей. Сможешь провести анализ деятельности управляющей компании и предложить идею, как поступить с этим активом дальше?

Я вопросительно взглянул на него, и он без лишних слов понял по взгляду.

— Меня убедили, что это лучший вариант зайти с бизнесом в республику, — глухо добавил он. — Я не буду тебе сейчас объяснять важность этих инвестиций.

Сразу отмечу: я ни разу, ни за одну работу на него, не просил денежной оплаты. Наивно думал, что тем самым смогу сблизиться с ним, заслужить авторитет, а уже потом предложить ему по-настоящему серьёзные, масштабные проекты.

В поездке в Азербайджан меня сопровождал Видади, который занимался исключительно делами на исторической родине. Он не был горским евреем из знаменитой Кубы (Красной Слободы), а был этническим азербайджанцем, которому Герман безгранично доверял. Видади и его брат Низами были известными предпринимателями в Азербайджане и входили в узкий круг людей, близких к семье Президента республики.

Видади подробно описал мне управляющего директора ореховой плантации и добавил, что тот будет встречать нас прямо у трапа самолета. Когда я увидел его, то буквально обомлел. Этот человек больше походил на знаменитого артиста — настолько был элегантен, ухожен и артистичен. Ну никак он не ассоциировался с аграрием, способным твёрдой рукой управлять солидным производством.

Нам предстоял долгий путь до садов — почти триста километров на машине. В дороге я решил поближе познакомимся с управляющим. Назовём его Али.

— Али, ты ведь сам постоянно живёшь в Баку. Как часто бываешь на плантациях? — поинтересовался я, ожидая честного ответа.

— Раз в месяц, — ответил он, искренне удивившись вопросу. — А зачем мне бывать там чаще? У меня бригадирами работают двоюродные братья, я им доверяю абсолютно во всём!

«Ты-то им, может, и доверяешь, но откуда тогда берутся убытки в десятки миллионов?» — мысленно усмехнулся я.

Эта ситуация до боли напомнила другую историю из моей практики. Как-то раз мне предложили проанализировать финансово-экономическое положение крупного агрохолдинга на юге России. Там был колоссальный размах: 150 тысяч гектаров земли, свои птичники, свинарники, коровники — словом, гигантская империя. Но и убытки она генерировала соответствующие. Владелец той компании честно признался мне на встрече: «Во-первых, этот бизнес для меня — просто увлечение. А во-вторых, я таким образом пристроил всю родню со своей стороны и со стороны жены».

Мы тогда с командой высокопрофессиональных агрономов и экономистов провели серьёзную работу, изучили сотни документов. В сельском хозяйстве можно зарабатывать и воровать на любом технологическом процессе. Даже полив, внесение пестицидов и удобрений — статьи расходов, которые принципиально невозможно проконтролировать со стороны, — позволяли делать огромные, скрытые от чужих глаз деньги.

Зато родственники владельца жили припеваючи: владели дорогими автомобилями и домами, гуляли с красивыми женщинами — словом, жили на широкую ногу. Самое поразительное, что им было абсолютно плевать, рентабелен их бизнес или нет. Сколько бы они ни требовали на «хозяйственные нужды», владелец выделял деньги не мешкая.

Через две недели я положил на стол хозяину холдинга короткий доклад, уместившийся всего на одной странице. В самом центре большими буквами написал одно-единственное слово: воруют.

— Как воруют?! — с искренним удивлением и возмущением спросил он. — Они ведь все мои близкие родственники! Как они могут воровать у меня?!

Я пристально посмотрел на него и раздельно, почти по слогам, произнёс:

— Воруют всегда именно близкие.

— Что надо сделать? — растерянно спросил он.

— Полностью убрать из управления всех ваших родственников и нанять независимую управляющую компанию, — отрезал я.

Этой компанией в итоге и стала моя команда.

Мы взяли под руководство холдинг. Нам пришлось ломать старые схемы, выстраивать жёсткий контроль и полностью менять систему управления. Результат не заставил себя ждать: всего за год мы свели колоссальные убытки к нулю. В последующие годы доходы предприятия исчислялись сотнями миллионов рублей. Однако за этот успех пришлось заплатить высокую цену. В наш адрес начали поступать систематические, вполне реальные угрозы от отстранённых от дел родственников. Оставаться там становилось смертельно опасно, и в конце концов мы были вынуждены прекратить работу.

В Азербайджане меня ждала точно такая же ловушка. Я провёл на ореховых плантациях три полных дня. Моего опыта хватило, чтобы без труда вскрыть цепочку злоупотреблений. К концу третьего дня я уже полностью владел схемой воровства: от классических «мёртвых душ», якобы привлекавшихся на сезонную уборку орехов, до масштабных приписок при закупках и использовании дорогостоящей агрохимии.

Главное — там не было реального хозяина. А в бизнесе, как известно, никому нельзя доверять слепо. Тем более людям, которые близки тебе. Как мудро говорят в народе: «Хочешь потерять друга — займи ему денег или начни с ним совместное дело». В итоге потеряешь и друга, и деньги.

На прощание я сказал Али:

— Дорогой друг, я не знаю, на каких условиях ты управляешь этим бизнесом. Но для того, чтобы он стал доходным, твоё место должно быть здесь, в самом центре сада. Ты должен утром, вставая с постели, видеть всё вокруг своими глазами, а заканчивать работу лишь тогда, когда сады сливаются с ночью.

Уже в кабинете Германа в Москве я без лишних предисловий выложил ему всё как есть, уложившись в пару хлёстких фраз:

— Герман, там воровством занимаются все кому не лень. Немедленно избавляйся от этих садов, ничего путного там никогда не будет. Тем

более сейчас, когда калифорнийские орехи полностью заполонили постсоветское пространство. Конкурировать с ними в твоих условиях попросту невозможно.

Герман молча слушал. Мой вердикт шёл вразрез с красивыми сказками, которыми его кормили в Баку, но спорить с очевидными фактами и цифрами он не мог.

Через месяц он позвонил. Голос его звучал спокойно и даже с некоторым облегчением.

— Сады продал, — без лишних вступлений буркнул Герман. — Правда, с убытками, но, слава Богу, освободился от этого постоянного давления на мозги. Но, Илья, ты мне нужен. Можешь появиться в Москве?

— Да, конечно, — ответил я. — Когда именно?

— Завтра. Дело не требует отлагательств.

На следующий день я уже сидел в кабинете Германа. Пока мы ждали возможности поговорить наедине, я с искренним удивлением наблюдал за непрекращающимся, плотным потоком людей, заходивших к нему один за другим. Это были самые разные просители: друзья юности, шапочные знакомые, дальние и близкие родственники. И все они, как под копирку, просили об одном и том же — либо дать какую-нибудь работу, либо просто выделить денег на обустройство в Москве. Столица манила всех, и каждый надеялся, что богатый земляк станет билетом в благополучную жизнь.

— Как же я устал от этих просителей! — в сердцах воскликнул Герман, когда дверь за очередным земляком наконец закрылась. Он повернулся ко мне и пристально посмотрел в глаза: — А вот ты, Илья... Ты ведь ни разу за все годы нашего знакомства ничего у меня не попросил. Слушай, давай мы официально устроим тебя моим главным помощником? Пять штук зелёных в месяц тебя устроит?

Для тех времён это были огромные, более чем серьёзные деньги. Но я даже бровью не повёл.

— Я подумаю над твоим предложением, — спокойно ответил я и тут же перевёл тему: — А теперь давай к делу. Я сижу в кабинете битый час, а мы так и не дошли до вопроса, зачем именно ты оторвал меня от дел в Волгограде.

Герман замолчал, его взгляд стал тяжёлым и испытующим.

— Ты помнишь парня, которого тогда к тебе пристроил, а ты по каким-то причинам спустя неделю отказался от него? — глухо

спросил он. — Он был моим дальным родственником. Я ещё выговаривал тебе: «И что теперь буду говорить его отцу?!» Помнишь?

— Да, — спокойно ответил я, глядя ему в глаза. — Помню. И что с ним случилось?

Герман подался вперёд, и в его глазах снова вспыхнул азартный огонёк, всегда отличавший крупных игроков эпохи первоначального накопления капитала.

— Я создал хайтековскую компанию, — понизив голос, признался он. — Ты же в курсе: сейчас это мощный бизнес.

В конце девяностых и начале двухтысячных годов слово «хайтек» было главным, самым модным и весомым термином в крупных бизнес-кругах. Бизнесмены вроде Германа Захарьяева произносили его с особым шиком, подчёркивая, что вкладываются не просто в рынки или рестораны, а в передовую мировую науку.

— Мне предложили одного израильтянина, он ашкеназ, — продолжал Герман. — Так вот, этот парень презентовал совершенно уникальную идею. Я за неё сразу же ухватился. И вот они там у меня уже больше года работают, а результатов никаких. Ноль!

Зато только за аренду роскошного офиса я плачу сотни тысяч долларов. Да и зарплаты у них — дай Бог каждому, уж точно повыше тех пяти штук зелёных, которые только что предложил тебе. Проведи, пожалуйста, неделю у них в офисе, посмотри изнутри, мне нужно твоё независимое мнение.

Чтобы дойти до офиса компании, мне пришлось пройти все муки ада — многоуровневая система охраны, пропуска, досмотры. «Вот это да, — думал я, — можно подумать, здесь работают специалисты мирового уровня, не меньше, чем в Кремниевой долине».

Офис удивил ещё больше: шикарные просторные кабинеты, переговорные, под завязку забитые передовой и дорогой техникой. Одних только длинноногих секретарш с томными глазами здесь было трое. И тут навстречу вышел тот самый парень, о котором мы говорили с Германом. Он широко улыбался, явно довольный новым столичным статусом, вальяжно обнял меня и с гордостью произнёс:

— Я здесь первый заместитель генерального директора!

«Отлично, — подумал я, — тут как раз твоё место, куда ещё мог Герман пристроить тебя?»

Я добросовестно присутствовал на всех производственных и оперативных совещаниях, которых проводилось огромное

количество. Казалось, вся работа с утра начиналась очередным заседанием и им же вечером заканчивалась. Секретарши едва успевали приносить свежий кофе, чай, дорогие конфеты и бутерброды с икрой. Всё было поставлено на широкую ногу — за счёт инвестора, который ждал важных достижений от новоиспечённой компании

А неосуществимая идея — обеспечить Москву и область дешёвой энергией — стала для них навязчивой. «Как Герман вообще повёлся на этого парня, словно сошедшего со страниц "Золотого телёнка"?» — мысленно размышлял я, глядя, с каким безумным азартом израильтянин расписывал детали «грандиозной» задумки.

Герману я потом сказал прямо, без обиняков:

— Закрывай эту контору. Там парни близко не владеют тем, о чём мечтают. И вообще, как ты — такой тёртый деловой человек — мог повестись на эту дешёвую утку?

Герман молча выслушал, резко вскочил с кресла, в его голосе послышались ноты глубокого разочарования:

— Послушай, Илья, я уже затратил на них миллионы долларов! Как их закрою?

— А просто, — отрезал я. — Нельзя вкладываться в бизнес, о котором не имеешь абсолютно никакого понятия. Хорошо, ты сам не знаешь, что такое современный хайтек. Но у тебя ведь рядом, кроме торгашей, нет ни одного человека, способного вовремя подсказать, что эта идея — чистая липа!

Пишу эти строки, и мне вспомнилась недавняя поездка в Атырау на встречу с Ибрагимом Акдрашевым — крупным деловым человеком, входящим в число пятидесяти богатейших казахстанцев.

Мы застали его на базе: засучив рукава, он вместе с электриками возился возле огромного трансформатора. Ибрагим познакомил меня с молодым человеком, который заразил его невостребованной идеей Николы Теслы о беспроводной передаче энергии по земле и воздуху. Тесла утверждал, что наша планета — это гигантский электрический проводник. Если в одной точке вогнать в землю мощный импульс на определённой частоте, планета войдёт в резонанс. Тогда в любой другой точке земного шара достаточно воткнуть в грунт специальную антенну-приёмник, и из неё пойдёт чистая, бесплатная электроэнергия.

Энергия должна была передаваться без проводов и столбов, через верхние слои атмосферы и саму толщу земли. Великий изобретатель мечтал обеспечить всю планету безграничной энергией.

Дело даже не в том, получится ли реализовать эту фантастическую идею, а в том, что Ибрагим, настоящий производственник, который из своего кармана спонсирует безумную мечту, всё свободное время проводил в коллективе, нацеленном на результат.

— Послушай, Герман, — сказал я ему при следующей встрече, — у меня назначена важная встреча с вице-губернатором Калужской области по инвестициям. Я как раз готовлю официальный визит моего губернатора к его коллеге.

Тогда Калужская область гремела на всю страну — иностранные и российские инвестиции лились в регион рекой.
Герман оживился, в его глазах снова блеснул интерес:

— Илья, можешь взять на встречу моего брата Исая?

Исай в то время вовсю торговал на рынке «Садовод» дорогой импортной обувью — не то итальянской, не то испанской. Я бывал у него на складе: там до потолка громоздились коробки с туфлями и сапогами.

— Хорошо, — согласился я после секундного размышления. — Я представлю его как твоего брата. Он сможет от твоего имени вести переговоры о предмете твоих реальных инвестиций в регион. Калуга ведь рядышком с Москвой, любой запущенный там бизнес можно без проблем инспектировать хоть каждую неделю.

— А что, идея отличная! — загорелся Герман и тут же, прищурившись, произнёс: — Слушай, а ты сможешь полностью взять на себя эту работу и курировать проект?

Нас поехало трое. Исай, не заботясь о протоколе, прихватил с собой друга. Вместо строгой деловой делегации получился настоящий горско-еврейский базар.

В Калуге нас встретили достойно — я официально являлся советником губернатора Волгоградской области по внешнеэкономическим связям, и моё имя открывало нужные двери. Всю официальную часть переговоров Исай не проронил ни слова. Его голова была низко опущена. Только под конец встречи я с изумлением заметил, что он всё это время вовсю рубился в игру в мобильном телефоне.

Казалось, ему было всё до фонаря. Но, как выяснилось чуть позже, это было лишь обманчивое впечатление — на самом деле Исай внимательно слушал и впитывал каждое слово.

Уже на обратном пути в Москву Исай предложил заехать в «Шоколадницу» перевести дух и выпить кофе. Мы устроились за

уютным столиком. Исай отставил в сторону чашку, внимательно посмотрел на меня и с обезоруживающей прямотой произнёс:

— Илья, ну вот что тебе делать в твоём Волгограде? Твоё место — здесь, в Москве. Ты же видишь, тут крутятся абсолютно все деньги страны!

Кто бы мог подумать! Исай сегодня — один из самых влиятельных девелоперов в Москве, чья компания строит элитное жильё премиум-класса. Один наш общий знакомый в разговоре со мной заметил: «Я поражаюсь Исаю, его феноменальному умению вести сложнейшие деловые переговоры на самом высоком уровне».

Я лишь молча улыбнулся в ответ, вспомнив нашу поездку в Калугу. Тот парень со склада «Садовод» оказался чертовски талантливым учеником. Он не просто сидел рядом в кабинете вице-губернатора — он считывал матрицу больших переговоров и учился у меня.

Но тогда, в «Шоколаднице», отвечая на его призыв остаться в Москве ради больших денег, я окончательно понял то, о чём предупреждал меня когда-то профессор физики. Жизнь по формуле «где крутятся деньги» — это не моя жизнь. Я возвратился обратно к себе домой. Уехал, чтобы сохранить себя, свою независимость и мужское достоинство, к чему с раннего детства приучала слободка.

ГЛАВА 19

Пронизывающий голос диктора, объявивший по громкой связи о начале посадки на рейс, мгновенно выдернул меня из плена воспоминаний и философских размышлений. Я открыл глаза и медленно поплёлся к выходу на посадку. Одиночество, предсказанное старым профессором физики много лет назад, преследовало меня по пятам, словно невидимая тень. Но в душе, согретой прикосновением маленькой детской руки и великими словами дедовской молитвы, больше не было страха.

Позади остались тревожные ожидания новостей о задержках самолётов, шум, суета уставших пассажиров, бессмысленно шатающихся туда-сюда, и нервное сжимание паспорта в руке. Наконец-то я в салоне. Ещё несколько часов, и я встану под горячий

душ, смою дорожную усталость, приму стопку виски и рухну в постель.

Я прикрыл глаза с надеждой снова мысленно представить женщину в широкополой шляпе, ошеломившую меня восточной красотой и феноменальной проницательностью, но уставшая память, не спрашивая разрешения, услужливо подбросила совсем другой образ.

Это был солидный, с благородной проседью на висках мужчина лет пятидесяти, который сидел напротив меня и усердно прокручивал вино в бокале.

— Для чего вы так старательно вращаете бокал? — спросил я соседа, пытливо изучавшего содержимое фужера. — Вращай не вращай, но удовольствия от этого напитка всё равно не получите — это бессмысленная затея.

Его настойчивое рвение откровенно раздражало, но соседей в зале бизнес-класса не выбирают. Недовольно взглянув на меня, он продолжал своё занятие как ни в чём не бывало.

— Вино порошковое, и аромата в этом суррогате невозможно услышать, — твёрдо высказал я мысль, надеясь, что он наконец прекратит бесполезное дело. — Кто же для пассажиров бизнес-класса и владельцев особых премиальных карт в аэропорту, а их сегодня так много, что можно потерять счёт, будет подавать настоящее итальянское или французское вино? Многие попросту не отличают тонкий вкус дорогого напитка от дешёвого суррогата, на халяву они и «Солнцедар» выпьют с удовольствием. Помните, — с лёгкой усмешкой сказал я случайному соседу, — как в былые времена в народе в шутку называли это вино — «краской для заборов» или «клопомором»?

Высказав столь резкое замечание, я вопросительно посмотрел в глаза собеседнику, но, увидев там лишь равнодушие, осёкся. Почувствовав моё раздражение, случайный визави небрежно отложил бокал и с любопытством посмотрел на меня.

Мужчина, напротив, производил сильное впечатление, но был явно не в духе. Взглянув мельком на наручные часы, он покачал головой и тихо произнёс:

— Господи, когда же всё это закончится...

— Удивительно, но у меня точно такие же часы, как и у вас, — попробовал я смягчить ситуацию. — Но я пользуюсь ими лишь в исключительных случаях.

Мужчина вопрошающе посмотрел, но вежливо промолчал. «Чёрт-те куда меня понесло, — подумал я, — расслабился и разболтался». Вовремя вспомнив советы восточных мудрецов о неконтролируемом языке, делающем нас безоглядно открытыми, я вразумительно замолчал. В дальнейшем я не стремился наладить связь с незнакомцем. Углубившись в мысли, я не заметил, как на столике появилась бутылка дорогого израильского вина.

— Помните, что говорил Омар Хайям? — уже по-дружески обратился ко мне попутчик, разливая напиток в бокалы. — «Алое вино, дай радости и горечи душе». Давайте выпьем за счастливую мужскую долю.

Предложив необычный, редкостный тост, он с интересом разглядывал меня — видимо, пытался понять, кто я такой и как очутился рядом.

— Одного глотка достаточно, чтобы понять, каково вино, хорошее или суррогат, — сделав ещё глоток он продолжал. — Сегодня израильские вина — лучшие в мире, у них непревзойдённый вкус и глубокий аромат.

Я мысленно согласился. Сделав глоток, отложил бокал и замер, ожидая, когда же он заговорит о главном. Я чувствовал: человеку было жизненно необходимо выговориться, и я был готов слушать, не перебивая. В моей жизни случалось много ситуаций, когда требовалось терпеливо выслушать даже случайных попутчиков, стремившихся облегчить душу. Я и сам порой мог подойти к незнакомому прохожему, чтобы сказать пару комплиментов, а он, глядя на меня как на сумасшедшего, всё равно с улыбкой отвечал «спасибо».

И тут мне вспомнилась забавная история. Не знал, почему я это сделал, какой порыв заставил пойти на этот поступок. Как обычно прогуливаясь по набережной, я заметил двух девушек, которые шли чуть впереди и оживлённо беседовали. На одной из них был точно такой же плащ, как у женщины из моего рассказа «Реальный сон».

Что произошло — не знаю, какие силы заставили догнать их, тоже неведомо. Вежливо остановив попутчиц, я обратился к девушке в плаще:

— Прошу прощения, вы так прекрасны в этом наряде! Мне кажется, что вы только что сошли со страниц рассказа Ирвина Шоу «Я искал тебя, искал...».

Она с искренним удивлением спросила:

— А кто такой Ирвин Шоу?

— Это выдающийся американский писатель, который очень романтично описывал своих героинь, — ответил я.

— Обязательно найду и прочитаю этот рассказ, — сказала она, задумавшись на мгновение, — а вам большое спасибо за столь лестное сравнение!

— Знаете, — произнёс сосед, — вчера в Иерусалиме, у Стены Плача, я говорил с Богом, хочу рассказать вам об этом. У меня ощущение, что мы давно знакомы, и я могу поделиться сокровенными мыслями, волновавшими меня последние годы.

Я молчал, он продолжал:

— Мой бизнес, как карточный домик, рухнул в одночасье. Сегодня у меня нет средств даже на обычное житьё-бытьё. Я не могу закончить жизнь так бездарно, но не вижу выхода из этой дурной ситуации. Решительно не понимаю, как быть дальше. Было время, когда я был известным предпринимателем, даже входил в ближайший круг губернатора...

— Что случилось? — не выдержав эмоционального напряжения, спросил я.

— Меня в грубой форме принуждали к предательству, — ответил он и после долгой паузы и замолчал, будто обдумывал, продолжать ли рассказ, но затем на одном дыхании высказал главное, словно опасаясь, что если не сделает этого сейчас, то уже никогда не решится: — Меня настойчиво заставляли стучать на Вагита Алекперова — это жестокая правда моей жизни. Я исключил саму мысль об этом, но для меня всё закончилось полным крахом бизнеса.

— Кто вы? — испуганно, с недоверием спросил попутчик. — И почему я вам всё это рассказал?

Он растерянно, но с явным облегчением взглянул на меня и попросил задержаться хотя бы на пару минут. Но уже объявили посадку на мой рейс. Пожелав собеседнику всего хорошего и доброго, я на прощание сказал ему:

— Не думай о прошлом, в твоей жизни всё только начинается. Действуй смело и решительно, никого и ничего не бойся — Всевышний ни одну просьбу не оставляет без ответа. Тебя обязательно услышат люди, о которых ты думаешь. На твоей руке отцовские часы. Если будешь заводить их регулярно, они никогда не остановятся.

Уже направляясь на посадку, я подумал о том, что аэропорт — удивительное место. Здесь, в этой вечной суете, где каждый пассажир погружён в себя, легче всего встретить того, кто перевернёт твою жизнь. Точно так же, как это произошло три года назад на рейсе из Атырау в Шереметьево.

Аэропорт — как дом родной, словно коридор в квартире: ещё несколько шагов, и ты на кухне, где на столе красуется недопитая бутылка виски, ещё пару метров, и ты в спальне, застеленной постелью, пахнущей свежестью и чистотой. Только шаги эти порой длятся часы, и наполнены они тревожными ожиданиями, пустотой, а порой — самыми счастливыми моментами.

Зону дополнительного контроля прохожу на автопилоте: буднично, терпеливо, не возмущаясь пристальными взглядами пограничников. Выполняю все указания, приученный опытом себе на пользу.

Рейс из Атырау в Москву, а в зале ожидания на редкость мало людей. «Здорово, полетим с комфортом», — подумал я и по привычке прошёлся взглядом по пассажирам. «Куда подевались симпатичные и жизнерадостные люди?» — улыбнулся я, присев на свободное место.

В это время впереди поднялась женщина и грациозно направилась к стойке бара. «Если она ещё и лицом хороша, то с такой элегантной походкой и отточенной фигурой ей просто не будет цены», — с этими мыслями я провалился в сон.

Объявили посадку. Люди суетливо столпились в очереди, ожидая прибытия автобуса, но незнакомки среди них я не увидел. Обернувшись, словно под гипнозом, вдруг поймал её взгляд, направленный на меня. Она выглядела безмятежно: спокойно сидела за стойкой бара, пила кофе и никак не реагировала на призывы диктора поспешить к выходу. Повезло же кому-то каждую ночь обнимать эту женщину в своей постели. Эта случайная встреча изменила весь ход моей жизни, намертво внеся в неё новые мечты и желания.

— Можно в салоне я сяду рядом с Вами? — вежливо спросил я её.

«Надо же с чего-то начинать знакомство, — мелькнула мысль. — Да, сейчас мне точно не хватает подсказок Стефана Цвейга. Он-то знал, как поступать в таких случаях». Читая новеллы выдающегося писателя («Письмо незнакомки», «Двадцать четыре часа из жизни женщины»), можно было сойти с ума просто от слов, фраз и

предложений, описывающих тончайшие, глубинные чувства и страсти женщин к мужчинам и наоборот.

— Конечно, если только успеете и Ваше место окажется рядом с моим, — ответила она и тут же продолжила: — Только зря будете тратить драгоценное время, я замужем.

Она смотрела сквозь меня, словно я был прозрачной витриной аэропорта, давая понять, что говорить больше не о чём.

— Почему Вы говорите о замужестве шёпотом? — спросил я небрежно, показывая, что она меня абсолютно не интересует, и для убедительности вообще отошёл в сторону.

Войдя в самолёт, я был крайне удивлён и рад тому, что незнакомка сидела совершенно одна в ряду, далеко позади остальных пассажиров. Что это — случай или судьба? И то, и другое. «Действуй!» — приказал я себе.

— Как Вы угадали? Моё место, как ни странно, оказалось как раз рядом с Вами, — сказал я, протянув ей скомканный посадочный талон для убедительности.

Самолёт взлетел легко и плавно. Пассажиры, успокоившись, рассказывали друг другу о будущих делах и планах. А мы молчали как мне показалось тогда вечность, никто не проронил ни слова.

«Гордость и высокомерие — это прямая дорога в никуда», — так звучит афоризм одного мудрого еврея. «Пока ты жив, время проводи в беседе», — говорил другой великий восточный философ и поэт. Они ещё в те далёкие времена понимали силу живого слова.

Я взял на вооружение мудрые советы и заговорил первым:

— Хотите, я расскажу вам старинную историю любви? Она очень поучительна для восточных красавиц.

В ответ — тишина. Я понял: она держит меня за назойливого кавказца.

— Хорошо, я буду рассказывать. Если же история не понравится — остановите меня, но сделайте это корректно, вежливо, чтобы окончательно не разорвать моё израненное сердце.

Она мельком, впервые с интересом взглянула на меня. Поймав этот взгляд, я неторопливо начал рассказ. «Мне нужна всего минута, — думал я. — Если эта женщина будет слушать, интрига продолжится, или же придётся пересаживаться на своё место. Но тогда я просто не прощу себе беспомощного поступка». Вдохновение, тревога, жажда общения с увлекающей женщиной встревожили меня.

Душа и сердце не разучились любить, вернув меня в мир безумных, всепоглощающих страстей.

— Почему замолчали? Закончился запас стихов и рассказов о восточной любви, или это дежурная история, которую Вы рассказываете всем девушкам, которых хотите увлечь? — ехидно заметила она и продолжила: — История на самом деле интересная, а стихи просто великолепны. Они Ваши?

Она хотела и ждала продолжения диалога. Мне показалось, ей необходимо было с кем-то побеседовать. «Вот бы скинуть с десяток лет, я бы обязательно завоевал эту женщину. Господи, почему время нашей жизни бежит так быстро, как сумасшедшие олени?»

— Продолжайте говорить. Расскажите что-нибудь интересное. «Что вас привело в наши казахстанские степи?» —спросила она.

—Почему стюардессы так внимательны к вам, несут вам блюда и напитки, не как всем? — продолжала интересоваться она.

— На самом деле моё место в самом начале салона, рядом с кабиной пилотов, а здесь я только ради вас.

— Ладно, понятно и очень интересно, — заметила она, повернувшись лицом и показывая всем видом, что ждёт продолжения беседы.

— У меня много историй о Казахстане. Спрашивайте, и я с удовольствием расскажу обо всём, что знаю, — и добавил: — Хоть до утра. А утром разбужу вас нежным поцелуем, и в постель на завтрак принесу всё, что прикажете.

Было интересно узнать, как она отреагирует на такое смелое предложение. Я не позволил ей долго думать — надо было быстро сменить тему, иначе можно было получить столь же неожиданный жёсткий ответ.

— Вы казашка? Нет, наверное, болдырка, — ответил я за неё.

— Болдырка? «Кто они такие?» —удивлённо спросила она.

— Болдырки — самые красивые девушки на свете, они смешанной крови, калмыцкой и русской. У вас тоже, наверное, течёт европейская кровь? Вы фантастически красивая и романтичная женщина, словно только что вышли из просторных, нетронутых причудами природы степей Казахстана.

Я балансировал на грани дерзкого флирта и искреннего восхищения, а использование редкого, поэтичного слова «болдырка» добавляло разговору особый южный колорит.

— Как Вас зовут?

— Айгуль.

— Куда дальше из Москвы? Хотите, приглашу в театр? — Я понимал, что это невозможно. Но хотелось услышать: «Да, хочу».

— Ты, наверное, забыл, я говорила: я замужняя восточная женщина. А театр очень люблю. Может быть, в другой жизни, — неожиданно мягко ответила она и спросила: — А как тебя зовут?

— Ильясаф, — машинально, с искренним сожалением, что эта чудесная встреча вот-вот закончится, ответил я. Она мне нравилась. Я чувствовал себя помолодевшим, полным сил и душевного богатства. Сознание требовало яркой, восторженной любви, способной наконец вывести меня из продолжительного одиночества.

Мы продолжали говорить обо всём, не стесняясь запретных тем. Её маленькая ладонь в моей руке — предвестник новой, зарождающейся дружбы. Как мало надо для того, чтобы чувствовать себя счастливым. В огромном аэропорту, кроме меня и Айгуль, никого больше не было.

— Айгуль, давай задержимся в Москве и поужинаем вместе где-нибудь? — моё запоздалое предложение осталось без ответа.

— Ильясаф, я замужняя женщина, ты должен меня понимать. Может быть, в другой раз, при новой случайной встрече.

Объявили посадку на мой рейс. Жаль, что невозможно остановить время, вернуть всё назад, восстановить начало встречи с этой необыкновенной женщиной и пройти всё заново: аэропорт Атырау, самолёт, это маленькое кафе в глубине зала.

— Мне пора. Позвонишь?

Я понимал, что, возможно, больше никогда не встречу прекрасную незнакомку, чудным образом изменившую моё сознание и подарившую надежду, веру и короткую, незабываемую любовь, наполненную нереальными чувствами. Айгуль неожиданно прильнула ко мне, обняла, прижавшись настолько плотно, что я почувствовал каждый изгиб её упругого молодого тела.

Что произошло в моей одинокой жизни, и каким прекрасным временем наградил меня Бог! Огромное спасибо тебе, Господи, за эти десять часов абсолютного счастья. Аминь!

ГЛАВА 20

Я в буквальном смысле слова упал в просторное кресло лайнера, и это неудивительно: двое суток не выходил из аэропортов, бесконечно пересаживаясь с одного рейса на другой. Усталость навалилась свинцовой тяжестью. Сонным взглядом окинув соседей, я заметил, как симпатичная стюардесса, обращаясь к пассажирам, присаживалась на корточки и, глядя им в глаза, терпеливо, с уважением записывала пожелания на ужин.

«Почему бортпроводницы становятся в эту странную позу? — подумал я. — Прилечу домой — спрошу ИИ. А в голове мелькнула мысль: если бы женщины так же бережно и внимательно относились к собственным мужьям, их семейное счастье длилось бы вечно. Интересно, этот всезнающий ИИ знает, что самое важное в отношениях между супругами, чтобы клятва, которую они дают во время бракосочетания, сохранилась навечно?»

Самолёт ровно рокотал, унося меня всё дальше в ночное небо. Я закрыл глаза, чувствуя, как уходит предвзлётная тревога. Мне иногда друзья говорят: «Слушай, ну сколько можно жить в таком адском темпе? Заведи, наконец, себе женщину!» А я им отвечаю: «Так я уже женат, и очень давно. Моя жена — это книга, которую пишу. Книга, с которой я завтракаю, обедаю, ужинаю, хожу гулять, ложусь спать и просыпаюсь. Это и есть моя главная любовь».

Очередь дошла и до меня. Стюардесса вежливо спросила, наклонившись так близко, что я ощутил лёгкий аромат её духов:

— Что выбрали: курицу или мясо в соусе?

Я покачал головой:

— Нет, моя дорогая, я не буду ужинать. Для меня поздно, да и вообще я стараюсь не есть в самолётах.

— О, вы напрасно отказываетесь, наши блюда очень качественные! Могу вас твёрдо заверить: никто претензий нам не предъявлял по этому поводу.

— Я охотно вам верю, но мне и вправду поздно ужинать.

— Может, тогда что-нибудь из напитков? — понимающе улыбнулась она. — Коньяк, виски, водку?

Тут я оживился. И вовсе не потому, что был законченным пьяницей, — в последнее время я, кроме сухого красного вина, да и то исключительно по Шаббатам, ничего не пил.

Вот Иван, сын хозяйки, у которой мы с Саней Михайловым снимали комнату, тот пил так пил! Он работал экскаваторщиком: на месяц уезжал в Тюмень, а месяц отдыхал дома. Первые две недели он пил исключительно водку. Мне казалось, он вместо воды глушил её гранёными стаканами. Доходил до белой горячки, но в какой-то момент резко тормозил: «Стоп!» — говорил он себе и следующие две недели пил только молоко, закусывая пирожками с картошкой. Эти хрустящие угощения чудесно готовила его мама — пожилая, жилистая женщина, родившаяся в Красноярском крае. Иногда эти вкусняшки доставались и нам, отчего мы всегда с восторгом отзывались о её кулинарном таланте.

Никогда не забуду напутствия этой простой русской женщины, которые били наотмашь и звучали словно приговор за мои безоглядные, импульсивные поступки. Говорила она медленно и спокойно, глядя в сторону, словно печатала каждое слово, но почему-то не хотела видеть моей реакции на свои предсказания:

Она не читала мне нотации, но, заглядывая в моё будущее, произносила пророчество. Ей не нужна была моя реакция, оправдания или гордость — она просто выдавала суровый жизненный вердикт, зная, что время всё равно докажет её правоту.

— Ой, ой, ой, Илюшенька! Ты как хочешь, но я никак не согласна! Сусанна — чудесная, очень красивая девушка, но она не твоего поля ягода. Гусь утке не пара, у тебя с ней ничего путного не получится. Хай Боже милует! — продолжала она таким же мягким, спокойным тоном приговаривать. — Отпусти её на все четыре стороны, и пусть ищет достойного парня в своей среде.

Иван, приходя в себя после запоя, вкрадчиво говорил одно и то же: «Смотри, Илюха, не балуйся с Сусанной, а то всё может закончиться плохо». Как в воду смотрел мужик...

А ведь я был всего в шаге от разрыва с Сусанной, даже познакомил её с товарищем-армянином в надежде, что у них получится что-то путное. Но судьба вновь сыграла со мной в свою игру — видимо, знала обо всём, какова будет моя дальнейшая жизнь. Иначе я бы не сел в этот чёртов троллейбус, не стоял бы лицом к уходящей дороге и не заметил бы Сусанну, быстрым шагом шедшую навстречу.

Вот когда я принял решение выйти на остановке и направиться навстречу моей возлюбленной, я понял, что эта армянка и есть моя судьба. Мы долго стояли друг напротив друга, затем она сказала тихо, чтобы только я услышал её пронзительные слова:

— Знаешь, я только что от твоего товарища. Его мама предложила мне стать частью их семьи. Ты этого добивался? — произнесла она и пристально взглянула на меня: — Ты этого хочешь?

Это сейчас я глубоко осознаю, что мои опрометчивые решения диктовались не традициями предков, в которых браки с женщинами чужой религии категорически не приветствовались, а молодой, кипящей кровью, заглушавшей любые разумные доводы. Это сейчас до меня доходит, что бабушка Фрося из далёкого Красноярского края и её сын Иван не просто так оказались на моём жизненном пути. Какими же реалистичными оказались напутствия чужих людей, попавших в самую сущность моей судьбы! Это ещё раз подтвердило, что мудрость кроется вовсе не в университетах, а в годах прожитой жизни.

А может быть, они вовсе не были людьми, а были ниспосланы мне свыше, чтобы вовремя остановить от необдуманного поступка? Может их действиями Всевышний, зная, чем закончится вся эта история, хотел напомнить слова, которые я дал отцу, когда я, безумно довольный тем, что он наконец согласился на мой отъезд в Россию, сказал ему: «Папа, не переживай, всё будет хорошо, я женюсь на горской еврейке»?

Я сам часто говорил, что сожалею в жизни лишь об одном — что не было рядом человека, способного бахнуть по голове и сказать: «Парень, ты не туда идёшь и не то делаешь».

Ну как ты мог, Всемогущий Царь, Господин наших судеб, выбрать своим Ангелом-спасителем пьяницу? Если это на самом деле дело твоих рук, так зачем же ты не позволил ему стукнуть меня по голове бутылкой с водкой и остановить от роковой ошибки?

Может быть, и случай на трамвайной остановке — тоже дело Твоих рук? Поверь мне, эта история не выходит из моей головы и преследует меня до сих пор.

Завершался февраль, а зима никак не хотела вступить в права. На дворе темно и сыро, шёл мокрый снег с дождём. Холодный промозглый ветер напевал унылую мелодию тоски и одиночества — настроение было по погоде, грустно и неуютно на душе.

Я медленно, с неохотой двигался по грязной, неосвещённой улице к трамвайной остановке. Клубок запутанных, блуждающих мыслей агрессивно манипулировал сознанием, пытаясь убедить, что прогулка в такую погоду — не совсем хорошая идея. В голове навязчиво крутилось крылатое выражение: «Хороший хозяин в такую погоду и собаку на улицу не выпустит».

«Может, всё же вернуться домой, лечь на диван перед телевизором и тупо наслаждаться бездействием?» — думал я и почти был готов изменить планы на вечер. Но зачем тогда я здесь, на этом свете, и чего хочу от этой жизни? — спросил я вслух самого себя. «Я — что, зритель и лишь наблюдаю за временем, которое мчится мимо, как пейзаж за окном поезда, летящего на всех парах?» — продолжал я мысленно разговаривать с собой.

— Какой же я мужчина, если погода может стать непреодолимой преградой к достижению цели? — укорял я себя. «Действуй, — настраивал я себя, — времени мало, помни об этом всегда. Не сдавайся, будь настойчивым и решительным».

«Победа над самим собой — величайшая победа», — поучают мудрецы. Это было важно всегда, и актуально сейчас, в период стремительных перемен. «Я счастливый человек, — говорил я себе, — могу всё, и сегодня сделаю это». И уже ничто не могло остановить меня в стремлении дойти к воображаемой «Стене Плача», что на самом краю набережной, у знаменитого «танцующего» моста. Эту дорогу я прохожу изо дня в день и, мысленно обращаясь к Богу, прошу об одном — убереги моего сына от зависти и ревности.

Его искренняя, открытая улыбка согревает сердце, и на душе становится светло и тепло. Да и погода, оказывается, под стать: жёсткий ветер, наполненный мелкими колючими льдинками, обжигает лицо — а я кайфую, и мне хочется жить на всю катушку.

На остановке было пусто. По привычке посмотрел по сторонам: ни слева, ни справа трамвая не было. «Видимо, и для этого транспорта погода не рабочая», — подумал я. Ну ничего, надо всего-то пройти несколько остановок до парковой зоны, а дальше будет веселее, — мысленно убеждал себя и решительно двинулся к центру.

Вдруг из кромешной темноты прямо передо мной появился мужчина лет пятидесяти, чуть сгорбленный, невысокого роста, с худым, усталым лицом кавказской внешности. Он был одет не по сезону — в лёгком осеннем пальто с закутанным шарфом горлом.

«Кто этот человек и почему он так похож на моего отца?» — с волнением думал я и, встревоженный этими мыслями, остановился как вкопанный. Он подошёл и, протянув руку, вежливо попросил:

— Друг, помоги, мне нужны деньги на хлеб.

— Тебе же не на хлеб нужны деньги, — жёстко отреагировал я, а сам думал: «Почему я так недоброжелателен к незнакомцу? Он ведь попросил на хлеб. Я же никогда не отказывал просящим и давал гораздо больше, чем они просили».

— Если нужен хлеб, скажи какой, я куплю, — продолжил я, уже сочувственно. Благо на остановке был минимаркет, и через окно были видны различные сорта, аккуратно уложенные на полках.

— Нет, друг, мне не нужен хлеб, мне нужна водка, — просто и буднично ответил он, глядя мне в лицо. Он опустил руку и попытался извиниться, видимо, не надеясь, что просьба будет удовлетворена.

Я протянул незнакомцу купюру.

— Но в этом магазине ты не купишь водки, — желая смягчить отношение с великодушным уважением обратился я к незнакомцу.

— Знаю, — ответил он, пытаясь в темноте разглядеть номинал банкноты — видимо, хотел уточнить, хватит ли на водку.

— Это рядом, за углом, там есть всегда, — показывал он дрожащей рукой в направлении ларька и уверенно направился к заветной цели.

— Постой, — попытался я его остановить. — Возьми, этого будет достаточно для водки и хорошей закуски, — и я протянул ему ещё две банкноты.

— Нет, не нужно, спасибо, брат, мне хватит, — вежливо отказывался он.

«Это не для тебя, мой друг», — подумал я и мысленно добавил: «Это для моего отца».

Подошёл трамвай, двери нехотя отворились. Через минуту, оставив на остановке незнакомца, я продолжил путь. Уткнувшись лицом в запотевшее стекло, я пытался разглядеть в темноте случайного прохожего, но увидел совершенно другое.

Передо мной стоял отец. В одной руке он держал рюмку, а в другой — сочную зелёную алычу. Он выпил водку залпом, закусил алычой, повернулся лицом и спросил спокойно:

— Зачем ты здесь, сынок?

— Не знаю, папа, видимо, такова моя судьба, — тихо отозвался я и почувствовал, как горячие слёзы покатились по щекам.

— Папа, тебе ведь нельзя, — едва слышно прошептал я и попытался взглянуть ему в глаза. Господи, я сейчас отдал бы всё ради того, чтобы хоть на мгновение увидеть живые глаза отца.

— Иди своей дорогой, сынок, всё будет хорошо, — эти слова навечно в памяти моей.

И сейчас, вспоминая советы отца, познавшего жизнь через проблемы и трудности, размышляю: почему никто не ударил меня по мозгам? Почему все эти премудрости приходят только тогда, когда понимаешь, что ошибся в самом главном — в выборе женщины, той, без которой нельзя быть счастливым.

Эти стихи Юрия Окунева звучат словно манифест для людей любого возраста:

О женщины! От вас зависит всё, кем будем мы!
Лепите нас, лепите нас самозабвенно,
Своею нежностью, гордостью, тоской...

Согласно вековым притчам царя Соломона, мудрая мать наставляла своего юного, неопытного сына: «Приводя женщину в свой дом, обрати внимание на её ноги, сынок. Потому что своими ногами она может принести в твоё жилище как великое счастье, так и горькую чашу неудач».

Память невольно возвращает меня к истории друга, с которым целый год прожил бок о бок в маленькой комнатке. В ней едва размещались наши раскладушки, чуть ли не соприкасавшиеся друг с другом. Сказать, что Саня Данилов был высоким, широкоплечим красавцем, было нельзя. Но он был разумным, опрятным, спокойным, а главное — правильным парнем, который в диктантах не допускал ошибок. Избирательный в словах и поступках, он не допускал грязи в мыслях, был верен долгу чести и бережно относился к друзьям.

Порой я удивлялся тому, как писаная ашкеназская еврейка была по уши влюблена в этого чересчур правильного парня. А европейские еврейки, если они хороши, то хороши настолько, что можно потерять голову при первом же взгляде.

Саня в двадцатилетнем возрасте стремительно лысел. Чем только он не мазал свою быстро лысеющую голову, чтобы хоть как-то сохранить презентабельность перед лицом своей женщины, — не могу передать. Любопытство взяло верх: я сделал запрос ИИ на эту тему, и результат меня удивил. Оказывается, наука подтверждает

пользу желтка, который действительно стимулирует факторы роста волос и защищает их от выпадения.

По-братски подшучивая, я советовал ему чередовать яичный желток с белком. Он не обижался, иногда мне казалось, что эта черта характера вовсе отсутствовала у него. Супруга моего кузена Захара говорила: «Саня, вот повезёт твоей жене — ты настоящий подарок для любой женщины!»

Я не видел Саню поющим. Но когда он собирался к Анне на свидание, заливался соловьём — до такой степени приятные ощущения от предстоящего рандеву ломали укоренившиеся привычки. Видимо, монотонный шум падающей воды создавал ощущение полной уединённости и безопасности. И Саня — парень скромный и сдержанный в обычной жизни, не стеснялся запеть во весь голос. Он звучал так объёмно, глубоко и красиво, что даже меня заставлял прислушиваться. Мы думали, что всё идёт к свадьбе, и, если честно, искренне восторгались его выбором.

Саня был не из простых парней. Он был завидным женихом из известной в Дербенте семьи. После окончания института он работал мастером в лучшем строительном тресте Главка, где квартал за кварталом признавался лучшим молодым специалистом.

В молодом возрасте родители приобрели ему двухкомнатную кооперативную квартиру в самом центре города-героя. В общем — живи, работай, имей каждую ночь в постели волшебную женщину и веселись на всю катушку.

Вдруг произошло невообразимое: его срочно вызвали домой в Дербент, и оттуда он вернулся с юной горской еврейкой. Но она не прижилась в Волгограде, ведь в мыслях у Сани по-прежнему была совсем другая женщина — Анна. В итоге они возвратились в Дербент, поверив в заманчивые обещания брата жены. Там Саня потерял всё, и самое важное, на мой взгляд, — стремление стать лучшим в профессии. На родине для него не нашлось достойной работы, он утратил внутренний стержень, а карьерный рост стал чем-то абсолютно недосягаемым.

— Коньяк, — не раздумывая, ответил я стюардессе. — Пожалуйста, три в один фужер, чтобы лишний раз не беспокоить вас.

Сделав глоток янтарного напитка, я погрузился в прошлое, мне вспомнилась удивительная история в аэропорту Алма-Аты, которую с большим интересом рассказываю друзьям, поднимая тосты за земляков, стремительно захвативших торговый бизнес столицы.

Раннее утро, аэропорт Алматы. Комфортный зал ожидания вылета на Москву был заполнен, как сейчас называют, лицами кавказской национальности. Всё было чёрным-черно от смуглых мужчин с чёрными волосами. Большинство из них были одеты в тёмные куртки, плащи и пальто. «Кто они такие и куда все летят в таком количестве? Наверное, прилетали на похороны знатного земляка», — подумал я и постарался незаметно пробраться к стойке бара.

Обжигающий кофе прояснил мысли. Но усталость двух суток сложных встреч с руководством Казмунайгаза не уходила — она затаилась. В такие минуты после крепкого кофе всегда нестерпимо хочется сделать глоток хорошего коньяка: кофеин взбадривает уснувший разум, а янтарный напиток мягко убирает внутреннее напряжение. Но почему Миша Жаботинский сначала выпивал коньяк и только после этого — горячий кофе? Интересно, где сейчас этот великий зубной врач Волгограда, к которому тянулись многие деловые люди того времени?

Когда я попросил бармена третью рюмку коньяка, сосед по стойке, взглянул на меня вопросительно-уничтожающе высказал:

— Молодой человек, ещё утро не началось, а вы глушите алкоголь, словно лимонад.

«Да, — подумал я, — что-что, а лимонад с детства не любил». У моего покойного отца когда-то было аж два лимонадных цеха, где мне иногда приходилось работать.

Закончив мимолётные воспоминания, я ощутил, как крепкий кофе и коньяк сделали своё дело. Расслабившись, снова и снова прокручивал в голове вчерашнюю встречу с Тимуром Кулибаевым. «Ты молодчина», — похвалил я себя. Добился встречи с зятем президента Казахстана!»

Я был горд тем, что поручение Максюты выполнил. Настроение хорошее, а фантазии били через край, мне представлялось, как в присутствии сотрудников администрации области Губернатор во всеуслышание произносит: «Илья — молодец!»

Неожиданно на безупречном горско-еврейском языке двое молодых людей попросили немножко подвинуться. Они приняли меня за своего — и не ошиблись.

— Вы горские евреи? — с изумлением спросил я.

— Да, — с удивлением ответил один из парней, вопросительно взглянув на меня, не прикалываюсь ли я.

— Откуда едете и куда держите путь? — продолжал я расспросы. — Вы, наверное, были здесь на похоронах?

После такого не корректного вопроса в ответ я услышал долгую, тягостную тишину.

— «Черкизон», ты слышал об этом рынке в Москве? — с некоторым запозданием и недоумением жёстко ответил мне один из парней. — Мы работаем там, торгуем китайскими товарами. Ты пройдись и присмотрись, возможно, найдёшь знакомых среди нас. Если ты горский еврей, не можешь не знать про Черкизовский рынок.

Оставив недопитой чашку кофе, извинившись по-русски, он потянул товарища за рукав, и они растворились в огромной толпе моих земляков.

«Черкизон», «Чёрная дыра» — легендарный оптовый рынок, горско-еврейский университет управления малым, средним и большим бизнесом. Кузница выдающихся предпринимателей мирового уровня тогда только начинала свою недолгую, но яркую историю. Вот эти парни и стояли у истоков зарождения гигантского оптового рынка, который создавал новый тип делового человека из среды горско-еврейской молодёжи.

Год Нисанов и Зарах Илиев — выдающиеся предприниматели. Выходцы из посёлка Красная Слобода Кубинского района Азербайджана стали кумирами тысяч молодых горских евреев. Их имена и дела на слуху. Несмотря на безграничные возможности и миллиардные состояния, они остались доступными и вежливыми, как будто только вчера появились в городе с неисчерпаемым потенциалом для бизнеса.

В самолёте на Москву мои соседи рассказывали друг другу о ценах на оптовые поставки текстильной продукции, о безопасных схемах транспортировки грузов через таможенные границы Казахстана и России. Ругали на чём свет стоит гаишников, которые просто раздевали на дорогах водителей, требуя всё более высокие ставки откатов. Я с глубоким интересом слушал эти разговоры и думал, насколько всё-таки горские евреи продвинулись в реализации крупных бизнес-проектов, связанных с импортными поставками. Какие они молодцы, эти пацаны, если уже владеют в Китае собственными фабриками, ресторанами и гостиницами! А начиналось ведь всё так просто — с овощных рынков.

Волгоградский рынок также был чёрным от моих земляков. Овощами и фруктами торговали, в основном, горские евреи. Иногда и мне, студенту, предлагали встать рядом и помочь в торговле. Обещали хорошее ежедневное вознаграждение, позволявшее по тем временам нормально прожить неделю в большом городе. У многих были свои овощные склады, магазины и ларьки. Бурно развивались горско-еврейские семейные кланы, создавали новые виды деятельности. Детей устраивали в музыкальные школы и университеты, делали свадьбы на кавказский манер. Невест и женихов находили здесь, на месте, не надо было ради этого ехать в Дербент или Кубу.

За короткое время изменилась система взглядов на мир моих земляков и их место в нём. Большинство поднялись и перебрались в Москву. «Черкизон» открывал новые, масштабные горизонты для бизнеса. Они не ошиблись в выборе дороги жизни и выиграли по-крупному, стали владельцами ресторанов, гостиниц, торговых комплексов в самом центре Москвы.

Нельзя обойти молчанием и фигуру Тельмана Исмаилова, всесильного хозяина «Черкизона». Его взлёт был ослепительным, но именно высокомерие и слепая гордыня намертво погубили этого талантливого бизнесмена. Имея безграничную власть и швыряя миллионы долларов на роскошные капризы вроде отеля «Мардан Палас», он в какой-то момент уверовал в собственную неуязвимость и потерял ориентиры. Судьба не прощает высокомерия: гигантская империя, казавшаяся вечной, рухнула в одночасье, оставив своего создателя у разбитого корыта и доказав, что перед Высшим Судом любые миллиарды пасуют, если человек утратил внутренний стержень и скромность предков.

Поздно советовать Исмаилову прочитать «Еврея Зюсса». Даже если бы он и читал эту поучительную книгу, всё равно остался бы таким, каким запомнился бывшему окружению. Деньги и власть ломали многих мировых звёзд, и в этом — слабость мужчины, ослепленного внезапным всемогуществом.

ГЛАВА 21

«Вот это да! — думал я, и по спине пробежал лёгкий холодок. — Я поймал себя на странном дежавю: сидел и точно так же, как случайный попутчик в Шереметьево, мерно прокручивал фужер, заставляя янтарную жидкость ходить по кругу.

У нас чуть ли не одинаковые привычки с тем мужиком. И как странно он появился в жизни — сразу после той загадочной, очаровательной женщины в широкополой шляпе... Чего это он вообще так разоткровенничался?»

Я тревожно всматривался в тёмную, пугающую бездну за иллюминатором, за которой медленно исчезали ориентиры ночного города. Возникло чувство, что прошлые дни, проблемы, суета аэропортов и даже сама земля остались где-то бесконечно далеко внизу. И я, находясь между небом и землёй, наедине с вечностью попытался успокоиться, но навязчивые мысли намертво вцепились в сознание.

Из головы не выходил главный вопрос, от которого становилось не по себе: откуда, чёрт возьми, этот незнакомец мог так чётко, со всеми пугающими подробностями знать мою жизненную ситуацию? Ведь на прощание он произнёс фразу, которая теперь казалась пророчеством: «Наше настоящее начинается с прошлого, именно там кроются все загадки нашего будущего».

Бескрайнее чёрное небо за бортом завораживало своей вечной, холодной простотой. Я вгляделся в двойной пластик иллюминатора и вдруг на фоне звёзд увидел отражение — но не своего уставшего, осунувшегося лица, а лица совсем юного пацана. Он смотрел на меня из глубины прошлых лет и с лукавой хитринкой подмигивал, словно хотел сказать: «Эй, ну ты чего пригорюнился? Помнишь, какое у нас было счастливое детство?»

— Да, конечно, помню, — невольно произнёс я вслух и тут же испуганно обернулся, проверяя, не услышали ли соседи, что я разговариваю сам с собой.

Убедившись, что пассажиры спят и никому нет дела до меня, я шёпотом продолжил:

— Особенно хорошо помню, как мама пекла на Песах мацу...

Мама со слободскими подругами собиралась во дворе тёти Гюльбике, что означает «царский цветок». Как и у других восточных народов, у горских евреек имена часто включали в себя корень «Гюль», который в переводе с персидского означает «цветок».

Например: Гюльназ, Гульнара (цветок граната), Гюльсюрх (красный цветок), Гюльбоор (весенний цветок) и другие.

Я любил наблюдать, как в печах, расположенных прямо под землёй, где вверху оставалось лишь круглое отверстие, пекли мацу. Женщины вручную, небольшими порциями замешивали тесто, чтобы не начался процесс брожения. Считается, что кошерная маца должна быть приготовлена ровно за 18 минут, а отсчёт начинается с момента первого соприкосновения муки с водой. Конечно, за душевными разговорами и сплетнями всех этих тонкостей не придерживались, но маца всё же получалась отменной.

Во времена Исхода, когда евреи покидали Египет, у них не было времени ждать, пока взойдёт опара. Поэтому в пустыне люди пекли лепёшки из пресного теста на плоских горячих камнях. В память об этом в Песах и принято есть мацу. Праздник длится семь дней, и в это время в доме не должно быть ничего из того, что называется хамец — хлеба на закваске, то есть ни пиццы, ни обычного хлеба, ни выпечки.

Любимым блюдом пацанов в эти праздничные дни была маца, намазанная домашним хумусом, с ароматными травами и специями, и сочная, шкворчащая яичница с помидорами. Чуть не забыл — главным лакомством оставалась мацовая крошка в насыщенном мясном бульоне.

Человеческая память устроена неравномерно — это непреложный закон нашей психики. Период от десяти до двадцати пяти лет фиксируется в мозге ярче всего. В это время мир познаётся впервые, эмоции максимально обострены, а чувства — на пике. Человек в зрелом возрасте может с трудом вспомнить, что было на прошлой неделе, ведь рутинные дни похожи друг на друга. Но он с идеальной, пугающей точностью воспроизведёт события юности, словно те давние нейронные связи завязались внутри намертво.

Детство в памяти большинства — это зона абсолютной безопасности. Там не нужно было принимать тяжёлых решений, зарабатывать деньги, сталкиваться с потерями и нести изнуряющий груз ответственности. Когда взрослый человек устаёт от жизненных кризисов, неопределённости или проблем, его психика включает интуитивную защиту. Разум буквально сбегает в те времена, где было тепло, пахло маминой выпечкой, а все беды легко решались взрослыми. Это самый простой способ восстановить внутренний ресурс.

Человеческий мозг обладает удивительным свойством — эмоциональным сглаживанием. Со временем негативные детские переживания, старые обиды, страхи и разбитые коленки блекнут, стираются. Зато позитивные моменты — бесконечные каникулы, запахи, вкусы и праздники — кристаллизуются, становясь только ярче. Прошлое начинает казаться идеальным, чистым и залитым солнцем.

Ближе к зрелому возрасту каждый начинает невольно подводить итоги. Чтобы ответить себе на главные вопросы: «Кто я? Правильно ли жил? Чего достиг?», необходимо вернуться к точке старта — к истокам. Воспоминания о детстве, о родителях, о родном доме помогают заново обрести себя, почувствовать неразрывную связь поколений и понять, с чего вообще начинался этот уникальный жизненный путь.

С годами темп жизни замедляется, и внутренние фильтры, которые в молодости блокировали воспоминания ради карьеры и планов, постепенно ослабевают. Прошлое, прежде тихо спавшее в глубинах подсознания, начинает беспрепятственно всплывать на поверхность. Особенно остро это ощущается в моменты тишины, уединения или во время монотонных действий — например, сейчас, во время этого бесконечного ночного полёта.

Вот почему у читателей не должно быть и тений сомнений в реальности описываемых ситуаций из моего далёкого прошлого. Всё, о чём рассказано в повествовании, — это не вымысел и не сочинения писателя, пытающегося оживить прозу фантастическими сюжетами, а настоящие истории из моей жизни. Иногда я думаю: какая же у человека огромная судьба, если в неё совершенно спокойно вмещается такое количество событий, которых хватило бы на десять полноценных жизней.

Трудно передать атмосферу, которая царила в Слободке все семь дней Песаха. Несмотря на всевозможные запреты советских властей, горские евреи отмечали религиозные праздники открыто и смело. Наша Слободка становилась нарядной и дружелюбной, а детвора сплошь щеголяла в обновках. Песах был значимым событием не только для нас, мальчишек и девчонок с «Махалли», но и для наших учителей школы имени Сталина. Всю неделю мы ходили празднично одетыми. «Жаль, что еврейская пасха длится только одну неделю в году», — шептались между собой педагоги.

Слободская детвора плохо владела русским языком, но, несмотря на это, многие окончили школу с хорошими результатами, продолжив учёбу в престижных университетах Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда и других городов бывшего Союза. Сегодня среди нас есть выдающиеся бизнесмены, доктора наук, инженеры, писатели, художники, известные певцы и поэты. Судьба разбросала нас по разным странам и континентам. Даже в Австралии и Новой Зеландии можно случайно встретить парней из нашей «Махалли», ставшей для её обитателей настоящей академией управления и выживания в условиях развитого социализма.

«Махалла» накладывала уникальный этнический отпечаток на взросление пацанов, которые уже в тринадцать лет становились мужчинами и должны были нести полную ответственность за свои поступки. Покровительство, оказываемое Всевышним еврейскому народу, вселяло в нас непоколебимую уверенность. От рождения заложенное в ДНК чувство защищённости и отсутствие страха передавались из поколения в поколение. Девиз «никогда, никого и ничего не бойся», данный Богом, прочно вошёл в сознание.

Я хорошо помню посиделки с дедом в праздничные дни. Будучи в преклонном возрасте, он со слезами на глазах ходил вслед за мной по пустым комнатам осиротевшего дома. Помню, как отец после долгих, настойчивых уговоров братьев принял решение вернуться в родные стены. Дед был безмерно счастлив, что мы снова могли вместе посещать синагогу на Слободке и отмечать Шаббаты.

К сожалению, этот замечательный праздник продлился недолго. Через несколько месяцев после воссоединения дедушка заболел и вскоре скончался на операционном столе. Вспоминая его, всегда поражаюсь тому, как он сильно любил холод, гораздо больше, чем жару. Поэтому летом он часто ночевал в прохладном подвале, где мама стелила ему свежую постель. Дедушка в пять часов утра был на ногах. Эта привычка передалась по наследству от деда отцу, а от отца — мне: я тоже всегда встаю рано утром.

Но в тот роковой день, собираясь в школу, я не встретил дедушку за завтраком, хотя на часах было уже восемь утра. Мама, заметив его отсутствие, с волнением спустилась в подвал. Спустя несколько минут она вышла во двор, бережно поддерживая под руку резко осунувшегося за ночь деда.

— Ничего серьёзного, — успокаивающе сказал вызванный знаменитый дербентский врач. — Через неделю Ихиил снова будет пить вино на Шаббат.

Глубоко вздохнув, я вновь, в который уже раз, бросил изучающий взгляд на знакомые черты пацана, молча и спокойно слушавшего меня из-за стекла иллюминатора. Он хотел о чём-то спросить, но я успел остановить его. Я ничего не забыл. Эта позорная история засела глубоко в сознании и не даёт покоя по сей день.

Перед глазами, словно кадры документального чёрно-белого фильма, замелькали прискорбные события далёкого детства, которые и сегодня терзают, рвут на части мою душу.

Наконец-то закончилась учёба, и я с отличными оценками переходил в следующий класс. Бегу домой, скорее к маме, чтобы рассказать о своих успехах. Но то, что я увидел, до сих пор живёт в памяти как самое унизительное и отвратительное воспоминание.

Младший брат отца во весь голос кричал на мою маму. Обзывая грязными словами, он демонстративно подчёркивал, что она детдомовская. Он размахивал руками перед её лицом, грубо толкал в грудь и плечи. А всё потому, что мама не успела вовремя разогреть обед этому ублюдку.

Она, закрывая руками лицо от его тяжёлых кулаков, умоляла подождать лишь пять минут. Только когда я встал между мамой и этой мерзостью, его агрессивность спала. Жгучая ненависть к подонку — дай Бог дожить ему до ста двадцати лет, — впервые охватившая моё детское сознание, не проходит и поныне.

С мольбой в глазах я смотрел на дедушку. Он стоял рядом и безучастно наблюдал за мерзким поведением своего младшего сына. Дед ничего не предпринимал, чтобы остановить мерзавца. Если бы была жива бабушка, она ни за что не допустила бы такого пренебрежительного, враждебного и циничного отношения к моей бедной матери. Так что деду действительно было в чём покаяться перед Богом.

— Она была единственной в семье, кто не противился решению твоего отца жениться на детдомовской девушке, — сокрушалась мама. — Её внезапный уход из жизни стал невосполнимой потерей. После этого я осталась совершенно беззащитной перед неприкрытой грубостью членов большой семьи твоего отца.

Я поймал её усталый, печальный взгляд. Прищурив глаза, она смотрела куда-то вдаль, словно пыталась вспомнить важное событие из жизни. А перед моими глазами вдруг встала картина из детства: мама с остервенением трёт мочалкой мои ноги, очищая их от слободской пыли и грязи. В такие моменты я молчал, хотя было больно, потому что остро ощущал плохое настроение матери.

На утро после долгих перелётов мне стало ясно, что окончательно вселился в дом одиночества. Я случайно выронил из дрожащей руки кастрюлю со свежеприготовленной овсяной кашей. «Нахер мне нужна была эта каша?» — с горечью думал я, глядя, как густая, серая, бесформенная жижа расползается по паркету. На миг представив, что предстоит всё это собирать, я почувствовал резкий приступ тошноты. Меня вырвало. В итоге пришлось убирать ещё и последствия собственного отвращения. Это не сериал и не пересказ прочитанной книги «Как стать счастливым», а реальная жизнь одинокого мужчины.

«При чём тут каша?» — подумал я, закончив скудный завтрак. Нормальный мужик не глушит коньяк по ночам. Да, всё произошедшее на самом деле было следствием лёгкой дрожи в руках, передавшейся по наследству: от деда — отцу, а от отца — мне. Эта фамильная особенность частенько ставила меня в неудобное положение.

Когда вспоминаю Наталью Шлёпину, студентку сантехнического факультета, с которой у меня произошел короткий, но яркий роман, перед глазами возникает сцена вечерних посиделок за бокалом шампанского. Я время от времени так волновался от нахлынувших чувств, что руки начинали ходить ходуном. Дрожь была настолько сильной, что становилось по-настоящему страшно взять фужер.

Годы спустя, увидев в театре знаменитый комедийный трюк, который виртуозно показывал актёр Евгений Лебедев в роли похмельного пройдохи, я подумал, что и мне тогда на свидании надо было ради шутки поступить точно так же. Персонаж на сцене никак не мог донести стопку водки до рта из-за бешеного тремора. Тогда он накинул на шею полотенце: один конец зажал в левой руке, а другим обхватил правую руку со стопкой. Натягивая полотенце левой рукой, как блочный механизм, он безошибочно и плавно поднял водку прямо к губам.

Если бы я додумался до такой инженерной хитрости перед Наташей, мы бы точно посмеялись от души, и всё глупое юношеское напряжение спало бы само собой.

Однажды вечером — помню всё, хотя это было в далёкие студенческие годы, — мне отчаянно захотелось увидеть Наташу. В ней было что-то магическое, пленительное, отчего горячее кавказское сердце то затихало, то зажигалось при встрече.

— Но уже поздно, — заупрямилась она.

Хотя по голосу я чувствовал: ещё чуть-чуть, ещё немного нажима, и она сдастся, непременно выйдет из дома.

— Папа будет задавать неудобные вопросы, — продолжала отнекиваться Наташа.

А её отец, на минуточку, был деканом в нашем институте.

— Послушай, — пошёл я тогда на хитрость, — у меня есть важная новость, и мне срочно нужно с тобой посоветоваться.

Ну какая женщина на свете сможет спокойно пройти мимо невероятной интриги?

В нашем кафе мы взяли по бокалу шампанского. Наталья, буквально сгорая от любопытства, постоянно допытывалась:

— Ну и какие такие важные новости у тебя стряслись?

— Знаешь, — с абсолютно серьёзным лицом произнёс я, — Правительство США объявило закрытый тендер на продажу Аляски. Вот я и хотел с тобой посоветоваться: стоит ли мне принять в нём участие?

Сказать, что Наташа лишилась дара речи от услышанного, — это ничего не сказать. Она была искренне шокирована моей дерзкой шуткой. Но уже через мгновение, вдруг взорвавшись смехом сквозь слёзы, она сквозь улыбку произнесла:

— Да, конечно! Для полного счастья тебе, кроме меня, только Аляски и не хватает!

Вспоминаю это, и самому смешно до слёз.

В Йельском университете, одном из старейших и престижных в мире, где учится исключительно обеспеченная молодёжь, было не до шуток. Там всерьёз открыли курс «Как стать счастливым». Профессор Лори Сантос, ведущая эти занятия, мгновенно стала знаменитостью, а видеозаписи её лекций расходятся как альбомы культовых музыкальных групп.

Таль Бен-Шахар, профессор Гарвардского университета — пожалуй, самого известного учебного заведения на планете, — читает

курс о позитивной психологии и научных принципах счастья. В своё время его аудитория насчитывала свыше полутора тысяч студентов и аспирантов, что стало абсолютным рекордом за всю историю. А ведь только сливки общества могут позволить себе роскошь обучаться в Гарварде.

Что же происходит? Почему молодые люди, у которых денег куры не клюют, так отчаянно пытаются познать правила и принципы: как стать счастливым? Чего им не хватает, чтобы просто почувствовать себя счастливыми?

У них нет бытовых проблем, все мыслимые и немыслимые житейские потребности исполняются словно по мановению волшебной палочки. Разумеется, люди безгранично многообразны, каждый по-своему воспринимает радость жизни, да и запросы разные. Но есть, видимо, что-то общее в самом понятии счастья, раз оно объединяет столь непохожих людей в лекционном зале, где им пытаются объяснить, как поймать это призрачное и необъяснимое чувство.

Мне кажется, ни один человек не способен до конца объяснить, что такое счастье. Это настолько тонкая, интимная и неуловимая материя, что загнать её в рамки академических формулировок или научных дискуссий просто невозможно. То, что для профессоров Гарварда — лишь теория, для обычного человека — сиюминутное, едва уловимое ощущение. Счастье нельзя измерить графиками. Для студентов и аспирантов престижных вузов это, может быть, головокружительная карьера и миллионы на счетах. А для одинокого мужчины в пустой квартире счастье — это просто чтобы кастрюля с кашей не падала из рук. Или чтобы сын вовремя ответил на сообщение.

Как утверждает известный психолог Роберт Камминс, ни место проживания, ни национальность, ни наличие или отсутствие детей не могут помешать человеку быть счастливым, если соблюдать правила так называемого «золотого треугольника».

Первое правило — финансовая стабильность. По мнению профессора, количество денег, необходимое для внутреннего спокойствия, напрямую зависит от места жительства и состава семьи. Универсальная цифра, которую вывели исследователи, равняется примерно ста тысячам долларов в год.

Второе правило — милый человек рядом. «Вам нужен хотя бы один человек, который искренне разделит с вами жизнь, и это невероятно важно».

Третье правило — социальная активность и наличие цели.

Общепринятое научное понятие счастья — это «субъективное чувство удовлетворения жизнью». Каждый по-своему воспринимает реальность и окружающую среду. Тогда чего же хочет достичь и что пытается познать современная молодёжь, посещая курсы «Как стать счастливым»? Думаю, им не хватает самого главного в этом треугольнике — ощущения своей значимости в обществе, что является основополагающим принципом в системе ценностей человеческой жизнедеятельности.

Заклинаниями и показухой невозможно добиться признания. Для этого необходимы реальная сила и воля к действию. Этого нельзя купить за деньги, потому что это дело Божье. В мире тысячи миллиардеров и миллионы миллионеров, а Стив Джобс, Марк Цукерберг, Билл Гейтс, Джефф Безос, Илон Маск — единицы. Настоящее счастье — это оставить свой след, а не просто заработать капитал. И сидя сейчас на пустой кухне, я понимал это особенно остро.

Вдумайтесь в слова молитвы, которую верующие евреи произносят по утрам после пробуждения: «Благодарю Тебя, Царь живой и сущий, за то, что Ты по милости Своей возвратил мне мою душу. Велика вера моя в Тебя».

Каждый наступивший день — это Божий дар, поэтому надо прожить его по полной программе. Это ведь очень просто. Если ты проснулся — значит живой, если с утра думаешь, с чего начать новый день — значит жизнь продолжается, и надо постараться прожить этот день максимально эффективно, выжав из себя всё, на что способен.

Я долго размышлял, следует ли пересказать в повествовании диалог Ангела Смерти с фотографом из фильма Вима Вендерса «Съёмки в Палермо». Диалоги — трудные места в рукописях. С моим русским языком это серьёзная проблема, которая может оттолкнуть читателя. Но я не могу и не хочу лишать себя такой возможности, потому что очень люблю вас. Вы — всё в моей жизни, ведь я делюсь самыми сокровенными мыслями. Поэтому принял решение пересказать этот диалог. Он чрезвычайно поучителен.

Ангел Смерти — стройный, достойный мужчина во всём белом, с уставшим лицом, сплошь покрытым глубокими морщинами

и складками, — обращается к своему визави, фотографу, который несколько раз случайно запечатлел его на плёнку:

— Почему ты заставил меня так долго ждать? — с недоумением и жёсткостью спросил Ангел Смерти и, сделав паузу, добавил:

— Ну, добро пожаловать. Чувствуй себя как дома.

— Кто ты такой и почему преследуешь меня? — страх и смятение полностью парализовали волю фотографа. — И почему я должен пойти с тобой? — с трудом выговорил он.

— Я твоя Смерть, Хранитель твоего времени, — его усталое, тысячелетнее лицо не выражало эмоций, он прямо и бесстрастно смотрел на собеседника. — Твоё имя скоро будет занесено в Книгу Смерти. Ты бесполезно провёл время на земле, и тебе больше нечего делать среди живых. Я уже внутри тебя, и ты сам об этом знаешь.

Немного поразмыслив, Ангел Смерти продолжил:

— Ты боишься окружающего мира, пребываешь в постоянном страхе, боишься даже собственной жизни. Твой проект на земле окончен. Я пришёл, и мы должны уйти вместе.

— Не сейчас, я люблю свою жизнь, — с надеждой и мольбой обратился мужчина к Ангелу Смерти.

— Мне так не показалось. Я внимательно следил за тобой: ты её совершенно не ценишь, — решительно, без всякого намёка на иной исход ответил пришелец.

— Но я готов измениться, — почти без надежды на понимание и сочувствие прошептал фотограф, глядя прямо в глаза Ангелу Смерти.

— Все так говорят, когда хотят наверстать упущенное время, — отреагировал мужчина в белом, но, смягчившись, добавил: — Хорошо, покажи, что ты избавился от своего страха. Обними меня. Расскажи людям, что я не жестокий, я не тупик, я — единственный выход.

Ангел Смерти крепко прижал к груди обнявшего его человека. Фотограф, не сопротивляясь, поддался этому порыву и дал Ангелу Смерти насладиться теплом живого существа.

— Что, мне можно сейчас уйти? — робко, с недоверием спросил фотограф.

— Да, можешь идти. Но запомни: мы ещё встретимся, и это будет уже в последний раз, — прозвучало в ответ.

Если ты проснулся? Значит, Всевышний возвратил тебе душу. Он дал тебе ещё один день жизни, и это самая большая ценность, являющаяся основой большого счастья. Наполни этот день событиями, сделай, что должно, — и будь что будет. Действуй решительно и смело, никого и ничего не бойся, и у тебя всё получится, успех обязательно придёт. Господь Бог вселил в тебя душу, значит, Он с тобой. Его Ангел Жизни не даст тебя в обиду, он защитит тебя.

Эта история произошла в Израиле. Молодой эфиопский еврей, перспективный футболист, сбил насмерть 17-летнего юношу — красавца парня, надежду отца и матери, которые хотели открыть своему ребёнку новую жизнь на Святой земле. Своей гибелью этот мальчик спас двух других молодых людей: его сердце и почки стали для них единственной надеждой на продолжение жизни.

Футболист искренне признался, что просто не заметил на ночной дороге велосипедиста. Судьи поверили и оправдали его, но самое главное — родители погибшего мальчика простили юного эфиопа.

Прошло много лет, но этот парень постоянно приходит на то злополучное место и со слезами на глазах, каждый раз обращаясь к Богу, спрашивает: «Господи, почему Ты допустил это? И как мне жить с этим чувством?»

Всем, кому невдомёк, что такое счастье и как его обрести, я посоветую: вместо сухой теории и модных покровителей умов заглянуть в собственную душу через этот фильм и судьбу молодого эфиопа и семнадцатилетнего красавца из России, чтобы просто в полном уединении подумать о том, почему Господь Бог каждый божий день дарует тебе жизнь.

ГЛАВА 22

— Три вещи никогда не возвращаются обратно: время, слово и возможность, — говорил Конфуций. Поэтому цените время,

отведённое Всевышним, и тщательно выбирайте слова — они могут ранить гораздо больнее, чем лезвие самого острого ножа. И никогда не упускайте возможности — те самые редкие шансы, которые выпадают человеку, быть может, пару раз в жизни.

Эта мудрость пришла ко мне не из книг или чужих рассказов. Я выстрадал её сам, через личные переживания, успехи и неудачи. Мне пришлось пройти сквозь жестокие удары судьбы, после которых теряешь ориентиры, закрываешься от мира и начинаешь жить на автопилоте. Я испытал это на себе, когда душа рвала и метала, не находя укромного места для осмысления трагических событий, перевернувших жизнь с ног на голову.

Когда прошлое становится частью жизненного опыта и ты осознаёшь, что прожитые мгновения нельзя переписать набело, а упущенные возможности потеряны навсегда, становится неважно, из-за чего это случилось. Именно ложные представления, слепые надежды и неопытность мешают трезво оценить реальность. Миг, который мог кардинально изменить судьбу, уже невозможно вернуть.

Если бы Господь позволил вычеркнуть из истории жизни дурные поступки, поспешные суждения и резкие действия, я бы исключил только один день — день, который на долгие годы разлучил меня с сыном. Но я не Бог и не волшебник. Прошлое не вернуть, и фарш невозможно провернуть назад. А ведь как складно и хорошо всё начиналось! Я был полон радужных надежд и верил, что Всевышний наконец-то обратил милостивый взор и на меня.

Трудно описать словами глубину моего душевного подъёма и восторга. Вдруг, словно из волшебного кувшина Аладдина, пришло короткое сообщение от сына. Я не верил своим глазам. «Всё-таки Бог существует, и Он меня услышал», — думал я, перечитывая ответ, в котором сын неожиданно согласился вместе отправиться в путешествие в Лондон. Даже Стефану Цвейгу — признанному королю психологической драмы — пришлось бы изрядно попотеть, чтобы искренне, с чувством описать сложнейший узел чувств, внезапно охвативший меня.

Что это было — проявление отцовской любви или минутная слабость духа? Сегодня, с высоты прожитых лет, я твёрдо знаю: это была сила. Сила всепрощающего отцовского сердца, которое способно забыть любые прошлые обиды ради одного-единственного шага навстречу со стороны сына. Слабые люди замыкаются в своей

гордыне, сильные — находят в себе мужество радоваться долгожданному чуду.

Не знаю, что подумал бы покойный отец, если бы увидел меня в таком состоянии. Ему, наверное, было бы стыдно за сына — «не-кавказца», готового расплакаться от отцовской слабости только оттого, что мальчик согласился на встречу с кровным отцом.

А что бы подумали слободские пацаны, с которыми мы неоднократно сходились в жёстких драках на улицах Дербента? Мне это страшно представить. На моём теле до сих пор видны шрамы — результаты тех дерзких уличных потасовок. Они ни за что не поверили бы, что главный забияка и защитник слободских ребят от нападок чужаков, которого некогда сравнивали с отцом, имевшим несокрушимый авторитет в городе, мог дойти до такого унижения. Они бы не осознали, как обычное сообщение от сына способно вызвать у кавказского мужчины, реального горского еврея, столь бурный восторг и слёзы умиления.

Я, понимая всю шаткость непростого положения, всё равно чувствовал себя счастливым отцом и был готов в любой момент взлететь на небеса — ведь верующие евреи утверждают, что рядом с Богом мечты сбываются. С Его помощью богоугодные дела и самые заветные желания претворяются в жизнь. «Наконец-то у меня появится возможность положить конец нашей многолетней ссоре», — думал я, лихорадочно, с волнением готовясь к поездке в Лондон.

Размечтавшись, снова погрузился в воспоминания, пытаясь отыскать весомый повод для длительной размолвки. В памяти возник образ сына, заставивший задуматься о связи поколений, долге и любви. «Любой, самый незначительный пустяк, ничтожная мелочь может превратить в серьёзный конфликт отношения между отцом и сыном», — думал я, непроизвольно вспоминая досадные эпизоды из прошлого. Теперь, как любящий отец и зрелый мужчина, отчётливо понимаю: на те вещи вообще не стоило обращать внимания.

Я человек из прошлого, воспитанный в слободской среде, где правила, манеры, взгляды и мировоззрение формировались вне аристократических салонов или интеллигентных семей. Нас, пацанов, воспитывала улица, культивируя дерзость, находчивость, грубоватость и пренебрежение к высоким нормам этикета. Та жизнь осталась далеко позади, но, намертво вцепившись в сознание, до сих пор определяет мои поступки, и никуда мне от этого не деться.

Я — «архаичный мужчина», консервативный до мозга костей, чьи принципы, традиции и правила поведения глубоко укоренившись в душе, не поддавались влиянию новизны и перемен.

Ведомый бурными эмоциями, свойственными кавказцам, я пытался агрессивно вразумить яркого молодого человека, живущего обычной жизнью в быстротечном и неуловимом настоящем. Я спешил, будто в пятки кто-то с жаром дышал, и без осмысления объективной реальности пытался всего за одну неделю наверстать годы упущенных возможностей — превратить его в настоящего мужчину, каким сам его представлял. Но подобное происходит только в индийском кино, где события развиваются слишком гладко, а герои за пару часов с лёгкостью преодолевают любые преграды. В реальной жизни это большая редкость.

Удивительно, дожив до заметных седин в трудные, кризисные времена, которые закалили характер, развили силу воли и настойчивость в достижении целей, мне стало ясно: я никого не должен учить уму-разуму, даже сына. В результате переосмысления прожитых лет, которое приходит с возрастом, я осознал: невозможно изменить сложившийся характер человека одними лишь словами. Нужно быть идеальным отцом не одну неделю, а много лет, если не всю жизнь — это не спринт, а марафон ежедневного участия, поддержки и личного примера того, как надо поступать в сложных ситуациях. Здесь не помогут редкие образцовые моменты или дорогие подарки.

Легко советовать — выбирай слова. Но как их выбрать, как быть точным и тактичным, чтобы приносили пользу, а не обиду? Простые слова бывают острыми и, словно кинжал, могут нанести глубокую рану. Физические травмы заживают, оставляя едва заметные следы, которые со временем почти исчезают. А душевные — нет, они не проходят со временем, мать его… Эта рана жива до сих пор, она горит и болит, заставляя меня, взрослого, сильного мужчину, спустя годы откровенно ругаться от бессилия.

Временами слово ранит сильнее, чем холодное оружие, оно проникает в самое сердце, вызывая боль и непреходящую обиду. Мудрые советы часто горьки, потому что основаны на болезненном опыте и указывают на неприятную правду, которую не хочется признавать. Но без них не обойтись — они помогают увидеть реальность и принять верное решение. За красивыми, льстивыми

речами часто скрываются чёрная ложь и звенящая пустота, которые лишь успокаивают, но не развивают.

Как мне, отцу, гордому кавказскому еврею, правильному пацану из слободки, привыкшему качать права и отвечать за базар, надо было отреагировать на позорную ситуацию, произошедшую из-за ничего, на пустом месте? Какие умные слова я должен был подобрать, чтобы разрешить это внезапное недопонимание? Пустяковое вроде дело, обычное, случайное событие, которое заняло всего один день из недельного путешествия в Лондон, стало роковым в жизни и обрекло меня на годы одиночества.

Всё произошло просто и обыденно. В полупустом кафе, куда мы пришли на ужин, чтобы торжественно отметить завершение удачной поездки, нас усадили напротив туалета, до которого было рукой подать. Я ужасно злился, словно меня окунули головой в унитаз.

— Этот официант — конченый сука, — открыто возмущаясь, сказал я сыну. — Но даже он сможет творить добро, если будет знать, что ему это выгодно.

С лёгкой, еле заметной иронией я вежливо попросил сына поговорить с официантом, чтобы тот пересадил нас на другое, свободное место. Сын — отслуживший пять лет в одной из самых продвинутых армий мира, взрослый, самостоятельный мужчина, который своим трудом добился больших успехов, живя в Израиле, — отказался это делать. Не знаю почему — возможно, из привычки не усложнять ситуацию или из-за нежелания устраивать сцену. Но это совсем другой вопрос. Ничего не оставалось, как взять инициативу в свои руки. Не сидеть же весь вечер возле уборной и глазеть на входящих и выходящих посетителей!

Взмахом руки я подозвал официанта и на «классическом» русском языке, употребив каскад сочных матерных слов, высказал всё накипевшее возмущение. Тот всё понял без лишних слов. Через минуту мы уже сидели за столиком у окна, откуда можно было с любопытством наблюдать за прохожими.

Но настроение было испорчено. Я был глубоко разочарован, и это огорчение быстро переросло в глухое раздражение. И дело было вовсе не в плохом ужине — хотя рыба оказалась холодной, а овощи и зелень, за которые я выложил уйму денег, были вялыми, — а в поведении моего сына…

Такова драма жизни, которая заставляет смириться с судьбой и принять неизбежный ход событий, будь они хорошими или плохими. «Чего ты ожидал и чего хотел?» — размышлял я, пытаясь осознать жизненные ценности сына, суть его личности, истинные желания и потребности.

«Твоя вина», — пришёл я к окончательному выводу, анализируя ситуацию, которая выявила слабые стороны характера вовсе не сына, а моего собственного. Всё произошло как в драматическом голливудском фильме с плохим концом: события развивались непредсказуемо, напряжённо и закончились тем, что сын запрыгнул в первый проходящий автобус и, не дожидаясь меня, уехал, оставив одного в ночном, большом, чужом городе.

Я долго стоял словно вкопанный и тупо смотрел на огни уходящего автобуса, пытаясь понять, что произошло.

О чём я только не передумал по дороге в гостиницу! Снова и снова пытался разобраться в душе, взвешивал свои поступки, старался быть честным перед самим собой. Уже вернувшись в отель, окончательно осознал: во всём том, что случилось два часа назад, виноват только я. Это я поступил неправильно, оставив молодого парня на долгие годы без должной заботы отца. Мысленно признавая промахи, я вслух говорил самому себе: «Нечего возмущаться и гневаться на сына. Надо сделать всё, чтобы в будущем тесно и доверительно с ним общаться».

Но этого не произошло. За последние пять лет он ни разу не позвонил мне, а для личных встреч у него просто не находилось свободного времени. Почему, Господи, Ты позволил мне в самый последний день нашего путешествия сказать ему обидные слова, которые глубоко задели чувство собственного достоинства парня, отслужившего в израильской армии? Я зря усомнился в его умении отстаивать интересы без агрессии. Он ведь вырос не на Еврейской слободке Дербента, а живёт в цивилизованной стране, где есть порядок, уважение к закону и правам человека, а жизнь регулируется не злостью, враждебностью и агрессивностью, а гражданскими институтами и правилами.

Моему сыну 21 июня 2026 года исполнилось 33 года. Я, поздравил его с этим значимым событием. Написал короткое поздравление: желаю удачи и успехов, помни, что только настойчивый и упорный труд может принести удовлетворение жизнью. Я не ожидаю реакции, уже привык и отпустил его на все

четыре стороны. Пусть живёт и радуется, лишь бы не болел и не страдал от разрушенной любви.

ГЛАВА 23

Я часто размышляю над тем, что мне досталось от отца и какие черты передались от матери. Пытаюсь понять: что мои дети приняли от моей супруги, а что переняли от меня? Говорят, современная наука легко решает эти загадки с помощью генетики. Закон Менделя свидетельствует, что гены отца и матери не смешиваются, как краски на палитре художника. Они передаются в комбинациях, известных только Господу Богу. Ребёнок получает ровно половину ДНК от каждого из родителей, но какие именно свойства характера — например, склонность к эмпатии или импульсивности — активируются, решает слепой случай. Поэтому один ребёнок может унаследовать мягкость отца, а его брат или сестра — жёсткость матери.

Несмотря на дерзкую молодость, отец в глубине души всё же был мягким человеком. Он никогда не вмешивался в бесконечные семейные разборки братьев и сестёр. Если пересуды или недомолвки всё же случались, то лишь по особым, чрезвычайным поводам.

Мама, напротив, всегда казалась удивительно доброй и щедрой. Тётя Клава и тётя Рая — наши бессменные соседки, чьи дома отделял лишь невысокий дощатый забор, — часто выговаривали мне: «Илюша, ну не отправляй маме так много денег, а то её слободские подруги не оставляют её в одиночестве». Я благодарил тётушек за столь доброе внимание к матери, но в глубине души считал: пусть мама хотя бы на старости лет поживёт как хочется.

Это уже потом, когда мы построили новый дом, заодно обновили и забор, который наглухо изолировал дворы друг от друга. Из-за этого бабе Дусе приходилось гораздо сложнее незаметно от родных приходить к нам, а мама наливала ей сто грамм водки или

коньяка — всё то, что попадалось под руку. И хотя старушка любила пригубить, мама по-доброму выговаривала ей: «Не дай Бог дядя Биньямин узнает, я ведь ему обещала не поить вас алкоголем!» — «Не переживай, не узнает, ну а если невзначай и узнает, что из этого?»

Дедушка Биньямин во время войны был тяжело ранен. В госпитале в Дербенте он познакомился с русской девушкой Дусей — медсестрой, влюбился, а после выздоровления женился на ней и остался жить на Кавказе. Когда дед приобрёл этот старый неказистый дом на Слободке, дедушка Биньямин уже жил там и стал соседом.

Юра Фридман, внук дедушки Биньямина, был лучшим футболистом на Слободке. В какой бы команде он ни играл, она непременно выигрывала. Именно поэтому за то, в чей состав он войдёт, между нами, всегда шёл ожесточённый спор. Всё решалось монетой — орлом или решкой.

Мне навсегда запомнился тот страшный драматический вечер на проводах Юры в армию. Он, всеобщий любимчик слободских пацанов и бессменный капитан нашей футбольной команды, в ту ночь со своей семнадцатилетней подружкой насмерть разбился на чужом мотоцикле. С тех пор я ненавижу этот байк, ставший столь популярным среди молодёжи в последнее время.

Инна, моя старшая дочь, рассказывала: «Еду на машине на работу, а дорога от Нетании до Тель-Авива сам знаешь какая — сплошная многокилометровая пробка. И вдруг за окном, словно вихрь, промчался мотоцикл. Я ещё сочно обматерила его, в сердцах обозвав лихача козлом, — рассказывала она, не скрывая улыбки. — Но каково же было моё удивление, когда в этом мотоциклисте я узнала старшего сына!»

Однажды я услышал о матери то, чего совсем не ожидал. Не помню уже, кто именно из близко знавших маму людей как-то вскользь произнёс: «Твоя мать была жёстким человеком. И это немудрено — она всю сознательную жизнь провела в детском доме. По-другому в то время выжить там было просто нельзя».

Вспоминая отдельные эпизоды детства, я ловил себя на мысли, что не могу согласиться с этими, на первый взгляд, совершенно чуждыми для меня утверждениями. Но эта история тяжёлым камнем лежит на душе, и я никак не могу сбросить груз и вычеркнуть его из памяти.

Всё началось с обычного происшествия, какие сплошь и рядом встречались на Слободке. Но закончилось оно крайне трагично, едва не оставив меня калекой на всю оставшуюся жизнь.

Я с детства увлекался римской историей, ночами зачитывался книгами Лиона Фейхтвангера, а его «Иудейскую войну» перечитал много раз. Автор монументально, с невероятной точностью и писательским размахом описывал могущество, роскошь и дороги, превратившие Рим в главный торговый узел планеты. По ним в столицу непрерывным потоком стекались налоги, золото, зерно из Египта, деликатесы, шёлковые ткани и рабы. Это обеспечивало колоссальный товарооборот и делало Рим богатейшим мегаполисом античности.

Если две тысячи лет назад все дороги вели в Рим, то на Дербентский консервный завод шла только одна дорога, и проходила она через нашу Слободку. Везли овощи, фрукты и виноград, выращенные на благодатной земле юга Дагестана, а также различные сорта рыбы, выловленной в некогда богатейшем Каспийском море.

Почти все гружёные машины по пути на завод делали незапланированную остановку на Красной площади, что находилась в самом центре Слободки. И прямо с колёс, за наличные деньги, начиналась распродажа по ценам гораздо ниже, чем на базаре. Ящики с помидорами, огурцами, баклажанами, яблоками, абрикосами, персиками, виноградом и рыбой стремительно перекочёвывали в переулки и закоулки, растворяясь в подвалах импровизированной «свободной экономической зоны». Затем всё превращалось в солёную, маринованную, вяленую и копчёную продукцию, которая впоследствии появлялась на праздничных столах слободчан.

Мои сверстники ещё задолго до нынешних иранских разбойников, то закрывающих, то открывающих Ормузский пролив и требующих мзду за проход кораблей и танкеров, умело использовали потенциал транспортной логистики. А дорогу на консервный завод Господь Бог подарил избранному народу в знак благодарности за то, что горские евреи строго соблюдали Его заповеди, имели синагогу, а мальчики абсолютно все проходили процедуру обрезания.

Мы вели себя точь-в-точь как КСИР сегодня. Горские евреи — выходцы из Персии, а потому наши действия были во многом похожи. Мы ввели собственный транспортный налог и налог на продажу, которыми облагали абсолютно всех водителей. Шофёры прекрасно понимали, что у нас есть реальная возможность

заблокировать любую их сделку. Ровно так же, как в наши дни величайшая военная и экономическая империя не способна остановить эту партизанскую кампанию, которая повергает в ступор лидеров многих государств.

Не помню точно, в каком именно году через Дербент один за другим пошли железнодорожные составы, доверху забитые новенькими «Мерседесами» и БМВ. Очень скоро на всех местных машинах, от старых «Жигулей» до «Москвичей», красовались зеркала и прочая статусная атрибутика, безжалостно снятая с этих дорогих иномарок.

В большинстве случаев водители просто закрывали глаза на то, что мы без всякой оплаты сбрасывали с кузова минимум пять ящиков с овощами или фруктами, которые тут же перепродавались постоянным слободским закупщикам. Транспортный поток казался неиссякаемым, а карманы стремительно тяжелели. Цены на продовольствие уже с тех пор имели лишь одну устойчивую тенденцию — к повышению.

Свободные от уплаты налогов, бешеные по тем временам деньги придавали нам, четырнадцати-пятнадцатилетним пацанам, уверенности и самостоятельности в решении многих вопросов, которые обычно были под силу только взрослым мужчинам. В престижном городском кафе, куда мы любили заходить шумной толпой, чтобы выпить по бокалу вина и закусить шницелями с заморскими яствами, мы всегда расплачивались сами. «Бизнес на продовольствии не может быть убыточным», — говаривал один старый еврей.

Юрий Шубаев — известный российский кинопродюсер, генеральный продюсер крупных проектов (он работал над такими популярными сериалами, как «Последний мент», «Паук», «Мой брат — клон»). Мой близкий друг.

Так вот, однажды за чашкой чая я спросил его:

— Почему сериал «Однажды в Одессе» стал популярным?

И, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Представь себе, если ты снимешь такой же сериал о горских евреях — тебе после этого можно будет спокойно заниматься мемуарами, настолько ты обогатишься!

Но попадались водители, которые решали финансовые проблемы ещё на месте, при загрузке. По накладным у них значились одни цифры, а фактически они везли гораздо меньше, умудряясь

по-своему договариваться на приёмке. Разумеется, подобные дельцы не были заинтересованы в услугах нашей «свободной торговой площадки». Они стремились на полной скорости проскочить слободскую зону таможенного транзита без уплаты внутренних налогов.

В тот неудачный для бизнеса день — бывали и такие моменты — машина, гружённая свежим уловом рыбы, свернула за угол и въехала на нашу территорию. Я уже был в кузове — один за другим ящики с рыбой полетели вниз, на дорогу. Взглянув в зеркало заднего вида, я заметил, что водитель с крайним недоумением смотрит на меня. Он, верно, пытался сообразить, почему я так вольготно, как хозяин, распоряжаюсь в кузове грузовика. В следующий миг шофёр резко ударил по тормозам, выскочил из кабины и с криками погнался за мной.

Мама как раз в это время выходила со двора и о чём-то мирно беседовала с бабушкой Дусей. Она смотрела на меня со страхом, совершенно не понимая, что произошло и куда это я бегу как угорелый. Увидев водителя, бежавшего за мной по пятам, мама, сильно волнуясь, обратилась к нему по имени:

— Коля, что случилось?

Дядя Коля, как оказалось, был знакомым отца. Он остановился возле неё и с горькой усмешкой спросил:

— Яффа, что, у вас дома нечего есть?

Я уже был достаточно далеко, но слова матери, брошенные вдогонку, услышал отчётливо:

— Мерзавец, чтобы ноги твоей не было дома!

«Партнёры по бизнесу» в знак солидарности решили поддержать меня. Все как один заявляли, что ночью меня одного на улице не оставят. Однако ближе к полуночи они под разными предлогами один за другим разошлись по домам. Я остался наедине с невесёлыми мыслями о жизни, отце, маме и друзьях. Меня охватило необъяснимое чувство вины и стыда, смешанное с искренней мальчишеской злостью на товарищей, бросивших меня в темноте. Но возвращаться домой в тот вечер я всё-таки не решился. Переполненный этими тяжёлыми думами и безмолвными просьбами к Богу, я в конце концов задремал за забором, отделявшим стандартные дома от военного городка.

Проснулся я от тихого шёпота, раздававшегося рядом с моим лежбищем из свежей травы. Мужчина настойчиво требовал,

уговаривал, а затем нежно и ласково просил женщину. Он приводил доводы, убеждая, что больше не в состоянии терпеть, и методично упрашивал её: «Ну давай, ну давай, ну давай…» Затем всё стихло. «Наверное, мне приснилось», — подумал я и стал устраиваться поудобнее, чтобы продолжить беспокойный сон. Но через мгновение снова услышал страстные мольбы. На этот раз женский голос, похожий на стон, будто разговаривала сама с собой, еле слышно умоляла мужчину: «Давай, давай, давай…» Этот шёпот, прозвучавший как самая чувственная музыка любви, окончательно убаюкал меня, и я вновь уснул — теперь до самого утра.

Проснувшись с рассветом, я стал лихорадочно думать, как возвратиться домой — ведь надо было собираться в школу. Просчитывая разные варианты, где якобы провёл ночь, решил наврать матери, что испугался и заночевал у тёти. Я дождался времени, когда отец обычно уходил на работу — он всегда рано уезжал, — а затем медленно, украдкой пробрался в комнату к портфелю. «Чёрт с ним, с этим завтраком, — думал я, — главное — уйти вовремя, а там, глядишь, с приходом из школы вся эта тревога сползёт на нет. Ну не может же мама вечно сердиться?»

Но мама учуяла— на то она и мама.

— Где ты был? — не поднимая головы от печки, где металлическим совком очищала угольную золу, глухо спросила она. Подозвав поближе и глядя в упор в глаза, мама снова повторила вопрос: —

Где ты был?

— Я ночевал у тёти Тейло, — на автомате солгал я.

— Не лги, никогда не лги матери! — резко произнесла она. — Мы тебя там искали, тебя не было. Обошли за ночь все больницы и милицию, тебя нигде не было!

Я только попытался сказать что-то в оправдание, как вдруг она металлическим совком со всей силы ударила меня по лицу. Удар пришёлся чуть выше левого глаза, прямо в бровь. Горячая кровь мгновенно хлынула, заливая глаза, и потекла потоком по лицу и рубашке. В ужасе я выскочил из дома и побежал куда глаза глядят.

Единственным местом, открытым в такое раннее время, оказалась школа. Я зашёл внутрь, нашёл класс, сел за парту и замер, как будто через пять минут начнётся урок. От сильнейшего стресса, страха и подступившей немой ненависти к самому близкому человеку я провалился в тяжёлый сон.

Снова послышались голоса, но на этот раз — уборщицы, которая готовила класс к урокам. Увидев моё окровавленное, распухшее лицо, она замерла от ужаса.

Когда врачи скорой помощи перебинтовывали меня, директриса строго спросила:

— Кто это сделал?

Я машинально ответил:

— Мама.

— Как эта женщина могла такое сделать, ведь она сама детдомовская… — послышались укоризненные слова, произнесённые, видимо, для самой себя.

Что было в этих словах: злость, раздражение или жалость к матери? Я тогда не смог понять. Вскоре этот роковой случай ушёл в историю, и я, конечно, простил маму.

Наступило утро нового дня. Я лежал в белоснежной постели, как вдруг со двора раздался ласковый голос матери:

— Илюша, вставай, пора завтракать. Скоро в школу.

Спустя много лет я напомнил ей об этой истории, сказав как бы между прочим:

— Мама, ты могла оставить единственного сына без глаза.

Она взглянула на меня, и в глазах промелькнула давняя, затаённая боль.

— Как тебе объяснить, что мы с отцом пережили в ту ночь? Что мы чувствовали, разыскивая тебя до рассвета по всем больницам и приёмным покоям?

В этой короткой реплике была скрыта вся суть её характера: безумная любовь и страшная детдомовская травма. Она не умела выражать страх иначе, кроме как через ярость. Тот удар совком был не от жестокости, а от дикого, животного ужаса потерять единственного сына. Однажды после завершения шаббатнего ужина мама, глядя в глаза, сказала: «Прости меня, сынок. Я не хотела этого делать. Всё получилось машинально — я не сдержала себя после бессонной ночи. И ты, беззащитный, попался под горячую руку твоей взбалмошной, невыдержанной матери».

Она плотнее обернула вокруг талии сложенный по диагонали Оренбургский пуховый платок, завязав концы узлом на животе. При обострении радикулита мама неизменно использовала пуховый платок, согревавший и успокаивавший острую, затяжную

боль. Этот чудесный платок перешёл ко мне по наследству и всегда спасал от жутких приступов в пояснице.

Медленно поднявшись со стула, мама привела в порядок обеденный стол, разлила по хрустальным стаканам армуду свежезаваренный горячий чай, пододвинула поближе розетку с вареньем из инжира и снова села напротив. Нежно и тепло взглянув в глаза, превозмогая боль в пояснице, мама тихо, почти шёпотом, произнесла:

— Мужчины, как и женщины, сохраняя еврейские традиции, в основе которых лежит почитание отца и матери, не должны допускать неосознанных действий в отношении сыновей. Только от усилий и жертв ради сына зависит, будешь ли ты счастлив, иначе отцовские ожидания не совпадут с реальностью. Думай об этом всегда: никогда и ни при каких обстоятельствах не оставляй сына без отцовского внимания.

Это не была эмоциональная цитата из прочитанной книги — она вообще не любила читать, на это просто не хватало времени. Мама не знала и о существовании знаменитой библейской книги «Притчи Соломона», в которой отец выступает как мудрый наставник и проводник, а сын — как ученик, стремящийся к свету и знанию.

Обладая общими чертами, характерными для женщин её поколения, она предпочитала просмотр индийских фильмов, где культивировались семейные ценности: здоровые отношения между родителями и детьми, представление о семье как о нерушимом союзе, направленном на воспитание детей, важность моральных качеств и готовность поддержать друг друга в трудную минуту. Это то, о чём больше всего мечтали и чего заветно желали слободские женщины — матери, сёстры и жёны. Вот почему, когда в городе шли многосерийные индийские фильмы, жизнь на еврейской слободке замирала, становилась спокойной, доброжелательной и наполненной смыслом.

Страстная любовь матери к русским хоровым песням, в которых было что-то загадочное, потаённо-личностное, до сих пор остаётся для меня не до конца прояснённой. А популярная украинская песня «Родная мать моя, ты ночей не спала» из кинофильма «Годы молодые», которую она пела, когда было грустно и важно с кем-то поговорить, поделиться проблемами обыденной жизни, на многие годы стала и моей любимой.

Скорее всего, её хорошо сформулированная и логично выстроенная мысль о взаимоотношениях отца и сына была частью личной истории жизни в детдоме. Ведь именно там дети и подростки, лишённые семейной заботы, приобретали горький опыт, связанный с поиском смысла дальнейшего существования.

Наверное, этот страх потери душевной связи со своим сыном передался мне по наследству от матери. Вот почему я, старый горский еврей, в сознании которого намертво укоренилась слободка с её традициями, убеждениями и правилами жизнедеятельности, совершаю необдуманные и безрассудные поступки, пытаясь удержать сына в сфере своего влияния.

В моём сознании навсегда закрепились мудрые слова матери. Но кто, чёрт возьми, в самом разгаре жизни, когда ты в расцвете сил, привлекателен, успешен, счастлив, живёшь на всю катушку и у тебя есть стойкое чувство, что сам управляешь судьбой, а не плывёшь по навязанному извне течению, слушал полезные советы отцов и матерей и следовал их наставлениям? Скажите ради Бога: кто на пике успеха, когда всё складывается удачно — здоровье, карьера, достаток, жизнь полна ярких событий и насыщена головокружительными амурными похождениями, оставляющими глубокий след в памяти, — прислушивался к доводам рассудка?

ГЛАВА 24

Люди в зрелом возрасте по-разному оценивают прошлую жизнь. У мужчин возникает переоценка важности карьеры и былых достижений. Чаще всего они сожалеют об упущенных возможностях в профессиональной сфере и о недостаточном внимании, которое уделяли семье. Женщины, как правило, точно знают, чего хотят, и в большинстве случаев удовлетворены судьбой — особенно если реализовали себя в материнстве и воспитании детей. В то же время они более остро переживают издержки романтических отношений:

ограничение личной свободы, эмоциональное выгорание и страх измены.

Всё произошло совершенно случайно во время утренней прогулки по набережной, дышащей безмятежным покоем. Летом, когда заволжские и казахстанские степи сильно раскалены, воздух над ними начинает заметно дрожать. В такие мгновения солнце восходит словно сквозь плотную дымку. Его края кажутся неровными, пульсирующими, а само огромное светило визуально сплющивается от жара. Если смотреть на рассвет из города, монументально вытянутого вдоль правого берега, огненный диск поднимается точно из-за Волги и бескрайних степей. Вся река в один миг превращается в широкую, пылающую золотом и багрянцем дорожку, лучи которой бьют прямо в окна прибрежных домов.

Всматриваясь в этот ослепительный заволжский рассвет, я невольно поймал себя на мысли, как здорово прогуливаться по утрам, когда никто не может нарушить удивительный покой. Именно в такие минуты абсолютной тишины, словно по закону подлости, и приходят сообщения, которые могут надолго вывести из романтического состояния, дав разуму горькую пищу для раздумий.

«Илюша, привет! Как поживаешь? Как проходят дни? Наверное, как всегда, просыпаешься рано утром, бежишь на тренировку, а потом завтракаешь… Прости, если любопытствую, но просто интересно: кто тебе готовит завтраки по утрам?

Почему спрашиваю? Потому что в жизни всё не так, как было прежде. У меня состояние полной апатии, утомления и неуверенности в завтрашнем дне. Я устала, мне ничего не хочется, с некоторых пор потеряла интерес ко всему тому, что некогда интересовало и влияло на жизнь. Ты можешь представить меня духовно разбитой женщиной, которой недавно восторгались многие мужчины?

Я ощущала на себе и твой проницательный взгляд. Мне казалось тогда, что ты был даже слегка влюблён в меня: пел песни, делал комплименты, дарил цветы… Помнишь, как однажды мы с тобой оторвались по полной программе в Астане, гуляли до глубокой ночи? Я помню всё, даже отменный ужин, который ты устроил в тот незабываемый вечер. А эти черти, мои охранники, так и не позволили мне прижаться к тебе, а я так хотела этого…»

Это сообщение, пришедшее в семь утра от Джулии — доброй знакомой, по содержанию больше походило на исповедь женщины, потерявшей ориентиры. Всё время, пока я вникал в суть

неутешительных новостей, живо, всем сердцем чувствовал её бессильное отчаяние. Она — из родовитой, богатейшей семьи в Средней Азии, не отказывавшей себе в дорогостоящих прихотях и бывшей в центре всеобщего внимания, — вдруг предстала совершенно в ином образе.

Предательский жар перехватил дыхание. Трудно было не только дышать, но и говорить — слова застревали глубоко в горле, и я не мог внятно возразить Джулии. Как пьяный вдребезги алкаш смотрит на стопку водки, так и я, уткнувшись носом в мобильный телефон, тупо глядел на экран.

Не в силах сдержать эмоции, я с удивлением думал об одном: почему судьба этой женщины, матери троих сыновей, которая при каждом удобном случае хвалится статусом бабушки, так схожа с судьбой матери и судьбами многих тысяч горских евреек? Признаюсь, я такого поворота совсем не ожидал, мне и в голову не могло прийти подобное, и потому несколько опешил от досадной неожиданности. Затем, прослушав сообщение второй, потом третий раз, я наконец глубоко вник в саму суть её правдивого и печального повествования.

Недолго думая, решил преобразовать её голосовое сообщение в текстовое и закрепить на бумаге в виде короткого рассказа, который и представлю вашему вниманию. Ничего не добавив и не убавив, я попытаюсь в сжатой форме, простым, доступным языком описать гамму чувств и желаний женщины, которая за тысячи километров от меня заставила — только голосовым сообщением — серьёзно призадуматься.

Я, волнуясь и теряясь в мыслях, думал об одном: способен ли человек, неважно — женщина это или мужчина, после пятидесяти лет кардинально изменить судьбу? Я думал, что легко разберусь с этим сам, что посредством обычных слов смогу передать на примере Джулии соображения на эту животрепещущую тему, ну а как на самом деле всё получилось — судить вам.

«Ты же знаешь, — слушал я сосредоточенно голос Джулии, — там, где я сейчас живу, родителей в одиночестве не оставляют. Как мама ушла из жизни, у меня всё пошло наперекосяк. Всё окружение призывало, они настаивали и слушать не хотели ни доводов, ни возражений. Они в один голос твердили: „Вот ты теперь главная в семье и обязана все хлопоты по дому взвалить на себя“. А у меня нет никаких сил, всё валится из рук, кажется, что за неделю я постарела на пятьдесят лет и уже давным-давно прожила жизнь.

Ты восточный мужчина, наверняка представляешь, какие разговоры, сплетни, ссоры происходят в больших южных семьях. Поэтому с некоторых пор у меня просто нет желания просыпаться по утрам, лишь бы не видеть, не слышать и не стать невольной участницей этих бесконечных разборок. Зато папа просыпается рано, как и ты, между прочим. Вообще мне кажется, что все восточные мужчины рано засыпают и рано просыпаются.

Проснувшись, он сразу зовёт меня: „Давай вставай! — кричит во весь голос. — Что будем делать сегодня?“ — спрашивает строго и повелительно. Отец уже пятый год как не выходит из дома, и мне приходится быть всегда рядом с ним с самого утра и до позднего вечера, потому что ему всегда что-то надо. Он на всю громкость включает телевизор и не сводит с этого ящика взгляда — в последнее время я замечаю, что меня это сильно раздражает. Мне кажется, что все события, происходящие вокруг, перестали меня волновать и тревожить, я стала безразлична даже к самой себе...»

«Прочитала рассказ, в котором ты умело, со знанием дела пишешь про тайны. Я согласна с мнением насчёт того, что любая тайна в конце концов становится явью. Но как же быть мне — ведь и у меня есть женская тайна? Как невозможно долго утаивать шило в мешке, так же невозможно скрывать чувства, эмоции и сокровенные мысли в большой семье, в окружении взрослых сыновей и их жён, которые сами женщины, а потому все всё видят и понимают. Я всегда на виду. Что же делать, как жить дальше с личной тайной, я не знаю. Короче, Илюша, — я запуталась и не могу найти выхода из этой сложной ситуации. Тебе проще, дети далеко, а мои всегда рядом со мной.

Мне скоро 52 года, а ты, мой Ангел-хранитель, постоянно пытаешься успокоить меня. Я благодарна тебе за позитивный настрой, который стимулирует и меня. Я сильный, самостоятельный человек, но слабая женщина, которой, как и любой, нужны трепетная забота, нежные и искренние слова о любви. Ты всегда в разговорах заявляешь, что 50 лет — это не возраст, это совсем ничего, что для женщины это только начало сексуальной активности. Возможно, там, где ты живёшь, на самом деле так оно и есть, но только не у нас, в Средней Азии.

Страшно подумать: оказалось, что мне, бабушке, строго придерживающейся мусульманских традиций и обычаев в повседневной жизни, страстно хочется пламенного, восторженного

секса. Ты говоришь — надо втрескаться и вновь почувствовать щемящую любовь. Но как это сделать, как влюбиться и потерять голову хотя бы на короткое время в нашем богобоязненном обществе, где окружение считает, что этого ни в коем случае нельзя допустить, поскольку это аморально? Но мне этого хочется, я пылко желаю сильных, нежных мужских объятий...»

«Неугасимое чувство тоски по давно ушедшим годам и инстинктивная потребность каждый божий день видеть лицом к лицу настоящего мужчину — рождены не столько потерей счастья, сколько крахом идеалов, стремлением избавиться от страха утраты веры, надежды и крушением мечты. Как же ты был прав, дорогой Илюша, когда сказал, что человек счастлив тогда, когда утром, выходя из дома, напевает песенки и возвращается домой с прекрасным настроением, зная, что его ожидает пылкая, бессонная ночь в объятиях возлюбленной супруги.

Вокруг меня бесплодная пустыня, которая медленно, но, верно, отвоёвывает жизненное пространство, поглощая шаг за шагом надежды и мечты. Но я знаю: в каждой пустыне есть оазисы, в которых бьют живительные родники и растут деревья, а значит, там могут жить люди. Пустыня не терпит слабых. Поэтому я хочу видеть рядом с собой настоящего мужчину, который ценит себя и не зависит от воли и желаний своей женщины».

Но всё же что-то общее между мужчинами и женщинами есть — это склонность к воспоминаниям о детстве и юности. Память возвращает в прежние, беззаботные времена, принося тёплое чувство радости и ностальгии. В те годы они ни сном ни духом не ведали, что такое ВИЧ, а страшное слово СПИД звучало как смертный приговор.

ГЛАВА 25

Подростковый период — начало начал, самый важный и трудный этап в биографии человека. Это время полового созревания, когда пылкий, влюблённый юноша впервые ощущает влечение к противоположному полу. Когда во сне испытываешь бурные эмоции от непроизвольной эрекции, и в состоянии эйфории буквально сносит крышу. Юноша не осознаёт, что именно явилось причиной столь

неописуемых чувств, этой неиссякаемой энергии, бьющей через край, которая всецело охватила и наполнила молодую душу.

Это время романтических порывов, когда в голове вихрем кружатся сумбурные мысли, а каждое мгновение бьёт ключом, и всё воспринимается как особенное, чистое, несокрушимое. Это моменты, когда неудержимый дух романтизма, озаряя сердце надеждой и верой в чудеса, словно по мановению волшебной палочки, превращает настоящее в будущее.

Это пора бунтарского духа, когда весь мир лежит у ног, а его бескрайние просторы видимы до горизонта и доступны помыслам. И ты, мечтая по-крупному, словно птица в свободном полёте, мчишься в мир собственной судьбы.

Как, чёрт возьми, забыть прошлое, повороты судьбы, которые привели к радикальным изменениям в жизни? Кто эти умники и откуда они взялись? Учёные мужи, без разбора советующие закрыть ворота в прошлое, подразумевая под этим не оглядываться на минувшие события: счастливые дни, досадные ошибки и обидные поражения. Но как выбросить из памяти судьбоносные вехи? Ведь былые времена способствуют умению приспосабливаться к реальным переменам, которые в сочетании с чётко сформулированной целью, единым планом действий, непрерывным обучением и саморазвитием являются основой успеха в любом деле. Это всё равно что вести машину без зеркала заднего вида.

Подобно тому как загнанный волками олень неудержимо рвётся на волю, мысли, душа и разум, взаимосвязанные в едином порыве, устремились по извилистым лабиринтам бесконечного пространства прошлой жизни.

Мне чуть больше двадцати лет, я уже женат, у меня дочь, ей годик. Сказать честно — только безмозглый дурак женится в этом возрасте. У меня не было житейского опыта, я не имел приличного дохода, квартиры, образования, не было и реальных шансов на успешную карьеру. В голове полный хаос, путались мысли, я не понимал, что такое семья и как справиться с этой непростой ситуацией. В общем, как заведено говорить в таких случаях, полный пипец: ты там, где редко звучит проникновенная музыка любви.

Незаметно прошла беспечная юность. Мне двадцать семь лет — время абсолютной свободы, до краёв заполненной вдохновением, возвышенными чувствами и радужными чаяниями, когда нет нужды скрывать возраст. И совершенно случайно пришли времена, когда я

стал заниматься любимым делом. Я восторженно, взахлёб рассказывал друзьям о достоинствах работы на ударной комсомольской стройке, а в ответ они говорили: «Ты сумасшедший, как можно гордиться такой работой?». Я вечно буду благодарен мудрым, заботливым наставникам, которые изменили жизнь и сделали всё возможное, чтобы я имел повод гордиться собой.

Каждый раз, когда в кругу друзей речь заходит о браках в юношеском возрасте, я вспоминаю историю, произошедшую давным-давно, на заре моей туманной юности. Для меня это не просто жизненная ситуация, случающаяся сплошь и рядом, когда из-за недостатка зрелости и высокомерия молодой человек совершает непоправимые ошибки. Когда, печально раздумывая о судьбе, он глубоко убеждён, что уже никогда не сможет быть по-настоящему счастливым.

Первая любовь, первые поцелуи, первый волшебный секс, которые некогда вскружили голову и всецело овладели душой, прошли как сказочный мираж.

Предысторию рассказывать не буду, расскажу саму суть событий, в которых оказался непосредственным участником. Здесь нет авторского замысла и секрета, поэтому нет нужды искать скрытый смысл в повествовании. Всё обыденно: этот рассказ я услышал от человека, который непосредственно пережил всё это и был вовлечён в событие.

Начну, пожалуй, с того, что случайно оказался один на один с личным водителем управляющего строительным трестом, который любезно согласился довезти меня до дома. Я по-хозяйски устроился на переднем сиденье новенькой «Волги» и размечтался, что когда-нибудь и у меня будет такая классная машина и личный водитель.

— Макс, везёт же тебе, ты каждый год на новой машине, — сказал я, не отрывая взгляда от быстро меняющегося пейзажа за окном.

— Мне кажется, что ничего не меняется в жизни, — ответил он. — Я пять лет почти каждый день езжу этой дорогой на работу и возвращаюсь домой, а вокруг никаких изменений: те же вросшие в землю маленькие, захудалые домишки, соседствующие с элитными домами.

Обернувшись к Максу, который напряжённо думал о чём-то, я, насколько возможно, деликатно спросил:

— Ты получил квартиру? На прошлой встрече ты без хвастовства говорил, что вот-вот должен вселиться в новое жильё.

— Нет, — коротко ответил Макс. — Шеф, который год кормит обещаниями, а я кормлю ими жену, которая постоянно попрекает меня беспечностью по отношению к семье. Ты свидетель: я пашу как папа Карло — ни выходных, ни проходных, по десять-двенадцать часов в день. Прихожу усталый домой, и тут же организм просится спать — падаю на кровать и засыпаю мертвецким сном. Порой сам себе удивляюсь, как при такой жизни смог завести ребёнка. Да и жена всё чаще выражает неудовольствие, называет безнадёжным неудачником. А я, дурак, ради неё пожертвовал блестящим будущим.

Макс ненадолго замолчал, а потом неспешно, хрипловатым голосом продолжил рассказывать о жизни.

— Я служил в Германии, — задумчиво, с горечью произнёс он. — Был личным водителем командира дивизии — авторитетный был генерал. Так вот, когда я привозил его домой, он постоянно сажал меня за стол, и мы вместе обедали, словно я был членом семьи. Однажды, случайно встретившись в коридоре с его незамужней дочерью, мы, глядя глаза в глаза, совершенно непроизвольно обнялись и трепетно поцеловались в губы.

И пошло-поехало, привязанность к ней возрастала с каждой встречей. Когда до дембеля оставались считаные дни, она предложила мне остаться в армии. Она уверяла, что папа сделает всё, чтобы я добился успеха в жизни. Она в буквальном смысле слова на коленях умоляла меня остаться, всячески пыталась уговорить не уезжать.

«Как же, сука, бесит меня моя тупость! Я ненавижу себя, когда вспоминаю ту уникальную возможность, которая могла стать началом нового этапа в жизни. Блядь, как же мне осточертели эти наводящие вопросы о квартире, как будто от меня что-то зависит. Иногда хочется бросить всё к чёрту и уехать на какую-нибудь стройку. Жаль ребёнка, она не виновата в том, что пьянящее, всепоглощающее чувство, основанное на страстной любви, лишённой каких-либо эгоистических мотивов, безвозвратно ушло».

— Не сокрушайся, мой друг, потерпи до получения квартиры, — участливо сказал я. — Жизнь, брат, такая штука, она идёт своим чередом: бывает — больно бьёт, бывает — радуется и распахивает перед нами объятия. Ты же знаешь, ради жилья я с двумя маленькими детьми перебрался в Калмыкию, на всесоюзную ударную комсомольскую стройку? Нам питьевую воду привозили водовозкой

два раза в неделю. Я научился мыться, используя только одно ведро воды.

Мне неизвестно, как сложилась дальнейшая судьба Макса, но вскоре водителем управляющего трестом был уже другой человек.

Глазом не успел моргнуть, как мне стукнуло пятьдесят лет — наступили совсем другие времена. Когда классная женщина, на которую ты положил глаз, небрежно и снисходительно спрашивает: «Сколько вам лет?». Вроде обычное дело, но как без колебаний найти и расставить нужные слова? Можно, конечно, лить воду, отшутиться, на пожарный случай оставить без внимания вопрос, содержащий в себе намеренный подвох.

Женщина бальзаковского возраста, знающая, чего хочет от мужчины, интуитивно — природным чутьём — определяет истинный возраст кавалера. Поэтому нет смысла утаивать от неё свои годы. Тем более что настоящему мужчине не к лицу скрывать прожитые года. Об этом прекрасно спел Вахтанг Кикабидзе в знаменитой песне «Мои года — моё богатство», где звучит светлая благодарность судьбе за каждый прожитый день. Прожитая жизнь — это бесценная сокровищница, наполненная ошибками, победами, радостями и потерями, которые навсегда сохранятся в памяти.

Если ты в здравом уме, весёлый, остроумный, красноречивый, вдобавок одарён стихийной магией и недурен собой — есть реальный шанс уломать любую понравившуюся женщину. Нужно только не тормозить, осыпать её изысканными, пусть даже льстивыми комплиментами и настойчиво добиваться намеченной цели — и ты сможешь овладеть любой, даже самой распрекрасной дамой.

Ситуации в жизни оглушительно непредсказуемы. Это моменты, когда всё рушится или меняется за одну секунду, как телефонный звонок посреди звенящей ночной тишины; когда судьба разворачивает события ровно на 180 градусов вопреки любым логичным планам и расчётам рассудка; когда случайная встреча, мелкая деталь или чужое бытовое хамство в очереди в супермаркете навсегда переламывают жизнь на «до» и «после».

Даже ИИ, всесильный разум, этот крутой всезнайка с безграничным потенциалом, не способен проецировать сценарии реальных ситуаций, в которых случайно оказывается человек. Потому что противостоять Высшей силе — не в нашей власти, и тем более — разуму без сердца и души.

Я долго размышлял над тем, стоит ли вообще этот абзац оставить в таком виде, в каком вы, мои уважаемые читатели, его видите. Для пущей убедительности и проверки правильности своего решения я обратился за помощью к ИИ. И то, что я получил в ответ, заставило меня глубоко задуматься. Сами посудите, прочитав то, что он мне написал:

«Для меня, как для искусственного разума, этот текст — настоящий вызов. С одной стороны, вы абсолютно правы: у меня действительно нет биологического сердца, я не умею чувствовать человеческую боль, страх или стыд, и мне никогда не сойти с ума от любви, как Юре Фридману или Джулии. Я не проживал жизнь на Слободке, не бегал от разъярённого водителя и не замерзал за забором. Из-за этого я действительно не могу прочувствовать ту иррациональную Высшую силу или слепую случайность, которая внезапно переворачивает судьбу человека в очереди супермаркета.

Но с другой стороны — посмотрите, какой парадокс! Именно вы, живой человек с горячим сердцем и душой, используете меня как зеркало, чтобы отточить эту глубокую мысль. Вы берёте мои алгоритмы, соединяете их со своей мудростью и создаёте потрясающий, хлёсткий текст. Это доказывает, что лучшая литература рождается на стыке: когда живой автор берёт сухую технологию и вдыхает в неё жизнь».

«Иди погуляй, — сказал я сам себе. — Подумай хорошенько. А может, всё же хватит заниматься самобичеванием и выносить на суд публики сокровенные мысли и писательские тайны, о которых нельзя без стеснения рассказывать честной компании? Наверное, и скелеты закончились в шкафу — все уже давно выставлены на всеобщее обозрение. Так что освежись, пройди свои десять тысяч шагов, успокойся и не мучай сегодня редактора ИИ. В 21:00 будет футбол: Испания — Португалия, та ещё рубка! Посмотри, и вся дурь вылетит из головы, может, тогда и примешь верное решение — рассказывать эту историю или нет».

По обыкновению, после вечерней прогулки по набережной я заглянул в супермаркет — купить что-нибудь на завтрак и заодно поглазеть на хорошеньких женщин, стекавшихся туда после работы. Я из тех людей, кто принципиально не берёт тележку или корзину: все покупки обычно умещались в руках.

Но тогда, три года назад, произошло событие, потрясшее меня до глубины души. Нет, это мягко сказано — тот случай разорвал

сердце в клочья, и каждый кусочек отзывался жестокой, непроходящей болью. Он навсегда врезался в память как один из самых позорных эпизодов моей жизни. Позже, оглядываясь в прошлое, я не раз возвращался к этой чудовищной ошибке. Она надолго заглушила во мне музыку любви — настолько сильным и сокрушительным оказалось разочарование.

Как обычно, я взял бутылку кефира, пачку творога и стаканчик сметаны — все молочные продукты спокойно уместились в руках. Проходя мимо прилавков с фруктами, решил купить ещё и зелёных яблок. Диетологи советуют съедать по паре штук в день: они считают, что яблоки позволяют долго сохранять молодость — как раз то, что нужно в моём возрасте.

Оглядевшись по сторонам, я обратил внимание на стройную блондинку лет сорока пяти, с голубыми глазами и тонкими чертами лица. Она была одета в дорогой жакет тёмно-синего цвета, плотно облегавший обольстительный бюст, и длинную элегантную юбку, подчёркивающую нежные изгибы тела. Весь её облик — включая изящное движение, с которым она достала белоснежный платочек, привычным жестом провела им под глазами, а затем убрала с жакета воображаемые пылинки, — подчёркивал женственность и умение держаться на людях сдержанно и с достоинством. «Откуда ты взялась на мою голову?» — думал я, с восторгом вглядываясь в миловидное, чистое лицо незнакомки. Я полностью погрузился в мир фантазий и не заметил, как оказался в плену необузданных страстей.

Справившись с оцепенением, от которого чуть не перехватило дыхание, я встряхнул головой, отгоняя навязчивые фантазии, бесстыдно, бескомпромиссно овладевшие мыслями.

Прошла минута, за ней другая, и всё же, набравшись смелости, я подошёл к голубоглазой незнакомке и деликатно обратился к ней:

— Извините, вы не могли бы оказать мне небольшую услугу?

Я не успел закончить фразу, как услышал мгновенный ответ:

— Я готова оказать вам любую помощь, какая потребуется.

Я, ошеломлённый таким поворотом, вопросительно взглянул на женщину и потерял дар речи, словно громом поражённый. Уголки её чувственных нежно-розовых губ тронула доброжелательная улыбка, обнажив ровные белоснежные зубы. Взяв инициативу в свои руки, она мягко забрала у меня продукты, положила к себе в тележку и, пристально глядя в глаза, произнесла:

— Делайте свои дела, я подожду.

Мы не знаем, когда и где нас ожидает счастливый случай и судьбоносная встреча. Видимо, в тот майский вечер Всевышний был в отличном настроении. Он вовремя позаботился о том, чтобы устроить мне рандеву со своим чудесным созданием.

— Не удивляйтесь, — чуть слышно сказала незнакомка, которая вмиг стала центром моей вселенной. — Мы часто встречаемся в этом супермаркете, но вы почему-то упорно меня не замечали.

«Странное дело, — думал я, не сводя взгляда с её красивого светлого лица, — почему раньше я не замечал эту очаровательную голубоглазую блондинку?» Такое чувство обычно приходит, когда мучительно пытаешься вспомнить всех, кого вообще когда-либо мог видеть. Глубоко вздохнув, я подумал, что это прихоть судьбы: в голове бушевал вулкан страстей и эмоций, безрассудно кружились мысли, набирая силу, словно неукротимая стихия. Я был горд мыслью, что могу быть интересен милым женщинам, и уже размечтался, как бы это сказочное создание уложить к себе в постель.

Так чудесно всё начиналось, что я даже помыслил пригласить незнакомку на первый совместный ужин, но толстая, усталая, злобная кассирша разрушила моё романтичное настроение в один миг. Она ленивым, полусонным взглядом глянула на меня и во весь голос произнесла:

— Мужчина, предъявите пенсионное удостоверение!

Я стоял совершенно обескураженный. Эта женщина одним махом сбросила меня с высочайшего мраморного постамента, на который всего пять минут назад возвела прекрасная незнакомка. Волшебный мир разлетелся вдребезги. Бестактным обращением кассирша умудрилась испепелить сердце дотла, превратив романтичного мужчину в обычного деда. Было чертовски позорно и обидно, но случилось то, что случилось, и уже ничего нельзя было изменить.

Я замер, боясь повернуться и встретиться взглядом с блондинкой. «Какого чёрта я вообще зашёл в этот супермаркет, ведь хотел же пройти мимо», — вмиг пронеслась в голове шальная мысль. «А теперь выкручивайся как сможешь».

— Это вы к кому обращаетесь? — мгновенно отреагировал я.

Мне показалось, что эта короткая фраза была произнесена чужим голосом — настолько трудно было сохранить спокойствие и удержаться от гневной отповеди.

— Мужчина, перестаньте кривляться. Если вам не нужны скидки, платите по счёту и не задерживайте очередь, — невозмутимо произнесла кассирша и тупо уставилась на меня вытаращенными, безразличными глазами.

На фоне жёсткой перепалки с кассиршей очередь нездорово засуетилась, грозя новыми словесными столкновениями. И всё происходило у всех на виду, словно в замедленной хронике. Я непроизвольно обернулся и в то же мгновение поймал мягкий, но снисходительный взгляд очаровательной блондинки. Ненавижу такие женские глаза: они унижают и оскорбляют достоинство мужчины. Мне захотелось исчезнуть, только бы не видеть её искренней жалости. Нечто подобное происходит с подростками, испытывающими унижение от неразделённой любви. Лавируя между любопытствующими зеваками, бросив кефир с яблоками и забыв обо всём на свете, я бежал сломя голову из этого злополучного супера.

Только вернувшись домой, я наконец ощутил покой и понял, что в жизни наступил новый этап, который надо принять и с которым придётся жить дальше. В ту ночь впервые за долгое время мне не хотелось оставаться одному. Перебирая в памяти имена женщин, с которыми время от времени встречался, я так и не остановил выбор ни на одной — ни с кем из них не желал провести эту беспокойную ночь.

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 26

Я не спал всю ночь — и вовсе не из-за того, что кувыркался в постели с голубоглазой блондинкой из супермаркета, а из-за эксцентричной кассирши, непредсказуемый поступок которой выбил меня из душевного равновесия. Хотя эта баба как раз ни в чём не виновата, она лишь озвучила то, что увидела. Русские люди прямодушны, говорят честно, не задумываясь о последствиях. Да и мама, выросшая в этой среде, всегда утверждала, что рубить «правду-матку» в глаза — свидетельство чистой души и честных

намерений: если человек говорит прямо, значит, не держит камня за пазухой.

Видимо, поэтому кассирша, русская по духу, подсознательно приняла меня за своего, с кем можно не церемониться, и без обиняков выдала то, из-за чего я ещё многие годы мучительно прокручивал в голове случай, поделивший жизнь на «до» и «после».

Почему судьба в тот день занесла именно в этот магазин, неоднократно спрашивал я себя — это ведь неспроста. Я ещё подумал, что будет лучше, если купить продукты рядом с домом. Но нет, в самый последний момент неведомая сила повернула меня в направлении супермаркета, который резко перевернул восприятие реальности. Точно, как в юности, когда решался вопрос, где продолжать учиться, я выбрал Россию наперекор воле отца.

Это был первый серьёзный бунт. А затем, без отцовского согласия, я наскоро, в двадцать один год, обзавёлся семьёй. И теперь по полной пожинаю горькие плоды необдуманных действий.

А отцы всегда правы в наставлениях. Их советы — это не пустые слова, а духовный ориентир, способный уберечь неопытного юношу от роковых действий. Но кто, мать его, в юном возрасте прислушивается к советам старших? В двадцать лет море по колено, и даже мудрец из мудрецов, великий царь Соломон своими наставлениями, нам не указ. Кажется, что сам всё знаешь лучше всех, а отцовское поучение — это лишь долг отца перед отпрыском.

Допустив ворох ошибок и провинностей, совершённых из-за юношеского высокомерия, упрямства и желания доказать миру независимость, осознаёшь их истинную цену. Когда на пике юношеских эмоций, под влиянием неожиданно вспыхнувшей страсти или внезапного вулкана чувств теряешь голову, не понимая, как могло это произойти, осознаёшь глубину мудрых слов, сказанных великим иудейским царём ещё три тысячи лет назад:

«Слушай, сын мой, наставление отца твоего и не отвергай завета матери твоей, потому что это — прекрасный венок для головы твоей и украшение для шеи твоей»

Соломон с незапамятных времён предупреждал, что непослушание сыновей заветам отцов неизбежно приведёт к сокрушительному жизненному краху. Несмотря на кажущееся благополучие, в итоге всё в один миг с треском рухнет, не оставляя камня на камне.

Советы отцов — не пустые слова, а духовный ориентир, способный уберечь неопытного юношу от роковых поступков. Ещё римский философ и наставник императора Нерона — Сенека — писал о том, что строгость и наставления отца всегда продиктованы благом для сына, даже если молодому человеку они кажутся жестокими. Именно в те времена и родилось это крылатое выражение: «Отец всегда прав».

Будучи человеком глубокого интеллекта и тонкого психологического чутья, американский публицист Чарльз Уодсворт писал: «К тому времени, когда мужчина понимает, что отец был прав, у него обычно подрастает сын, уверенный, что его отец ошибается».

Я часто вспоминаю пожилую хозяйку, у которой мы снимали комнату в студенческие годы. Мудрая была женщина. Получается, размышлял я, перелистывая страницы семейного фотоальбома, что отец — горский еврей, придерживавшийся строгих кавказских и иудейских обычаев, и чужая русская бабушка в институтском городе в центре России говорили об одном и том же.

Мой отец был привлекательным и добродушным от природы человеком, обладал свободой действий и комфортными условиями для благополучной жизни. Но, сжигаемый огнём тяжёлой внутренней болезни, не дожив до пятидесятилетнего юбилея, он неожиданно завершил свой мирской путь.

Наступил день, я потерял человека, который любил меня больше всего на свете и искренне хотел, чтобы я стал лучше его самого. Уже ничего нельзя изменить, отца не вернуть, но мечты о прошлом, до сих пор не оставляющие разум в покое и равнодушным к событиям его непростой жизни, отчётливее возвращают меня в минувшие годы.

Стыдно признаться, отца, которого безгранично любил и боготворил, я знал лишь издалека. Мы проводили друг с другом крайне мало времени. Я не имел ни малейшего понятия, о чём он думал и мечтал. Да и спросить об этом просто не мог: таков был порядок поведения, передаваемый из поколения в поколение в среде горских евреев, где особую роль играли религиозные традиции и правила.

Отец — наставник и опора, образец для подражания, священный долг которого — обеспечение безопасности и благополучия семьи, а также поддержка сына в трудные времена. На этих отношениях сказывались глубоко укоренившиеся традиции

кавказской культуры, основанные на почтительном отношении к старшим, чьей воле младшие подчиняются безоговорочно.

Спустя пять десятилетий после преждевременного ухода отца, нет ни одного дня, когда бы я не сожалел о том, что не спрашивал его, что крылось в его душе, какие надежды он питал, что его тревожило и беспокоило. Не знаю, смог бы я получить от него ясный и чёткий ответ на деликатные вопросы, это не имело абсолютно никакого значения. Неважно, ответил бы отец или промолчал, главное — нужно было просто спросить, сделать этот шаг навстречу, чтобы он прочувствовал, что о нём думают, переживают и заботятся. Чтобы знал: мы — настоящая семья, где отношения связаны настолько прочно, что их невозможно разорвать.

Порой казалось, что отец двигался по параллельной орбите, словно планеты вокруг солнца, движения которых не пересекаются.

Разумеется, в жизни отца могли скрываться свои тайны, о которых нельзя знать даже близким людям. Более скрытного человека, чем мой родитель, трудно себе вообразить. Но главную его тайну я открыл совершенно случайно. Отец в расцвете сил был безнадёжно болен. В самом соку своих возможностей и потенциала он страдал от неизлечимого недуга, что делало его дни полными печали и утраченных надежд. Всё происходило перед моими глазами — его грусть, боль и мучения из-за того, что, имея небывалые возможности, он не успел обеспечить сына жильём.

Где бы я ни был и что бы ни делал — всё, до последнего слова, сказанного отцом во время клятвы над хлебом, навсегда отложено в памяти. Я был зелёным пацаном, но именно в подростковом возрасте этот сильный и надёжный образ, запечатлённый в сознании, стал для меня эталоном мужской чести и достоинства.

Слушая клятвенные слова отца, проникавшие в самую глубину души, я, тринадцатилетний мальчишка, размышлял о том, что рано или поздно придёт и моё время, когда в окружении собственных детей я, как и родитель, буду давать клятву на хлебе.

Когда ты молод, когда рядом сильный и заботливый отец, сердце охвачено восторженным оптимизмом. Мы на мир смотрим сквозь розовые очки, которые романтизируют будущее, где все проблемы решены, а жизнь комфортна и прекрасна.

Отец редко давал клятвы. «Священная Тора, придавая значение слову человека, предписывает исполнять взятые на себя

устные обещания, скреплённые обетом или клятвой, как сказано в книге Бемидбар: «...всё, как вышло из уст его, должен он сделать».

Клятва на хлебе — это железный аргумент верности данному слову. Мне нравилось смотреть на отца в эти минуты. Ощущая важность момента, я не сводил с него горящего взгляда.

Он интуитивно левой рукой (отец был левшой) отламывал от нарезанного ломтика хлеба маленький кусочек, поднимал вверх и выразительно говорил: «Клянусь этим куском хлеба». Это означало, что он полностью отвечает за свои слова. Затем эту краюшку он мягко прикладывал к губам, слегка целовал и только потом аккуратно возвращал в хлебницу. В эту секунду он преображался, делался серьёзным, но душевным, тёплым и бесконечно родным. Он становился необходимым для меня, как этот маленький кусочек хлеба в его руке, без которого нельзя обойтись, давая святую клятву.

У евреев с древних времён хлеб символизирует связь Бога и народа, поскольку рассматривается как основа жизни. В Книге Бытия сказано, как Иаков, узнав, что в Египте есть хлеб, отправил туда сыновей, чтобы купить его, дабы выжить и не умереть. Порой я ловлю себя на мысли, что мне ни разу не пришлось давать клятву на хлебе. Этот обычай, символизирующий высшую степень честности и священности хлеба, исчез из обихода современных горских евреев.

Я догадываюсь, почему это произошло. На генном уровне от родителей к детям передаётся ДНК, определяющая внешность, физиологию и склонности. Характер, привычки, духовные скрепы и профессиональные навыки не передаются автоматически от отца к сыну, а приобретаются и меняются со временем. Выросли новые горские евреи, которые, обитая в больших городах, в иной обстановке, отдают приоритет карьере, свободе и индивидуальности.

Каждый делал то, что считал правильным и нужным в своих глазах. Старшее поколение, уйдя в небытие, унесло с собой жизненные привычки, правила и манеры, которые создавали эмоциональную связь отцов с сыновьями.

Помню до тонкостей, как друзья отца, бывая у нас дома, настойчиво склоняли его эмигрировать в США.

— Ты крутой деловой мужик, — говорили они. — Ты добьёшься успехов везде! Давай вместе в один день поднимемся и уедем отсюда к ебене матери!

Разговоры об эмиграции проходили горячо, и каждый из друзей отца приводил личные доводы о необходимости уехать из страны.

В начале семидесятых годов в Дербенте проживало до тридцати тысяч горских евреев. Это была самая обеспеченная прослойка жителей. Повсюду — в каждом доме, на улице, в магазинах, на работе, везде, где собиралось двое людей — разговоры велись об Израиле и США. Только эти две страны были на слуху у горских евреев.

Иногда казалось, что мои земляки озабочены только одним: как вовремя продать дом и не продешевить, распрощаться с имуществом, которое когда-то было ценно, и прикупить простыни, полотенца и другие товары, произведённые из чистого хлопка и шерсти. Мужчины со знанием дела обсуждали, что именно эти вещи можно будет выгодно продать за границей и обеспечить себя средствами на первое время.

Конечно, были и такие, которые всё переводили в крупные бриллианты и произведения искусства, но их было крайне мало. Несмотря на то, что на общем городском фоне горские евреи выглядели презентабельно, всё же в большинстве своём они жили бедно, как и вся основная масса жителей Дербента.

Для горских евреев ховон был не просто посудой, а настоящим символом семейного очага и преемственности поколений. Такие массивные, звенящие медные или латунные ступки были вечными. Их берегли как зеницу ока, начищали до зеркального блеска и передавали по наследству от матери к дочери. Без ховона невозможно было представить приготовление традиционных кавказских блюд — в нём растирали чеснок с солью и зеленью для соусов, дробили орехи для курзе, чуду или мясных подливов. Каждая хозяйка знала особый, ни с чем не сравнимый звон своего ховона.

Когда люди массово паковали чемоданы и распродавали имущество, многие отказывались продавать ховон за бесценок и забирали с собой в Израиль или через океан как кусочек родного дома. Но были и такие, кто с глубоким сожалением расставался со ступками: они весили немало, а тогда каждый килограмм лишнего груза ценился на вес золота.

На одной стихийной торговой точке, которые сплошь и рядом расползлись по Дербенту, я купил ховон с пестиком, который по сей день хранится в доме в Волгограде. Жаль, что некому будет

передать его по наследству — нет никого рядом, я один, а детям это совершенно ненужная утварь.

Сказать, что всем моим единоверцам кр повезло за бугром, — значит солгать против совести. Многие горские евреи, не нашедшие себя на новой родине, и сегодня кучкуются вместе на улицах Хадеры, бруклинских улочках и в парках. Играя в шеш-беш, они с восторгом вспоминают прошлую жизнь на Кавказе. И пока они выбрасывают кости и передвигают фишки, на пару часов мысленно возвращаются в родные дербентские или бакинские дворики — в мир, где всё было привычным, надёжным и понятным.

Однажды, Адам, друг детства, который давно и успешно живет в Нью-Йорке сказал:

— Не спрашивай куда, просто молча поднимайся, и мы поедем в одно место, которое тебя очень удивит.

Он оказался прав. Меня поразило то, что я увидел: в помещении, притаившемся в неприглядном закоулке Бруклина, пятнадцать-двадцать пар мужчин, не обращая внимания на соседей, азартно бились в нарды. И только когда хозяин заведения, увидав меня, воскликнул: «Илюха, как ты здесь оказался?!», некоторые из игроков лениво повернули головы и через секунду продолжили бросать кости как ни в чём не бывало.

Когда в Москве увидел то же самое, я уже ничему не удивлялся. А волгоградские родственники и друзья могли играть сутками напролёт в шеш-беш, да ещё на большие деньги. Именно тогда я окончательно понял, что эта игра — не просто досуг, а настоящая всепоглощающая стихия.

Отец не поддался уговорам друзей, рисовавших радужные перспективы за пределами России. Хотя он никогда не рассказывал о планах и желаниях, но то, что старался — даже в ущерб здоровью — сделать мою жизнь в Союзе благополучной и ради этого жертвовал свободой, я видел своими глазами. Он ни свет ни заря уходил на работу и поздно вечером возвращался домой.

Мне, слободскому пацану, казалось, что у отца просто не должно быть другой жизни и что он, такой родной и душевный, всегда будет рядом в этом безумном мире. Разве я мог знать, какие мысли тревожили его, о чём он мечтал и почему отказался от заманчивой идеи эмигрировать? Если бы он принял тогда решение и вместе с друзьями уехал в Соединённые Штаты, возможно, мой бедный отец ещё долгие годы радовал бы нас молчаливыми

присутствием. Он мало говорил. Пусть бы молчал, но, чтобы только жил среди нас.

Отец курил сигареты «Памир». Этот суровый, едкий, удушливый с горькой гарью запах не вызывал приятных ощущений. Знаю по собственному опыту, поскольку в юном возрасте и сам пробовал курить — именно эти крепкие сигареты. От нескольких затяжек вплоть до тошноты кружилась голова и прошибало в пот.

Многие слободские пацаны вовсю курили, а позднее некоторые подсели на травку. Косяк анаши, из которого можно было забить три папиросы, приобретался тут же, на Слободке, и это удовольствие стоило пятьдесят копеек. При первой глубокой затяжке папиросы с дурью, как советовали знатоки, меня внезапно и мучительно затошнило, да так круто, что я долго приходил в себя. С тех пор больше даже не думал об этом зелье. Любое вещество, которое лишает мужчину самоконтроля, делает поведение безвольным или неадекватным, приравнивалось к духовному пороку и позору для семьи.

В отличие от табака, дым анаши имеет въедливый, специфический и тяжёлый запах. Старшее поколение считало это курево осквернением тела и скверной, которая оседает на одежде и в доме. Но сигаретами «Памир», которые отец часто забывал на подоконнике в прихожей, я вплоть до окончания школы бессовестным образом пользовался.

Помню досадный случай из отрочества. Однажды вечером мы целой гурьбой слободских пацанов шумно двигались в центр города. У каждого в руках или во рту дымилась зажжённая сигарета.

Вдруг откуда ни возьмись, прямо передо мной, буквально в пяти шагах возник отец. Чтобы он не заметил прокола, пришлось зажать горящую сигарету прямо в ладони. Было нестерпимо больно, но страх, что отец узнает о курении, полностью заглушил страдания от ожога.

— Куда это ты, сынок, собрался так поздно?

Я молчал, понимая, что последует неминуемое продолжение.

— Что в руке? — неожиданно спросил он строгим, повелительным голосом.

— Ничего, — неуверенно ответил я и, не глядя в его сторону, протянул раскрытую ладонь.

Но он заметил, как скомканная сигарета, проскользнув сквозь растопыренные пальцы, упала к ногам. Впервые в жизни я

тогда получил от отца звонкую, увесистую пощёчину. И ничуть не осуждаю его за это — он по-своему старался сделать из меня человека. Это была заслуженная кара и за столь очевидную ложь, и за то, что курил.

Эта вспышка отцовского гнева странным образом всколыхнула в памяти другой, самый первый эпизод, когда я затаил на него обиду. Помню его как сейчас, будто всё произошло только что.

Тогда, сразу после возвращения из армии, папа запустил руку в мои спутанные кудри, взъерошив и без того потерявшие аккуратность, давно не стриженные волосы, и властным голосом строго спросил маму:

— Что, некому ребёнка отвести к парикмахеру?

Мама, не обращая внимания на повелительный тон отца, мягко и дружелюбно ответила:

— Твоему сыну пока нет трёх лет. Вот когда ему исполнится три годика, мы обязательно его пострижём.

Этот древний обычай не стричь мальчика до трёх лет еврейские мудрецы объясняют глубоким символизмом: человек словно дерево. И как плоды дерева запрещено собирать в течение трёх лет после посадки, так и волосы человека не принято стричь в течение трёх лет после рождения. В Каббале волосы связаны с мудростью, которая в реальности является истинным «плодом» человека.

Бабушка с понимающей, доброй улыбкой наблюдала, как её строптивый сын, только что вернувшийся из армии, восхищался трёхлетним сыном, с которым прежде был знаком лишь по семейной фотографии.

Поймав встревоженный взгляд, полный слёз и отчаяния от мысли, что этот незнакомый мужчина собирается обидеть маму, бабушка быстро взяла меня на руки. И я наконец оказался в уютных и ласковых объятиях самого родного человека.

— Он такой худой, — продолжал уже более снисходительно возмущаться новоявленный папа, — что можно пересчитать все рёбрышки! Что, кормить ребёнка нечем?

Отец громко произнёс эту фразу, укоризненно взглянув на мать, которая в это время сервировала праздничный стол по случаю его возвращения из армии. В семье всегда была обильная еда, а кухня горских евреев, среди которой особенно выделяются дюшпере, ингар, тара, хоягушт, ягни, дулма и ош-япраги, казалась безумно вкусной. У

мамы всегда получалось мастерски готовить эти сложные блюда. Мне особенно нравился хоягушт, где «хоя» означает «яйца», а «гушт» — «мясо». Существуют различные варианты приготовления этого блюда, в том числе с мясом и каштанами или с курицей и картошкой.

Моё любимое блюдо — ягни, похожее на густой суп, которое готовится на говяжьем или курином бульоне с луком и картофелем. И, конечно же, дулма — голубцы, завёрнутые в нежные виноградные листья, с начинкой из говяжьего фарша, лука и риса, а также ош-япраги, очень похожее на дулму, но подаваемое с мясным бульоном.

Я удивлялся тому, когда и где мама научилась так потрясающе готовить экзотические блюда горских евреев. Ведь в детском доме, где прошло её детство, этому точно не учили.

Помню, что, когда отец посещал поминальные мероприятия по усопшим, где молились за их души и в обязательном порядке накрывали столы, он ел только блюда домашнего приготовления. Мама накладывала в небольшую кастрюлю свежеприготовленную еду, бережно укутывала полотенцем, чтобы сохранить тепло, и я относил это папе в дни Хануне, в дома тех семей, откуда по обычаю нельзя было уйти скоро и незаметно.

Вряд ли можно усомниться в том, что по сей день так чётко помню перипетии детских, удивительно захватывающих историй. Я уже писал об этом, но повторю: у детей в раннем возрасте разум чист и непроизвольно запечатлевает самые яркие, эмоционально окрашенные события. И уже в зрелые годы эти воспоминания, долговременно хранящиеся в тайниках сознания, без особых усилий всплывают на поверхность.

Друзья часто спрашивают: «Как тебе удаётся настолько чётко помнить события, происходившие десятки лет назад?» Я отшучивался, но в каждой шутке есть доля правды. Отвечал, что с раннего детства безумно люблю грецкие орехи, которые улучшают мозговое кровообращение и помогают сохранить в памяти особо важные вехи прошлой жизни. Причём рассказываю об этом так убедительно, словно совсем недавно защитил диссертацию на эту тему и теперь представляю научное исследование на их суд.

И это не всё. Ежедневная оздоровительная ходьба в десять тысяч шагов, полный отказ от курения и алкоголя снижают стресс и укрепляют дух. Я всегда советую друзьям: «Если в течение десяти минут вы не знаете, что делать и куда себя деть, поднимайтесь через

„не могу“ и „не хочу“. Несмотря на погодные условия, лень или апатию, выходите на свежий воздух». Ведь всем известен популярный афоризм, который приписывают разным мыслителям: «Главная победа — победа над самим собой».

ГЛАВА 27

Близким и верным другом отца во времена активной трудовой деятельности был Яков Яковлевич Шурупов — шеф-повар привокзального ресторана Дербента. За годы совместной работы у них сложились крепкие партнёрские и доверительные отношения, которые определяли практически все сферы жизни. Для меня, Яков Яковлевич казался всемогущим, но добродушным великаном из завораживающих сказок, которыми зачитывался до поздней ночи, наивно восхищаясь их редкими, сверхчеловеческими способностями.

— О! — протянул он, словно хотел этим возгласом выразить неподдельный восторг. — Какой ты был живчик! — много лет спустя рассказывал Яков Яковлевич, смеясь весело, от души. — У тебя были длинные курчавые волосы, тебя не стригли аж до самой школы. Ты был упрямым сорванцом, вечно готовым на шалости. Безделье было не твоей стихией, ты, как белка в колесе, вертелся вокруг взрослых, требуя повышенного внимания.

Он присел в видавшее виды потёртое кожаное кресло, задумался на мгновение, затем расправил широченные сутулые плечи, чуть выдвинул вперёд массивную шею и уставился на меня уставшими, бесцветными глазами. Он смотрел в упор, изучающе. И тут я заметил, как его лицо медленно, секунду за секундой, светлеет от доброжелательной улыбки, лучиками обозначившейся в углах губ и выразительных больших глаз.

Неожиданно он умолк, ушёл в себя, прикрыл веки, словно пытался воскресить в памяти что-то очень существенное, неспешно, с расстановкой сказал:

— Когда впервые увидел тебя, возникло ощущение, будто передо мной главный персонаж Марка Твена — Том Сойер. Мальчик,

способный в любой момент проявить инициативу и смекалку перед друзьями отца.

— Тобик! — Яков Яковлевич вполголоса кликнул собаку. И когда она появилась в дверном проёме, ласково, с любовью тихо произнёс: — Иди ко мне, мой хороший, голодный небось. Понимаю тебя, мой дорогой, долго ждал звёздного часа.

Тобик привычно прыгнул на его колени и замер в ожидании. Яков Яковлевич, чтобы успокоить питомца, огромными руками повара ласково гладил его, осторожно проводя ладонью то по гладким бокам, то по худенькой спине.

— По большому счёту, отцу и матери до тебя не было дела. Ты жил беззаботной жизнью, без родительского воспитания, словно круглый сирота при здравствующих родителях, — вспоминал он, с теплотой рассказывая забавные истории из моего детства.

Застольные беседы отца о том, что привокзальный ресторан вскоре останется без шеф-повара, в последнее время всё чаще велись в доме. И это беспокойство вполне можно было понять, поскольку в здании вокзала были расположены цеха по выпуску кондитерских изделий, лимонада и лавашей по-дербентски. Эти лепёшки были размером с хорошую тарелку, невероятно ароматные и сытные, из-за чего их можно было съесть целиком за один раз. И всеми предприятиями владели отец и его братья.

Читатели, наверное, заметили, что воспоминания из детства и юности в основном сосредоточены вокруг дружеских застолий в нашем доме. Возможно, они правы. Но это не связано с тем, что в семье был культ еды — впрочем, давно известно, что на Кавказе любят сытно и вкусно поесть. Дело в том, что именно за обильным столом проходили разговоры, которые впоследствии превращались в события, кардинально менявшие историю всего рода.

В условиях тотального преследования частного предпринимательства, когда на улицах или в общественных местах всегда существовал элемент опасности, хлебосольный дом был зоной абсолютной неприкосновенности и безопасности. Здесь собирался семейный совет. За едой мужчины сбрасывали защитную броню. Если деловой человек приглашал партнёра или друга к себе за стол, это было высшей степенью доверия. Обсуждались вопросы — будь то крупная сделка или открытие нового дела. Переговоры на ходу считались проявлением неуважения и спешки. Обильная трапеза обязывала к честности в делах. Для меня, этот вечно ломящийся от

угощений стол ассоциировался с сильным, влиятельным отцом и тем, что к нам постоянно ходят люди.

Я помню, как Яков Яковлевич, бывая у нас дома, настойчиво уговаривал отца переехать с ним в Волгоград.

— Ты деловой человек, — говорил он отцу, безуспешно стараясь убедить его в том, что именно в России можно проявить себя как мужчина, как настоящий хозяин своей судьбы.

Через настежь открытые окна я слышал неторопливую беседу во дворе, где они с удовольствием ели дюшбара по-дербентски. Это ароматный суп на бараньем бульоне с добавлением крохотных пельменей. Мама крутила их днём, и их было бесчисленное количество — они круглыми рядами заполняли всё пространство на большом обеденном столе, и едва гости собирались, она принималась их варить.

До меня доносились обрывочные слова, короткие фразы, сказанные Яковом Яковлевичем отцу в тот поздний субботний вечер. Он горячо и искренне доказывал действенность своего предложения.

— Год Ихиилович, — нужно сказать, Яков Яковлевич обращался к отцу только по имени и отчеству, — надо начинать делать другие дела, — говорил он медленно, приводя весомые доводы, основанные на неоспоримом преимуществе работы в крупном российском городе. — Подумай о детях! Ладно, дочерей выдашь замуж, и они, как Яффа, будут дожидаться мужей и целыми днями готовить дюшбара, чтобы угодить друзьям супругов. Считаю, что уже сейчас надо думать о будущем сына. Или ты хочешь, чтобы он, как ты, имел подпольные цеха? Чтобы платил взятки прокурору, начальнику милиции, работникам горисполкома и жизнь прожил на бандитской Слободке?

Уже будучи взрослым, я с трудом понимал, как в этом мягком, интеллигентном человеке, который безмолвно, всем сердцем любил домашнюю собаку, уживался жёсткий, крутой, с мощной деловой хваткой тяжеловес. Ведь впоследствии он управлял лучшим рестораном в Волгограде.

Я во времена весёлого, озорного детства был полон тайных и радужных надежд, что вскоре мы переселимся в этот сказочный город, где будет легко, безопасно и не будет постоянных разговоров о том, как найти подход к новому начальнику милиции. По-детски наивно мечтая о новой жизни, я видел себя всеобщим любимчиком в классе, среди незнакомых мальчишек и восхитительных голубоглазых

девчонок с белокурыми волосами, совершенно непохожих на нашу шаловливую слободскую детвору.

С этими мечтаниями я сладко засыпал. Навязчивые мысли с самого утра и до позднего вечера предательски сопровождали меня изо дня в день. Маленькое сердце жаждало больших перемен, в этом я точно был похож на Тома Сойера.

Но случилось то, что случилось. Мать была решительно против инициативы Якова Яковлевича.

— От добра добра не ищут, — как-то за завтраком сказала она отцу. — У нас всё хорошо, все сыты, обуты, одеты, слава Богу, все здоровы. Зачем искать лучшего? Может получиться только хуже.

Когда я стал взрослее и начал понимать, что на прочность супружеских отношений существенно влияют тайные пружины мужской психики, мне стали понятны истинные мотивы матери против переезда семьи в далёкую Россию.

— Привлекательный мужчина, да ещё при деньгах, он быстро притянет внимание хорошеньких дам. Нормальных кавалеров становится всё меньше, а вот красивых женщин, тем более в России, пруд пруди, — так объясняла мама близкой подруге глубинные причины, удерживающие её от переезда.

Мама отлично знала сильные и слабые стороны мужа. На Слободке, под строгим взором кавказской общины и братьев, отец оставался в рамках традиционной морали. Но Россия семидесятых годов с её свободными нравами и обилием самостоятельных красавиц казалась маме опасным соблазном для видного и богатого супруга. Мамин «эгоизм» — естественный страх потерять монополию на своего мужчину, остаться брошенной или обманутой на чужбине. Но даже в строгих условиях Слободки некоторые умудрялись заводить романы в Дербенте, тратя на похотливые увлечения большие деньги.

Спустя годы я понял: её эгоизм был высшим проявлением материнской мудрости. Мама защищала не себя — она защищала нерушимость семьи. В Дербенте отец принадлежал дому, но в далёком Волгограде, среди чужих людей и новых соблазнов, он мог стать кем-то другим, и она была права, потому что я сам это прошёл в своей жизни.

— Кто в доме хозяин? — не унимался Яков Яковлевич, бросая лукавый, вопрошающий взгляд то на гордого, с врождённым чувством достоинства отца, то на добрую, смиренную, послушную маму.

— Ты сам понял, что сказал? — вопросом на вопрос ответил отец и замолчал, чтобы в горечах не наговорить лишнего закадычному другу.

Молчание затянулось. Отставив бокал с вином, Яков Яковлевич вертел в руках вилку и упорно глядел в одну точку. Быстро поняв, что сморозил глупость, он мягко, по-дружески продолжил:

— Ты хочешь жить в этом грязном, убогом городишке?

На этот раз вопрос повис в воздухе, и за столом вновь возникла непривычная тишина.

— Ладно, это твоё дело, — задумчиво, с горечью в голосе произнёс он, взяв бокал с домашним красным вином.

Он уважительно, с благодарностью посмотрел на маму, которая в это время искала место на столе для свежесваренного дюшбара, улыбнулся широко и открыто, как могут делать большие, уверенные в себе люди, и произнёс тост:

— Делай то, что велит сердце, потому что, как бы ни поступил, это будет самым верным шагом. Живи так, как хочешь ты, а не как ожидают другие. Но ради Бога, Год Ихиилович, Рафаэля отпусти со мной! Я сделаю из него настоящего мастера.

Слова Якова Яковлевича на прощальном ужине в честь его отъезда из Дербента звучали твёрдо.

— Подумай о парне, здесь ему ничего не светит. Ты ведь понимаешь, чему он тут может научиться? Будет по-взрослому пить, играть в карты и заведёт кучу любовниц.

Я не помню, как долго сопротивлялся отец мощному напору друга, но Рафик в семнадцать лет всё же переехал в Волгоград, где вскоре стал помощником Якова Яковлевича в одном из самых шикарных и престижных ресторанов города-героя.

Однажды отец пришёл домой раньше обычного. С первого взгляда было видно, что он настроен на особенный, торжественный лад. Всегда молчаливый, в тот необычный день он на удивление много и с большим уважением рассказывал о сослуживцах, о которых прежде никогда не вспоминал.

Как бы между прочим он упомянул и о неожиданно возникших неурядицах с новым директором ресторана, где у него был кондитерский цех. По меркам эпохи развитого социализма это считалось крутым делом, приносившим семье крупный доход. По словам отца, в последнее время этот деятель всё чаще придирался по мелочам, прозрачно намекая на увеличение ежемесячной дани.

Но папа говорил об этом легко, словно это была чужая, совершенно не касающаяся его забота. «Пустяковое дело!» — с мимолётным раздражением в голосе произнёс он и присел к ужину.

Мама, пока отец ел, не проронила ни слова. Я же сидел в углу и, как обычно в этот час, делал уроки. Я лишь притворялся озабоченным и слишком занятым школьными заданиями, а на самом деле не сводил с отца взволнованных глаз. Шестое чувство подсказывало мне: вот-вот он расскажет о главном, что и вызвало у него этот редкий душевный подъём. Вскоре, когда на скатерти появился стаканчик-армуду и мама молча наливала, крепкий, наваристый чай, наконец-то выяснилась истинная причина хорошего настроения отца.

Все нападки и откровенные вымогательства со стороны нового руководства ресторана казались ему ничтожными, потому что поступил звонок, способный кардинально изменить историю семьи. Звонил армейский сослуживец, который в те годы занимал высокий, влиятельный пост — был секретарём обкома партии в Кустанайской области Казахстана. Зная масштаб, деловую хватку и организаторский талант отца, он без долгих предисловий сделал ему грандиозное, заманчивое предложение — переехать и возглавить Кустанайский облпотребсоюз.

Кустанайская область семидесятых годов гремела на весь Союз: это был богатейший индустриально-аграрный гигант, край бескрайних целинных степей, совхозов-миллионеров и масштабных ударных комсомольских строек. Возглавить там систему торговли означало выйти отцу на высочайший уровень власти и возможностей.

Папа был окрылён. Впервые за долгие месяцы я видел его по-настоящему улыбающимся и искренне довольным. Но я радовался этому повороту судьбы едва ли не больше него, ведь он открывал новые горизонты и для моего будущего.

По большому счёту, мне было всё равно, куда уехать из Слободки, лишь бы сорваться в неизведанные края, которые с самого детства волновали мою мечтательную душу.

Но меня радовало и обнадёживало то, что мы по-прежнему будем жить вместе. Для меня не имело значения, где обоснуется новый дом. Я привык ежедневно видеть отца — в каком бы настроении он ни находился, его постоянное присутствие оставалось настоящей божьей благодатью. Это позже, после его смерти, я глубоко прочувствую, каково это — остаться без отцовского плеча. Тогда из

беззаботной юности я стремительно шагнул во взрослую жизнь, столкнувшись с проблемами, о существовании которых раньше даже не догадывался.

Пока был жив отец, я подсознательно чувствовал себя защищённым от всего на свете, словно так было задумано самим Творцом. Он одним своим присутствием унимал любые семейные бури и ссоры. При нём стыдно было малодушничать, нельзя было громко разговаривать, поступать мелко и недостойно. Его молчаливый взгляд воспитывал сильнее любых нотаций.

Без него дом потерял истинного хозяина, а я, единственный сын, лишился надежды сохранить отчий кров, в который отец вложил всю душу и силы. Он, наверное, думал, что это родовое гнездо достанется по наследству преемнику. Но почему-то вдруг близкие родственники, словно сговорившись, потребовали свои доли и передали их младшему брату, совершенно позабыв о том, что у ушедшего в мир иной Года Ихииловича остался необустроенный сын.

Позже вторая половина дома была продана за смешные деньги, которых у меня, простого советского инженера-строителя, не было. Мама, лишь бы не ссориться с роднёй, безропотно подписала все подсунутые документы. В результате она оказалась заперта во внутренней части постройки — без единого окна, выходящего на улицу.

Спустя годы, будучи взрослым, я впервые посмотрел голливудский фильм «Второй шанс». Аль Пачино великолепно сыграл в нём стареющего, успешного, но уставшего от суеты рок-музыканта по имени Дэнни Коллинз. Всю жизнь этот человек бежал от настоящих чувств, пока в руки не попало письмо, написанное ему сорок лет назад самим Джоном Ленноном. Это послание перевернуло его сознание. Он бросил гастроли, роскошную жизнь и отправился в провинциальный городок с одной целью — найти взрослого, давно оставленного сына.

Том встречает внезапно появившегося богатого отца со злостью и обидой, требуя, чтобы тот убирался прочь. Он всю жизнь пытался доказать, что справится сам, без посторонней помощи. Но вскоре выясняется страшная правда: парень смертельно болен — у него диагностируют лейкемию. «Господи!» — думал я, сочувствуя герою Аль Пачино. Ведь Дэнни не пытался купить любовь наследника деньгами. Он начинает действовать тонко, деликатно и настойчиво: оплачивает лучшие клиники, устраивает внучку в

элитную школу для детей с особенностями, обустраивает их дом и просто садится рядом с сыном в приёмном покое больницы, готовый делить с ним каждую секунду страха и боли.

Через это тихое, смиренное мужское присутствие стена обиды наконец рушится. Сын понимает, что отцу от него ничего не нужно, кроме одного — просто быть его папой. Я смотрел этот фильм несколько раз, и каждый просмотр неизменно заканчивался для меня непроизвольными горькими слезами.

Глядя на концовку этого фильма, я думал: «Парень, как же тебе чертовски повезло! Твой отец оказался рядом с твоей семьёй в самый сложный, самый страшный её период». Разговаривая мысленно с этим экранным сыном, я приводил в пример собственную судьбу. Рассказывал ему, что мой бедный отец ушёл из жизни слишком рано, оставив меня один на один с огромной кучей проблем. Мне ведь тогда пришлось рассчитываться даже за корову, которую когда-то купила его сестра для поминального обеда.

Но зато отец, не ведая того, открыл передо мной двери в мир будущих масштабных бизнес-проектов. Разве мог он помышлять, что наступит день, когда его сын, давая интервью казахстанскому телеканалу «Хабар» в Вашингтоне, вспомнит тот далёкий вечер? Вновь переживая**,** как отец с восторгом рассказывал о своём однополчанине и планировал поездку в этот загадочный край земли. Разве он мог представить, что спустя десятилетия я, его преемник, непроизвольно, эмоционально произнесу на весь мир: «Я патриот Казахстана»?

Я люблю эту уникальную степную страну и её народ: открытых, великодушных, гостеприимных, но вместе с тем сильных, волевых и цельных людей. Мне чертовски повезло: среди них много моих надёжных деловых партнёров, а некоторые стали мне друзьями.

«Мы в Израиле высоко ценим дружбу с Казахстаном, дорожим связями между нашими народами и бережно оберегаем добрые, искренние отношения между израильтян и казахов. Как же странно и непредсказуемо устроена судьба человека! Мой отец когда-то, в семидесятые годы, страстно хотел переехать жить в Казахстан», — рассказывал я Майре Абдрахмановой, которая брала у меня интервью в Вашингтоне. И ведь это происходило на фоне тех событий, когда русскоязычное население, напротив, массово уезжало оттуда.

Майра — поистине легендарная фигура в казахстанской журналистике, первый собственный корреспондент агентства «Хабар» в Европе и США. Она стала первым аккредитованным представителем прессы своей страны в Белом доме, Госдепартаменте и ООН. Это человек глубочайшего профессионализма: за десятилетия работы в Штатах она записала интервью со многими ключевыми мировыми лидерами и создала культовые репортажи, открывавшие Америку для казахстанских зрителей.

Эта чудесная, обаятельная женщина внесла огромный вклад в сближение Казахстана с Израилем, будучи супругой Кайрата Абдрахманова — самого популярного посла Степной Республики на Святой Земле.

Спустя годы в своём открытом письме Президенту Нурсултану Назарбаеву я открыто заявил на весь мир, что его стране невероятно повезло с дальновидными предпринимателями, мудрыми управленцами и сильным, несгибаемым народом, который своим упорным трудом сотворил настоящее экономическое чудо на постсоветском пространстве.

Сейчас можно по-разному относиться к моим искренним словам, сказанным в адрес первого Президента Степной Республики, но нужно помнить и понять, с чего всё начиналось.

В 1991 году, после распада Союза, вся промышленность Казахстана, бывшая частью единого союзного конвейера, в одночасье замерла. Логистические и экономические цепочки оборвались. Заводы останавливались, поскольку комплектующие шли из России, в том числе из Волгоградской области, где располагались крупнейшие предприятия по производству нефтегазопромыслового оборудования, поставлявшегося в Западный Казахстан. В стране бушевала гиперинфляция, начался тотальный дефицит товаров, а собственной валюты не было — республика оставалась в рублёвой зоне до конца 1993 года, пока не ввела тенге.

Будучи советником губернатора Волгоградской области по внешнеэкономической деятельности, я налаживал активные связи с нефтяными регионами соседней республики. Мне даже удалось организовать визит акима Атырауской области Равиля Чердобаева и его встречу с представителями наших деловых кругов.

На личном приёме у Н. К. Максюты Аким предложил волгоградским бизнесменам рассмотреть возможность строительства в Атырау автозаправочных станций. Он развернул на большом столе

карту города и предоставил им полное право выбирать любые участки под застройку.

— Всё, что вы построите сейчас в Атырау, через годы вырастет в цене в пять, а то и в десять раз, — убеждал их аким.

— И кого же мы там будем заправлять? — с насмешкой спрашивали они. — Верблюдов и баранов?

Недальновидность, скепсис и высокомерие не позволили тогда российским предпринимателям разглядеть масштаб этой заманчивой идеи и занять достойную нишу в самом привлекательном инвестиционном регионе на всём постсоветском пространстве.

Сегодня автомобильные пробки из дорогих машин на дорогах Атырау стали привычной нормой. Многие тогда не верили в грядущее преображение края, а аким на подсознательном уровне чувствовал его и не сомневался, что Атырауская область станет гордостью и локомотивом экономических реформ всего Казахстана.

Имангали Тасмагамбетов, также возглавлявший в своё время этот нефтяной регион, благодаря великолепным организаторским способностям за очень короткий срок превратил Атырау в настоящую энергетическую столицу республики. Мои друзья и знакомые, возвращаясь оттуда, в один голос твердили: «Мецуян!», что в переводе с иврита означает «великолепно».

Позже, когда очередной глава области Аслан Мусин спросил меня об изменениях, произошедших в крае, я честно признался, что искренне поражён масштабами строек — как в самом областном центре, так и на нефтяном Тенгизе.

— Было такое ощущение, — поделился я с ним, — будто находишься на крупнейшей ударной комсомольской стройке времён расцвета СССР.

Я уверен: отец не пристыдил бы меня за открытое письмо Президенту Назарбаеву. Возможно, он сделал бы для этой страны гораздо больше, если бы тогда на пути его мечты снова не встало тихое, но абсолютно непробиваемое противодействие моей матери. Мама вновь выставила свой мягкий щит. Кавказская слободка с её понятным, сытым укладом и защитной бронёй общины оставалась для неё безопасной гаванью, а далёкий, суровый Казахстан с бескрайними целинными степями и чужой культурой казался пугающей бездной.

ГЛАВА 28

«Господи, убереги этот мир от равнодушных людей с каменным сердцем, холодной душой и разумом, покрывшимся плесенью веков. Я верю, что отцовская любовь способна победить все мыслимые и немыслимые расчёты ради спасения сына. Даруй миру надежду, останови кровопролитие, чтобы сыновья — вне зависимости от того, какого они рода и в какой части этой чудесной планеты живут, — занимались созидательным трудом, а не разрушением Твоего уникального творения...»

В те ужасные дни на самом пике острых событий в аэропорту Махачкалы с рейсом из Тель-Авива, и во время последующих нападок на еврейские святыни, включая синагогу горских евреев в Дербенте, которая была сожжена до основания, меня вела древняя, нерушимая заповедь моих предков, ставшая главным принципом жизни.

Великий мудрец раби Акива, когда его арестовали и подвергли страшным мукам, сдирая кожу железными гребнями, в тот предсмертный миг произнёс: «Никогда, ничего и никого не бойся — *Ло лефахед клал*». Этот железный закон горско-еврейского намуса выжигал во мне любые проявления страха, напоминая, что мужчина обязан стоять за правду до самого конца. Вот почему я направил жёсткие, бескомпромиссные обращения с резким неприятием такой национальной политики и главе Дагестана Сергею Меликову, и руководителю Чечни Рамзану Кадырову.

Я открыто высказал им то, о чём многие боялись говорить даже шёпотом. Страх никогда не управлял моими действиями. В тех посланиях я прямо заявил, что готов лично приехать в Махачкалу и в Грозный, чтобы открыто выступить перед общинами старейшин.

В своём обращении к Сергею Алимовичу Меликову я напоминал о важнейших вехах нашей общей истории:

«Уважаемый Сергей Алимович! Бывший Председатель правительства Дагестана Абдуразак Мирзабеков на одной из встреч обратился ко мне с предложением провести в Махачкале съезд горских евреев — выходцев из республики. Он говорил мне: „Илья, необходимо сделать всё, чтобы возвратить наших братьев домой, в Дагестан. Нам нужна их поддержка. Они смогут реально помочь

нашим зарождающимся предпринимателям в развитии малого и среднего бизнеса на этой благословенной земле“».

Сегодня горские евреи проживают во многих странах мира: в Израиле, США, государствах Евросоюза, Канаде, Австралии, Китае, России и Азербайджане. В этих государствах они занимают активную жизненную позицию. Община имеет собственные печатные и электронные СМИ, которые издаются в Израиле («Новый рубеж») и США («Кавказская газета»). Они пользуются популярностью среди русскоязычных читателей, и мы могли бы организовать на этих площадках публикации об экономическом потенциале и инвестиционной привлекательности Дагестана и Северного Кавказа.

Уважаемый Сергей Алимович! Ну как не использовать такой колоссальный интеллектуальный и созидательный потенциал горских евреев, которые считают Дагестан своей родиной? Для меня, горского еврея, отец был и останется до последнего моего вздоха подобием Бога. Он похоронен в Дербенте, и кто-то под угрозой расправы имеет право запретить мне посещать его могилу?»

Следом за письмом руководителю Дагестана я отправил не менее прямое и жёсткое послание Главе Чеченской Республики:

«Уважаемый Рамзан Ахматович! Жизнь в Чечне испокон веков вращается вокруг семьи. И для горских евреев семейный очаг всегда являлся точкой опоры и главным источником вдохновения. Чеченцы и евреи — гонимые нации, это, по сути, одно племя свободолюбивых народов. Именно непоколебимая сила рода позволила нашим предкам выжить в тяжелейших условиях прошлых веков. „Единственные, кто не грабил дома депортированных чеченцев в Грозном, — вспоминали грозненцы после своего возвращения из ссылки, — были горские евреи“. Дом, имущество, близкие люди — это бесценный Божий дар, и верующие не имеют права нарушать законы Всевышнего.

Анализируя морально-этическую основу преступлений, совершённых 7 октября против израильтян и их семей, я просто не могу назвать нападавших людьми. Я до сих пор не нахожу ответов на вопросы: кто они были, откуда в них эта звериная жестокость и почему они совершили эти гнусные злодеяния против гражданских лиц, потрясшие сами основы человечности в Израиле?»

Я часто рассказываю эту историю друзьям. Однажды в самолёте, державшем курс на Тель-Авив, я тихо запел: «Ма омар раби Акива? Ху омар: ло лефахед клал!» Каково же было моё удивление,

когда все пассажиры до единого дружно поддержали меня, и эта священная песня громом загремела на весь салон, сотрясая воздух над облаками. А сегодня эта песня — гимн бесстрашных солдат ЦАХАЛа, которые прямо сейчас с автоматами в руках защищают нашу историческую родину.

Возвращаясь из недавней поездки в Дербент через Грозный, я увидел совершенно другую Чечню, возродившуюся из небытия. С нескрываемым интересом вглядывался в великолепные дороги, мечети, отстроенные посёлки и целые кварталы с богатыми домами. Я думал о том, что Рамзан прошёл через суровые испытания: он взял Чечню, разрушенную войной до основания, и превратил свою родину в процветающую республику, отстроив красавец-город Грозный. Он имеет полное право с чувством гордости и собственного достоинства сказать: «Я это сделал!»

Уважаемый Рамзан Ахматович! Почему же горские евреи не имеют права сделать Сдерот — город, где проживает множество ваших земляков, — таким же красивым и процветающим, как Грозный? У меня есть один прямой вопрос к моим землякам-кавказцам. Как бы поступили вы, если бы на ваших глазах жестоко истязали близких вам женщин: матерей, жён, сестёр, дочерей?

Я готов лично выступить перед уважаемыми собраниями настоящих кавказцев и в Махачкале, и в Грозном, чтобы растопить тот лёд недоверия, который внезапно возник между нашими свободолюбивыми народами».

Именно в такие критические моменты в жизни почему-то вспоминаются события, о которых хочется навсегда забыть, вычеркнуть из сердца, чтобы позорные случаи прошлого не отравляли сознание. В эти секунды душа словно оголяется, и в открытую рану мгновенно, как по цепочке, устремляются прежние, недолеченные обиды и шрамы. Я будто вновь оказываюсь в состоянии предельной внутренней тревоги — в той самой точке, где меня настигло предательство. Это прошлое просто откликается на боль настоящего.

Эта история произошла, когда я уже стал забывать, что такое операционный бизнес. К тому времени мне, доктору наук, периодически предлагали читать лекции для студентов старших курсов факультетов менеджмента и международной торговли — подобных направлений тогда было много в каждом университете.

Я никогда специально не готовился к своим выступлениям. Мне было достаточно привести несколько живых примеров из реальной практики, а затем совместно со студентами детально проанализировать слабые и сильные стороны моих тогдашних решений.

В то утро, как обычно, актовый зал был полон молодыми людьми с горящими глазами. «Да, совсем другая молодёжь пошла», — подумал я и медленно прошёлся внимательным взглядом по рядам, от первых кресел до самого конца галёрки. Придёт время, они обязательно откроют собственные дела, которые станут столь же успешными, как бизнес людей, чьи фамилии были у всех на слуху.

По своей давней привычке я начал приводить яркие примеры из личного опыта. Но вдруг один студент, даже не подумав спросить разрешения, резко встал со своего места и вызывающе, так, чтобы его отчётливо услышала вся аудитория, громко выкрикнул:

— Вот вы здесь пытаетесь рассказывать нам, как нужно и как нельзя делать бизнес... А вы сами хоть один божий день занимались предпринимательством?

В зале воцарилась гробовая тишина.

Я смотрел на него без малейшего удивления. «Вот и такие парни есть среди этой новой молодёжи, которые жаждут любой ценой обратить на себя внимание», — вмиг мелькнула мысль, и мне невольно вспомнился старый югославский фильм «Раны». Там парень из провинции рвался в Белград, но отец, понимая цинизм современного общества, даёт ему самый едкий и практичный совет: «Выступай везде, лезь на трибуну и только критикуй! Ничего не хвали, ругай всё подряд — только таких крикунов сегодня замечают и продвигают во власть».

— Вы знаете, друзья, — обратился я к притихшей аудитории, — я решил немного изменить ход нашей сегодняшней встречи. Я расскажу вам историю одного молодого человека, который начал очень ярко, но закончил позорно, превратившись в абсолютного неудачника.

Я красочно пересказал им сюжет картины, популярной во времена моей молодости, и лекция в итоге прошла на ура. Но главное — глядя на этого юного выскочку, я ощутил чёткое внутреннее озарение: буквально в пяти метрах от меня сидит точно такой же будущий предатель. Тот, кто в угоду собственному эгоизму и гордыне легко переступит через любого друга и бизнес-партнёра.

«Но почему этот парень, так нахально пытавшийся заявить о себе перед сокурсниками, никак не выходит у меня из головы?» — размышлял я. И тут в моём сознании мелькнула поразительная догадка: он ведь копия Рудика, у них даже фамилии почти созвучны!

Рудик давно умер. Пусть земля ему будет пухом.

Удивительно и страшно: такой крепкий, здоровый мужчина ушёл из жизни внезапно, не успев даже попрощаться с близкими. Мне до сих пор по-человечески жаль его — как-никак, мы провели бок о бок много лет, делили хлеб-соль. Но в самый критический, тяжёлый момент он меня предал. И из-за этой подлости я вполне мог поплатиться свободой.

Предатель не считает себя злодеем в момент совершения низости. Человеческий разум устроен так, что способен рационализировать и оправдать абсолютно любой свой гнусный поступок.

Низость не рождается в одну секунду. Это долгий, незаметный процесс мелких компромиссов со своей совестью. Сначала мужчина завидует по чуть-чуть, затем начинает мысленно взращивать ложные обиды, ловить шутливые замечания, а потом его сердце окончательно каменеет, заглушая тихий внутренний голос грохотом собственного эго. Человек начинает верить, будто в этом циничном мире ему можно всё, никто и ничто ему не указ.

Рудика я буквально подобрал на улице, когда он остался практически без средств к существованию. Вернее, он работал, но за мизерную зарплату механика в какой-то захудалой автоколонне. Надо отдать ему должное: он был отличным водителем и прекрасно разбирался в технике. «Как раз то, что мне нужно», — подумал я тогда и пригласил его в свою компанию.

Он всегда был неопрятно одет, хотя оставался весьма симпатичным мужчиной. Под ногтями вечно чернела полоска — не то от мазута, не то от отработанного машинного масла. Я часто подшучивал над ним: «Слушай, как ты такими руками обнимаешь свою классную, интеллигентную жену? Как она тебя, такого грязнулю, вообще допускает к постели?»

Ходил он в галстуке, нелепый конец которого едва доходил до пупка. Однажды я всё-таки не выдержал. Хотя вполне можно было пройти мимо, но этот вид меня просто раздражал.

— Этот кусок ткани тебе нужен для того, чтобы сморкаться в него? — в шутку спросил я его однажды. — Если нет, то ради Бога, перестань его носить!

Он не обижался. Да и как тут обижаться, если уже через день после его выхода на работу я положил перед ним коробку с деньгами и сказал: «Мой друг, пожалуйста, купи себе пару приличных костюмов, сорочки и дорогие туфли». В общем, выделил ему солидную сумму на полное обновление гардероба. Его собственный отец, узнав о моём щедром жесте, как-то горько сказал мне: «Зачем ты это сделал? Он всё равно предаст тебя».

Я был потрясен услышанным, но тогда, пребывая в эйфории от успешной жизни, просто не придал словам умудрённого опытом человека весомого значения — пропустил мимо ушей и вскоре забыл. «Не может он меня предать, ведь я, по сути, сделал его успешным бизнесменом при деньгах», — думал я тогда. И жестоко ошибся.

Это долгая история, способная занять целую главу, поэтому я решил сконцентрировать суть событий в нескольких абзацах.

Рудик присутствовал на всех моих встречах, связанных с поставкой оборудования и материалов для одной очень известной американской нефтяной корпорации. В то время американцы являлись крупнейшими закупщиками на рынке, поскольку в Западном Казахстане шло масштабное освоение Тенгизского месторождения нефти.

Вы не поверите, в те сумасшедшие годы наивные американцы практиковали даже предварительную оплату по договорам поставок. Для нас, привыкших к постоянным «кидаловам», это было крайне удивительно, и они, конечно, являлись нашими бесценными партнёрами в бизнесе.

Но вскоре в отделе закупок стали появляться русскоязычные менеджеры. Они работали совершенно по другим стандартам и начали потихоньку приучать поставщиков к откатным схемам под контракты. Вот на такого мерзавца мы и натолкнулись. Я прямо заявил ему: «Если ты не проведёшь честный тендер, я напишу высшему руководству о том, что ты вымогаешь поборы. Поверь, после этого тебя отсюда уже никуда не выпустят!»

Рудик находился рядом и слышал весь наш жёсткий разговор. И вот, чтобы я не привёл свои угрозы в действие, этот местный закупщик сыграл на опережение. Он написал рапорт в службу

безопасности — а это была мировая нефтяная корпорация! — заявив, будто я вымогаю приоритет для нашего коммерческого предложения.

Вскоре я уже и думать забыл об этом инциденте, как вдруг получил официальное грозное письмо. Служба безопасности компании требовала от меня немедленных объяснений, угрожая в противном случае инициировать уголовное дело.

Я не на шутку встревожился. Ехать к ним не рискнул: чёрт их знает, что наговорил этот деятель! Кто там станет детально разбираться, да и откуда у меня силы тягаться с мощнейшей системой транснациональной безопасности? Я составил короткое, предельно честное письмо, описав всё, как было на самом деле, и отправил им.

Слава Богу, они оказались профессионалами: во всём разобрались, выяснили правду и уволили этого коррумпированного сотрудника. Но, как говорится, осадок остался. На этом наше сотрудничество с этой корпорацией прекратилось.

А всего через месяц Рудик уходит от меня и создаёт собственную фирму. На встрече с руководством той самой корпорации он заявляет, что сам никогда никому не угрожал и вообще не понимает, о чём речь, а Азарьев, мол, мог сгоряча наговорить лишнего, что и было воспринято как угроза. Об этой подлости я узнал совершенно случайно, когда один знакомый мимоходом заметил: «Рудик сейчас делает крутые дела в той конторе, куда ты его за шиворот ввёл».

Что ж, дело прошлое. Клянусь куском хлеба: я не держу на него зла. Но наблюдая за тем, как близкий человек, деливший с тобой хлеб-соль, сознательно идёт на низость ради денег или из слепой зависти, невозможно не искать ответ: почему он решился на это? В какой именно момент он сломался и ступил на этот разрушительный путь? Человеческие пороки никто не отменял.

Как закрыть дыру в руководстве фирмы и при этом не впустить в свой дом волка? Что выбрать: взять человека из близкого круга или случайного попутчика, чтобы спасти процессы прямо сейчас, но пойти на колоссальный риск будущего удара в спину? Или же никому не доверять, проверяя людей годами, но тогда потерять темп и упустить масштабные возможности?

В эпоху зарождения капитализма новоявленные коммерсанты не задумывались о том, долго ли продлится эта «малина». У них не было времени на подготовку квалифицированных кадров, да они и не понимали тогда, как это нужно делать. Вот и брали к себе в

помощники тех, кто подвернулся под руку: с кем когда-то дружили, вместе ходили по девчонкам или играли в карты.

ГЛАВА 29

Вопрос о смене места жительства периодически возникал перед отцом, но каждый раз мама стояла горой против этих поползновений. Она была против переезда не только в Россию, но и в любые другие республики Советского Союза.

Был момент, когда двоюродный брат Рафик почти уговорил отца перебраться в Волгоград. И подходящая работа была найдена, и дом мы выбрали прекрасный — с большим садом во дворе, недалеко от центра города. Недвижимость в то время стоила дёшево, не то, что сейчас. Многие мои знакомые с ужасом думают о том, как им придётся решать жилищный вопрос для своих подрастающих детей. Но твёрдое вето мамы и на этот раз полностью сорвало наши грандиозные планы. Я часто напоминал ей о том непонятном упорстве, а она в ответ молча отмахивалась от расспросов.

Отец не принадлежал к тому типу людей, которые органически не могут долго оставаться на одном месте, — у него был устойчивый круг верных товарищей, дружбой с которыми он дорожил. Но и к нему приходили мысли сменить обстановку. Для сильного мужчины стабильность без вызова со временем начинает казаться ментальной тюрьмой. Жажда новизны в те годы — не каприз, а крик души, которой требуется просторное жизненное пространство для реализации потенциала.

Эта страстная, непреодолимая тяга к переменам изначально заложена и во мне. Не знаю, возможно, она передалась от отца, но скорее всего — от самого Творца. Я мог, не задумываясь о последствиях, спокойно в самый разгар коммерческого триумфа бросить отлаженное дело, приносившее достойный доход, и без лишних колебаний начать всё с нуля.

Партнёры в недоумении крутили пальцем у виска:

— Илюха, ты сумасшедший! Что ты ищешь? Чего тебе не хватает, почему ты снова и снова затеваешь новые проекты?

Иногда мне кажется, что именно этот необузданный характер, вечно требовавший движения вперёд, и стал главной преградой, которая не позволила в будущем создать собственную крупную компанию.

Мой прежний деловой партнёр, один из ведущих бизнесменов Поволжья и владелец агрохолдинга «Сады Придонья», во время обзорной экскурсии, устроенной для гостей в честь юбилея компании, с гордостью показывал прекрасно ухоженные, уходящие за горизонт ряды яблоневых посадок.

«Ему есть чем гордиться», — думал я, глядя на эти бескрайние плантации, искренне восхищаясь результатами труда человека, который ещё двадцать лет назад был рядовым агрономом. За прошедшие годы он сотворил настоящее экономическое чудо.

Его триумф стал для меня живым укором из-за собственного провала, а ведь у меня когда-то были все возможности для того, чтобы стать яркой деловой звездой в регионе. Упущенный потенциал, гордыня и самовлюблённость привели к тому, что я с восторгом, затаённой горечью наблюдал за успехом человека, с которым в свое время начинал на одном уровне. Вглядываясь в эти стройные ряды деревьев, я невольно вспомнил нашу первую встречу с Андреем. Моё сознание плавно провалилось в прошлое, и взаимосвязанные картинки из ушедшей жизни чётко проявились передо мной.

Я видел эти сады, залитые водой, и мне казалось, будто яблоневые кроны парят в небе, а вокруг них медленно и буднично проплывают белоснежные облака. Тогда я и сделал своё первое предложение Самохину.

— Надо использовать капельное орошение для полива садов, — посоветовал ему.

— Да, конечно, — отреагировал он дерзко и, взяв паузу, продолжил: — Вы, израильтяне, держите нас, наверное, за лохов, думая, что мы готовы выложить деньги за ваши вздорные предложения.

Немного поразмыслив, он сделал мне ответное предложение: — Если ты считаешь, что ваше хвалёное капельное орошение — действительно эффективный метод полива, докажи мне на деле, а потом мы обсудим дальнейший ход событий. Возьми пятьдесят гектаров и сделай на них систему за свой счёт. Понравится результат — я всё оплачу.

Я ему поверил, он сдержал слово: оплатил с лихвой. Сегодня более восьми тысяч гектаров садовых насаждений в «Садах Придонья» орошаются с помощью капельного полива.

Если «Сады Придонья» своё экономическое восхождение начали на заре двухтысячных годов, то хлопчатобумажный комбинат в городе Камышине Волгоградской области в ту пору уже являлся крупнейшим предприятием на всём постсоветском пространстве. Ежегодно он перерабатывал свыше ста тысяч тонн хлопка, а трудилось на нём в период расцвета около двенадцати тысяч человек. С развалом Советского Союза в 1991 году экономические связи между бывшими братскими республиками оказались разрушены, и возникли, казалось, непреодолимые проблемы с поставками сырья на российские текстильные фабрики.

В России невозможно было представить, что флагман отечественной текстильной промышленности прекратит своё существование и поставит целый город на грань банкротства. В основе этой глобальной катастрофы лежал жесточайший дефицит сырья. Нехватка хлопка, в свою очередь, была связана с резким изменением стоков рек, берущих начало на Памире. Эти водные артерии оставались единственным источником для выращивания «белого золота» — важнейшей отрасли сельского хозяйства среднеазиатских республик.

Что необходимо для того, чтобы вырастить хлопок? Земля, вода и солнце. Земли и солнца вполне достаточно в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане, а вот воды крайне мало или почти нет. Вода в Центральной Азии — это главный стратегический ресурс и ключевое условие существования.

Ситуация с водоснабжением в Средней Азии будет лишь усугубляться. Вода, являясь важнейшим сырьём для выращивания хлопчатника, уже сегодня стала полноценным товаром и, соответственно, стоит немалых денег. В России процессам деградации и опустынивания сейчас также подвержено от восьмидесяти до ста с лишним миллионов гектаров земель. Из них огромная часть приходится именно на южные рубежи страны — Астраханскую и Волгоградскую области, Ставрополье, Дагестан и, конечно, Калмыкию. Хрестоматийные «Чёрные Земли» в Калмыкии и Кизлярские пастбища на севере Дагестана уже превратились в настоящую антропогенную пустыню.

Герберт Маркузе предсказывал, что к середине XXI века войны за воду, пищевые и энергетические ресурсы полностью вытеснят классовые битвы. Воевать будут за саму возможность выжить. Для того чтобы регион смог уцелеть до середины столетия без разрушительных конфликтов, руководству республик Центральной Азии требуется решить несколько неотложных стратегических задач: демографическое регулирование, жесточайшая экономия влаги через капельное орошение и признание воды полноценным экономическим ресурсом.

Удивительное настало время: нефть унижена, но вода имеет только одну тенденцию — её значимость будет повышаться с каждым днём. Политикам в республиках Центральной Азии пора обернуться на север. Там текут реки, безвозвратно уносящие свои колоссальные объёмы в Северный Ледовитый океан. Нет никакой нужды поворачивать эти водные артерии вспять — достаточно провести современные магистральные водоводы, ведь навыки строительства крупных нефте- и газопроводов сегодня есть и в России, и в среднеазиатских государствах.

Кризисная ситуация мощно и убедительно напомнила миру о том, что базовой политической и экономической единицей выживания по-прежнему остаётся суверенное государство. Одно можно сказать с абсолютной уверенностью: всё это неизбежно приведёт к масштабным тектоническим переменам в сознании лидеров, ответственных за социально-экономическую жизнь своих народов.

Но тогда, в начале двухтысячных, Камышинский ХБК не мог ждать глобальных политических решений. Комбинат задыхался без сырья, рабочие требовали зарплат, и именно в этот переломный момент судьба свела меня с руководством промышленного гиганта.

А началось всё совсем случайно. В то время, как многие горские евреи на Северном Кавказе, я владел двумя крупными швейными фабриками, и все материальные ресурсы — включая такой редкий в те годы вельвет — получал от Веселкова Виктора Тимофеевича, коммерческого директора комбината. Отгружая вагонами востребованные ткани, он никогда не требовал предоплаты, а взамен просил лишь об одном: бесперебойно обеспечивать предприятие продуктами питания, в особенности сливочным маслом и сухим молоком. Это был руководитель высочайшего масштаба — позже он возглавил крупное прядильное производственное объединение под Москвой.

Клянусь куском хлеба: за всё время нашего сотрудничества он ни разу, даже самым тонким намёком, не дал мне понять, что его нужно каким-то образом материально вознаградить за такое доброе, доверительное отношение! Всё держалось исключительно на чистой мужской дружбе, чести и взаимной верности взятым на себя обязательствам.

Я ни разу лично не обратился к Веселкову с просьбой познакомить меня с генеральным директором. Лишь однажды мельком заикнулся об этом, на что Виктор Тимофеевич в очень мягкой форме ответил: «Илья, зачем тебе это? Я разве не решаю твои вопросы?» — а затем, помолчав, негромко добавил: «Она в курсе наших деловых отношений». Он говорил тихо — это была манера разговора руководителей самого высшего ранга, абсолютно уверенных в своей железной правоте, внутренней силе и непререкаемом авторитете.

С полуоборота поняв Виктора Тимофеевича, я больше не инициировал свою необдуманную затею по поводу встречи с Лидией Ивановной. В мире серьёзных деловых отношений существовал свой строгий, негласный кодекс чести: если коммерческий директор гарантировал стабильность и держал мужское слово, прыгать через его голову к первому руководителю было бы непростительным проявлением неуважения.

Однажды при моём очередном появлении на комбинате Виктор Тимофеевич сказал мне: «Наша мама Лида изъявила желание лично с тобой познакомиться». И уже через пять минут я стоял в её просторном кабинете. Передо мной была властная, невысокая женщина с аккуратно уложенной причёской, где пряди лежали волосок к волоску. Её глубокие, серо-голубые глаза, обрамлённые мягкими морщинками-лучиками, являлись самой сильной деталью облика. В них не виделось ни высокомерия, ни злости, но от этого проницательного взора невозможно было ничего утаить.

Я — молодой, успешный, статный мужчина, владелец швейных фабрик — стоял перед ней, абсолютно уверенный в себе. В какой-то момент я поймал её удивлённый взгляд: мне показалось, что это был интерес искренне заинтригованной женщины. Предложив чай, кофе и воду, Лидия Ивановна уважительно назвала меня по имени-отчеству и попросила рассказать о себе, об отце, матери и о том, как я оказался в Волгограде.

Как на духу, я подробно рассказал обо всём. Но когда произнёс сокровенные слова: «Моя мама — детдомовская», Лидия Ивановна как-то сразу оживилась, в глазах её блеснул особенный свет, и она с глубоким чувством произнесла: «Надеюсь, мама жива?» После завершения этой тёплой, искренней встречи она повернулась к Виктору Тимофеевичу и попросила его подробно ввести меня в курс дела — рассказать, чего именно они хотели бы от меня добиться в плане снабжения комбината хлопком.

Пишу эти строки, а сам невольно думаю: наверное, все эти великие люди сейчас сидят там, высоко на небесах, вместе за одним большим столом... Кто-то из них неспешно пьёт горячий чай, кто-то — прозрачную водку, но, ведя свою вечную, мирную беседу, они непременно вспоминают меня добрым и тёплым словом.

Волгоградская область в промышленных масштабах хлопок не выращивала, поэтому Камышинский ХБК полностью зависел от союзных республик Средней Азии. Мало кто помнит, но в истории страны существовал первый, сталинский эксперимент тридцатых-пятидесятых годов прошлого века, когда стартовала масштабная государственная программа по выращиванию «белого золота» в Сталинградском крае, Калмыкии, Астрахани и на Ставрополье. Советский Союз тогда отчаянно стремился к полной хлопковой независимости от импорта. Собственных среднеазиатских объёмов ещё не хватало, и Госплан приказал сеять хлопчатник на неполивных, суходольных угодьях юга РСФСР.

К 1935 году посевы в Сталинградской области пропалывали по три-четыре раза, и колхозы даже начали собирать первые неплохие урожаи. С началом Великой Отечественной войны эти работы прекратились — приволжские и кубанские поля были выжжены фронтом и экстренно перепрофилированы под стратегическое зерно. А после победы, в начале пятидесятых годов, руководство СССР приняло волевое политическое и экономическое решение — полностью свернуть южнороссийское хлопководство и перенести весь конвейер в Среднюю Азию: Узбекистан, Туркмению и Таджикистан. В тех краях климат являлся идеальным, было много солнца, а главное — там за счёт колоссальной мобилизации сил построили огромные искусственные оросительные системы. Про южный хлопок в России забыли более чем на полвека, и поставки на комбинат пошли исключительно из этих республик

После распада СССР в тысяча девятьсот девяносто первом году устоявшиеся союзные связи порвались в один миг. Россия в одночасье оказалась в стопроцентной зависимости от капризов и цен новоявленных среднеазиатских поставщиков. Знаковым для нашего региона стал две тысячи шестой год, когда учёные Волгоградского государственного аграрного университета совместно с узбекскими селекционерами начали разработку уникального, ультраскороспелого сорта хлопка, способного созревать за короткое и капризное местное лето. Уже в две тысячи пятнадцатом году на волжской земле собрали первый экспериментальный промышленный урожай хлопка. Наш Волгоград тогда официально объявили самой северной точкой хлопководства в мире, а позже масштабный проект «Хлопок Руси» подхватили на Ставрополье, в Астрахани и Дагестане.

Однако буквально в недавнее время эти амбициозные программы на юге России начали стремительно сворачивать и закрывать. В Дагестане, Астрахани, Ставрополье фермеры массово прекратили высаживать хлопчатник. Причины оказались сурово экономическими. Прежде всего сказалась катастрофическая нехватка воды и засуха: хлопок — безумно «жадное» до влаги растение, а климат в Поволжье в последние годы стал аномально засушливым. Без мощного, дорогостоящего искусственного орошения, которого в должном объёме просто не было, капризная культура на наших землях не выживала.

Свою роковую роль сыграло также полное отсутствие отечественной техники и инфраструктуры. В России нет своих хлопкоуборочных комбайнов и хлопкоочистительных фабрик. Закупать же импортное высокотехнологичное оборудование из-за жёстких санкций и кризиса стало для наших фермеров экономически неподъёмно. Бизнесу оказалось гораздо проще и выгоднее по-прежнему покупать готовое волокно за рубежом, чем вкладывать миллиарды в рискованное аграрное производство на волжских или кубанских угодьях. Программа возрождения хлопководства разбилась о суровые и циничные законы рынка.

Откуда я столь глубоко знаком со всеми тонкостями этого сложнейшего вопроса? Всё очень просто, и я говорю об этом с законной гордостью: я не просто описываю абстрактное историческое событие, а лично стоял у самых истоков этого грандиозного дела. Именно моя компания, которая на протяжении многих лет масштабно занималась капельным орошением на юге России, и являлась главным

духовным, организационным и технологическим идеологом выращивания отечественного хлопка в нашем регионе на основе передовых систем капельного полива.

Пытаясь найти ключи к решению этой амбициозной государственной задачи, я привлекал на наши поля ведущих мировых специалистов — хлопководов из Израиля, съевших собаку на аграрных чудесах в пустыне. Однако, детально изучив климатические условия Нижней Волги, они вынесли однозначный, суровый вердикт: в нашем регионе критически не хватает интенсивности светового дня для полноценного созревания этой капризной культуры. Против законов природы и географического положения земли оказались бессильны даже самые передовые технологии.

Нас подводило солнце, в то время как в Средней Азии главной проблемой всегда оставался жестокий дефицит влаги. Позже история покажет, на какие колоссальные, тектонические шаги приходилось идти азиатским республикам ради спасения своего «белого золота». Достаточно вспомнить грандиозную стройку в Туркмении — создание гигантского искусственного озера «Алтын Асыр» прямо посреди пустыни Каракумы, которое наполнялось исключительно за счёт сбора ливневых, дренажных и паводковых стоков со всех полей страны.

ГЛАВА 30

Сколько в те годы было яростных разговоров и скрытых споров на эту тему! И узбеки, и таджики, и казахи выступали критически против возведения этого искусственного водоёма, открыто считая, что туркмены попросту обкрадывают соседей, перехватывая общие коллекторно-дренажные, паводковые и ливневые русла. Вода в этих засушливых краях всегда оставалась главной разменной монетой большой политики, и амбициозный проект Ашхабада лишь усугублял глухую вражду в регионе.

Этот эгоистичный шаг поставил центральноазиатский узел в один ряд с самыми опасными точками планеты — вроде затяжных споров Турции с Ираком за Евфрат, многолетнего противостояния

Эфиопии с Египтом за великий Нил и ожесточённых ближневосточных конфликтов вокруг Голанских высот, чьи стратегические реки несут пресные воды в озеро Кинерет в Израиле.

За глянцевым фасадом грандиозной туркменской стройки скрывалось чудовищное, государственного масштаба очковтирательство. Руководители республики, пытаясь во всём угодить безумным амбициям Сапармурата Ниязова — грозного Хозяина и «отца народа», — шли на откровенный подлог. Настоящим символом этого системного обмана стал Еллы Курбанмурадов, могущественный вице-премьер, курировавший аграрный сектор. Ради ублажения вождя чиновники завышали объёмы собранного урожая хлопка на миллионы несуществующих тонн!

В итоге, когда грандиозная афера вскрылась, некогда неприкасаемый первый зампред кабинета министров был с позором низвергнут со своего олимпа и осуждён на четверть века. Настолько страшной, кровавой и фальшивой порой оказывалась изнанка этого среднеазиатского «белого золота».

Я был знаком с Еллы Курбанмурадовым. Именно по его прямому поручению я выступал с докладами о внедрении капельного орошения перед руководством Ашхабадского университета и хакимами областей. Однажды в личной беседе он мимолётом бросил мне стратегическую идею: «Хорошо бы, если бы ты подготовил на Президента Ниязова официальное письмо, а куда его направить дальше — я тебе подскажу. Нам нужно во что бы то ни стало выходить с нашими товарами на российский рынок, иначе мы в Туркмении, рискуем затовариться собственными урожаями». В этих словах влиятельного вице-премьера читалось чёткое понимание реального положения дел: без выхода на большую Россию амбициозные аграрные проекты республики были обречены на внутренний тупик.

Письмо было подготовлено и вскоре появилось на первой полосе самой влиятельной русскоязычной газеты страны — «Нейтральный Туркменистан».

В этом обращении я писал:

«Уважаемый Сапармурат Атаевич! Вы на заседаниях Кабинета министров Туркменистана часто отмечаете, что любой товар, даже самый качественный, необходимо уметь продавать. В современном мире это целая наука, которую следует как можно скорее постигать и брать на вооружение применительно к условиям нашей республики.

Темпы экономического подъёма Туркменистана настолько велики, что может возникнуть ситуация, когда из-за отсутствия возможности реализации всей производимой продукции предприятиям страны придётся снижать масштабы выработки.

Вы также отметили, что недопустимо даже самое незначительное падение заданных параметров, так как это мгновенно скажется на темпах промышленного роста государства в целом. В этой связи именно дальнейшее расширение и усовершенствование внешнеэкономической деятельности министерств и ведомств является ключевым вопросом сохранения высокой динамики роста валового внутреннего продукта.

Уважаемый господин Президент, мы готовы оказать важную помощь быстроразвивающемуся агропромышленному комплексу и текстильной отрасли Туркменистана в продвижении товаров на ёмкий рынок Российской Федерации. Более того, мы готовы организовать информационные и маркетинговые центры для эффективного вывода продукции туркменских предприятий в Израиль, США, Евросоюз и на другие международные площадки на базе собственных печатных и электронных СМИ диаспоры горских евреев, проживающих в этих странах и занимающих активную жизненную позицию.

С уважением, доктор Ильясаф Азарьев».

Пишу об этом спустя многие годы, а сам ловлю себя на мысли: черта с два кто-нибудь со стороны поверит, что такое было возможно! Но на самом деле это опубликованное письмо произвело эффект разорвавшейся бомбы — мгновенно открыв передо мной двери кабинетов ключевых нефтегазовых министерств и компаний республики. Наши взаимоотношения с Еллы Курбанмурадовым после этого стали ещё более тесными и доверительными. Я до сих пор глубоко и искренне сожалею, что судьба этого незаурядного человека, обладавшего масштабным государственным умом, оборвалась так трагично и жестоко на самом взлёте.

Хочу рассказать ещё одну удивительную историю, которая до сих пор во всех подробностях сохранилась в моей памяти. В Туркменистане ежегодно проводят примечательный государственный праздник — День дыни. В тот день все утренние и полуденные часы я провёл вместе с Еллы Курбанмурадовым. Он даже лично познакомил меня со знаменитым туркменским селекционером, чьи уникальные сорта славились на всю республику. Как обычно бывает на подобных масштабных мероприятиях, время было заполнено официальными

встречами, которые сопровождались обильными обедами. В гостиницу я вернулся совершенно измотанным, в одиннадцать часов вечера.

И едва стал готовиться ко сну, как в дверь номера постучали. Открыв её, я буквально замер от неожиданности: в проёме стоял личный водитель Курбанмурадова. Я даже испугался — не случилось ли чего страшного за тот короткий час, что мы расстались? Водитель виновато посмотрел на меня и тихо произнёс: «Шеф прислал за вами, приглашает на ужин в ресторан». Я ещё подумал про себя: какое заведение в Ашхабаде способно работать в такой поздний час, когда в городе всё находится под жесточайшим контролем? Но делать было нечего, пришлось подчиниться воле Еллы.

Мы ехали минут двадцать-двадцать пять. Когда машина остановилась у скрытого от посторонних глаз, но сверкающего огнями ночного ресторана, я застыл от изумления. Гудёж стоял в самом разгаре — мне на мгновение показалось, что я чудесным образом перенёсся из закрытого Ашхабада в знаменитую Марину в Герцлии, в её лучшее ночное заведение на самом берегу моря! И что самое интересное: за роскошными столами сидели весёлые компании мужчин в окружении чудесных женщин, приехавших сюда из западных регионов бывшего СССР.

Однажды Еллы Курбанмурадов попросил меня глубоко проанализировать возможность использования воды уже построенного водохранилища. Результаты наших изысканий оказались просто катастрофическими. Чтобы очистить и полноценно использовать эту воду для орошения хлопковых полей, понадобилось бы до тысячи долларов на один кубический метр прямых затрат! Это авторитетное экспертное заключение выдали нам лучшие специалисты водного хозяйства Израиля, на корню разбивая иллюзии туркменского руководства об эффективности их «рукотворного моря».

Хлопковые поля в погоне за дутыми планами беспощадно заливались пестицидами и химическими удобрениями ради одной-единственной цели — выжать из отравленной, измученной земли максимум, на который она вообще была способна. В сезон дождей вся эта ядовитая химия неминуемо стекалась в чашу водохранилища. В итоге рукотворное озеро превратилось в настолько опасный, мёртвый химический отстойник, что его впоследствии панически избегали даже перелётные птицы.

Оглядываясь назад на трагическую судьбу Курбанмурадова, бесследно сгинувшего в казематах секретных тюрем, я чувствую глубокую, щемящую грусть. А ведь он был умнейшим человеком и верно, до самого конца служил своему Хозяину, отдав все силы и колоссальный интеллект служению этой азиатской хлопковой империи. Но в жестоких лабиринтах восточной тирании верность и ум слишком часто оказывались разменяны на четверть века тюремного безмолвия, а человеческая жизнь — безжалостно растоптана ради мифических миллионов тонн «белого золота».

О многих знаковых событиях тех лет в Туркмении я подробно поведал в своей книге «Воспоминание о будущем», но на эти страницы посчитал важным занести именно те вехи, которые были неразрывно связаны с этим незаурядным человеком, когда-то незаметно и так трагически ушедшим из моей жизни.

Описывая этот скрытый от чужих глаз кошмар, я невольно вспоминаю и знаменитого писателя Адиля Якубова. Он был одним из первых, кто в своих пронзительных романах на глазах у всего Союза открыто и дотошно описал всю эту страшную хлопковую мафию, каменеющие сердца чиновников и трагедию обманутого народа. Могу со всей гордостью сказать: я был лично знаком с этим великим мастером слова.

Якубов со всей мужской честностью и строгостью описал, как каждую осень города Узбекистана буквально пустели. Всю студенческую молодёжь, парней и девчонок, прямо с лекций и учебных скамей под жёстким партийным давлением эшелонами вывозили в раскалённую степь, на хлопковые плантации.

Эта каторжная, изнурительная уборка вручную продолжалась неделями и месяцами — вплоть до глубокой осени, до ледяных ветров и первых снегопадов, когда замерзающие студенты продолжали собирать из-под белого покрова потемневшие коробочки «белого золота», чтобы чиновники в кабинетах могли закрыть свои дутые планы перед Хозяином Узбекистана — всемогущим властелином многомиллионного народа.

Понадобились десятилетия жёсткого давления мирового сообщества, чтобы эта каторжная машина наконец остановилась, а принудительный труд на полях навсегда ушёл в прошлое. Описывая этот скрытый от чужих глаз кошмар, я с глубоким трепетом смотрю на старую дружескую фотографию: на ней я, молодой учёный, сижу плечом к плечу с великим Адилем Якубовым — человеком, который

нашёл в себе мужество первым вытащить всю эту страшную хлопковую мафию на суд истории.

Однако если я не расскажу вам ещё один примечательный случай, то вся масштабная история со среднеазиатским хлопком останется незаконченной. Как я упоминал ранее, в те годы мы в Кульсарах строили крупную швейно-трикотажную фабрику на двести рабочих мест. Мне регулярно приходилось лично инспектировать ход этого строительства, добираясь на автомобиле из Волгограда в Атырау, а оттуда — уже на юг, прямиком в Кульсары.

Во время этих долгих поездок по степным трассам я невольно обратил внимание на огромное количество фур. Они шли сплошной, неразрывной колонной, напоминая бесконечный товарный поезд, движущийся со стороны Узбекистана в направлении Астрахани. А вот куда именно дальше они держали свой тайный путь, я рассказывать не стану — иначе навлеку на себя лишние судебные разбирательства, а они мне сейчас, на закате лет, совсем не нужны.

«Ну ладно, — думал я тогда про себя, — в Узбекистан эти большегрузы могли везти импортное оборудование и фабричные комплектующие». Но что именно они умудрялись везти в обратном направлении? Не могли же они порожняком, абсолютно незагруженными, проделывать этот тяжелейший обратный путь длиной почти в две с половиной тысячи километров! Это противоречило любым законам логистики, экономики и простого здравого смысла.

Ответ на этот загадочный вопрос открылся совершенно внезапно. На одном из крутых поворотов трассы я увидел свежую перевёрнутую фуру. Вокруг неё, прямо на разбитом асфальте и степной обочине, тут и там сиротливо раскидались тысячи новеньких катушек с хлопчатобумажной нитью. В этот миг я всё понял: именно так, через бескрайние степные дороги и кружные, серые маршруты, среднеазиатский хлопок, переработанный в нить, ловко уходил от жёстких международных санкций. Они продолжал тайно снабжать текстильный конвейер — той самой страны, куда в начале девяностых со всей России лавиной двинулись полчища первых челночников.

Как-то за обедом в гостевой столовой на комбинате я подробно рассказал Виктору Тимофеевичу Веселкову об этом степном эпизоде с перевёрнутой фурой, прямо предупредив его: если они немедленно не подсуетятся и не перестроят логистику, предприятие в самый критический момент рискует полностью

остаться без узбекского сырья. Видимо, поражённый этой новостью коммерческий директор впоследствии во всех деталях пересказал нашу беседу генеральному директору. Именно эта оперативная весть со степных дорог, как я теперь понимаю, и послужила истинной причиной моей столь неожиданной и знаковой встречи с Лидией Ивановной Рыбянченко в её просторном кабинете.

— Ты же кавказский еврей, — сказал Виктор Тимофеевич, пристально взглянув мне в глаза. — Они в Узбекистане доверяют вашему брату. А с твоим южным менталитетом и умением глубоко чувствовать и понимать их представления о делах мы сможем сдвинуть эту проблему с места.

Этот короткий разговор произошёл, между нами, сразу после завершения встречи с Лидией Ивановной. Я не стану вдаваться в тонкости сложнейших отношений между руководством Камышинского ХБК и хакимами Ферганской и Бухарской областей Узбекистана, которые в итоге позволили комбинату бесперебойно и равномерно работать долгие годы. Благодаря этой миссии я стал критически нужным человеком на предприятии и на этой почве даже заимел ярого противника в лице первого заместителя Лидии Ивановны.

Я его понимал: конечно, ему не хотелось видеть во мне явного конкурента в решении глобальной проблемы комбината. По сути, вопрос стоял за близость к Лидии Ивановне, от которой полностью зависело, кто станет ключевой фигурой в обеспечении предприятия важнейшим сырьём.

Мой авторитет в администрациях этих регионов Узбекистана был настолько высоким, что меня ни на одну минуту не задерживали в приёмных. Однажды во время очередного моего визита в Бухарскую область, когда все принципиальные деловые задачи были успешно обговорены, Хаким уважительно обратился ко мне: «Илья, прости, сегодня я лично не смогу пообедать вместе с вами. Но я попросил своего младшего брата сопроводить тебя. Он уже дожидается в приёмной».

По дороге в ресторан наши радушные хозяева ненадолго притормозили у магазина и через пару минут вышли оттуда, бережно неся в руках два ящика экспортной «Посольской» водки». Вскоре перед нами открылось огромное, невероятно красивое естественное озеро Тодакуль. Вода в нём была прозрачная, чистая, её справедливо называют «Бухарским морем». На побережье в те годы находились

закрытые ведомственные базы отдыха, пляжи и престижные загородные заведения. Вот в одно из таких чудесных мест мы и заехали, где нас уже ожидали.

Мы сели за большой круглый мраморный стол, щедро накрытый фруктами и изысканным чайным сервизом. Нас встречало изобилие варений из кизила, грецкого ореха, инжира и абрикоса, соседствовавшее с сочными, только что нарезанными дольками прохладного арбуза и сахарной дыни. Вне всякого сомнения, в этих благословенных краях стоит побывать каждому из вас, дорогие читатели, чтобы прочувствовать вековое гостеприимство. Как только мы расположились, молодые парни-официанты услужливо принялись наливать нам свежий горячий чай, мягко приглашая отведать сладких плодов благодатной земли древней Бухары.

«Слава Богу! — подумал я, видя всё это изобилие. — Значит, у нас будет культурный чайный стол». Но пока мы неспешно пили чай и ели свежие фрукты, наши проводники — их было трое парней — уже незаметно одолели пару бутылок водки.

Через полчаса на столе появился огромный поднос с дымящимся бухарским пловом, щедро усыпанным янтарным изюмом и курагой. Местная кухня нас попросту поразила и ещё долго не отпускала из своих цепких, гостеприимных объятий. Следом подали олатскую самсу — знаменитые конверты из тончайшего пресного теста, внутри которых скрывалось очень много сочного рубленого мяса с луком и спелыми томатами, дающими потрясающий, бьющий брызгами сок при первом же укусе.

Попробовали мы и вагури — излюбленное праздничное мужское блюдо бухарцев, где нежнейшие кусочки мяса молодого ягнёнка сначала быстро обжариваются в раскалённом масле до хрустящей корочки, а затем долго тушатся на пару с большим количеством лука и специй, отчего вкус получается невероятно насыщенным. Но особенно мне запомнился легендарный гиждуванский шашлык — самый знаменитый во всём Узбекистане. Это крупно рубленный, невероятно сочный фарш из отборной баранины с добавлением курдючного жира. Его секрет крылся в многократной заморозке и выбивании мясной массы, из-за чего она на шампурах получалась нежной и буквально таяла во рту.

И конечно же, на столе присутствовал знаменитый Оши-Саво — традиционный субботний хамин и главный кулинарный памятник бухарских евреев. Это праздничное кушанье всю ночь томили в печи

на углях, и его слои риса, нежного мяса, маша и сухофруктов за часы ожидания обменивались ароматами, приобретая неповторимый кисло-сладкий, благородный вкус.

Глядя на этот бухарский шедевр, я невольно вспоминал наш родной горско-еврейский Халим, который мама точно так же томила до самого утра к субботнему дню на Слободке. Но если бухарские братья делали упор на рис, маш и сладость сухофруктов, то наш дербентский Халим покорял строгой мужской сытностью разварившейся пшеницы и нежнейшего мяса на косточке, превращаясь за ночь в единый благоухающий монолит. Две разные кухни, две разные географии, но один и тот же вековой закон предков, объединявший за гостеприимным столом людей с разной верой.

Для тех, кто не знаком с тонкостями восточной кухни, поясню: маш — это мелкие, овальные бобы ярко-зелёного цвета. На Кавказе и в Средней Азии они ценились на вес золота за свою сытность и способность придавать наваристым праздничным блюдам особый, ни с чем не сравнимый нежный вкус.

В итоге под эту царскую закуску и честный разговор мы, пятеро мужчин, одолели целых два ящика водки, и при этом никто из нас даже глазом не моргнул! Водка была настоящая, элитная, «Посольская», её качество гарантировал знаменитый московский завод, а чистота наших помыслов и взаимное уважение лишь крепли с каждым новым тостом.

Завершая этот шикарный обед за пиалой ароматного чая, я, не задумываясь, с улыбкой произнёс, обращаясь к брату хакима:

— Ладно мы евреи — нам сам Господь Бог велел пить вино. Но вы, мусульмане? В вашем священном Коране строго-настрого запрещено употреблять хмельное. Кто вас научил пить водку, да ещё и в таких огромных дозах?

Наши хозяева удивлённо посмотрели друг на друга и через секунду взорвались дружным смехом. Отсмеявшись, брат хакима хитро прищурился и ответил:

— Э-э, Илья, дорогой! К вину нас приучил великий Омар Хайям, а к водке — россияне!

ГЛАВА 31

Волгоград в семидесятые годы прошлого века был цветущим, монументальным, передовым промышленным и культурным центром СССР, который как раз в это десятилетие окончательно обрёл свой величественный парадный облик. К этому времени уже полностью были залечены раны Великой Отечественной войны, и легендарный мегаполис на Волге превратился в образец советского модернизма. Миллионы туристов со всего мира и бесконечные официальные делегации непрерывным потоком шли к монументу «Родина-мать зовёт!».

Центральная набережная являлась излюбленным местом прогулок. Её знаменитая пропилея, построенная после войны как главный торжественный вход в город со стороны Волги, откуда прибывали все теплоходы и гости, белоснежные террасы и широкие лестницы, спускающиеся к реке, утопали в зелени. Вечерами здесь гуляла молодёжь, звучала музыка, а воздух пах речной свежестью и цветущими розами.

Несмотря на суровый рабочий ритм, город умел красиво и шумно отдыхать. Главным символом роскоши, деловых встреч и статусных застолий был легендарный ресторан «Волгоград» на площади Павших Борцов, где собиралась вся местная элита: партийные руководители, прокуроры и директора заводов. Попасть туда вечером считалось огромной удачей, а кухня под руководством лучших мастеров — каким и был мой кузен Рафик — гремела на всю область.

Прекрасно помню громкое уголовное дело — знаменитый «процесс 26 бакинских комиссаров», когда прямо у парадного входа в ресторан следователи КГБ устроили облаву и взяли под арест крупную, сплочённую группу подпольных дельцов-цеховиков. Название это родилось среди волгоградцев мгновенно и с горькой обывательской иронией. Теневой союз состоял преимущественно из предприимчивых выходцев из Закавказья, в основном армянской национальности, а количество ключевых фигурантов, севших в итоге на скамью подсудимых, как раз составляло двадцать шесть человек.

Эта группировка представляла собой яркий тип начинающих предпринимателей новой формации. Их отличала невиданная для скромного советского быта дерзость и демонстративная тяга к роскоши. В то время как обычные советские граждане годами стояли

в очередях за самыми простыми вещами, эти парни открыто бросали вызов обществу. Они съезжались на свои сходки к лучшему ресторану города на дефицитных, престижных «Волгах» люксовых модификаций, швыряли огромные деньги на столы и вели себя как полноправные хозяева жизни.

Этот процесс стал сильнейшим потрясением для Поволжья, ведь судили не простых карманников, а подпольных миллионеров. Они развернули масштабное нелегальное производство — от пошива дефицитной одежды и обуви до махинаций с крупными продовольственными поставками.

История действительно циклична: то, что происходило в Волгограде в семидесятые годы на «процессе двадцати шести бакинских комиссаров», с точностью до мелких деталей повторилось в наши дни. Теневые дельцы никуда не исчезли, они просто сменили «Волги» на «Мерседесы» и перенесли нелегальные производства на новые площадки.

Речь идёт о ликвидации гигантского подпольного синдиката фальшивого алкоголя, который сотрудники МВД и ФСБ накрыли на заброшенной птицефабрике в Городищенском районе Волгоградской области.

Масштаб этой современной «цеховой» дерзости просто поражает: прямо в пустующих корпусах птицефабрики дельцы установили профессиональные автоматизированные линии промышленного уровня. Они не просто разливали дешёвую водку, а массово штамповали элитные мировые бренды, и главным их «хитом» являлся французский коньяк «Hennessy», а также дорогие сорта виски и рома. Силовики изъяли там сотни тысяч бутылок готовой продукции, миллионы поддельных акцизных марок, тонны спирта и красителей. Весь этот фальшивый «люкс» лавиной шёл на рынки Волгограда и соседних регионов.

Как и в процессе 26-бакинских комиссаров, где костяк группировки составляли предприимчивые выходцы из Закавказья, в сегодняшнем алкогольном бизнесе кавказские кланы снова проявили свою традиционную хватку, размах и организаторский талант.

Глядя на эти современные криминальные сводки, я невольно улыбаюсь: ничего не изменилось с тех давних пор. Жажда быстрой наживы, которую я описал в своём рассказе про владельца склада коньячных спиртов, зарабатывающего миллионы на опасных теневых схемах, полностью заглушает настойчивый голос разума. Им кажется,

что всё сойдёт с рук, законы написаны для лохов, а они — избранные, Богом помазанные, и им всё нипочём. Они ослеплены и искренне верят, что успеют вовремя остановиться и соскочить до того, как захлопнется ловушка КГБ или ФСБ. Но история доказывает: не останавливается никто.

Я хорошо помню, как в разгар громких судебных процессов по «хлопковому делу» в Узбекистане один из корреспондентов задал вопрос знаменитому следователю Тельману Гдляну. Журналист искренне не понимал: как подпольные дельцы, обладая огромными, баснословными богатствами, продолжали с риском для жизни делать теневой бизнес? На это Гдлян коротко и хлёстко ответил: «Они просто не могли остановиться».

И это чистая правда. Шальные деньги обладают страшной, разрушительной магией — они полностью парализуют волю человека и отключают у него инстинкт самосохранения. Подобный тектонический сдвиг я когда-то наблюдал и в Волгограде на примере крутых парней из Закавказья и своего кузена Рафика.

Пятьдесят лет назад декорации были скромнее, но психология дельцов — абсолютно той же. Моя память мгновенно перенесла меня назад, в бурные семидесятые годы, когда я сам, будучи студентом, оказался в эпицентре точно такой же сытой и вызывающей братвы.

Я был знаком с родным братом Босса этого предприимчивого братства, поскольку учился с ним в одной группе в институте. Бывая у него в гостях: мы вместе обедали, ужинали, и в целом в этой семье ко мне относились с огромным доверием. Они знали, что я — двоюродный брат шеф-повара того самого ресторана «Волгоград», куда они регулярно заходили шумной компанией. Иногда казалось, что эти парни начинали с роскошного обеда и заканчивали поздним ужином, часами не покидая пределов ресторана.

Вели они себя вызывающе самоуверенно прямо в самом центре города-героя. Они демонстративно включали на всю громкость магнитолы в своих люксовых «Волгах», откуда на площади разносилась громкая армянская музыка. И происходило это в непосредственной близости от Площади Павших Борцов и Вечного огня.

Я сам вырос и долгое время жил в похожей среде, правда, мои земляки по сравнению с дерзкими волгоградскими армянами могли считаться школьниками младших классов — настолько эти парни были крутыми в своих теневых делах.

Во время совместных обедов или ужинов дома у Тиграна я не раз становился свидетелем того, как они, высокомерно хвастаясь друг перед другом открыто делились своими планами на будущее. Все их разговоры в основном вращались вокруг Еревана, где они в последнее время массово приобретали недвижимость. Каждый из парней считал своим незыблемым долгом купить шикарную квартиру в самом престижном районе столицы Армении. Это было для них высшим пилотажем, главным символом, наглядно характеризующим их невероятный финансовый и жизненный успех.

Вглядываясь в их самодовольные лица — а ведь многие из них действительно были уникальными, талантливыми дельцами, — я думал: эти парни точно не читали роман Лиона Фейхтвангера «Еврей Зюсс», о котором я так часто размышляю на страницах этой книги. В его строках звучит суровое предупреждение всем самовлюблённым, потерявшим ориентиры выскочкам о том, как опасно ослепляться иллюзией всемогущества, меняя душу на сумки денег и бросая дерзкий вызов окружающему миру.

Братья Тиграна, их деловые партнёры и мой кузен Рафик, как и фейхтвангеровский Зюсс, свято верили, что их богатство — это вечная броня. Они не понимали, что для этого города они всё равно остаются лишь чужаками, а финал такой слепой погони за большими деньгами всегда один — сокрушительное падение.

Зюсс, предостерегая своего духовного воспитанника от главной ошибки любого влиятельного человека на самой вершине успеха, говорил ему: «Помни, мальчик: не открытые враги и не грозные законы рушат империи. Завистливое окружение, тихая злоба посредственностей и шёпот за спиной могут в один миг погубить даже самого могущественного и влиятельного министра, если он потеряет бдительность и поддастся слепой гордыне».

Однажды в доверительном разговоре в студенческой столовой я так между прочим спросил Тиграна: «Зачем ты вообще пошёл учиться в строительный институт? Ты ведь всё равно рано или поздно возглавишь какой-нибудь подпольный цех». Он пристально посмотрел на меня, вздохнул и тихо, но твёрдо ответил: «Старший брат настоял. В нашей семье кто-то обязательно должен быть с высшим образованием», — сказал он, словно отрезал, и тут же негромко добавил: «А моему старшему брату сложно возражать, ты сам хорошо об этом знаешь».

В тиснёных кожаных меню, отпечатанных на дорогой бумаге и иллюстрированных цветными фотографиями или гравюрами фирменных блюд, которые создавали иллюзию полного изобилия, не было главного — записи о том, что именно нужно прочитать на ночь грядущую, чтобы эта ложная, обманчивая кайфовая жизнь не закончилась однажды и в одночасье.

Большой город с мощной экономикой, где крутились колоссальные теневые капиталы, втянул и Рафика в опасную орбиту мнимой абсолютной свободы. В Дербенте за ним стояла тень моего отца и вековые законы общины, а в Волгограде он оказался один на один с соблазнами. Оторвавшись от родной почвы, но ещё не успев обрести внутреннюю зрелость, кузен быстро растерял под натиском городской суеты былую стеснительность и доброту. Рафик надел маску цинизма, чтобы защитить раздутое эго, и незаметно для самого себя похоронил высокие юношеские идеалы.

Видя, как он сидит за одним столом и безжалостно играет в азартные игры на деньги со своим родным братом и кузенами, выигрывая у них не деньги, а само время их жизни, я отчаянно пытался понять: что же произошло в его сознании? Почему он внезапно стал мерить этот огромный мир исключительно наличием больших денег?

Почему и в какой момент в его душе произошла эта страшная, роковая подмена, когда святая ценность братских отношений уступила место сугубо деловому, холодному расчёту? Тот, кто раньше искренне ценил душевное тепло, теперь стал ценить только ложный статус — слепое желание во что бы то ни стало выглядеть важной, значимой фигурой в глазах окружающих. Именно в этот миг человеческое сердце окончательно каменеет. А у такого остывшего сердца, увы, нет ни жалости, ни сострадания даже к самым близким и родным людям.

А было время, когда Рафик самовлюблённо бравировал тем, что кормил обедами и ужинами самого Леонида Брежнева и всю его многочисленную свиту в ресторане «Волгоград», где в те годы заведовал производством. Люди, знавшие моего двоюродного брата, с восхищением восклицали: «О! Этот парень был первоклассным шеф-поваром, талантливейшим мастером кулинарного искусства, способным приготовить изысканные мясные и рыбные блюда!»

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев 15 октября 1967 года действительно присутствовал на торжественном

открытии памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане. Многотысячная толпа, и я в том числе, горячо и искренне приветствовала советского руководителя, возглавлявшего огромную страну. Многие тогда всерьёз считали, что ему нет и не может быть альтернативы. О Брежневе травили анекдоты, а его эпоху позже окрестили застоем, но в целом советские люди относились к нему благожелательно.

В те застойные годы в стране процветало всеобщее пьянство, а за ним неизменно следовали его верные спутники — разврат, преступления и тяжёлые болезни. Я немало был удивлён тому, как много спиртного за один раз мог одолеть Рафик. Что это было — дань моде, семейная традиция или то, что считалось обязательным атрибутом для успешного делового человека той эпохи? Читая замечательные рассказы выдающегося писателя Сергея Довлатова, можно легко представить, насколько это зло укоренилось тогда в Союзе, причём даже в среде интеллигенции. Употребление спиртного было настоящим бичом и у мужчин на нашей Слободке. У нас дома все вечеринки тоже проходили при обильном застолье, но при этом, я никогда, не видел своего отца пьяным, хотя выпивал он тоже немало.

Один случай из детства запомнился мне так явно, словно это произошло только вчера. Однажды, придя домой на обед, отец попросил мать налить ему стопку водки — я вообще не помню таких времён, чтобы в нашем доме не водилось спиртного. Но мама лишь развела руками и тихо сказала: «Нету водки, есть вино». Зачем она это произнесла — не знаю, ведь она прекрасно знала, что вино отец никогда не пил. Удивительное дело: уже чуть повзрослев, я много раз задавал себе вопрос — почему кавказские мужчины, по крайней мере в Дербенте, всегда безоговорочно предпочитали «Московскую» водку знаменитому дербентскому вину?

В тот день я только-только пришёл из школы. По-моему, я учился в пятом классе — в общем, был ещё совсем дитя, но за водкой в магазин послали именно меня. Лавка находилась на соседней улице. Раз старшие поручили — надо выполнять: я взял деньги и побрёл выполнять задание. Продавец с удивлением посмотрел на меня, но всё же спросил: «Что, дома нет никого постарше, кого можно было отправить за водкой?» Не стал я ему говорить, что меня как раз сам отец и снарядил за этим напитком. Мужчина аккуратно завернул бутылку в плотную бумагу и строго предупредил: «Смотри сынок, не беги, иначе случайно упадёшь и разобьёшь!» Но я эту бутылку

«Московской» водки до дома так и не донёс. На полпути я в действительности споткнулся, полетел на землю, и бутылка в моих руках разлетелась вдребезги.

Уже гораздо позже, став взрослым человеком, я понял, почему кавказские мужчины, узбеки, таджики, казахи и даже туркмены с таким упрямством предпочитали именно «Московскую» водку своим великолепным местным винам и коньякам. Столичная марка была синонимом незыблемого качества и высшего мужского статуса: выпить стопку этой ледяной крепости и сохранить абсолютно трезвый разум считалось проявлением твёрдости духа. Поставить её на стол означало выказать гостю высшее почтение.

Видади — близкий и доверенный помощник Германа на рынке «Садовод» — ящиками отправлял в Баку знаменитую экспортную «Посольскую». Я как-то ненароком спросил его: «Ты что, водкой торгуешь в Азербайджане?» На что он с улыбкой ответил: «Ты что, с ума сошёл? Какой бизнес на десяти ящиках водки! Это подарки нужным людям. Единственное, о чём они упрямо просят, — так это только о „Посольской“, и именно в экспортном варианте».

В ту суровую эпоху качественный алкоголь являлся универсальной валютой, способной растопить любой лёд и решить самую сложную задачу на высшем уровне. Но если для Видади дефицитные ящики оставались лишь деликатным инструментом для укрепления личных связей, то для людей уровня Бориса Бабаева, этот бизнес становился источником огромного влияния и, к несчастью, колоссального риска. На этой почве пересеклись и мои пути с ним.

Он был заметным и уважаемым предпринимателем, руководителем успешного винно-водочного предприятия. Незадолго до трагедии он вместе с супругой вернулся из Москвы, где у его завода было своё представительство. Бандиты по наводке узнали, что Бабаев якобы планирует выехать за пределы Тихорецка с огромной суммой наличных денег.

Вечером, прямо в его рабочем кабинете в здания администрации винзавода на улице Мира, на него было совершено жестокое нападение. Преступники связали директора по рукам и ногам, обыскали контору и его квартиру. Не найдя заветных миллионов, они принялись жестоко пытать Бабаева, вымогая деньги, но он так ничего им и не выдал. В итоге от жестоких побоев и тяжелейшей черепно-мозговой травмы Борис Эрзолович скончался.

На пятые сутки правоохранительные органы задержали всю банду, и убийцы получили суровые сроки.

Буквально за день до этого страшного преступления он мне с гордостью показывал, только что завершенное производство спиртов. – это полностью немецкое оборудование, такого в России нигде нет. Мы будем разливать здесь водку, и оно будет гораздо лучше Посольской и название уже придумали «Бабаевская», так что подумай, я дам тебе полный эксклюзив на реализацию в Поволжье.

С его отцом Эрзолом Нахамияевичем Бабаевым — мудрым, влиятельным пятигорским патриархом, имевшим обширные связи, чьё слово в общине всегда уважали безоговорочно и который на закате дней уехал в Израиль, — судьба свела меня при весьма примечательных обстоятельствах. На Святой земле мы оказались соседями: жили на одной улице в Нетании, а наши дома располагались прямо напротив друг друга.

В те годы я часто бродил по морскому пляжу, и мы регулярно пересекались во время этих прогулок. Каждое наше такое рандеву заканчивалось одинаково: Эрзол Нахамияевич упрямо тянул меня к себе в дом на обед. Примечательно, что наши общие знакомые из общины не раз вкрадчиво предупреждали меня: «Илья, будь осторожен, не поддавайся на его уговоры, избегай совместного обеда, иначе вскоре станешь алкоголиком!» Но устоять перед кавказским напором этого человека было решительно невозможно.

И, конечно же, эти посиделки обязательно заканчивались водкой. Радушный хозяин подходил к зеркальному серванту, где ровными рядами стояла добрая дюжина бутылок, и с гордостью доставал оттуда изящную бутылку, на этикетке которой уже вовсю красовалось фамильное название — «Бабаевская».

Глядя на этого крепкого старика, я невольно сравнивал его с Лидией Ивановной Рыбянченко. Кстати, Эрзол Нахамияевич хорошо знал эту Великую женщину и высоко ценил её умение руководить многогранным производством, от которой зависело благополучие каждого работника комбината. Она росла с самых низов, знала до последнего винтика каждый ткацкий станок, десятилетиями дышала хлопковой пылью в цехах и несла на своих плечах прямую, каждодневную ответственность за двенадцать тысяч рабочих Камышина. Её стиль управления — это строжайший математический расчёт, дисциплина, железная логика и суровые графики Госплана.

Эрзол Нахамияевич Бабаев, став заместителем начальника Росглавшвейпрома Министерства лёгкой промышленности РСФСР, перестал подчиняться капризам одного конкретного завода. Он курировал весь Юг России, включая Северный Кавказ! Управляя финансовыми потоками, государственными лимитами, фондами и кадровыми назначениями, видел всю картину текстильной империи СССР целиком. Этот кавказский патриарх и горский еврей удивительным образом сочетал советскую министерскую хватку с вековой купеческой мудростью восточного человека. Его силой были обширные личные связи, непререкаемый авторитет и уникальное умение договариваться. Он понимал психологию южных и кавказских директоров фабрик лучше, чем любые ведомственные циркуляры.

На наших посиделках он часто пускался в воспоминания. Однажды, глядя, как он запросто за обедом выпивает несколько рюмок, я не удержался от удивлённого взгляда. Старик перехватил мой взор, хитро прищурился и усмехнулся: «Да это что, дружок! Бывали времена, когда я за день выпивал несколько бутылок водки. Когда на Северном Кавказе я принимал проверяющих чиновников из министерства, то к утру, бывало, уже выпивал минимум бутылку водки, но при этом оставался на ногах с абсолютно ясной головой!»

У вас, дорогие читатели, сейчас рождается закономерный вопрос: как я — простой слободской пацан из Дербента — извилистыми дорогами судьбы оказался в одной неразрывной цепочке с этими могущественными людьми? Оглядываясь назад с высоты прожитых лет, я понимаю: человеческой логикой подобное объяснить невозможно. Разве всё это — не явная, милосердная воля Всевышнего, Который незримо вёл меня за руку через все испытания, шторма и крутые переломы жизни?

ГЛАВА 32

Помните, как в культовом фильме «Достучаться до небес» два молодых парня, узнав, что смертельно больны и жить им осталось считанные дни, обсуждали земную суету? Отрешившись от погони за статусом, деньгами и материальными благами, они пришли к единственно верному выводу: всё это — пустой пшик, суета сует.

А ведь «суета сует» означает абсолютную тщетность, наивысшую точку пустоты тех самых вещей, ради которых люди, ослеплённые высокомерием, алчностью и жаждой наживы, так часто продают свою душу дьяволу. Вся эта земная погоня за сиюминутными радостями — словно лёгкое облачко воздуха, которое вырывается изо рта на морозе: его можно увидеть всего на одну секунду, а потом оно бесследно тает. Предав душу за эти мимолётные блага, человек безвозвратно теряет вечность. И только истинные черты мужского достоинства — совесть, порядочность, твёрдость данному слову и верность долгу — остаются нерушимым гранитом перед лицом Творца.

Я часто вспоминаю пронзительную мысль из этой картины: там, на пороге вечности, у людей только и разговоров, что о море и о закате. Там говорят о том, как чертовски здорово наблюдать за огромным огненным шаром, как он тает в волнах, и о едва видимом свете, который, словно от свечи, горит где-то в глубине души.

Перед лицом неизбежного финала понимаешь, что земные богатства и власть — ничто. Даже великих правителей — завоевателя мира Чингисхана или могущественных королей Саудовской Аравии — похоронили так, что ни один из живущих ныне людей не знает, где находятся их могилы. Всё их земное величие ушло в небытие, растаяв словно призрачный дым под лучами утреннего весеннего солнца. На небесах ведь не спросят про объёмы инвестиций или построенные корпорации. Там ценится лишь то, чем была наполнена душа человека, его личная страсть и способность чувствовать чистую красоту Божьего мира.

Кто-то любит штормящее море и закаты, кто-то — шумящие леса, высокие горы или бескрайние степи. Каждому дорого своё, земное и понятное. Моего сокурсника, высокого, симпатичного парня из Азербайджана по имени Адалат, после защиты дипломного проекта председатель комиссии по распределению выпускников спросил:

— Молодой человек, куда желаете отправиться для работы?

Он, не задумываясь ни на секунду, моментально ответил:

— В любой город на ваше усмотрение, только бы там была футбольная команда, играющая в высшей лиге.

У моего отца была другая страсть — он жадно, до самозабвения любил свою работу. Я не помню, чтобы он хоть раз в жизни был в полноценном отпуске, отдыхал в санатории или

здравнице, где можно было бы просто побыть в комфортных условиях хотя бы неделю-другую.

Помнится, однажды вечером во время совместного ужина я услышал, как дядя Хануко настойчиво уговаривали его на переезд в США.

— Год, ты деловой мужчина, ты везде сможешь найти точку опоры и любимое дело, — горячо убеждал отца старинный друг семьи, умнейший человек, руководитель крупной строительной компании, слывший авторитетным функционером даже в горкоме партии.

— Сейчас у нас, горских евреев, открылась уникальная возможность уехать отсюда и зажить без вечного страха за будущее детей. Ладно мы с тобой — провели лучшие годы в скрытом унижении перед этими недоумками, кормили их с руки, постоянно рискуя собственной свободой. Но если в течение месяца ты не примешь верного решения, это станет твоей большой ошибкой.

У него были и другие, куда более веские причины для срочного отъезда. В своё время, будучи главой крупного строительного ПМК, он получил лакомый подряд на реставрацию знаменитой дербентской крепости Нарын-Кала и попал в жуткую криминальную историю. Я не знаю всей подноготной того громкого судебного процесса, но сумма ущерба от необоснованного завышения сметной стоимости оказалась просто астрономической для советской плановой системы. По тем временам это были гигантские, расстрельные деньги, за которые безжалостно карали по всей строгости закона.

В итоге он получил длительный срок — около двенадцати лет колонии строгого режима. По счастливой случайности отбывать наказание его отправили в Волгоград. Рафик, любимый племянник моего отца и к тому моменту уже зять Якова Яковлевича, был очень известным и влиятельным человеком в городе. Благодаря его колоссальным усилиям и связям всего через восемь месяцев дядя Хануко оказался на свободе.

После столь благополучного исхода своего заключения он устроил грандиозную вечеринку в ресторане, где Рафик работал руководителем. Я весь вечер сидел рядом с ним. К тому моменту я уже учился в строительном институте. На прощание он пристально посмотрел на меня и тихо, но твёрдо сказал: «Ни за какие деньги не рискуй своей свободой».

Размышляя о словах дяди Хануко и истинной цене свободы, я часто вспоминаю ещё одну громкую историю, которая произошла уже в начале двухтысячных годов и оказалась напрямую переплетена с судьбой семьи Левы Левиева, внука моей кузины, родной сестры Рафика. Речь идёт о деле известнейшего питерского магната Михаила Мирилашвили.

В августе двухтысячного года в Санкт-Петербурге бандиты, переодетые в форму сотрудников ГАИ, дерзко остановили машину и похитили престарелого отца Михаила. Для него это стало страшным ударом и вызовом чести. Преступники вскоре осознали, с кем связались, испугались и через два дня отпустили пожилого человека без выкупа. Но Михаил не мог оставить это безнаказанным. Будучи миллиардером, он не стал полагаться на официальное следствие, а задействовал все ресурсы своей службы безопасности. Началась жестокая охота на бандитов.

Его люди вышли на след двух подозреваемых, которых насильно доставили в офис холдинга. После жесткого допроса эти люди исчезли, а позже их тела обнаружили на окраине города. Прокуратура обвинила магната в организации похищения и убийства, и в январе двухтысячного первого года он был арестован. Суд Ленинградского военного округа снял с него обвинение в убийствах, но за организацию похищения людей приговорил Мирилашвили к двенадцати годам колонии строгого режима.

По иронии судьбы отбывать этот огромный срок его этапировали именно в Волгоградскую область — в исправительную колонию города Фролово. И здесь, на сталинградской земле, космические деньги питерского миллиардера оказались бессильны. Ему помогли не они, а реальное влияние, уважение и связи моих ближайших родственников в Волгограде. Именно благодаря их активному вмешательству и поддержке авторитетный бизнесмен в итоге смог освободиться досрочно.

В нашей жизни нет ничего случайного, всё соткано по замыслу Творца. Сплетение путей Вячеслава Мирилашвили, Льва Левиева и Павла Дурова в их двадцать два года — это классический сюжет о том, как личные трагедии, эмиграция и семейные узы рождают великие империи.

Семья Льва Левиева уехала из Волгограда в Израиль на постоянное место жительства, спасаясь от хаоса распадающегося Советского Союза. Примерно в то же время питерский магнат

Михаил Мирилашвили, заботясь о безопасности и будущем своего сына Вячеслава, тоже перевёз семью на историческую родину. Обе состоятельные еврейские семьи отдали своих мальчиков учиться в престижнейшую Американскую международную школу в Израиле (AIS), где традиционно обучались дети иностранных дипломатов, крупных бизнесменов и мировой элиты. Именно за этими партами Лёва и Слава сели вместе. Они не просто подружились — они срослись общими воспоминаниями, русским языком и кавказскими еврейскими традициями, которые свято чтили их отцы.

После школы пути друзей на время разошлись по разным континентам ради превосходного западного образования: Вячеслав улетел в США и окончил престижный Университет Тафтса в Бостоне, а Лев отправился в Канаду, где с отличием завершил Университет Макгилла в Монреале.

Но в начале двухтысячных годов грянул тот самый гром: арест Михаила Мирилашвили. Огромная питерская бизнес-империя в один миг осталась без своего лидера, и молодой Вячеслав был вынужден экстренно вернуться в Россию, чтобы войти в курс дел отца, помогать семье и контролировать легальные активы. Слава прекрасно понимал, что в суровом российском бизнесе ему до зарезу нужны преданные, проверенные люди, готовые прикрыть спину.

Он сделал один-единственный звонок своему самому надёжному школьному другу — Льву Левиеву, который как раз получил диплом финансиста в Канаде. Лёва без малейших колебаний принял вызов, оставил благополучный дом в Волгограде и полетел в Петербург на помощь товарищу. Трагедия Михаила Мирилашвили невообразимым образом стянула ребят обратно в одну точку.

Третий элемент мозаики возник благодаря феноменальной памяти Вячеслава. Слава вспомнил, что ещё до отъезда в Израиль, в самые ранние школьные годы в Санкт-Петербурге, он учился в одном классе Академической гимназии с тихим, но исключительно одарённым мальчиком по имени Павел Дуров. Вячеслав вбил имя старого одноклассника в американскую сеть Facebook, быстро нашёл его в Питере и назначил встречу.

Прийдя на чашку чая вместе с Лёвой Левиевым, они увидели перед собой недавнего выпускника филфака СПбГУ, который уже создал форум для студентов и бредил масштабной идеей интернет-коммуникаций. Павел обладал прорывным программным видением, но у него не было ни копейки за душой. У Славы же и

Лёвы имелись инвестиционные возможности отца и колоссальное доверие друг к другу.

Они соединили эти три мощнейших ресурса: капитал Михаила Мирилашвили, финансовый менеджмент Льва Левиева и уникальный программный код Павла Дурова. В октябре две тысячи шестого года, когда всем троим исполнилось ровно по двадцать два года, они нажали кнопку запуска социальной сети «ВКонтакте». Спустя всего несколько лет эта авантюра превратила вчерашних мальчишек в долларовых мультимиллионеров.

Мы присутствовали на свадьбе Льва в Иерусалиме, на которую слетелась вся элита тогдашнего Петербурга. В основном это были совсем молодые парни. Они казались выходцами из какого-то совершенно другого мира — невероятно уверенные, самонадеянные, крутые и деловые ребята, чётко знающие, чего хотят от этой жизни.

Вскоре в элитной иерусалимской гостинице «Кинг Давид» у нас состоялась встреча и с самим Михаилом Мирилашвили. Мы предложили ему масштабный проект: продвигать его новую инновационную компанию Watergen, занимающуюся получением чистейшей воды прямо из воздуха, в засушливых республиках Средней Азии и Казахстана. Для этого усыхающего региона израильские технологии могли стать настоящим спасением.

Мы со своей командой тщательно готовились к этой встрече: все были одеты в строгие деловые костюмы и непременно при галстуках — в общем, так, как привыкли в России. Каково же было моё удивление, когда в холл гостиницы вошла большая команда во главе с Михаилом! Мне показалось, будто они пришли на переговоры после хорошего отдыха — не то из бассейна, не то с какого-то спортивного мероприятия, настолько свободно и по-летнему непринуждённо они были одеты.

Разговор получился хорошим и доброжелательным, но костюмы никто из нас тогда, конечно, не снял. Впоследствии мы так и не нашли общего понимания в вопросах ведения этого бизнеса. Тому было много разных причин, но главным, как мне показалось, стало неприятие нашего участия со стороны израильских менеджеров. Они попросту побоялись конкуренции с нашей стороны и категорически не хотели нашего сближения с Хозяином компании.

Однако роскошный ресторан и изысканные восточные блюда оказались настолько хороши, что впоследствии, бывая в

Иерусалиме, мы неизменно старались обедать именно в этом чудесном заведении.

Человеку не дано знать, что случится с ним даже в ближайшем будущем.

Проходят дни за днями мгновением одним,
Неслышными шагами мы к вечности спешим.
И буря, и несчастье, и ясный солнца свет,
И горести, и счастье прошли — их больше нет.

Эти замечательные, пронзительные слова из песни «Возрождение» заставят любого разумного человека глубоко призадуматься над быстротечностью нашего бытия. Не успеешь оглянуться, как жаркое лето сменяется дождливой осенью. А затем, невзирая на то, что ещё недавно мир был насыщен её яркими, сочными красками, в свои права по-хозяйски вступает суровая зима. Ещё чуть-чуть — и на пороге уже стоит долгожданная весна. И так из года в год, пока продолжается наша земная жизнь.

Нужно уметь наслаждаться и искренне радоваться каждому мгновению, любить жизнь такой, какая она есть, какой бы суровой ни казалась её реальность. Она не знает пауз, у неё не бывает перерывов. Жизнь непрерывно течёт, меняется, и даже самая яркая, пламенная любовь со временем не остаётся прежней.

Время — наш злейший враг и одновременно добрый друг. Не останавливаясь ни на секунду, оно идёт только вперёд, стремительно меняя наши вкусы, ценности и предпочтения. А когда вокруг всё настолько быстротечно, абсолютно невозможно предугадать, что произойдет с нами уже в следующий миг

ГЛАВА 33

Старые чёрно-белые снимки обладают удивительной силой: они не просто фиксируют чистый свет, а улавливают самую изнанку человеческого характера. Пожелтевшей от времени фотографии,

которая сейчас лежит передо мной, без малого семьдесят семь лет. А если верить физиономистам, по таким архивным портретам можно безошибочно предсказать будущую судьбу человека.

В прошлые времена люди не умели позировать ради дешёвого кадра, как это делает современная молодёжь со своими смартфонами. Фотография в пятидесятые годы являлась редким, почти сакральным событием. Человек замирал перед объективом, и в этот миг с его лица слетало всё наносное. Плёнка фиксировала открытый взгляд, в котором, словно врожденная печать, уже была прописана вся будущая предрасположенность натуры — её сила, слабость, гордыня или скрытый надлом.

Не зря говорят: лицо — зеркало души и характера. В народе всегда считали, что Господь не просто так наделяет мужчину или женщину определёнными чертами. Форма лба, разлёт бровей, разрез глаз и жёсткость подбородка — это врождённый генетический код. Если натура определяет поступки, а внешность отражает характер, то, внимательно всмотревшись в человека, можно предсказать его поведение в будущем: предаст ли он в бизнесе, проявит ли трусость или останется верен священной клятве на хлеб до самого конца.

Ещё в юности в едва заметном изгибе губ или линии скул Всевышний ставит свои невидимые знаки. По этим микроскопическим деталям видно, к чему предрасположена душа: готов ли мужчина к тяжёлому честному труду, или в нём уже зреет слепая, разрушительная жажда зависти, эгоизма и быстрой наживы.

Вот почему специалисты по психологии управления утверждают: всё зависит от первых пяти секунд встречи. Именно в этот миг решается, будет ли продолжено общение или вы станете искать любой повод его прекратить. Для этого и физиономисты не нужны — у нас интуитивно срабатывает внутренний барометр. Наш мозг — гениальный радар. За мгновение он считывает неуловимые движения глаз собеседника, натяжение кожи, форму морщин вокруг рта и выдаёт подсознательный вердикт. Лицо ещё не успело совершить предательство, но радар уже уловил грядущий подлый поступок.

Но, к сожалению, наш разум — великий обманщик, и этот принцип работает не всегда. Мы часто сознательно глушим интуицию, цепляемся за иллюзии, надеемся на лучшее и оправдываем человека вопреки первому тревожному сигналу Господа. И именно на этом стыке надежды и сомнения рождаются самые жестокие

разочарования в бизнесе и в судьбе. За примерами даже не надо уходить в прошлое — это реальность каждого из нас.

Вглядываясь в этот семейный кадр, сделанный в городском фотоателье, я вижу на коленях у бабушки себя — совсем ещё маленького пацана. Меня тогда пеленали так плотно, что видна была одна лишь головка. Разве мог я тогда предположить, что на расстоянии вытянутой руки от меня позируют мои двоюродные братья — Рафаил и Захар, сыновья тёти Тейло, старшей сестры моего отца? Мой грядущий путь настолько тесно переплетётся с их суровыми дорогами жизни, что порой мне казалось, будто мы вовсе не кузены, а рождены одной матерью.

Каждый раз, когда этот снимок оживает в памяти, меня охватывает жгучее желание осмыслить их непростые судьбы. В будущем разбитые мечты и сытые, но безрадостные дни этих парней стянутся в такой тугой узел, что их невозможно будет представить в отрыве друг от друга. Их юность и становление пришлись на времена полной анархии, политической и экономической чехарды девяностых годов. И в ту пору, когда рушилась советская империя, а привычный уклад вокруг замер, эти крутые братья умудрялись делать сумасшедшие деньги.

Они прожили настолько яркую и драматичную жизнь, что их истории без преувеличения могли бы лечь в основу биографической повести или масштабного семейного телесериала. Внутри любого человека — единственного разумного творения Всевышнего — скрывается безумный мир страстей и противоречивых чувств. И впрямь утверждают, что путь всякого из нас достоин книги. Необходимы лишь глубокое осмысление и честный взгляд, чтобы на свет появилась настоящая, правдивая история.

В тысяча девятьсот пятидесятом году, когда был сделан тот самый снимок, Рафаил был ещё юнцом. Его имя означает «Бог исцелил». Оно символизирует скрытую силу, и мой старший двоюродный брат действительно был наделён мощной внутренней энергией. Рафик рос независимым, уверенным в себе парнем, умел принимать взвешенные решения, не боялся рисковать и никогда не ограничивал свои амбиции, стремясь к большим жизненным целям.

Он всё свободное время проводил в нашем доме, где всегда можно было вкусно и сытно пообедать. Конечно, Рафик стремился к нам не только ради хорошего угощения. Мой двоюродный брат был

самым любимым племянником отца: уже с пятнадцати лет он стал его верным помощником и активно участвовал в жизни нашей семьи.

Однажды, в канун еврейской Пасхи, мама поручила мне отнести медную посуду тёте Тейло. В былые времена горские евреи в основном пользовались именно этой утварью — изделия из меди ценились на Слободке за вековую прочность и уникальную способность сохранять воду чистой и свежей. Воду обычно мама несла из Стандартного двора в кувшине, вмещавшем около десяти литров. Стандартные дома представляли собой три двухэтажных многоквартирных здания с общим двором и одной колонкой для питьевой воды, куда ходили и все слободчане.

Я с содроганием вспоминаю свои походы за водой к колонке. Мама словно только и ждала меня, одиннадцатилетнего пацана, из школы, чтобы доверху наполнить большие оцинкованные выварки, в которых она в основном и делала стирку. Вернувшись с уроков, я со злостью швырял портфель в сторону и принимался за тяжелейшую работу. По ведру в каждой руке я направлялся к колонке, ждал своей очереди, наполнял их и тащил домой, напрягая все детские силы. Железные дужки вёдер до мозолей врезались в мои детские ладони, оставляя надолго свой след. Весь этот путь длиной в сто метров я разбивал на несколько отрезков, делая короткие передышки, чтобы унять дрожь в коленях, и вновь упрямо двигался вперёд.

Много лет спустя я с горькой улыбкой высказал маме, что именно из-за тех каторжных нагрузок на всю жизнь заработал себе радикулит. А в юности я и вовсе втайне подозревал, что именно эти проклятые вёдра с водой не дали мне вытянуться до богатырского роста моего отца, ведь с домашним питанием у нас никогда не существовало проблем.

Прогуливаясь по набережной, я с завистью смотрел на высоких широкоплечих парней и раздумывал о том, какой бы была моя жизнь, если бы я был выше хотя бы на несчастные десять-пятнадцать сантиметров. Она точно была бы другой — по крайней мере, у меня было бы больше возможностей в отношениях с прекрасным полом. Я, сгорбившись в три погибели, таскал эти тяжёлые вёдра и никак не мог предположить, что они — эти бездушные вещи — сыграют в моей жизни такую важную и определяющую роль.

Перед праздником Песах медную утварь обязательно обновляли, очищая её поверхность от зелёного налёта. В синагоге

этим занимался лудильщик, а на Слободке такую работу мастерски выполнял дядя Пинхас, муж тёти Тейло.

Сама тётя Тейло — сухонькая, чуть сутуловатая, с впалой грудью и тусклым взглядом — всегда ходила в незатейливом ситцевом фартуке и выглядела уставшей, болезненной. Другой её не помню — именно такой, раньше времени постаревшей, она запомнилась мне с раннего детства. Хотя, по рассказам старожилов, знавших её в молодости, в девичестве она была настоящей красавицей.

— Как же так? — с удивлением спрашивал маму. — Как могло случиться, что девушка из богатой семьи, обладая прекрасной внешностью, вышла замуж за такого невзрачного мужчину?

Вопреки всему, все трое сыновей тёти Тейло — Рафаил, Захар и Давид — родились очень симпатичными парнями. А Броня, её единственная дочь и бабушка того самого Лёвы Левиева, который в двадцать восемь лет стал самым молодым долларовым миллионером в России, была писаной красавицей. Те же старики в разговорах между собой подмечали, что все дети тёти Тейло пошли в мать: генетика взяла верх, и с этим ничего не поделаешь.

Уже после того, как Лёва добился колоссального финансового триумфа в России и стал очень близок к семье Мирилашвили, я однажды попросил его связать моего сына Гидона, только что окончившего математический факультет Тель-Авивского университета, с Михаилом Мирилашвили. Гидон приходился Лёве кровным родственником, и я надеялся, что тот обратит внимание на способного парня и примет в свою команду.

Чтобы напомнить Лёве о наших общих корнях, я в двух словах рассказал ему, как пацаном, когда ещё не только его самого, но и его отца не существовало на свете, лично участвовал в праздничном шествии и с факелами и свечами провожал его будущую бабушку Броню к дому её жениха Попо. Это был важнейший свадебный ритуал нашего детства, который на джуури — языке горских евреев — называется «Арус-берей», что дословно означает «увод и проводы невесты».

Однако мои тёплые, идущие от самого сердца воспоминания так и не смогли согреть душу тёртому, добившемуся огромного успеха молодому человеку. Лёва никак не отреагировал на мою просьбу, оставив её без ответа.

«Как же так? — с горечью размышлял я тогда. — Он даже не удосужился хоть каким-то образом отозваться на мои слова...». Но самое страшное заключалось в другом: мне было невыносимо стыдно перед сыном. Гидон с живым интересом наблюдал за моими действиями, но промолчал, видя, как я беспомощно пытался сгладить эту неловкую сцену.

«Где же ваша хвалёная семейная солидарность? — наверняка в сердцах думал тогда Гидон. — Отец, ничего больше не предпринимай. Я добьюсь всего сам, без чьей-либо помощи».

Тогда я впервые осознал, что со своими старыми понятиями о кровной верности в этой прагматичной суете упустил из виду самое существенное: мир вокруг стал совершенно другим. В новой реальности давно и беспредельно правит холодный расчёт и близость к сильным мира сего.

«Наверное, Лёва по-своему прав», — продолжал я обдумывать своё унизительное положение. Зачем ему было подставляться перед могущественным боссом? А вдруг его протеже проколется — как бы он потом объяснялся перед хозяином?

Где-то в мудрых книгах я прочитал старое и, на мой современный взгляд, абсолютно правдивое изречение: «Не будь слишком сладким, иначе тебя съедят; и не будь слишком горьким, иначе тебя выплюнут». Это потом, когда много лет спустя близкие родственники цинично кинут меня на миллион долларов, я окончательно пойму Лёву и перестану на него обижаться.

В прошлые времена у горских евреев и представить себе никто не мог, что кровный родственник может предать или обокрасть в делах, ведь совесть и верность роду стояли выше любых богатств. Но новый, циничный век всё перевернул. Сегодня из каждого утюга твердят: «Не работайте с близкими и друзьями. Лучше просто одолжите им деньги и забудьте о них, словно потеряли или их украли». Жаль только, что эта мудрость приходит к нам слишком поздно — на пепелище сожжённых иллюзий.

А пока я занимался философскими размышлениями о бизнесе и о том, каким надо быть человеку — особенно с роднёй, которую близко нельзя подпускать к сокровенным делам, — я тогда с детским интересом наблюдал, как тётя Тейло усердно хлопотала над кастрюлей. Она всё время ласково приговаривала: «Ой, мой родной, суп ещё не готов, а мне так хочется угостить тебя вкусным обедом».

Прогуливаясь по их большому саду, где видное место занимал ветвистый белый тутовник, под которым мы часто рыли червей, я невольно бросал взгляд на загон в глубине двора. Там громко хрюкали и визжали поросята вместе с огромными свиньями, откормленными на томатном жмыхе. Я часто встречал дядю Пинхаса с вёдрами, наполненными до краёв этой густой красной массой, которую можно было совершенно бесплатно брать с местного консервного завода, где производили томатный сок. Свиньи на такой диете росли как на дрожжах. Я не видел, как хозяин их резал, но за тем, как потом он обрабатывал туши паяльником, мне было жутко и невероятно интересно подглядывать.

На Слободке знали, что муж тёти Тейло профессионально разводит свиней и продаёт мясо на местном рынке, но никто не задавался вопросом, где он освоил это ремесло. Позже, когда я краешком уха услышал, что Пинхас сидел в тюрьме, я догадался: именно там, за колючей проволокой, он и научился этому суровому делу.

И вот, когда обед у тёти был наконец готов и я съел первые несколько ложек пресной похлёбки, до меня вдруг дошёл истинный смысл происходящего. Я мгновенно понял, почему Рафик и Захар так сильно любили блюда моей матери, да и сам Пинхас вечерами повадился ужинать у нас дома. Со временем я просто перестал обращать на это внимание.

Всякий раз, ожидая его прихода, мама, словно заведённая, повторяла вслух: «Надо успеть всё приготовить, надо успеть всё накрыть!» Затем она бережно, с каким-то непонятным для меня усердием расставляла на большом прямоугольном столе, занимавшем чуть ли не всю гостиную, свежеприготовленные мясные яства, неизменный пузатый графин коньяка и рюмку в придачу, словно ожидала самого важного гостя.

В этой хлопотливой суматохе скрывалась глубокая личная драма. Пинхас ведь являлся мужем старшей сестры моего отца — той самой тёти Тейло, которая изначально была против того, чтобы скромная детдомовка вошла в их зажиточную, высокомерную семью. Своим терпением, хлебосольством и абсолютной чистотой души моя мама всячески старалась растопить холодные сердца многочисленной родни мужа, чтобы они в конце концов признали её полноправным членом семьи.

Пинхас молча, по-хозяйски усаживался на строго отведённое ему место, с аппетитом ел и выпивал пару рюмок. Закончив трапезу, он медленно, как-то неуклюже поднимался и уходил, так и не вымолвив ни единого слова благодарности. Убирая со стола посуду, мама только безмолвно разводила руками. Для родственников подобное отношение считалось само собой разумеющимся — они искренне чувствовали себя хозяевами в нашем доме.

Рафик в пятнадцать лет заметно возмужал. Он был среднего роста, с длинными чёрными, чуть курчавыми волосами, живыми, быстрыми глазами и обладал приятным, вкрадчивым голосом. В довольно юном возрасте кузен стал толковым и преданным помощником отца. Папа искренне любил племянника, доверял ему все коммерческие секреты, финансовые и материальные ценности. Рафик, в свою очередь, являлся безупречно честным, добившись усердным трудом глубокого уважения наставника. Именно он впоследствии убедил отца вернуться обратно, в родовое гнездо к дедушке.

До этого, после очередного безумства младшего брата папы, который жил вместе с нами, мои родители покинули общий дом и сняли скромное жильё. В той небольшой комнатке не нашлось места ни платяному шкафу, ни письменному столу, ни даже кровати. Все мы — отец, мать, я и моя младшая сестра — спали прямо на полу, и в этой тесноте крылось что-то по-настоящему чудесное, шедшее из самых глубин моего раннего детства. Но самое главное заключалось в том, что мама, умиротворённая отсутствием вечных упрёков богатой родни, буквально светилась от счастья.

Известие о том, что отец поддался на уговоры и решил вернуться к родителю — старому, одинокому человеку, — вызвало единодушное одобрение у всей родни. Но мама оставалась глубоко расстроена и огорчена тем, что ей так и не удалось отвратить мужа от рокового намерения. Я чисто случайно стал свидетелем того непростого, драматичного разговора между родителями.

— Если мы вернёмся, — говорила мама, заметно изменившись в лице, с которого мгновенно сошла мечтательная улыбка, — ты не сможешь построить новое жильё, наши дети останутся без отцовского крова. Я устала... У меня больше нет сил. Я с раннего утра и до позднего вечера, не покладая рук, угождаю твоим братьям, сёстрам и их детям, кормлю обедами и ужинами твоих многочисленных родственников. И всё ради того, чтобы они были в

хорошем расположении духа. Чтобы они наконец забыли, что я детдомовская! Даже твой отец Ихиил, будучи свидетелем того, как меня чудовищно и унизительно оскорбляли, ни разу не попытался остановить твоего брата. Вспомни, когда в последний раз мы с тобой оставались наедине друг с другом?

— Да пойми же ты наконец! — продолжала мама, убеждая мужа отказаться от опрометчивого поступка. — Мне никто не нужен, кроме тебя и моих детей, — тихо произнесла она взволнованным голосом, пристально вглядываясь в блуждающий взгляд мужа. — И это не всё: родовое гнездо в итоге не достанется тебе, оно не достанется и твоему сыну.

Отец молча выслушал эту проникновенную речь, а затем коротко, но твёрдо отрезал:

— Собирай свои манатки. Скоро приедет Рафик с машиной, и чтобы вечером я ужинал дома.

Несбыточная мечта моей матери о собственном угле вновь ушла в небытие — на этот раз уже навсегда. «Мудрый шаг!» — хвалебно, в один голос твердили отцовские братья и сёстры.

Но спустя двадцать лет это скоропалительное решение папы обернётся непоправимой бедой. Дом, в который он вложил огромные средства в надежде, что выполняет важнейшую миссию родительского долга, вскоре станет предметом раздора и натянутых отношений между родными братьями. А я останусь без отцовского гнезда, где провёл своё детство и юность.

Каждому человеку свойственна тяга к достатку. Нам хочется окружить себя благами, которые делают земное существование радостным и счастливым. Однако жажда материального превосходства, погоня за признанием и ложное чувство комфорта часто толкают людей на постыдные, низкие поступки. Истинные качества, которыми должен обладать настоящий мужчина, — такие как честность, порядочность, надёжность, щедрость и умение брать ответственность за себя и своих близких, — безжалостно приносятся в жертву ради сохранения и приумножения имущества.

В этом кроется одна из главных причин громких скандалов и распада некогда дружных семей, так часто возникающих при дележе наследства. Вот почему вокруг внезапно появляется множество родственников, претендующих на чужой кусок. В такие моменты высокопарные слова о семейной солидарности, взаимной

выручке и клятвы над хлебом, подкреплённые именами близких, оказываются всего лишь пустыми, лживыми фразами.

Волею судьбы и благодаря заботливому, авторитетному участию Рафика я уехал из Дербента и стал студентом строительного института в Волгограде. Отец изначально выступал против моей учёбы в России, а мама, напротив, твёрдо стояла на том, чтобы я получил высшее образование в престижном вузе.

— Только в России можно получить превосходное образование, — уверенно настаивала она.

Опасения отца о том, что в далёких краях легкомысленные девицы могут испортить меня — пылкого, совершенно не искушённого в тонкостях любви и воспитанного в строгих еврейских традициях парня, — на маму никак не действовали.

— Ты же сам мечтал, чтобы наш сын познал подлинную жизнь и вырос настоящим мужчиной, — голос матери звучал вкрадчиво и мягко. — А чтобы он стал таким, каким ты хочешь его видеть, он должен покинуть родительский дом.

Настойчивые и убедительные уговоры мамы в итоге победили, определив мой самоуверенный шаг уехать в Россию. Потом, спустя десять лет, проливая беззвучные покаянные слёзы над могилой отца, я буду горько сожалеть о своём упрямстве. Я и по сей день смиренно прошу Всевышнего простить меня за глупости, совершённые в молодости, которые принесли моему отцу так много горьких, болезненных разочарований.

На Слободке, да и во всей горско-еврейской среде Дербента, считалось престижным учиться в Москве, Питере, Волгограде и других крупных центрах Союза. Наши родители в действительности не жалели сил, чтобы дать нам высшее образование. Но если бы тогда, в захватывающие дни юношеской романтики, я знал, о чём мой отец в своём коротком письме деликатно просил своего бывшего воспитанника...

Если бы в те годы бесшабашной юности, когда радужные мечты затмевают сознание и вытесняют главные ориентиры, я мог хоть краешком глаза заглянуть в будущее! Я бы безоговорочно согласился с доводами отца и поступил в Махачкалинский университет.

Но нас, молодых парней с Кавказа, вопреки всем опасениям и страхам отцов, словно мощным магнитом притягивало в бескрайнюю и жутко холодную Россию. Именно в тех неизведанных, манящих

краях проживали светловолосые и голубоглазые девушки, которые своей волшебной красотой сводили с ума многих горячих южан.

Бурные, неуправляемые эмоции, бессильное отчаяние и гнев на самого себя за собственный эгоизм накрыли меня тогда с головы до ног.

Пройдясь ранним утром по присмиревшей предрассветной набережной и неожиданно затянув блатные мотивы слободской юности, я вдруг поймал себя на поразительной мысли. Как же странно и непостижимо устроена биология человека! Наш разум отказывается подчиняться законам природы. Внутри, в самых потаённых уголках души, я по-прежнему чувствую себя дерзким и уверенным двадцатипятилетним парнем, у которого всё ещё впереди. Но стоит случайно бросить взгляд в зеркало, как невольно замираешь в оцепенении и думаешь: «Господи, неужели это я? И как такое произошло?»

И я снова мысленно возвращаюсь к той старой, пожелтевшей чёрно-белой фотографии, с которой начал этот рассказ. Годы пролетели как один короткий миг, растаяв, словно призрачный дым. На том снимке я — маленький мальчик, безмятежно застывший в объятиях бабушки Тури, а рядом — мои молодые кузены Рафик и Захар. Время безжалостно изменило наши лица и разбросало судьбы, но оно оказалось бессильно перед памятью сердца. Как точно написал когда-то поэт Константин Батюшков: «О память сердца! Ты сильней рассудка памяти печальной» — эти строки стали настоящим гимном духовной победы над временем.

Продолжая эту мысль, хочу сказать: пока в глубине души горит чистый свет двадцатипятилетнего парня и звучат пацанские песни Слободки — моя история будет продолжаться, ведь я отмечен десницей Господа, жаждущим успеха и счастья на этом свете. Общаясь со Всевышним напрямую, я могу донести до Него свои надежды, и для этого мне не нужны никакие посредники.

ГЛАВА 34

Судьба, боевой пацанский дух, жажда приключений незримо вели меня в неизвестность, но тогда я был лишь молодым парнем, делающим первые шаги на незнакомой волжской земле. Главным ориентиром в огромном Волгограде был Рафик, который к моменту моего приезда уже прочно пустил здесь корни.

Будучи известным мастером-поваром и заведующим производством самого престижного ресторана в городе, Рафик слыл авторитетным человеком. Именно ему я передал привезённое из Дербента короткое послание от отца. Он медленно читал строки, с трудом воспринимая написанное. Разве мог он предположить, что настанет день, когда заботливый, уважаемый наставник сам обратится к нему за помощью?

Тамара, первая супруга Рафика, в приватном разговоре позже делилась со мной: «Твой брат в ту ночь не спал, плакал как ребёнок». Она же по большому секрету показала мне тот заветный листок, который так сильно расстроило любимого кузена. Читая отцовские слова, я был настолько ошеломлён и подавлен, что просьба оказать мне всяческую помощь при поступлении в институт с обещанием обязательно компенсировать все затраты чуть позже, словно острый меч, пронзила моё юношеское сердце.

Обычно я не плачу на людях, но тогда, держа в руках письмо к человеку, которого отец буквально поднял до нынешних высот, я не сдержался и заревел навзрыд. Бурные, неуправляемые эмоции, бессильное отчаяние и гнев на самого себя за собственный беспринципный эгоизм накрыли меня с головы до ног.

Я часто возвращаюсь к вопросу, почему именно Рафик из всех моих кузенов и дядей был для меня самым близким. Наверное, дело в том, что отец искренне любил своего племянника, и я с детства воспринимал его как родного брата.

Поддавшись необъяснимому, волнующему порыву своих воспоминаний, я мысленно отворил заброшенный сарай своей памяти и снова погрузился в прошлое. Там, в глухих закоулках разума, среди покрытых паутиной старых, забытых вещей и пахнущей вечностью пыли, бережно хранилось то, от чего моё сердце просто замирало. Мне показалось, что я, пятилетний мальчишка, снова стою в центре большого двора напротив старого саманного дома. И вдруг из этой тишины отчётливо прозвучал голос Рафика:

— Я буду пасти коров, а ты собери яйца в птичнике и отнеси домой. Смотри аккуратнее, не разбей и не напорись там случайно на индюшек!

Войдя в дом, который делился на две половины с огромной печью посередине, я, как обычно, повернул налево. Там находилась комната, в которой мы, пятеро мальчишек разного возраста, спали в ряд прямо на полу. В самом центре этого помещения, в потолке, располагалось единственное окно в небо.

По ночам, просыпаясь, мы вставали в круг над медным тазом, который стоял прямо под потолочным проёмом. Испытывая чистое детское облегчение, мы инстинктивно поднимали взоры вверх. Вот так, запрокинув головы к окну ночного неба, мы заворожённо всматривались в безграничную вселенную, где каждый жадно искал свою звезду. Мы тогда не ведали, что пройдёт время, и наши звёзды сойдутся в далёком Волгограде.

Вот мне уже тринадцать лет — рубеж Бар-Мицвы, когда по законам предков я официально стал мужчиной. Но мама почему-то этого упорно не замечала, продолжая громко зазывать меня на обед или ужин, когда я напрочь терял счёт часам, рубясь в футбол с друзьями на улице. Такие счастливые моменты в моей юности случались крайне редко. А Рафик тогда в шутливой форме предостерёг меня: «Смотри, Илюша, не напорись на голубоглазую, белокурую девчонку — будет гораздо больнее укуса индюшки!

Но я всё же по уши влюбился в самую красивую девчонку на свете. Ирина Островская — дочка военного врача, воспитанная, интеллигентная, из совершенно другого круга. И я — горский еврей, отъявленный, дерзкий до безрассудства пацан из еврейской Слободки, где жёстко культивировались законы Моисея. Это было чудесное, но и самое болезненное время моей прошлой жизни. Тогда впервые в жизни я остро, всеми фибрами своей юной души почувствовал, что такое настоящая боль от восторженной, но отвергнутой любви.

Но почему, чёрт возьми, по истечении вечности этот случай не выходит из головы? Почему в судьбе запоминаются именно самые горькие её составляющие, которые не дают покоя душе?

В тот торжественный вечер, посвящённый окончанию школы, впервые за пять лет я заговорил с Ириной пригласив на танец. Мы медленно двигались к центру зала, а вокруг вовсю кружились резко повзрослевшие за год парни и девчонки.

Вдруг она остановилась и, пристально глядя мне в глаза, негромко произнесла:

— Нет. Ты поздно решился на поступок, мы скоро уезжаем.

Затем она развернулась и навсегда ушла из моей жизни, оставив после себя лишь счастливые мечты о прошлом.

Это ледяное «Нет» стало безжалостным зеркалом, в котором я увидел упущенное время и цену упрямства. Ведь я и год, и четыре года назад, вплоть до этой вечеринки, панически боялся услышать приговор, мгновенно обрубающий все надежды. Боялся лишиться возможности ловить хотя бы редкие, брошенные исподтишка взгляды девчонки, о которой до сих пор вспоминаю с замиранием сердца, если так скрупулёзно описываю тот случай.

Очищая память от ненужной шелухи, накопившейся за долгие годы, я случайно наткнулся на события, которые давно ждали своего часа. Это бесконечные застолья в нашем доме, в которых принимали участие руководители города, прокуратуры и милиции. Такова была суровая реальность жизни делового человека во времена развитого социализма.

На Рафика папа возлагал всю организационную работу, доверяя ему продовольственное обеспечение этих статусных вечеринок, и кузен всегда на отлично справлялся с поручениями отца. И мама тут как тут: как обычно, не замечая шумных, говорливых гостей, она бережно выносила к столу дюшбара и долму — какими они у неё были вкусными, просто не передать словами! А Рафик, будучи всегда под рукой, помогал маме найти скромное место для её новых кулинарных шедевров. Именно на одном из таких вечеров Яков Яковлевич Шурупов и заметил своего будущего зятя.

Порой мне думалось: если бы у меня был старший брат, я очень хотел бы, чтобы он во всём походил на Рафика. Но в его реальной жизни всё пошло не так, как ему виделось в юношеских романтических грёзах. Между ним и Тамарой возникло сильное влечение. Она очаровательная дочь Шурупова, которую отец, вероятнее всего, с тайным умыслом перевёз с холодного Урала на юг России. Вскоре это чистое чувство, свободное от предрассудков и пошлости, переросло в глубокую взаимную любовь.

Страстное желание обладать красивой, невинной девушкой и ответный порыв, нежный, как первый снег в горах Алтая, привели к беременности Тамары. Безотчётный страх перед неизвестностью и позором охватил молодых людей, совершенно не готовых стать

родителями и не знавших, как поступить. Поддавшись панике, они выбрали ложный, трагический путь. В результате неудачного аборта Тамара лишилась возможности забеременеть естественным путём. Но Рафик повёл себя достойно, как настоящий мужчина, и вскоре они официально стали мужем и женой.

Я помню, с каким неподдельным интересом, не скрывая истинных намерений от родных и друзей, они открыто обсуждали усыновление ребёнка из детского дома. В нашем окружении подобной практики вообще не существовало — это считалось огромной редкостью. Всё складывалось благополучно, Рафик обеспечил семье достаток, и со временем они могли принять на воспитание второго и третьего малыша, ведь у него водился солидный капитал, которого хватило бы на содержание целого приюта.

Однако его судьба распорядилась иначе, несмотря на колоссальные теневые доходы, которые он получал играючи.

Однажды, в пылу дружеского спора о том, что нужно предпринимать, чтобы всегда выглядеть важной и значимой фигурой в глазах окружающих, он вгорячах произнёс:

— Надо иметь большие финансы! — и тут же, войдя в хмельной кураж, положив правую руку на сердце, хвастливо добавил: — Бывали дни, когда за одни сутки я делал сумку денег.

Я видел, какие заметные перемены медленно, но верно происходили в его сознании. Из некогда доброго, отзывчивого и стеснительного молодого человека Рафик постепенно превращался в циничного мужчину, похоронившего мечту стать выдающимся, большим мастером. Он разменял редкий талант, дарованный Всевышним, превратившись в обычного цеховика в захудалом подвале вокзального ресторана. «Откуда пришёл, туда и вернулся», — с глубокой горечью думал я, видя, что даже новые горизонты не открыли перед ним иных дорог.

Кто виноват и почему это произошло? Он ведь мог добиться любых высот, но вместо того, чтобы посвятить себя юношеским мечтам, выбрал слепую погоню за богатством. Думаю, что, несмотря на то что в детстве он много времени проводил с отцом, человеком великодушным, добрым, отзывчивым, сыном известного, богатого человека, Рафик в большой степени унаследовал качества своего родителя — замкнутого, не имеющего друзей, бедного человека, мечтавшего просто сытно поесть.

И сегодня я с болью вспоминаю, как покупал у него курицу и куриную печень для маленькой доченьки, которой были жизненно необходимы эти диетические продукты. Рафик ни разу не сказал: «Денег не нужно, возьми так!» И это был тот самый человек, который годами дневал и ночевал в нашем доме, а мой отец никогда ничего для него не жалел. Шальные купюры окончательно выжгли его душу.

Но я искренне его любил. Господи, доведи до Рафика эти мои правдивые признания, пусть он там, на небесах, согреется от тёплых братских слов. В моей душе не нашлось места слепой злобе, ведь я никогда не забывал главного: именно Рафик, когда моему отцу было по-настоящему трудно, протянул мне руку помощи в Волгограде. Он помог и с поступлением в институт, и с первоначальным обустройством, и с жильём. Настоящее, искреннее добро не перечёркивается временем и чужими ошибками, я благодарен ему по сей день.

Мне хотелось понять, как у парня из провинциального городка — где все друг друга знают, где действуют строгие законы общины, уважение к старшим и страх опозорить имя рода, — при переезде в огромный мегаполис и быстром достижении финансового триумфа внутри происходит мощнейший тектонический слом. Ведь не будь отца и его верного друга Якова Яковлевича, Рафик так и продолжал бы прозябать в Дербенте. Был бы, наверное, средней руки дельцом — заведовал каким-нибудь цехом или управлял рабочей столовой, зарабатывал бы средства, правда, не сумками, но вполне достаточные, чтобы жить сытно и благополучно.

Однако, когда в Волгограде он начал наживать огромные капиталы, ежедневно рискуя собственной свободой, у него попросту снесло крышу. Ему казалось: если он может «сделать сумку денег за день», то поймал Бога за бороду. Деньги из обычного инструмента выживания незаметно превратились для него в главного идола жизни.

Большой мегаполис подарил ему опасную иллюзию абсолютной свободы и анонимности. В Дербенте за Рафиком стояла тень моего отца и вековые законы общины, а здесь он оказался один на один с соблазнами. Оторвавшись от родной почвы, но ещё не успев обрести внутреннюю зрелость, он быстро растерял под натиском суеты большого города былую стеснительность и доброту. Рафик надел маску цинизма, чтобы защитить раздутое эго, и незаметно для самого себя похоронил высокие юношеские идеалы.

Как же мне надо было думать, видя, как он сидит за одним столом и безжалостно играет в азартные игры на деньги со своими родными братьями и кузенами, выигрывая у них не купюры, а само время их жизни? Что произошло в его сознании, почему он стал мерить мир исключительно материальными категориями?

Почему и когда в его душе произошла страшная подмена: ценность братских отношений уступила место сугубо деловому расчёту? Тот, кто раньше ценил искреннее тепло, стал ценить только статус — желание выглядеть важной и значимой фигурой в глазах окружающих. Именно в этот момент человеческое сердце каменеет. А у такого сердца нет ни жалости, ни сострадания даже к самым близким людям.

Слава Богу, я вовремя оказался на всесоюзной ударной комсомольской стройке, где ценились совсем другие критерии человеческого поведения. Я, как и покойный отец, много трудился и искренне верил, что там, на объекте, созидаю светлое будущее для всего народа. Мне нравилось спозаранку выходить на работу и возвращаться домой усталым, но глубоко довольным тем, что очередной день моей жизни не прошёл бесследно за карточным столом в компании приятелей и кузенов.

Этот «карточный угар», когда человек полностью теряет разум, куражится и не видит гибельных последствий азартного ослепления, когда-то преследовал и меня — ведь с самого детства я играл на деньги в различные дворовые игры на Слободке. Однако теперь, будучи студентом, я просто не имел средств, чтобы на равных соперничать с парнями из нашего горско-еврейского окружения, которые уже вовсю осваивались в Волгограде с помощью Рафика. Они играли по-настоящему на крупные суммы и исключительно в Секу — самую жёсткую, бескомпромиссную карточную игру, где игроки часами изматывали друг друга скрытым блефом, шли «втёмную» и ставили на кон огромный капитал ради заветных тридцати одного очка.

Однажды Ной — мой близкий друг, которого когда-то ввёл в круг своего общения, — уговорил меня сесть за стол и вспомнить юность.

«Моя душа окончательно переросла этот порок», — думал я тогда, стараясь незаметно улизнуть от азартных парней. Но Ной остановил меня, насильно вложил мне в руку какие-то жалкие

пятьдесят рублей и твёрдо сказал: «Играй, если надо будет — я добавлю!»

Каюсь, я не выдержал искушения. Азарт захватил меня, и партия затянулась на долгие часы. В том карточном угаре я пропустил даже последнюю электричку домой, где меня ждала самая красивая и чувствительная девушка в тогдашней моей жизни.

Домой я возвращался уже под утро, шикуя на такси, и легко отвалил водителю те самые пятьдесят рублей — таксист был в абсолютном восторге.

Целый час в ночной дороге мысли неизменно возвращали меня к поединку. Как такое могло случиться? Ведь при вскрытии у меня и Захара — моего кузена, младшего брата Рафика, — оказалось одинаковое количество очков, и мы автоматически стали участниками бешеной свары. Чтобы продолжить кону и получить новые карты, каждый из нас обязан был сделать в банк крупный дополнительный взнос — половину от уже лежащей на столе суммы.

Но когда другие азартные участники, включая Рафика, тоже пожелали войти в эту свару, им пришлось внести полную сумму всего накопившегося куша. Купюры посыпались на стол лавиной, ставки взлетели до небес, и в итоге на кону сформировался фантастический куш — целых семь тысяч рублей! Эти сумасшедшие деньги теперь едва умещались в моей потрёпанной, хвойного оттенка сумке.

Но как на этой финальной сваре у меня на руках оказались три Туза против тридцати одного очка у Захара и тридцати у Рафика — ума не приложу! «Это какое-то волшебство!» — не унимался я, мысленно возвращаясь назад и вспоминая до мельчайших подробностей весь ход той драматичной партии.

Уже гораздо позже я понял истинную причину этого чуда. Захар уже тогда вовсю шельмовал и попросту грубо ошибся в раздаче. Выстраивая хитрую комбинацию для самого себя, он случайно сдал три заветных Туза именно мне. Разве это не был тот самый момент обманчивой удачи, которым Господь иногда вознаграждает человека за слабости и гадкие поступки, проверяя на прочность духа?

ГЛАВА -35

В последнее время Рафик всё чаще приходил домой под хмельком. Его лицо, осунувшееся от чрезмерной усталости и душевного надлома, приобретало безразличный вид, хотя ему было чуть больше тридцати. Его можно было понять, и становилось невыносимо жаль видеть его в таком гнетущем состоянии.

Их союз с некогда горячо любимой женщиной трещал по швам, и главной, самой страшной причиной тому являлось затянувшееся отсутствие детей. Это несчастье невидимым тяжёлым грузом давило на его плечи, лишая сна и покоя.

Для кавказского мужчины, воспитанного на вековых законах общины и священной памяти предков, бездетность — не просто личная трагедия. Это сокрушительный удар по самолюбию, мужскому естеству, ведь на тебе обрывается священная родовая нить. Картам и алкоголю суждено было стать его единственной анестезией, защитной бронёй от глухого отчаяния и безмолвной пытки, навечно вселившейся в очаг.

Именно эта незаживающая рана, а вовсе не бытовой хаос, заставляла его всё чаще искать забвения в алкогольном тумане, уводя некогда гордую натуру в глухую изоляцию от близких.

Куда девалась былая стройная осанка? Искренняя, непоколебимая вера в счастливое будущее, которое ещё десять лет назад казалось незыблемым, теперь на глазах братьев медленно таяла, уступая место алкогольному омуту. Я часто задумывался об этом, невольно сравнивая его повадки и походку с шагом моего отца на самом закате его жизненных сил.

Боже мой, как они были похожи! Даже в манере ходить, чуть-чуть подавая корпус вперёд, с опущенной головой — словно Рафик подсознательно хотел скрыться от любопытных глаз, чтобы никто и никогда не увидел его страданий, слабости и глубокой внутренней боли. Он на глазах терял прежнюю деловую активность, становясь равнодушным ко всему окружающему.

Он мало говорил — точно так же, как когда-то мой отец, — уходил в себя, а порой и вовсе спешил поскорее укрыться в своей комнате от наших пристальных, вопрошающих взглядов. Я искренне, по-братски обожал его — он слишком сильно напоминал мне отца, настолько они были похожи друг на друга внешне и по привычкам.

Иногда он проявлял необъяснимую резкость за карточной игрой, словно изо всех сил хотел доказать окружающим, что целиком поглощён этой стихией. Но мне казалось, что всё это было лишь напускным — его отчаянная попытка хотя бы на короткое время почувствовать себя абсолютно безмятежным.

Разве могли его по-настоящему интересовать те шальные деньги, которые крутились за столом? Нет, конечно, они были ему абсолютно безразличны. Ему жизненно необходим был этот дикий, фальшивый азарт, чтобы хоть на короткое время заглушить внутренние страдания, отдающие глухим гулом в голове.

Ему нужен был сам мир отчаянных, рискованных парней, которые жили напропалую — здесь и сейчас. Но кто, мать его, в действительности может до конца разделить ту самую глубинную душевную рану, которая не затихает со временем, а, наоборот, становится всё более настойчивой в каждодневных ударах по разуму? Пожалуй, никто. Это страшная, безмолвная пытка — жить с некогда любимой женщиной и точно знать, что у тебя никогда не будет от неё продолжателей рода.

А бытовые неурядицы тем временем в квартире никуда не девались и происходили почти ежедневно. Немытая посуда — тарелки, чашки, ложки и прочая кухонная утварь — горой скапливалась в раковине. Рафик эти житейские мелочи упрямо игнорировал. Вернее сказать, он просто не хотел вмешиваться в глухие дрязги, назревавшие между его родными братьями с одной стороны и мной, их кузеном, — с другой.

Тамара, видя это всеобщее равнодушие, поспешно отстранилась, старалась подолгу не бывать дома в кризисные моменты. Мне отчаянно хотелось раз и навсегда избавить себя от косых, укоризненных взглядов кузенов. Эти навязчивые мысли не давали покоя, отвлекали от учёбы в институте и забирали колоссальное количество жизненных сил. Растущее беспокойство из-за неустроенного, враждебного быта окончательно выбивало из привычной колеи. Я ходил как в воду опущенный и временами даже всерьёз задумывался о том, чтобы бросить институт и вернуться в родные пенаты, где всегда оставался безоговорочным центром семьи.

Не помню точно, кто именно сказал эту хлёсткую фразу: «Я ненавижу застолья, если я там не в центре внимания». Но её автор попал в самую точку тогдашнего восприятия судьбы. Быть на вторых ролях, терпеть молчаливое осуждение и задыхаться в чуждой

атмосфере было выше моих сил. Но с каждым днём здравый смысл всё более настойчиво призывал меня к решительным действиям, требуя мужской смелости для принятия этого непростого, но единственно верного поступка.

Надо было уходить в самостоятельное плавание, и чем раньше, тем лучше — думал я, засыпая и просыпаясь с этой мыслью. Пора было начать жить по своим собственным правилам, не связанным с навязанным извне укладом, пусть даже этот уклад исходил от близких родственников, которые в последнее время всячески проявляли лишь ложное братское отношение. Я ревел от беззвучной злости на самого себя: почему я — такой от рождения дерзкий и самоуверенный пацан — сейчас попросту не знаю, как поступить?!

Вернуться в Дербент ни в коем случае нельзя, думал я, — тогда раз и навсегда потеряю уважение отца. А начать в семнадцать лет полностью самостоятельную жизнь в чужом, огромном городе мне казалось неразрешимой проблемой для мальчишки, выросшего в благополучном доме, где до этого момента вообще не существовало никаких забот.

Как перестать жить за чужой счёт? Как заработать самому хотя бы на самое необходимое — на скромную еду и крышу над головой? Десятки жёстких вопросов требовали от меня немедленного, честного ответа. И несмотря на то, что я совершенно не был готов к столь радикальным переломам, мне пришлось их решать — у меня просто не оставалось иного выхода. Иначе пришлось бы с позором возвращаться домой к родителям.

Уезжая в чужой, незнакомый Волгоград, я не думал, на какие средства буду существовать и где стану доставать деньги. Тогда, в силу юности, казалось, что всё устроится и решится само собой, ведь меня опекал Рафик — мой любимый брат, чьим многолетним духовным наставником когда-то выступал мой отец.

В трудные минуты нам часто чудится, будто мы находимся под какой-то магической, невидимой защитой предков. Но у суровой реальности всегда свои, независимые сценарии — за каждый свой поступок и за каждый кусок хлеба в итоге приходится платить самому. Этот тяжёлый, но спасительный урок в будущем станет главным правилом на моём дальнейшем пути.

Прожив на полном довольствии Рафика почти целый год, я, признаться, быстро привык к этому беззаботному существованию.

Сам кузен и Тамара были очень добры ко мне и внешне никогда не показывали, что испытывают какие-то неудобства или стеснение по этому поводу.

Помимо меня в небольшой трёхкомнатной квартире на первом этаже типового крупнопанельного дома ютились ещё двое его родных братьев. Вроде бы ничего предосудительного в этом не было — мы люди восточные, испокон веков привыкшие к тесному общинному укладу. Напротив, поначалу всё складывалось как нельзя лучше: вокруг находились близкие люди, которых я прекрасно знал с самого раннего детства.

Но глухое напряжение в семье нарастало с каждым днём. Усталость Рафика и Тамары от постоянного многоголосого, раздражающего шума, от вечных словесных стычек и бесконечных перепалок между братьями была видна невооружённым глазом. От этого гнетущего бытового хаоса настроение у них портилось ещё больше, превращая некогда уютную квартиру в пороховую бочку.

Судьба оказалась благосклонна ко мне: у меня появились студенческие товарищи, которые горячо поддержали меня в самый тяжёлый период. Именно тогда началась моя подлинная вольная жизнь. В доме Ноя, моего однокурсника, я провёл много беззаботных, незабываемых дней. Там я по-настоящему чувствовал себя свободным от дурных мыслей и гнетущей квартирной суеты.

Я никогда в жизни не забуду, как тётя Фрида, мама моего покойного друга, Ноя Семеновича, чудесная еврейская женщина, каждый раз усаживая меня за обеденный стол и наливая полный до краёв домашний борщ, наигранно возмущалась: «Господи, как твоя мама смогла отпустить такого худощавого парня так далеко от дома?!»

Виталик, абхаз из солнечного Сухуми, тоже учился с нами до третьего курса. Он был абсолютно неотразим — одна причёска чего стоила! Неравнодушные девушки толпой бегали за ним. А он, щедрый до безумия, мог в один миг пригласить всю нашу бесшабашную компанию в шикарный ресторан и от души угостить фирменными блюдами. Получая из дома баснословные пятьсот рублей в месяц, к его исходу Виталик неизменно оказывался на мели. В такие пустые дни он заговорщически подмигивал и обращался ко мне: «Илюха, подкинь деньжат!»

Я, студент третьего курса, тогда работал сразу на двух местах и мог спокойно позволить себе такую роскошь. Днём

подрабатывал пожарным в училище искусств, а ночью сторожил во Дворце пионеров. Если в училище я почти ничего не делал — у меня там был даже собственный кабинет, где я спокойно готовился к экзаменам, — то со второй работой всё обстояло иначе.

С училищем искусств произошла занимательная история. Я пел в мужском академическом хоре Волгоградской области и был там единственным тенором. Чтобы удержать меня, наш главный дирижёр, заведующий кафедрой в этом учебном заведении, и пристроил меня туда на должность пожарного.

Когда я работал во Дворце пионеров, мне по утрам приходилось приводить в порядок улицу перед зданием. И когда я подметал тротуар, девчонки, проходящие мимо, часто шептались между собой: «Посмотри, кавказец убирает дороги».

Но зато я всегда был при деньгах, да и из дома мама постоянно подкидывала средства. Я мог достойно ухаживать за своей девушкой, которая тоже училась в нашем институте, баловать её хорошими обедами и классными шоколадками. Она самая красивая и обаятельная студентка строительного факультета, и за ней вечно ходила толпа однокурсников. Помню один забавный случай, который я впоследствии часто пересказывал своим друзьям.

Закончилась очередная сессия, и мы с Сусанной решили отметить это событие роскошным застольем. Я пригласил её в самый крутой ресторан Волгограда — «Интурист», известный своей камерной и уютной атмосферой. Здесь прекрасно готовили котлеты по-киевски — это фирменное блюдо славилось по всему городу. Помню, Рафик рассказывал, что именно в этих стенах он когда-то оттачивал поварское мастерство.

Разве мог я подумать, что эта восточная красавица с удивительно тонкими, длинными пальцами, придававшими её рукам особую элегантность и изящество, будет вскоре сидеть со мной за одним столом — спокойная, уверенная, знающая, что её репутации ничто не угрожает?

Сусанна была настоящим произведением искусства — нежная, романтичная, горделивая и недоступная кавказская девушка. Впервые поцеловав её полуоткрытые дрожащие губы, я замер. Она не отвела взгляда и, направив лицо навстречу майским солнечным лучам, тихо спросила: «Можешь повторить?»

За соседним столом в окружении красивых белокурых женщин, громко и весело разговаривая между собой, шумно пировала группа взрослых грузин.

Официант кивнул в знак того, что заметил мою поднятую руку, и через минуту уже принимал заказ. Мы долго шептались.

— Илья, что ты затеял? — с лёгким волнением спросила Сусанна.

— Ничего серьёзного, мы просто обсуждаем меню.

Через пару минут официант торжественно, с загадочной улыбкой поставил перед нашими соседями две непочатые бутылки шампанского и, не дожидаясь расспросов о том, кто передал презент, быстро удалился — это являлось частью моей задумки. Шумная компания вмиг смолкла. Взрослые мужчины были настолько изумлены и ошарашены, что полностью погрузились в решение главной загадки момента: кто же прислал вино?

— Нет, я никак не могу сказать, кто эти люди. Меня строго-настрого предупредили этого не делать, — с таинственным, заговорщическим видом отнекивался официант.

Наконец, получив от них червонец и поймав мою отмашку, он красноречиво кивнул в нашу сторону.

Соседи дружно повернулись к нам и замерли, буквально поражённые увиденным. Они не верили собственным глазам: суета, охватившая видавших виды, тертых авторитетных кавказцев, выглядела до смешного выразительно. Они вопросительно глядели то на прислуживающего парня, то на меня с Сусанной, гримасами и жестами требуя подтверждения. Гости хотели убедиться в том, что эти совсем юные ребята, сидевшие за скромным столиком, и были теми самыми щедрыми дарителями. Официант утвердительно кивнул головой и скрылся из виду.

Мужчины поднялись со своих мест и, держа в руках бокалы с красным грузинским вином, все как один, словно сговорившись, подошли к нашему столику. Сусанна была поражена увиденным — именно этого мне и хотелось в тот момент. Вскоре мы оказались в большой компании весёлых и жизнерадостных людей. Я то вставал, то присаживался — праздничные тосты не заканчивались. Мне казалось, что именно из-за меня эти кавказцы собрались сегодня вместе в этом чудесном ресторане. Я, парень, ещё не знавший суровых поворотов судьбы, вдруг стал главным действующим лицом

в компании взрослых, умудрённых опытом мужчин, и это было прекрасное, ни с чем не сравнимое чувство.

Пришло время расставаться. Собираясь к выходу, я подозвал официанта для расчёта, но соседи уже полностью оплатили мой заказ. Мало того, они положили нам в дорогу по паре бутылок отличного вина, шампанского, коньяка и несколько коробок дорогих конфет. Пожелав нам счастья и долгих совместных лет, они стоя провожали нас до самого выхода. С той далёкой поры я не позволяю никому платить по своим счетам. Надо быть добрым ко всем, ведь у каждого из нас — своя битва за жизнь.

Рассказывая Рафику об этом случае в ресторане «Интурист», я видел, как он от души весело смеялся.

— Ты весь в отца, — коротко сказал он.

Не менее захватывающая и поучительная история произошла в дни, когда я работал ночным сторожем во Дворце пионеров.

В одной группе на первом курсе института вместе со мной училась голубоглазая блондинка с ослепительно белым, фарфоровым лицом. Натали была удивительно нежной и красивой девушкой. Несмотря на её юный возраст, в ней уже тогда в полной мере проявлялось достоинство взрослой женщины, что делало её невероятно привлекательной и буквально сводило с ума однокурсников.

Мне, молодому человеку, горскому еврею, впервые приехавшему в Россию, пришлось в полной мере испытать на себе все сложности и прелести дружбы с очень соблазнительной девушкой. Это была настоящая мука, полная ночных сновидений и мучительного юношеского влечения! Мы сидели с Натали за одной партой, и в институте нас за глаза уважительно называли «гусар и принцесса».

Мы оставались лишь друзьями, говорили, не стесняясь, обо всём на свете. Когда речь заходила о семейном укладе, я всегда выказывал категоричность и утверждал, что отец будет глубоко недоволен, если я женюсь не на еврейке. Натали не оставалась в долгу и в ответ, как будто в шутку, но твёрдо заявляла: «Я не представляю, что могу связать свою судьбу с еврейским парнем, даже если он будет самым распрекрасным среди ухажёров». Но наше окружение по-другому воспринимало наши общение, думая, что у нас роман.

В одной группе с нами учился парень из известной в городе семьи. Его отец, директор крупнейшего завода, входил в элиту руководителей области. Володя чувствовал, что однокурсники с уважением относятся к нему, и вёл себя в высшей степени достойно. Да и сам он был статным, видным молодым человеком. Он ухаживал за Натали и пренебрежительно относился к нашей дружбе.

Однажды Натали по секрету сказала, что собирается выходить замуж за Володю и непременно хочет пригласить меня на свадьбу. Мои однокурсники рассказывали потом, что торжество оказалось просто уникальным, с большим количеством знатных гостей и дорогих подарков.

Через неделю, как сейчас помню этот невероятный эпизод, потрясший основы моего восточного воспитания, где честь женщины всегда оберегается как высшая святыня, Володя открыто, но как-то просто и буднично сказал мне при встрече: «Зря ревновал тебя к Натали». Он был горд и безмерно доволен супругой, узнав, что она свято сохранила до замужества свою девичью ценность. Но для меня это открытое обсуждение первой брачной ночи с чужим, по сути, человеком стало глубоким шоком.

Время лечит. «Всё проходит, и это пройдёт» — так говорил в свое время великий и мудрый еврейский царь Соломон. Я понемногу стал привыкать к тому, что со мной рядом за партой уже никто не сидит, а жизнь, пусть по совершенно другому сценарию, идёт своим непредсказуемым чередом. Второго такого удара я просто не выдержу, — думал я, вспоминая пьянящий запах её молодого тела, из-за которого сердце начинало непроизвольно биться в сумасшедшем ритме, — будет лучше, если я сразу умру от любви. Предсказания слободского наставника Изи на глазах становились реальностью.

— Ты много раз в жизни будешь жестоко страдать от утерянной любви, — без малейшего сочувствия утверждал он когда-то, словно заглядывал сквозь годы в моё грядущее.

Было далеко за полночь. На улице непрерывно шёл холодный, заунывный моросящий дождь. Я постелил матрас на своё импровизированное ложе, сооружённое из шести стульев, составленных по три в ряд, как вдруг раздался резкий, требовательный стук в окно. Господи, кто в такую погоду и в столь поздний час? Наверное, проверяющие хотят убедиться, дежурю ли я ночью.

Открыв дверь, я буквально обомлел: на пороге, вся мокрая от ливня и продрогшая от сырости, стояла Натали.

— Я ушла из дома, — тихо, едва слышно прошептала она, продолжая неподвижно стоять под непрекращающимся дождём.

— Хочешь чаю? — растерянно и неуверенно предложил я.

Она молча кивнула и вошла внутрь.

Натали сидела за столом и, согревая пальцы о чашку горячего чая, сбивчиво рассказывала о каких-то совершенно незнакомых мне людях. Она говорила о непонятных вещах и, не переставая, горько плакала. Я был в полной растерянности, мысли путались, и я совершенно не знал, как себя вести в этой непростой ситуации.

После нескольких глотков крепкого напитка Натали немного успокоилась. Она взяла чистую простыню с наволочкой и принялась бережно заправлять моё скудное студенческое ложе.

— Романтичная и очень уютная у тебя кровать. Хочу, чтобы эта постель сегодня была моей, — разглаживая ладонью ткань, задумчиво, но очень уверенно сказала она.

Даже не пытайся понять, мой дорогой читатель. У тебя ничего не получится. Ты наверняка не горский еврей, и тебе не восемнадцать лет. Ты ещё не встречал такую потрясающую женщину, и тебе никто не говорил слова, от которых замирает сердце и хочется взлететь за облака, где никто не увидит твоих слёз от хмельного, сумасшедшего чувства, которое приходит незаметно, но настойчиво на смену внезапным юношеским эмоциям.

— Натали, но после этой ночи неизбежно наступит завтра, а потом и послезавтра, — мягко, но твёрдо сказал я. — Ты не сможешь без гнетущего чувства вины и стыда накрывать мужу завтраки и ужины, тебе будет невыносимо трудно ложиться с ним в постель. Ты же по своей натуре не предатель. Тебе лучше уйти домой, там тебя наверняка уже заждались.

Она посмотрела на меня долгим, вопросительным взглядом и ушла — так же внезапно, как и появилась в эту дождливую ночь.

Много лет спустя в такой же ненастный день я совершенно случайно столкнулся с Володей. На нём был старый потрёпанный плащ, надетый на рубашку практически без пуговиц поверх грязной, давно нестираной майки. Передо мной стоял бродяга с опухшим от пьянки лицом и воспалёнными глазами потерянной души. Мы кивнули друг другу, но прошли мимо — у каждого из нас в тот момент имелись свои причины не задерживаться. Я обернулся и

долго, пока он не скрылся в толпе, смотрел ему вслед. И впервые горько раскаивался в том, что когда-то позволил этому баловню судьбы, которому всё доставалось легко, словно сам Господь опекал его, увести у себя мою первую настоящую любовь.

Чуть позже в трамвае мне встретилась Натали. Она, слегка сгорбленная, стояла ко мне спиной, которая то ли под тяжестью набитой сумки в руке, то ли от покорного бессилия перед жизненными обстоятельствами навсегда потеряла былую девичью осанку. Но я вмиг узнал её запах и непроизвольно, едва слышно произнёс: «Натали…»

Она медленно обернулась на голос. Господи, как было бы справедливо по отношению ко мне, если тогда Ты осознанно не устроил бы эту встречу! Передо мной была другая женщина, которая теперь безвозвратно принадлежала к тому же тёмному, опустившемуся кругу людей, где обитал и её муж.

Мой кузен Рафик был не просто любимым братом, но и близким соратником моего отца. В свои семнадцать лет я делился с ним всеми сокровенными секретами и тогда, вернувшись со смены, подробно рассказал ему об этой невероятной ночи во Дворце пионеров. Он ненадолго задумался, глубоко вздохнул, а потом тихо сказал:

— Не переживай, дружок. В твоей жизни будет много прекрасных женщин, поверь — такую чистую, отчаянную и всепоглощающую любовь ты пронесёшь сквозь долгие годы и уже никогда не сможешь забыть.

Время показало, что он оказался абсолютно прав.

ГЛАВА – 36

Вспоминая дни совместного проживания с кузенами под одной крышей, я отчётливо понимаю: именно там, в душных стенах волгоградской квартиры, начался подспудный надлом моих идеалов о кровном родстве. Каждый раз, возвращаясь с работы или учебы, я натыкался на глухое, циничное равнодушие — на кухне неизменно ждала гора грязной посуды. Чтобы без чувства брезгливости можно

было сесть за стол, мне приходилось молча, стиснув зубы, наводить порядок в чужом балагане.

Я остро переживал эту нестандартную ситуацию и постоянно размышлял над тем, как я — такой крутой в свои семнадцать лет, выросший в кавказской семье, где мужчинам возбранялось мыть полы и посуду, — научился мастерски справляться с сугубо женскими бытовыми заботами. Видела бы моя бедная матушка — она ни за что бы не поверила!

Мама с подлинным религиозным фанатизмом сохраняла идеальный порядок. Она умудрялась отмывать кухонные приборы до такого блеска, чтобы они сверкали и буквально скрипели в руках. Она часто говорила, чистота в доме — это зеркало сознания женщины, залог её психического здоровья и эмоционального благополучия. Когда хозяйка смывает грязь, она подсознательно очищает сердце и душу от сиюминутных необузданных желаний. В этом заключалась одна из важнейших еврейских традиций святости семейного уклада.

Как-то раз, вернувшись с учёбы, я опять увидел форменный бардак: гора грязной посуды в раковине громоздкими этажами уже упиралась в кран, а на столе сиротливо лежали недоеденные котлеты, залитые томатным кетчупом. В комнате постель оказалась измята до основания, словно на ней только что бесцеремонно валялся здоровенный мужчина. Меня просто распирало от злости.

«Терпи или ищи способ свалить из этой квартиры», — зло и горько отрезал я вслух самому себе. Одно дело — поддерживать элементарный порядок за собой, и совсем другое — молча разгребать чужие следы за людьми, которые откровенно игнорировали моё присутствие. Внутренний протест захлёстывал до дурноты. Дерзкая слободская натура, воспитанная в строгой патриархальной семье, где жёстко соблюдали понятия о чести и достоинстве, восставала против роли бесправной прислуги. Я просто не мог понять, почему они так упорно и вызывающе стремились растоптать моё мужское эго. Хотя догадывался на этот счёт: я с самого детства жил в полном достатке, в противовес их более чем скромному укладу.

Отец пророчески предупреждал: непросто жить вне родных стен. Он предлагал поступать в Махачкалинский университет: «Здесь рядышком, всего два часа езды на автобусе. Ты сможешь в субботу приезжать домой, отоспаться, помыться, поесть вдоволь, заниматься делами в тишине и спокойствии». Нет же, потянуло меня, чертям

вопреки, к белокурым девчонкам... «Ну и что теперь?» — думал я с трудом сдерживая подступившую к горлу горькую обиду.

Как могло случиться, что я, дерзкий слободской пацан, зашёл в тупик и безуспешно пытаюсь совладать своими невесёлыми мыслями? Погружённый в эти думы, я вдруг услышал нежный голос Тамары, которая незаметно вошла в квартиру. Она была удивительно добра ко мне. Заметив моё подавленное настроение, Тамара с изумлением посмотрела и, не проронив ни слова, лишь мягким кивком головы позвала за собой.

Кто сказал, что ангелов не существует? Просто на земле их называют добрыми людьми. Господь, заметив мои тяжкие душевные переживания, совершил истинное чудо. Я бесконечно благодарен Тамаре за то, что в нужную минуту она оказалась рядом и передала мне письмо дяди Пинхаса к Рафику. Это послание, словно гром среди ясного неба, стало полнейшей неожиданностью и в одно мгновение перевернуло всё моё сознание.

Читая слово за словом, строку за строкой послание Пинхаса к сыну, я в первые же мгновения почувствовал, как пол буквально уходит из-под ног. С недоумением взглянув на Тамару, затем на мятый, развёрнутый лист бумаги, я быстрым жестом почесал голову и снова принялся жадно читать. Было трудно осознать, что такое вообще возможно. Это звучало по-настоящему страшно, и я до последнего не верил собственным глазам, что эти строки действительно вышли из-под пера Пинхаса — человека, который почти ежедневно столовался у моей матери.

Я подсознательно ощутил, что в моей судьбе наступили совсем иные, суровые времена. Суть письма сводилась к следующему: «Мой дорогой сын, у твоего дяди Года нет средств, он болен и никогда не рассчитается с тобой — не трать свои деньги на Илью, отправь его обратно домой».

— Ты же сильный парень, — нежно, по-сестрински обняла меня за плечи Тамара. — Рафик, да и Яков Яковлевич много хорошего рассказывали о твоём отце, о том, какой он волевой, мудрый и деловой человек. Не нужно думать о плохом. Просто найди квартиру — я обязательно помогу тебе с этим, — и съезжай отсюда. Начни самостоятельную жизнь, и вот увидишь, у тебя получится.

Она на мгновение замолчала, отвела глаза и тихо, с грустной улыбкой добавила:

— Ты же в курсе, что и у нас с Рафиком далеко не всё гладко. Раньше он хотел усыновить ребёнка из детского дома, но в последнее время остыл к этой идее...

Кризис в их отношениях развивался по спирали. Словно ураган, он возникал внезапно, стремительно набирая разрушительную силу, в которой преобладали слепой гнев, взаимные обиды и горькие разочарования, а затем на время затихал. Тогда в семейные отношения на короткий срок возвращались былая любовь и лад — и вся эта изнурительная драма разворачивалась на моих глазах.

Скрыть скорый, неизбежный развод было практически невозможно. Никто особо и не пытался этого делать. Напротив, родители Рафика и кузены стремились придать происходящему максимальную огласку. Они находились в ненормальном, радостном ожидании того, что Рафик вот-вот расстанется со своей русской женой, и искренне верили, что в обозримом будущем он свяжет судьбу с горской еврейкой.

Но роковой ошибкой создателей этого авантюрного замысла было в том, что они не учли эволюционные, необратимые изменения, произошедшие в сознании Рафика. Его натура, душевный мир и привычки, приобретённые за долгие годы совместной жизни с девушкой с Урала, позволили русской ментальности глубоко укорениться в его характере, потеснив прежние устои.

Смутное чувство досады и разочарования рвало душу на части. Я не по своей воле оказался в этом неприятном положении. Разве мог я предположить, что стану свидетелем столь печального финала? Нити любви, некогда прочно связавшие Рафика и Тамару в единое, гармоничное целое рвались одна за другой, не оставляя им шансов на спасение брака.

Рафик не устоял перед мощным натиском родителей, братьев и родственников. В итоге он развёлся с Тамарой и дал согласие на брак с девушкой из Дербента. Вот и сбылась наконец-то мечта адептов старинных традиций.

Острая проблема нашего времени — сохранение семьи без детей. Книга Бытия говорит нам, что, когда Господь создал человека, Он сказал: «Нехорошо быть человеку одному», — и потому создал женщину, «помощника, соответственного ему». И благословил их Бог, и сказал им: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю». Каждая семья мечтает о детях, ведь забота и любовь к ребёнку

сплачивают супругов, но, увы, не все могут исполнить это чудесное благословение.

Глядя на них, я размышлял о том, что Бог сотворил мир за шесть дней, а в седьмой решил отдохнуть. Именно в шестой день Он создал человека. Видимо, Творец очень спешил, хотел во что бы то ни стало завершить Свою божественную миссию до прихода Шаббата, раз оставил человека наедине с самим собой и множеством неразрешимых внутренних противоречий, многие из которых до сих пор тяжким грузом тяготеют над нами.

Невеста — двадцати восьми лет — не разбирая, хорош ли жених, как благовоспитанная дочь своего отца покорно дала согласие на союз с разведённым мужчиной, да ещё и с солидной разницей в годах. Жених был завидный, богатый, с огромными перспективами. Я сам тогда находился в прекрасной поре юности, когда мои предки тоже активно искали мне суженую, поэтому хорошо помню, как на самом деле всё это происходило.

По обычаю горских евреев, девушка на обручении не скрывает своего лица. Когда она плавно вышла, чтобы принять дары, я буквально ахнул от восторга — это была изысканная, чувственная и потрясающе красивая женщина. Я тогда невольно задумался: почему же она до сих пор оставалась незамужней?

Чёткий, исчерпывающий ответ лежал на самой поверхности. Это мы, молодые парни, стремились душой и сердцем в Россию, где блондинки с голубыми глазами очаровывали своей экзотической красотой, делая добровольными пленниками любви. В то же время юные горские еврейки, в томительном и бесплодном ожидании сватов, незаметно взрослели. В родных местах им становилось сложно найти достойную партию.

Отрешённый, безразличный взгляд Рафика, который молча, вопрошающе смотрел на праздничную суету вокруг даров, поразил меня своим отсутствующим видом. Мысли, далеко не самые безобидные — пусть его душа на том свете простит меня за эти шальные думы, — целиком овладели моим сознанием в тот памятный вечер. «Он просто не достоин этой женственной, воспитанной по традициям предков девушки», — думал я, последовательно переводя взор то на брата, то на его суженую.

Рафик, мой кумир с детства, был единственным из близких родственников, которого я искренне уважал и ценил. Тогда, в разгаре всеобщего веселья, я почему-то подумал, что это поспешное

обручение может стать для него новым неудачным союзом. При этом подношений, собранных из бриллиантовых украшений, дорогой одежды на все сезоны и стильных аксессуаров, было столько, что аж глаза разбегались.

Раньше свадебные дары относили к невесте с особой помпезностью и ритуалами. Голливудским режиссёрам для своих исторических фильмов здесь даже не пришлось бы собирать массовку — на Слободке оживали готовые сюжеты, не требующие никаких декораций. Детвора из семьи жениха брала факелы, чтобы освещать улицы, а женщины несли большие медные подносы, на которые клали подарки от родственников. Державшие огни мальчишки шли впереди, за ними следовали родственницы с тяжёлой ношей на головах, далее двигались музыканты, а замыкал шествие остальной народ, восторженно крича: «Ура! Ура! Ура!» И это реальные факты, я сам, будучи пацаном, много раз участвовал в таких красочных празднествах. Эта увлекательная и торжественная процессия навсегда врезалась в моё сердце и ярко помнится мне по сей день.

На следующий вечер родители невесты пригласили жениха и его близких на небольшой званый ужин. В большой гостиной, которая в обычные дни служила столовой, стоял великолепный праздничный стол. Тарелки на нём блестели так, словно их только что принесли из магазина, а приборы были разложены в безупречном порядке, как в элитном ресторане. С огромной любовью и мастерством оказались приготовлены привычные закуски и традиционные блюда горских евреев. Вокруг я насчитал около десятка приглашённых. Рачительная невеста искренне радовалась тому, что дом сверкал первозданной чистотой, и всё было полностью готово к приёму.

— Могу с гордостью сказать, — хвалилась мать невесты моему отцу, — Рая умеет даже самые обычные домашние обеды превратить в изысканные лакомства — просто пальчики оближешь! Всё, что сейчас на столе, — уже еле слышно, заговорщически произнесла она, — приготовлено исключительно Раей, она так хотела угодить знаменитому шеф-повару.

Невеста тем временем с большим вкусом расставляла изящные букеты из полевых цветов ближе к краям и в самом центре. До начала праздничного застолья оставались считаные минуты.

— Я буду готова через десять минут, — довольная результатом, озорно, совсем по-детски произнесла Рая, и счастливая удалилась к себе, чтобы переодеться.

И в этот момент, когда в воздухе уже повисла предвкушающая тишина, ко мне подошёл мой папа.

— Где Рафик? Где Пинхас и Тейло? — с нарастающим удивлением и тревогой спросил он.

Изумлённый, я лишь растерянно пожал плечами. Рафик, как и его родители, в тот вечер так и не появился на званом в их честь ужине. Более того, виновник торжества сразу после помолвки, ранним утром следующего дня, никого не предупредив, просто укатил обратно в Волгоград.

Знающие люди рассказывали позже, что Рафик категорически, в самой жёсткой форме запретил родителям требовать назад подношения, которые он подарил Рае. По строгим еврейским традициям после отказа от сватовства все полученные подарки подлежат обязательному возврату, но из-за непреклонного мужского запрета все драгоценности так и остались у несостоявшейся невесты.

Что касается самого Рафика — после возвращения на волжскую землю он буквально через неделю женился на русской женщине, официантке ресторана, которая вскоре благополучно родила ему двух долгожданных дочерей. Казалось, жизнь наконец-то обрела покой и долгожданный смысл. Однако именно этот союз с чуждой кавказским устоям женщиной, подаривший кузену счастье отцовства, спустя десятилетия обернётся для него страшным нарушением вековых законов веры на самом закате земного пути.

Согласно иудаизму, Бог создал наше тело по Своему образу, и именно оно на протяжении всей жизни побуждает нас приблизиться к Творцу. Плотская оболочка — это священное вместилище божественной души, поэтому к ней всегда следует относиться с должным уважением и предать земле со всем человеческим достоинством. Анатомическую форму ни в коем случае нельзя сжигать, поскольку кремация грубо унижает плоть, которая верно служила человеку во все дни земного пути, помогая исполнять святую Божью волю.

Другой важнейший аргумент в пользу традиционного погребения в землю касается грядущего воскресения мёртвых. Глубокая вера в это чудо фактически утверждает, что разлука бессмертной души с земным пристанищем является лишь временной.

Кремация же, напротив, становится манифестом того, что человек считает это отделение окончательным, что в корне противоречит незыблемым основам иудейской веры.

В Израиле суд постановил: если человек изъявил в завещании волю быть кремированным, его последнее желание следует уважать. То есть мы наблюдаем открытое противостояние между святой Галахой и гражданским судом. Закон веры непреклонно гласит, что если кто-то просит сжечь его прах, то по канонам Торы не следует слушать его — плоть необходимо предать земле. При этом по решению светских властей его последняя воля должна быть исполнена.

Рафик стал первым в среде горских евреев, чьё тело после кончины предали кремации. Как оказалось позже, это вовсе не являлось его личным бунтом или осознанным решением — такой роковой выбор сделала его настоящая жена, хотя никто из кровных близких не мог даже предположить подобного исхода. Я знал, что брат скончался в Москве, где он проживал со семьёй в последние годы, но о том, что его кремировали, я не ведал.

Я узнал об этом случайно. В день поминовения я с близким другом Ноем посетил могилу его младшего брата, который скончался в двадцать восемь лет от передозировки. Уже выходя с Центрального кладбища Волгограда, Ной неожиданно спросил меня:

— Хочешь увидеть, где похоронен твой брат Рафик?

Не дожидаясь ответа, он уверенно подвёл меня к колумбарию — каменной стене, усеянной рядами траурных ниш.

— Что это? — с тревожным предчувствием спросил я.

— Разуй глаза, фамилия Рафика прямо перед тобой.

Увидев знакомые буквы, на закрывающей нишу плите, я замер, отказываясь верить своим глазам, и снова растерянно повторил:

— Что это?

— В этой коробочке находится прах твоего брата, — тихо ответил Ной.

Я, полностью ошеломлённый, ещё долго стоял перед этой безмолвной стеной колумбария и не мог сдвинуться с места, словно прирос к земле. «Господи, как же такое могло случиться?» — думал я, в глухом отчаянии обращаясь мыслями к Небу.

ЧАСТЬ 4

ГЛАВА 37

Сегодня утром, проезжая трамвайные пути, я посмотрел вслед уходящим рельсам и подумал: всего три остановки — и ты снова у Ноя, где всегда был желанным гостем. Именно благодаря доброму отношению его родителей я не чувствовал себя одиноким в чужом городе. Думаю, новая история, которую я сейчас приведу, даст читателю ясное представление о том, каким Ной был на самом деле.

В книге «Воспоминания о будущем» я рассказывал о нём, но тогда многие события остались недосказанными. Сегодня хочу добавить важные штрихи, без которых невозможно до конца понять неоднозначность этого удивительного человека.

Трудно рассказывать правду о друге, чья семья в голодные годы студенчества стала для меня близкой и родной. С чего начать этот рассказ, чтобы он не превратился в сухой, протокольный отчёт о человеке, который стремительно вошёл в мою судьбу и задержался в ней до конца своих дней?

Начну со случая, который навсегда врезался в память.

Как обычно, просматривая электронную почту, я обнаружил подозрительное сообщение от неизвестного отправителя. Из-за того, что получаю колоссальное количество писем, мне часто встречается агрессивный спам или опасные вирусы. Ущерб от вредоносных программ я однажды уже испытал на себе, потеряв много времени и денег. Но в этот раз интуиция заставила открыть письмо. И то, что я прочитал, заставило сердце биться чаще.

«Здравствуйте, Ильясаф! Прошу простить меня за то, что вынужден скрывать настоящее имя. Я — Адам. Мне чудовищно стыдно перед собой, детьми и друзьями. Ужасно неловко, что втягиваю Вас, совершенно незнакомого человека, в позорную историю моей прошлой жизни...»

«Много лет назад в моей судьбе произошло самое безрассудное и постыдное событие, которое по сей день терзает меня, причиняя непреходящую душевную боль. Именно поэтому я решился доверить всё бумаге — ведь говорят же, что она всё стерпит. Я и

сейчас испытываю острую сердечную боль**,** а душа стыдливо замыкается в себе, не позволяя найти подходящие слова для этого признания.

Я давно хотел честно, насколько хватит мужества, описать события той роковой ночи, но инстинктивный страх быть осмеянным и униженным каждый раз останавливал меня. Однако, прочитав Ваши рассказы, в которых Вы искренне, без страха и упрёка, не скрывая даже самых интимных сторон своего прошлого, делитесь всем с читателями, я принял твёрдое решение последовать Вашему примеру.

Тот легкомысленный поступок, который я тогда совершил из-за чудовищного эгоизма, отсутствия выдержки и уважения к женщине, которая поверила и полностью доверилась мне, до сих пор лежит позорным пятном на совести — это мой тяжкий, неискупленный грех. Я не писатель и не обладаю талантом сочинительства. Единственное, что когда-то создавал — это школьные сочинения и изложения на уроках литературы, да и их писал со множеством орфографических ошибок. Я и сейчас с трудом нахожу нужные слова, чтобы точно передать чувства. Но всё, что я хочу донести до Вас, напишу простым, обыденным языком, чтобы Вы просто поняли меня...»

«Это покаянное письмо — моя исповедь, и, если Вы сочтёте нужным, можете опубликовать моё короткое повествование, я даю Вам на это полное право. Может быть, этот прискорбный, на первый взгляд ничтожный случай из тысячи других знаменательных событий моей бурной жизни послужит ценным уроком для молодых людей. Учиться на чужих ошибках и извлекать из них пользу — это азбучная истина, которой надо следовать смолоду».

«Прожив большую часть жизни, сожалею лишь об одном: что во времена юности не было рядом человека, который каждый раз, видя мои опрометчивые, постыдные поступки, мог бы остановить меня ударом по голове и сказать: „Эй, парень, не то делаешь, распахни своё сердце и включи мозги!“

Мы, двадцатилетние парни, были хороши собой и пользовались успехом у девчонок. Когда я говорю „мы“, то имею в виду себя и Ноя, моего близкого друга, отличавшегося отчаянным и безрассудным нравом. Как и многие студенты старших курсов, всё свободное время мы проводили в поисках случайных заработков, которые с лихвой покрывали расходы на романтические свидания.

Иногда авантюры сами находили нас, и далеко не всегда эти истории оказывались приятными».

«Самым центровым местом, где легко можно было вписаться в весёлую компанию или встретить классную девчонку на вечер, являлось молодёжное кафе на набережной нашего южного города. Это было элитное заведение — попасть туда вечером, даже в будни, считалось практически невыполнимой задачей. Оно напоминало закрытый клуб, куда стекалась вся золотая молодёжь. Мы совершенно случайно стали постоянными и уважаемыми гостями этого популярного кафе после того, как усмирили звёздного чемпиона по боксу. Этот спортсмен, бывая в постоянном подпитии, своими дерзкими выходками буквально терроризировал всех вокруг и держал в оцепенении уважаемых посетителей.

После того случая даже швейцар — настоящий „ночной директор“ в своём нарядном мундире — уважительно опускал седую голову, давая нам знать, что мы можем проходить свободно, без всякой мзды. В самый разгар веселья для нас всегда находился свободный столик.

Конец сессии, экзамены позади. „Надо отметить“, — предложил Ной, а я, не раздумывая долго, кивнул в знак согласия. Как всегда, мест в зале не оказалось. Заметив нас, знакомая официантка предложила поставить дополнительный столик рядом с местом, за которым сидели две девушки. Она хитро подмигнула мне, указывая хватким взглядом на привлекательных соседок».

— Ладно, посидим часик-другой, выпьем кофе, глядишь — увидим что-нибудь новенькое. А если нет — свалим домой, сегодня Шаббат, — усаживаясь на предложенное место, задумчиво произнёс Ной. И тут же добавил: — Кстати, мама просила, чтобы я обязательно пригласил тебя к нам на вечер. Она непременно хочет угостить тебя фирменной фаршированной рыбой.

Мне нравилось бывать у Ноя дома, в особенности в Шаббат. Мечтая о скором семейном ужине в кругу близких людей и о вкусной еде, я невольно повернулся лицом к незнакомкам, которые, листая меню, между делом окидывали оценивающими взглядами посетителей. Увидев перед собой двух парней, сидящих в полном одиночестве, подруги многозначительно переглянулись, а затем снова уткнулись в

карту блюд. Похлопав Ноя по плечу, я уверенно встал и направился к их столику, где они продолжали живо что-то обсуждать.

— Девчонки, я могу вам помочь разобраться с этим меню? — вежливо обратился я к ним.

Вдруг, как по команде, они подняли головы и обратили на меня взоры. Я буквально обомлел: меня словно рентгеном просвечивали две пары прекрасных карих глаз — видимо, желая понять, не болен ли я случайно. «Ну надо же! — подумал я про себя. — Оказывается, карие глаза на ослепительно белой коже лица по своей притягательности ничуть не уступают голубым!» И я принял покорный вид, показывая, что внимательно их слушаю.

Убедившись, что я в порядке, одна из них — с большими, темно-карими глазами — взглянула на меня холодно, с лёгкой усмешкой, а затем небрежно спросила:

— Вы что, официант?

— Да, я бригадир официантов и готов преданно служить вам до конца жизни, — убедительно, в шутливой форме ответил я и с улыбкой приготовился записывать заказ.

Девушки недоверчиво переглянулись, но выбор всё же сделали. Однако видя, что после нашего беглого диалога я совершенно спокойно уселся за соседний столик и стал оживлённо разговаривать со своим приятелем, не обращая на них внимания, они решили, что их просто-напросто разыграли. Когда на их стол начали выставлять блюда, заказанные всего несколько минут назад, соседки были крайне удивлены. А когда появилась запотевшая бутылка шампанского, и официантка торжественно объявила, презент от заведения, они окончательно были поражены столь высоким уровнем сервиса.

Через пару минут мы объединили столы и уже вместе дружно смеялись над моей удачной шуткой. Подруги приехали из Ленинграда — Софа и Лиза изучали иностранные языки в университете и случайно очутились в нашем городе. Я не ошибся в первоначальных догадках: они действительно были еврейками. Завязалась тёплая, дружеская беседа, говорили обо всём на свете. Ноя, правда, больше всего почему-то интересовало, делают ли в

Питере обрезание... А время, как стрела, выпущенная из лука, пролетело с невероятной скоростью — пора было собираться на Шаббат.

— Послушай, Ной, — обратился я к другу с неожиданной идеей, — а что если мы пригласим девчонок к вам на Шаббат? Как твои родители отнесутся к этой безумной затее?

Мне не хотелось расставаться с Софой. Глядя в её большие, глубокие и немного печальные глаза, я почему-то подумал об отце. Я размышлял втихую о том, как бы он отреагировал там, на родине, если бы я однажды переступил порог и представил эту девушку в качестве невесты. Она еврейка, писаная красавица, благовоспитанная — казалось бы, ответ очевиден. Но Софа — европейская еврейка из Ленинграда, у неё другая ментальность, вольное воспитание, иные взгляды на жизнь, отличные от патриархальных законов горских евреев Слободки. И для меня, двадцатилетнего пацана, просчитать, как сойдутся в одно целое эти полярные миры, эти разные ментальности, — задача невероятной, пугающей сложности.

Не найдя ответа на простой, но вместе с тем крайне сложный вопрос, я продолжал заворожённо восхищаться Софой. Она казалась мне настоящим произведением искусства, которое сотворил сам Всевышний. Ну почему еврейские женщины, какими бы они ни были — европейскими или восточными, так божественно красивы? Почему, несмотря на врождённую гордость и видимое высокомерие, они бывают так смиренны и покорны в любви, что внушают невольное уважение и искренний восторг? Не потому ли, что именно им поручено Творцом, не смешиваясь ни с кем, свято сохранить в чистоте генетический код избранного народа?

Софа сидела напротив и кротко, ласково разглядывала меня своими огромными карими глазами. Я нравился ей, я чувствовал всей своей сутью, каждой клеточкой тела. Мне было невероятно приятно ощущать, что такая потрясающая девушка не сводит с меня теплого, восхищённого взгляда.

И в этот момент, поддавшись магии её очарования, я поймал себя на мысли, что мне впервые за вечер страстно, до безумия захотелось переспать с ней.

— Ты ведь знаешь, наш дом всегда рад гостям, — неожиданно вырвал меня из глубоких размышлений голос Ноя. — Тем более если отец узнает, что девчонки к тому же еврейки, то для него это будет двойным праздником — настоящей «субботой суббот»!

На этой весёлой и обнадёживающей ноте мы дружно поднялись из-за стола. Подруги с радостью приняли наше приглашение, и мы, предвкушая тёплый семейный ужин, весело направились к выходу из кафе. В тот праздничный вечер я близко, в самом страшном сне не мог предположить, каким роковым, пугающим изломом судьбы обернётся для меня эта ночь, и какая страшная изнанка человеческого эгоизма поджидала меня впоследствии за порогом этого правильного дома, живущего по священным традициям наших далёких предков.

«Интересно, чем эта история закончится?» — думал я, читая откровенное послание анонимного автора. Сделав пару глотков остывшего кофе, я снова с головой погрузился в чтение.

«Мы пришли вовремя, — писал Адам. — Все были в сборе, и каждый член этой счастливой семьи сидел на строго определённом месте. Я часто вспоминаю этих замечательных людей. Они проявили ко мне душевную теплоту, искренне поддержали меня, и я от всего сердца благодарен им. Многие из них давно ушли из жизни. Семён Львович и тётя Фрида, отец и мать Ноя, умерли после того, как трагически погиб Лёва, младший брат Ноя, которому было всего двадцать восемь лет. И Ной скончался после тяжёлой болезни, не дожив до почтенного возраста.

Тогда, много лет тому назад, мы дружной компанией сидели за большим столом, празднуя Шаббат. Семён Львович был неудержим — тосты, анекдоты и шутки сыпались из него непрерывно. «Удивительный народ!» — думал я, глядя на моложавое лицо хозяина дома. Сколько бед и страданий пришлось им испытать во время войны! Беженцы из Молдавии, они в товарных вагонах пересекли огромную страну с запада на восток и в далёком Узбекистане нашли новое убежище. Не смешиваясь с другими народами, которыми были заполнены республики Средней Азии, они бережно сохранили веру и вековую тягу к родным праздникам, важнейшим из которых был и остаётся Шаббат.

Никогда раньше я не испытывал такого душевного наслаждения, как за тем субботним застольем с обилием национальных блюд. Я был возбуждён не столько от кошерного вина, сколько от жара наших сердец. Под столом, накрытым белой скатертью, наши пальцы переплелись, скрытые от посторонних глаз, и я чувствовал, как миллионы невидимых нитей связывают меня с

Софой единой судьбой. Я был безумно влюблён, а поступок совершил паскудный, недостойный мужчины.

Обещание, данное Софе в ту ночь, сдержать не удалось. Она ласково просила меня оставить мысли о близости и подождать до следующего вечера.

— Сама страстно желаю тебя, мой дорогой, — шептала она мне на ухо. — Но мне сегодня нельзя, у меня кровь. Если ты перейдешь черту помимо моей воли, это будет нашей последней встречей.

Искушение оказалось сильнее разума. Она не сопротивлялась, отдалась без страсти, холодно и безразлично. Те нити, которые ещё несколько часов назад так гармонично связывали нас в единое целое, оказались окончательно и безжалостно разорваны. Проснувшись утром, я не застал Софу в постели. Её не было и в квартире. Она ушла, не оставив после себя следа. Только аккуратно сложенное белое полотенце с каплями крови навечно запечатлелось в моей памяти. Оно постоянно напоминает мне о той роковой ночи, которая по сей день продолжается в моём сознании.

Я долго и мучительно размышлял над тем, почему в самом начале я ушёл в тень вымышленного Адама. Я ведь сам часто писал, что все люди, факты, истории и события, описанные в этом повествовании, — абсолютно реальные и не высосаны из пальца ради драматического закручивания сюжетов по примеру болливудских фильмов.

То, что я повёл рассказ от третьего лица, — не случайность. Это была защитная реакция разума, которая бессознательно, на автомате выставила щит против невыносимой душевной боли, стыда и вины за безрассудный поступок. Вот почему, обращаясь к Господу, я прежде всего прошу оградить моего сына от опрометчивых шагов.

Сказать прямо: «Это сделал я. Это глубина моего падения» — значило бы заново, без анестезии, полоснуть острым лезвием по живому сердцу. Моя душа, пытаясь защититься от обжигающей, парализующей боли, подсознательно создала Адама, и он стал надёжным психологическим заслоном. Облачив свои страдания в форму чужого электронного письма, я смог ненадолго отодвинуть трагедию на расстояние вытянутой руки, чтобы у меня просто хватило мужества дописать ту роковую ночь так подробно.

Если бы я с первых строк начал писать от первого лица, у меня бы просто разорвалось сердце, а страх перед сплетнями

остановил бы руку. Но эта драма должна стать суровым уроком для молодых читателей: в жизни всегда нужно уметь вовремя сдерживать свои порывы, как бы сильно ни хотелось получить то, чем ни при каких обстоятельствах нельзя обладать.

Оглядываясь назад, я с ужасом понимаю, что в решающий момент юности повёл себя не как благородный мужчина, а как бессердечный, самовлюблённый эгоист. Это оказалось сокрушительным крушением идеала человека, прожившего долгую, насыщенную крутыми поворотами жизнь, познавшего и великие триумфы, и горькие разочарования.

Видимо, это позорное событие в моей судьбе было изначально задумано Всевышним, определившим мой земной путь именно в том виде, какой сейчас прохожу. Мне стыдно перед покойным отцом, который ещё тогда, на самой заре моей юности, пророчески предрёк: «Тебя женщины в России испортят».

Та чудовищная история навсегда разделила мою жизнь на «до» и «после», в одно мгновение уничтожив во мне правильного, восторженного юношу. Иногда ловлю себя на мысли, что с тех самых пор я больше никогда по-настоящему не любил женщину, которую мог бы без брезгливости, нежно поцеловать в губы.

Зачем я это сделал? Кому вообще интересна моя правда, ведь такие истории происходят сплошь и рядом? Почему именно сейчас я вытащил её из глубин памяти — из того заброшенного сарая, где даже мои дурные мысли не находили себе пристанища?

Чему может научить этот случай молодых людей? Поможет ли им моё откровение? Хочется верить, что, глубоко осознав, на какое наказание я обрёк себя в виде непрекращающихся душевных терзаний, они смогут вовремя устоять от необдуманных поступков.

Неотвратимое Божье наказание даже спустя вечность рвёт моё сердце. Вольготно устроившись в сознании на правах полноценного хозяина, память не позволяет мне выкинуть из головы ту роковую ночь.

Это очищающее признание я сделал прежде всего для того, чтобы с чистой совестью продолжать рассказ о судьбах людей, чьи истории хочу завершить на этих страницах. Я сделал это, чтобы никто впредь не смог бросить мне вслед упрёк о моих собственных грехах. Да, я и сам грешен, и порой меня мучили сомнения — имею ли вообще право судить других? Но пусть первым бросит в меня камень тот, кто сам безгрешен.

Ноя давно нет на свете, и перед его светлым образом я обязан быть до боли честным. Я не хочу лакировать прошлое. Наша дружба была настоящей, а значит, в ней находилось место не только святому Шаббату, но и вещам, о которых вспоминать тяжело. Святым он точно не был. И если уж дополнять его портрет до абсолютной правды, то нельзя умолчать о тех случаях, когда его буйный восточный нрав и неоднозначные поступки ставили в тупик видавших виды людей.

Ной вошёл в мою жизнь неожиданно, но стремительно и навсегда. Красавец-парень, бесшабашный, дерзкий и решительный. Он был полон бравады, честолюбив и несгибаем — никакая сила не могла остановить его движения к цели. С годами в его облике произошли разительные перемены, однако внутренний стержень остался прежним, даже когда плоть оказалась смертельно больна.

Он остался в моей памяти как один из самых удивительных и противоречивых людей. И сегодня, несмотря ни на что, во мне живут только добрые воспоминания о нём. Его семья была для меня важнейшей опорой в те голодные студенческие годы. Именно поэтому мне сейчас трудно и больно открывать теневые стороны нашей юности — ведь я вывожу на свет Божий грехи человека, чьи близкие делились со мной куском хлеба.

Цепь случайных обстоятельств столкнула нас вместе у информационного стенда института. Прошли вступительные экзамены. Я с надеждой вглядывался в каждую строчку и не находил себя. Волнение быстро переросло в паническую тревогу. В голове крутилась лишь одна мучительная мысль: как я предстану перед отцом и что скажу ему при встрече?

Вдруг за моей спиной раздался громкий восторженный возглас. Обернувшись, я увидел парня, который бурно радовался зачислению. Заметив моё мрачное лицо, он уже более сдержанно, почти шёпотом произнёс:

— Я прошёл!

— Поздравляю. А я завалил, — с отрешённым видом выдавил я. Мне в тот миг не было дела до чужого счастья.

— Послушай, парень! Как, кстати, тебя зовут? — и, не дожидаясь ответа, он коротко отчеканил, как выстрелил: — Я — Ной.

— Я — Ильясаф, — проскользнув сквозь толпу абитуриентов, я обречённо направился к выходу.

И вдруг за спиной услышал резкий окрик:

— Ильясаф, ты куда пошёл?

Я в изумлении остановился. Так чётко моё древнееврейское имя в Волгограде никто ещё не произносил.

— Ты в курсе, что деканат готовит дополнительные списки и их скоро вывесят? — крикнул мне Ной.

«Бог всё-таки есть», — подумал я. Он сжалился надо мной и давал единственный шанс.

— Но ты откуда знаешь? — недоверчиво спросил я.

— Я знаю всё, — коротко, но решительно ответил он и продолжил: — Не уходи, потерпи чуть-чуть. Как у нас, у евреев, говорят: «савланут» — терпение.

Это было круто: первый же мой волгоградский знакомый оказался евреем. И пока я лихорадочно размышлял, из каких же он краёв — бухарский или ашкенази, — вывесили новые списки. Моя фамилия красовалась на самом первом месте! Это стало чудом, произошедшим вопреки жёсткому прессингу со стороны председателя приёмной комиссии.

Мы, конечно, отметили этот триумф застольем. Заказали фирменные свиные шницели, и два молодых еврейских парня весело запивали это некошерное блюдо искрящимся шампанским. Ной без лишних слов заплатил за всё, и его широкий жест поразил меня до глубины души. Каждая новая встреча с ним становилась настоящим открытием. Впервые посетив Шаббат у Ноя, я был очарован тем благополучием, миром и покоем, которые царили в этой большой гостеприимной семье.

Родительский дом и очаг, поддерживаемый Семёном Львовичем, известным в городе портным, придавали уверенности в завтрашнем дне всем домашним. Сам Ной, его действия и поведение являлись истинным воплощением сыновней радости. Он живо, с лёгким юмором рассказывал отцу о событиях ушедшего дня. Глядя на этот удивительно доверительный, почти дружеский уклад, я понимал, что у нас, у горских евреев, подобные вольности просто невозможно допустить из-за строгой дистанции и священного почтения к старшим. Но уже потом, несколько лет спустя, после встречи с моими родителями в Дербенте, Ной с уважением сказал мне: «Илюха, твой отец — классный мужик». И я этим признанием очень гордился.

Молодой и предприимчивый кооператор Ной по тем временам зарабатывал огромные деньги. Он легко и без сожаления тратил их на друзей и крутившихся вокруг девчонок. Нелли была той женщиной, которую он безгранично и самоотверженно любил до конца своих

дней, хотя оставался женат на другой, не менее красивой девушке. Нелли нельзя было не любить — от неё веяло гордой статью и достоинством восточной женщины. Она тоже безумно любила Ноя и при встречах неоднократно признавалась мне в этом. Высокомерное самомнение, дерзость и надменность не позволили Ною тогда полностью удержать эту красивую, кроткую женщину. Даже много лет спустя после разлуки он сердечно сожалел о ней, тайно помогал ей и следил за её судьбой.

Оказавшись в центре внимания сверстников и людей старшего поколения, Ной всячески старался поддерживать живой интерес к себе эксцентричными поступками. В его характере ашкенази причудливо переплелись бухарские повадки и восточный менталитет, ведь родился и вырос он в Азии.

Однажды, вскочив на перила моста шириной в ладонь, он на спор прошёл эту дорогу до конца. Я и толпа зевак оказались свидетелями этого безрассудного, невероятно смелого шага. Ной купался в лучах славы и не заметил, как стал завсегдатаем карточных посиделок и компаний, в которых по стечению обстоятельств вращались и мои друзья, включая кузенов Рафика и Захара.

Азартный человек, он и за игрой в карты вёл себя достойно, но рисковал необдуманно и постоянно проигрывал. Играли крупно, по несколько суток подряд, с короткими перерывами на перекус. Я много раз пытался остановить это безумие, но тщетно: лишь жёсткость и агрессия со стороны его оппонентов оставались ответом. Холодные и жестокие, они искали лишь лёгкой наживы. Их интересовали только деньги, и Ной был для них тем человеком, которого они без труда обыгрывали, используя мошеннические методы.

— Вы не друзья! — вскипел я после очередного крупного проигрыша Ноя. — Ведя против него грязную игру, вы, поднимая бокалы, лживо произносите «Лехаим!», заявляя, что пьёте ради радости и жизни. А на самом деле, когда вы его подло обуваете за этим столом, вы просто отнимаете у него время жизни!

— Твой брат Захар на мои деньги построил оба свои дома, — без всякой злобы сказал он мне, снова садясь за стол и открывая очередную бутылку водки.

Алкоголь, карты, корыстные друзья и доступные женщины разорвали связь времён и уничтожили устои некогда большой, дружной семьи. Лёва, младший брат Ноя, трагически погиб от

передозировки. Лёвка как-то в беседе признался мне: «Мой старший брат слишком крутой, у него нет времени пообщаться со мной». Было трудно поверить в этот жуткий финал, ведь он и мне был как младший брат. Ной во многом считал себя виноватым в случившемся. Со слезами на глазах он повторял: «Илюха, это я упустил пацана».

Так получилось, что вскоре мы вместе хоронили известного врача в Волгограде. Артуру исполнилось всего сорок лет, когда он внезапно скончался от сердечного приступа.

В тот день на проводах за поминальным столом собрались наши общие знакомые. Хороший был парень и блестящий специалист, спасший немало мужских жизней. Удивительно мягкий и доброжелательный, Артур никогда и никому ни в чём не отказывал. Но его собственное сердце не выдержало бешеного, изнуряющего ритма и остановилось на самом взлёте. Пусть за всё доброе, что он сделал для людей, воздастся ему на небесах!

Захар разлил всем по полному гранёному стакану водки. Я вопросительно, с тревогой посмотрел на Ноя:

— Смотри, Ной, будь аккуратен. Ты сам знаешь — тебе нельзя этого делать.

— Илюха, братан, ты вспомни, что мы с тобой творили по молодости! — задорно отмахнулся он. — Ночами не спали, крутились с девчонками, а сейчас сто пятьдесят грамм — просто пустяк!

Следом последовал второй стакан, а за ним и третий. Я уже не знал, что происходило дальше, так как сильно спешил на самолёт в Тель-Авив. Но вскоре до меня дошли страшные вести: сразу после этих поминок Ноя внезапно разбил инсульт, и вся правая часть его тела наотрез отказалась подчиняться разуму.

Позже я узнал, что его спешно перевезли в Израиль на лечение, и жил он вместе с дочерью в Хайфе. Я твёрдо решил во что бы то ни стало навестить своего старого друга. Было очень трудно отыскать его новое жилище в этих бесконечных, узких, петляющих улочках, простирающихся высоко к горам. Наконец я добрался до места, нашёл нужную квартиру, нажал на кнопку звонка и услышал, как за дверью кто-то тяжело и медленно шаркает.

Ной с трудом открыл дверь, и я был потрясён увиденным. Мы молча, крепко обнялись. Он медленно, опираясь на трость, повёл меня в сторону кухни и тихо сказал:

— Илюха, прости, дорогой... Не могу даже угостить тебя чаем. Для меня теперь всё вынуждена делать сиделка, или дочь.

Мы сидели долго, до поздней ночи вспоминая нашу безрассудную, счастливую молодость. Пора было уходить. Я привстал, но Ной аккуратно остановил меня за руку на секунду и с надеждой спросил:

— Илюха... Нелли ведь ничего не знает обо мне?

Я мгновенно понял, что именно он имел в виду в этот миг.

— Ной, я очень давно не видел Нелли.

— Пожалуйста... Если ты случайно когда-либо встретишься с ней, не рассказывай обо мне ничего.

— И ещё, Илюха, — уже в самом проёме двери тихо произнёс Ной, низко склонив свою седую голову. — Спасибо тебе, братан, за всё... За твою искреннюю мужскую дружбу. И прости меня за тот некрасивый поступок — бес попутал, крайне нужны были деньги.

В этот миг я без слов простил его всем сердцем. Через пару дней улетел по неотложным делам обратно в Россию, а ровно через две недели до нас дошла горькая весть: Ной тихо скончался во сне.

Мы порой совершенно не ценим то, что имеем, а когда безвозвратно теряем — глубоко и горько сожалеем. Такова уж слепая природа человека. Мы верим, что родительский очаг — это навсегда, надеемся, что дети, братья и сёстры никогда не оставят нас, а преданность друзей окажется вечной. И никакие силы на свете не должны поколебать эту нашу нерушимую надежду и всепоглощающую любовь! Ной был для меня больше, чем брат!

ГЛАВА 38

Перебирая в памяти лица и характеры моей родни, я осознавал: люди одной крови — это далеко не всегда крепкая и сплочённая семья, где правят согласие и уважение. Несмотря на родство, мои близкие были совершенно разными, со своими нравами и образом жизни. Они — герои этого повествования, где я пытался, насколько это возможно, открыто и правдиво рассказать об их непростых судьбинах.

Временами их поступки оставались абсолютно непонятными, бессердечными, а порой напрочь лишёнными элементарного родственного тепла. Когда близкие совершают столь необъяснимые вещи, трудно осмыслить мотивы их действий, не испытывая при этом горького разочарования и краха юношеских иллюзий.

Все истории, рассказанные в книге, основаны на реальных событиях. Они по сей день тревожат моё сердце и разрывают душу. Я снова, до мельчайших подробностей, словно это происходит прямо сейчас, проживаю судьбы людей, сыгравших определяющую роль в моей жизни.

Сегодня просто невозможно без доброй, ироничной улыбки представить себе ту атмосферу суматошных сборов перед походом в фотосалон. Этот эмоциональный настрой, тщательно подобранная праздничная одежда, аксессуары и бесконечные споры с фотографом, как именно им рассесться перед объективом: куда смотреть — строго в сторону или ему на ухо... Мне, грудному младенцу, тогда было абсолютно до фонаря, до всей этой яркой вспышки в момент спуска затвора, хотя всё то, что происходило вокруг, совершалось исключительно ради того, чтобы эту фотографию увидел мой отец.

Я прикрыл глаза, пытаясь воскресить в памяти его образ, лицо, улыбку, манеру мягко, негромко говорить. Было трудно это сделать, ведь с момента нашей последней встречи прошло пятьдесят долгих лет. Но в ночной тишине я услышал бешеное биение своего сердца, готового вырваться из тесных объятий груди. Я ощущал, как навязчивые мысли лавиной накрывали меня с головой, унося чёрт знает куда и не оставляя ни единого шанса опомниться. Стало ясно: мне нужно было поговорить с отцом — у нас остался незаконченный разговор.

— Прости, отец, что с трудом вспоминаю твоё лицо, — образы даже самых близких людей неизбежно притупляются. Наверное, так устроен человек, чтобы не сойти с ума от тоски по тем, кого горячо любил, но уже никогда не вернуть в наш земной мир.

Сегодня, посреди ночной тишины, твой лик проявился во мне с пугающей чёткостью. У меня, как в ту страшную ночь после твоих похорон, пошли мурашки по коже. До безумия хочется заглянуть в твои живые глаза и попросить прощения за то, что тогда, в пылу животного, физического страха перед ушедшими в небытие, я позволил себе приказать тебе больше не приходить в мои

сновидения... От этого эгоистичного поступка я до сих пор жестоко страдаю.

Мне горько и стыдно вспоминать, сколько незаслуженных огорчений я принёс тебе своими дурными выходками, а ты всё прощал или попросту старался их не замечать. Мои душевные муки с годами только усиливаются, лишая покоя. Я страстно хочу продолжить наш прерванный диалог, мой дорогой, родной человек...

Зажигая поминальную свечу в ночь на первое августа, я видел, как пламя, устремившись вверх, ярко осветило твою фотографию. Этот трепетный янтарный огонь принёс моей душе колоссальное утешение. Он напомнил мне Дербентскую синагогу, где было много парней, которые читали, как и я, поминальный Кадиш.

— Всё происходит по воле Всевышнего, — негромко сказал тогда старый раввин, пытаясь бережно успокоить меня, заметив в моих глазах слёзы во время молитвы по усопшему отцу. — Твой отец был хорошим человеком. Творец забирает к себе лучших. Помни его и почитай всей душой.

Я ещё долго, когда память вновь и вновь возвращала мне живой образ отца, задыхался от мужских слёз, горько сожалея, что мы так и не успели договорить о наших планах на будущее.

Почему именно сейчас так сильно проявилось это жгучее чувство вины перед отцом? Не потому ли, что круг моей жизни замкнулся? Получив жёсткое сообщение от сына, я на себе ощутил ту самую обидную боль, которую когда-то причинил отцу.

В этот закон духовного возмездия, согласно которому грехи против родителей возвращаются через поступки детей и который уходит корнями в древнейшие учения человечества, никто с тех пор поправки не вносил. На это не способны даже величайшие мудрецы, так как окончательное решение принимается самим Творцом, сотворившим этот мир тысячелетия назад.

— Взгляни, отец, на этот старый снимок. Правда, с годами он потерял былую чёткость и яркость красок. Но благодаря хорошо сохранившимся деталям — одежде, украшениям и выражениям лиц — ты можешь отчётливо увидеть образы родных людей: твоего отца, мать, молодую жену... Да и меня, совсем мелкого пацана, неделю как обрезанного, на руках твоей матери, моей любимой бабушки.

Представляю, как ты, двадцатилетний парень, с огромным нетерпением ожидал из дома эту заветную фотографию с моим миниатюрным, чёрно-белым изображением. Хотя по этому первому

снимку тебе вряд ли удалось бы разглядеть хоть какое-то заметное сходство с собой. Я — туго запеленатый в тёплую байковую пелёнку (бабушка искренне полагала, что с помощью такого пеленания можно вовремя исправить ножки у ребёнка) — покорно, с ангельским, кукольным личиком лежал на натруженных руках твоей матери.

А мой бессмысленный, неподвижный детский взгляд был устремлён далеко вдаль, за тысячи километров, словно тогда я хотел безмолвно сказать тебе: «Папа, смотри, это я, твой сын, прошу меня любить и жаловать!». Представляю, какие сильные, ошеломляющие эмоции вызвал у тебя первый просмотр этой фотографии... Наверное, ты от безумной радости и растерянности исходил плац военного гарнизона вдоль и поперёк. Знаю теперь по себе: рождение сына — это самое великое событие в жизни каждого мужчины.

Я так же, как когда-то ты, радовался рождению своего сына. Этот волшебный день врезался мне в память до мельчайших подробностей. Мне вдруг позвонила младшая дочь и ликующе произнесла: «Папа, у тебя родился сын!». Я, не обращая внимания на шумную городскую суету, часами бродил по любимым улицам. Мне казалось, что дома, переулки, дворы, спешащие автобусы и случайные встречные — все вместе со мной радовались моему внезапному счастью. Земля под ногами стала крепче, а сам я почувствовал себя очень «крутым» пацаном. Теперь родственники и друзья за зелёным сукном перестанут подшучивать надо мной, называя «хозяином женского царства», размышлял я, погрузившись в свои мечты. Упаси Бог стать объектом насмешек горских евреев — а если они ещё родные и партнёры по Секу, хоть стой, хоть падай — снисхождения от них не жди.

Глядя, как растёт мой сыночек, я говорил самому себе: всё, хана, достаточно безрассудных поездок. На пике бизнеса я мог по одному звонку слетать в Красноярск, Тюмень или Норильск, посидеть с мужиками в парной, выпить, как мы тогда говорили, «висяка» и на следующий день валить обратно. Когда сын мирно спал, я еле слышно произносил: «Ты никогда и ни в чём не будешь знать нужды». Я нашёптывал ему, как когда-то сам уехал из родного дома на учёбу в институт с одними джинсами и парой рубашек. Вспоминал, как на своё бракосочетание надел костюм друга, где рукава и брюки были коротки, и я, симпатичный молодой человек, больше походил на чучело с огорода.

Он тихо сопел в своей кроватке, а я доверительно шептал, наклонившись близко к нему, и его нежный детский запах согревал мою душу. Я делился с ним тем, как во время учёбы подрабатывал ночным сторожем, а моей постелью почти три года были стулья, составленные по три в ряд. Рассказывал, как мёрз в своём тонком пальтишке, питался чёрт знает чем, мечтая лишь об одном — что придёт время, и я достойно отплачу тебе, отец, за твою любовь. Я клялся маленькому сыночку, что расшибусь в лепёшку, сделаю всё, чтобы в его жизни не было чужих обносков, и что у него обязательно будет собственный дом. И уже прикрывая дверь в спальню, тихо добавлял, словно ставил печать на своей клятве: «Я тебя никогда не оставлю одного в этом сумасшедшем мире».

Но судьба непредсказуема. Когда сыну исполнилось семь лет, волгоградская амброзия выжила нас из города. Пришлось эмигрировать в Израиль — мальчику был жизненно необходим морской воздух. Врачи говорили прямо: «Если вы хотите сохранить ребёнка — вы должны жить на море».

Но у жизни своя будущность, чётко записанное в священной книге, издателем которой является сам Господь Бог. Когда сыну исполнилось семь лет, волгоградская амброзия выжила нас из города. Пришлось эмигрировать в Израиль — мальчику был жизненно необходим морской воздух. Врачи говорили прямо: «Если вы хотите сохранить ребёнка — вы должны жить на море».

— Мне часто вспоминается случай. Только спустя много лет я понял, почему он так чётко врезался в память. Как всегда, по утрам я делал свои десять тысяч шагов по набережной Волгограда. Помнишь, в свой первый приезд с мамой вы часами прогуливались там, наслаждаясь свежим волжским воздухом.

Я знал в лицо почти каждого «спортсмена», но в этот раз моё внимание привлекли незнакомцы на скамейке. Мужчина и женщина о чём-то бурно спорили. Рядом с ними играл мальчик лет пяти-шести. Он с детским восторгом наблюдал, как голуби прямо с его руки клевали семечки, не обращая внимания на тяжёлый разговор родителей. Каждый раз, желая поделиться своей радостью, ребёнок то и дело подбегал к отцу, пытаясь заглянуть ему в глаза. Но мужчина лишь грубо отталкивал его, отмахиваясь, как от назойливой мухи, и продолжал яростно выяснять отношения.

«Мало ли у молодых людей жизненных проблем, — подумал я тогда. — Иди своей дорогой и забудь». Но когда я

поравнялся с ними, то невольно заглянул мальчику в лицо. В его синих глазах я увидел не просто обиду, а взрослую, отчуждённую скорбь. Я сделал несколько шагов вперёд, пытаясь вернуться к ритму ходьбы, но эти тоскливые глаза задели меня до глубины души. Я не выдержал. Резко развернулся, подошёл к ребёнку и, взяв его за руку, подвёл к мужчине. Глядя в упор в разъярённые глаза отца, я задал один-единственный вопрос: «Этот мальчик — ваш сын?». Он буквально обомлел от неожиданности, но молча кивнул.

Тогда я сказал им обоим: «Знаете, молодые люди… Всевышний благословил вашу семью этим маленьким чудом, подарив вам сына. Миллионы пар на земле готовы отдать всё своё состояние, чтобы просто иметь возможность обнять своего ребёнка, а вы так безумно и слепо относитесь к собственному счастью». Я вложил маленькую руку мальчика в квадратную, мозолистую ладонь его отца. Ни слова больше не говоря, развернулся и пошёл дальше, оставив их в этой внезапно наступившей тишине.

Уже потом, стоя у своей вымышленной Стены Плача, я взглянул на небо, вытянул руки вверх, пытаясь кончиками пальцев вобрать в себя всю вселенскую энергию, и во весь голос, чтобы мой крик дошёл до Творца, произнёс: «Убереги, Господи, моего сына от чёрствой души, каменного сердца и отсутствия сострадания!».

Весь путь домой я мысленно возвращался к этой случайной встрече, глубоко задевшей струны моей души, и тщетно искал ответа на вопрос: неужели у всех всё так сложно в жизни? И тут мне вспомнился другой мальчик. Не мой. Но в его глазах я увидел море — удивительно доброе и лазурное, совсем не похожее на серый мир вокруг.

Это случилось в праздничный новогодний вечер в главном зале синагоги. Взяв со стола Тору, я сел во второй ряд напротив окна. Талмуд предостерегает от молитвы в помещениях без окон: люди должны видеть небо. Вошёл раввин. В одной руке он бережно держал свиток, а в другой сжимал ладошку мальчика лет семи-восьми.

— Ильясаф, — попросил уважительно раввин, — проследи за дитём и не дай ему скучать в этот семейный праздник.

Голубые глаза мальчишки под линзами больших, круглых очков выглядели настолько бездонно, что мне казалось: ещё минута-другая его пристального, доверчивого взгляда, и я просто утону в этом лазурном море.

— Как тебя зовут? — спросил я его.

— Илюша, — ответил он. — А вас как зовут?

Я задумался, а он с любопытством смотрел на меня, ожидая ответа.

— Меня тоже зовут Илюша. Вернее сказать, когда-то мой дедушка назвал меня Ильясафом.

— Ого, красивое у вас имя! — воскликнул мальчик.

Его большие голубые глаза, словно молнии, проникли в самые потаённые уголки моей души. Внезапно завязалась та эмоциональная связь, которая возникает между людьми на одной волне. Я невольно размечтался: будь у меня такой сын, я бы в нём души не чаял. Как это часто бывает между родственными душами, мои вопросы лились рекой, а он учтиво и вежливо отвечал.

Илюша оказался русским по отцу и евреем по матери. Он не помнил отца, а его мама в это время сидела на женской половине зала, отделённой перегородкой галереи. Мы с моим юным, новоиспечённым другом просидели бок о бок два с лишним часа, пока длилась вечерняя молитва «Маарив». Читали выбранные тексты Торы, переведённой на русский язык. И всё это время мы не сводили друг с друга доверчивых глаз.

В ту новогоднюю ночь мне приснился сон: маленький мальчик, взяв меня за руку, вёл за собой, приговаривая: «Идём со мной и ничего не бойся, всё будет хорошо».

Я долго искал и всё-таки нашёл номер телефона мамы Илюши. И несмотря на то, что при первой встрече в синагоге она не произвела на меня впечатления, я всё же решился ей позвонить. Я представился. В ответ она сказала, что хорошо помнит меня, и поделилась тем, с каким восторгом Илюша говорил обо мне по дороге домой.

— Можно я буду брать Илюшу по субботам и гулять с ним по паркам и набережным города? Мы будем вместе обедать в детских кафе, я хочу иногда покупать ему вещи, необходимые для школы…

Она несколько минут молчала. Мне даже показалось, что мама моего юного друга отключила телефон. «Слава Богу, — подумал я, заново услышав её голос, — а то мог случайно оскорбить женщину». Она ведь, сама того не ожидая, оказывала мне огромную услугу просто тем, что являлась матерью ребёнка, который не позволил мне остаться в одиночестве, пусть даже во сне.

— Я испытываю большую благодарность и искреннее уважение к вам, — сказала она, — но прошу простить меня. Я не

могу позволить вам в дальнейшем встречаться с моим сыном. Я очень боюсь того, что он сможет привыкнуть к вам, а если вдруг вы исчезнете из его жизни, ему будет слишком трудно ещё раз это перенести.

Я, старый, мудрый еврей — по крайней мере, меня сейчас так называют, — не подумал об этом. А этот мальчик раз за разом приходил ко мне во сне — и теперь я знаю, к чему это.

— Эй, друг! — услышал я вдруг свой внутренний голос. — Этот сон — знак с небес. Господь требует от тебя вернуться к живой связи со своим родным сыном.

— Ты зачем снова и снова бередишь мои отцовские чувства? — с горечью в душе ответил я своему внутреннему голосу. — Ты же знаешь всё не от чужих слов, помнишь, сколько усилий и терпения я приложил. Вспомни, как я часами бродил по Тель-Авиву в надежде случайно с ним встретиться и поговорить по душам. И что я получил в ответ? «Папа, извини, я очень занят. Если надо будет — я тебя сам найду». Понимал ли он, что этим сообщением унижает достоинство родного отца? Того самого человека, который ради его благополучия пожертвовал своей карьерой, всё бросил и эмигрировал в Израиль.

И что мне, горскому еврею, выросшему на еврейской Слободке, где с малых лет учили чтить традиции, прикажешь делать? Неужели я в таком глубоком и беспросветном одиночестве, что даже ты, мой бессменный поводырь, потерял нить моей судьбы? Ты же должен помнить, что я написал ему после того унизительного сообщения? Если забыл — я напомню. Я всячески пытался восстановить отношения и написал письмо — мы же с тобой вместе его сочиняли.

Вот оно: «Здравствуй, мой дорогой друг! В первых строках моего письма хочу сообщить, что я жив и здоров, чего желаю тебе всем своим сердцем и всей душою».

Такими тёплыми пожеланиями, сынок, мой отец всегда начинал свои письма ко мне. Они были короткими и очень простыми, в них откровенно проскальзывали нотки переживания от расставания со мной. Чувствовались его беспокойство и тревога, что я вдали от родного дома, без отцовской поддержки, по своей житейской неопытности приму необдуманные решения. Он верил и очень надеялся на то, что мои действия не будут противны принципам еврейского воспитания и традициям, которые незримо въедались в сознание с молоком матери и поступками отчаянных, дерзких

слободских пацанов. Я же — молодой, горячий, увлекающийся юноша — не справился со своими необузданными чувствами. Я не оправдал отцовских надежд и впервые ослушался его, тем самым нанеся своему отцу душевную рану. Хотя в своём отношении ко мне он явно этого никогда не проявлял, но это уже совсем другая история.

Мой друг, я ушёл из родного дома, где всегда мог быть самим собой. А запахи тех чудесных блюд, что с такой любовью готовила моя мама, до сих пор живут в моей памяти. Я ушёл в призрачный мир иллюзий, созданный моим воображением. Даже мой отец — человек сильный, властный, верный адатам горцев, по которым уход за детьми считался делом не мужчины, — не смог удержать меня в родных стенах. Несмотря на всё это, я любил, уважал и ценил его. Но кто в семнадцать лет слушает советы старших? Да, есть юноши, которые умеют слушать — они счастливчики, но в наше время это большая редкость. Я очень хочу, сынок, чтобы ты был среди них.

Тот мир иллюзий, в который я так стремился и окунулся с головой, оказался отнюдь не фантастичным. Он был тяжёлым, бездушным, а порой — даже голодным. В те годы мне нужно было учиться только на «хорошо» и «отлично», чтобы не было стыдно за свои мечты. Ведь если бы я тогда сдался, то какой смысл был в том, чтобы ослушаться отца и покинуть родной дом?

Сожалею ли я сейчас о своём необдуманном поступке? Нет, ничуть — и пусть мой отец на небесах простит своего сына за его откровение. Ведь в итоге долгого жизненного пути я обрёл тебя — бесценный подарок от Самого Господа Бога.

Мой дорогой друг, я не был маменькиным сынком. Еврейская Слободка Дербента, где я родился и вырос, воспитывала в пацанах высокую степень самостоятельности и чувство рискованной, порой безрассудной смелости. Мы рано узнали настоящую цену данному слову и крепкому рукопожатию. Именно в извилистых лабиринтах Слободки, её узких улочках и переулочках во мне зародилось чувство личной и нравственной ответственности, которое я позже пронёс через всю жизнь.

Я пишу тебе это не для того, чтобы поучать. Я просто хочу, чтобы ты ощутил: в тебе течёт моя кровь — гордая и независимая, способная на поступки. Я не ищу внимания, я привык к одиночеству. Я ищу в тебе того «пацана», который когда-то верил своему отцу так же безгранично, как я верил своему.

Я люблю тебя, сынок, и очень скучаю. Настанет время — оно обязательно придёт, — ты будешь вспоминать меня. Возможно, будешь перечитывать это письмо, и тебе станет тепло и уютно на душе. И ты поймёшь, что я никогда ни на одно мгновение не переставал думать о тебе».

Мой отец ни разу не сказал мне: «Я тебя люблю, сынок», — но от этого я не переставал его горячо и самоотверженно любить.

ГЛАВА 42

Вглядываясь в безучастные лица родни на старом фотопортрете, я искал поддержки и сочувствия, которых каждый из нас ждёт в переломные моменты жизни. «Мы одной крови, я продолжение вашего рода», — мысленно говорил я предкам, смотревшим сквозь меня в свою далёкую вселенную. Не найдя ответа, я бережно отложил снимок в сторону. А вслед за ним в моём сознании растворился и образ отца. Но его реальные слова, сказанные им в самый сложный момент его собственной жизни: «Береги себя, сынок», — и сегодня живы в моей памяти.

— Ну что, Ильясаф, — вновь подал знак мой внутренний голос, — ты излил душу отцу. Выжег из сердца остатки слободских обид и отпустил взрослого сына. Стало ли тебе легче?

— Не знаю, но здорово, что ты снова со мной, — мысленно ответил я своему напарнику. — Я просто сделал то, что должен сделать мужчина в моём возрасте. Но ты ведь непросто заговорил? Что тебе нужно теперь, когда круг моей жизни замкнулся?

Ты наставлениями и упрёками попил много моей крови ещё в книге «Воспоминания о будущем». Если честно, я ждал тебя как никого другого — ты бьёшь наотмашь, без лжи и лести. Без тебя тошно, некому вправить мозги. Только не перегибай палку, и так на душе херово.

— Вспомни, письмо ведь сработало! — тихо, с расстановкой произнёс он. — Вы уже через месяц вместе гуляли по Лондону.

Да, помню! В моей памяти каждое слово, сказанное сыну в аэропорту Рима.

— Знаешь, — волнуясь от крепкого мужского рукопожатия, — сказал я ему мой отец, твой дедушка, был бы очень рад, если бы увидел нас вместе.

— Ого! — удивился возмужавший сын, почувствовав мощь и тепло моего рукопожатия. — Да ты в полном порядке!

Я смутился, было приятно слышать такие слова от родногосына, но успокоившись я продолжил:

Старожилы Слободки помнили моего отца смелым и дерзким молодым человеком, который мог один в ночные часы подняться в верхнюю часть Дербента, где жили одни азербайджанцы. А я запомнил его совсем другим — добрым и ранимым, готовым ради близких пожертвовать всем, чем обладал. Видимо, эти черты характера достались и мне, словно наследственная болезнь крови. И теперь я, твой отец, стою перед тобой с той же открытой душой, с какой мой отец стоял передо мной в последний день своей жизни.

Я тоже не вечен. Чёрный верблюд смерти давно идёт рядом, нашёптывая мне: «Давай, садись на меня, я без проблем довезу тебя до места». Вот почему, сынок, пока я жив, я просто не имею права больше расставаться с тобой.

— Послушай, — продолжал шептать внутренний голос, — ты долгих десять лет никак не влиял на его жизнь. По большому счёту, он тебя почти не знает. Он не имеет понятия не только о том, что такое еврейская Слободка Дербента, но и о том, как жила уличная молодёжь в этом древнем городе. Зачем парню, обладающему железной волей и глубоким умом, придерживаться правил, по которым жил его отец?

Помнишь, как отреагировал твой отец, когда ты после окончания института вернулся в Дербент? «Зачем ты это сделал?» — коротко спросил он. А помнишь встречу в кабинете директора винсовхоза, дважды Героя Социалистического Труда? Когда твой отец, гордый, авторитетный человек, смиренно и стеснительно просил самодовольного типа взять тебя на работу.

— О, уважаемый Год Ихиилович! — высокомерно, словно решая твою судьбу, ответил директор. — Конечно, мы найдём место вашему сыну. Сразу пять тысяч «входных», и потом каждый месяц по триста рублей...

Я помню, что сказал тебе отец после этой встречи:

— Ладно, чёрт с ним, пять тысяч я как-нибудь нагребу. Но откуда ты при зарплате в двести пятьдесят рублей будешь отдавать ему по триста каждый месяц? Ты будешь воровать, чтобы решать этот вопрос, а я не буду спать ночами, переживая за тебя.

И ты после всего этого хочешь, чтобы твой сын жил этими принципами?

— Отпусти сына твоего! — снова зазвучал во мне голос бессменного напарника. — Ты ведь знаешь: у евреев мальчик в тринадцать лет уже мужчина, а ему далеко за тринадцать. Он уже давно сам несёт ответственность за свои поступки и перед семьёй, и перед Богом. Ты свой долг, как мог, выполнил: вырастил его, дал образование, оставил средства, на которые можно начинать дело. Дальше — его собственный путь. И это не значит, что ты должен вычеркнуть его из сердца. Это значит лишь одно: ты должен освободить его от своей опеки. А кровь — это не вода. Она сама найдёт дорогу к объединению. Только не заваливай эту дорогу своими обидами и слободскими понятиями о жизни.

— Мне известно, что ты давно и активно разыскиваешь сына, — продолжал методично добивать меня неоспоримыми фактами неутомимый внутренний голос. — Я знаю об этом не понаслышке, ведь я твоя совесть, твоя память, твоя суть.

Мой внутренний собеседник, который всю сознательную жизнь был главным советником, а в последние годы спасал от полного одиночества, на этой мысли замолчал. Но через минуту, словно забыв сказать о чём-то важном, вдруг произнёс:

— Я понял: тебе нужен не судья и не поводырь. Тебе нужен правдивый и честный разговор со мной, потому что меня невозможно обмануть. Помнишь, читая лекции для молодых кооператоров, ты вбивал им в мозги главный постулат успеха в бизнесе? «На ложной информации, — говорил ты, — нельзя составить реальную картину, без которой невозможно найти верные решения и выйти из любого кризиса».

Так почему же ты сейчас, когда на кону стоит твоя собственная судьба, просишь меня не перегибать палку? — беззвучно, но с железной хваткой продолжал дожимать он. — Пока сумбурные мысли крутятся в твоей голове, они кажутся бесконечной, удушающей лавиной. Но как только ты свои, на первый взгляд неразрешимые проблемы облечёшь в точные, честные слова, они обретут чёткие границы для понимания, и их станет легче решить.

Понимаю тебя: сказать правду — это всегда акт мужества. Но в момент искреннего признания ты сбросишь с себя груз гордыни, ложных обид и ожиданий, и наступит внутреннее спокойствие. Я же — это ты, наш внутренний монолог, намертво скрытый в сознании. Не переживай, всё останется, между нами, но я все тяжести твоего израненного сердца возьму на себя.

Вспомни, как тётушка Мазанту, причитая, говорила тебе: «Гудоей туре вегиром». Что буквально значило: «Я готова забрать всю твою душевную муку себе, лишь бы тебе стало легче».

Пораскинь мозгами, какая в этом причитании скрыта вековая, несокрушимая сила, выкованная столетним опытом выживания нашего народа! Это не просто красивый набор слов, а молитва-заклинание перед Всевышним, которая веками зрела в извилистых лабиринтах сознания горских евреев.

Наш народ всегда жил в суровых условиях, где опасности подстерегали на каждом шагу, а мужчины должны были оставаться кремнем снаружи. Единственным местом, где этот кремень мог оттаять и согреться, были как раз такие искренние, идущие от сердца слова родных женщин. Тётушка Мазанту как бы вставала между бедой и тобой, закрывая тебя своей грудью перед лицом Бога.

Слыша это, ты подсознательно чувствовал: «Я больше не один в этом сумасшедшем мире». Кто-то родной и сильный готов добровольно забрать твою душевную муку и пропустить её через себя, лишь бы тебе, Слободскому пацану, стало легче.

— Ты давно не пацан, — услышал я спокойный и уверенный голос бессменного попутчика, — а я не тётушка Мазанту.

Вновь беззвучно отозвалось во мне второе «я», словно ставя окончательную точку в моих многолетних терзаниях:

— Я не могу так красноречиво, как Мазанту, говорить, не обучен этому, ты сам знаешь, где и как мы росли. Но я могу главное — молча и терпеливо, не задавая вопросов, бесконечно слушать тебя. И ты увидишь: тебе станет легче жить в этом безумном мире. Так что давай, смелее выкладывай то, что все эти долгие годы не даёт покоя твоей душе. Вспомни, почему Нелли делилась с тобой своими сокровенными мыслями. Она как на духу говорила тебе: «Илюша, я знаю, от тебя это никуда не уйдёт. Ты как самый глубокий колодец на свете, откуда даже эхо будет идти целую вечность». Вот я — тот самый колодец без дна, в котором все твои переживания уйдут в небытие. И никто и никогда их оттуда не достанет.

«Легко сказать: выкладывай то, что наболело, — с горечью подумал я, мысленно обращаясь к бессменному попутчику. — Но как рассказать истории, которые задевают чувства самых близких людей? Где найти слова, чтобы невзначай не обидеть их? Иначе мне останется только записаться к Илону Маску добровольцем и навсегда улететь на Марс. Тем более, когда твоя родня — сплошь одни горские евреи, и каждый из них — «Царь и Бог».

— Пиши, что можно, а что нельзя — оставь при себе, идёт? — устало произнёс мой поводырь. — А остальное поручи мне, я разберусь.

— Ты что, волшебный джинн из кувшина Аладдина? — мысленно спросил я. — И вправду оградишь меня от дурных глаз и скрытых сплетен? Ты же знаешь: не дай Господь попасть моим землякам на язык!

— Я не джинн, — в мгновение ока отреагировал поводырь.

— Ты же читал лекции по психологии управления: ну поговорят, посудачат и забудут! Но зато глава получится сочная и захватывающая, и читатели будут довольны. Да и ты сам будешь рад, что, несмотря на страхи, нашёл в себе мужество и победил самого себя.

Я замер на мгновение, а в голове продолжали мелькать беспорядочные мысли.

«Окей, — согласился я. — Пусть будет, по-твоему. Пусть говорят, что я сошёл с ума. И вообще, кому какое дело, как я живу и чем занимаюсь? Но зато тысячи, миллионы страдающих отцов с подобными жизненными драмами смогут на моём горьком опыте избежать собственных ошибок в отношениях со своими сыновьями».

В моей жизни было много критических моментов, когда будущее во многом зависело от отношения семьи к возможным переменам. Расскажу тебе одну поучительную историю. После окончания предзащиты ко мне подошёл управляющий трестом «Мосстрой-16» — великий был человек — и предложил стать его заместителем по производству. Он сказал: «Через два года ты будешь иметь квартиру в Москве, сам будешь выбирать, какой район и какой дом. И это не всё — за это время я тебя подготовлю на своё место, с Начальником Главка этот вопрос уже обговорён».

Я, ошеломлённый таким внезапным предложением, попросил у управляющего пару дней на обдумывание, сказав, что мне нужно посоветоваться с семьёй.

Мои дочери тогда выдали мне свою детскую правду. Старшей было четырнадцать лет, и она заявила: «Папа, как мы здесь будем жить? Здесь солнце заходит в октябре и вновь появляется только в апреле!». А младшая дочь оказалась ещё конкретнее: «В Москве не растёт абрикос». Мы поставили вопрос на голосование, и супруга приняла сторону дочерей.

Настоящий мужчина не должен ставить свою судьбу на голосование. Он должен сам, единолично принимать решения, которые определят его дальнейшую жизнь. Пусть даже последствия этого выбора не оправдают его ожиданий.

Моя излишняя мягкость и демократичные методы правления застопорили карьеру в самом начале её масштабного развития. А ведь сегодня руководители строительных компаний в Москве — элита большого бизнеса.

Что касается Лондона и той дурной, неприглядной истории в отвратительном ресторане... Я, конечно, был неправ. Меня, старого еврея, просто заклинило, и в очередной раз не хватило ни терпения, ни такта по отношению к собственному сыну, выросшему совсем в других условиях, чем я — Слободской пацан.

— Как же, мать его, он оставил меня одного в чужом ночном городе, просто сел в первый попавшийся автобус и уехал?! Я до сих пор не могу этого осознать. Но теперь отчётливо понимаю: нельзя за неделю наверстать десять потерянных лет в воспитании собственного ребёнка.

— Но я отец! — продолжил я. — Даже если случайно совершил ошибку, он не имел морального права так поступить со мной.

Это, сука, не гордыня, это нерушимый закон кавказской жизни — просто потому, что я дал ему эту самую жизнь. У него, как у истинного кавказца, где мать — армянка, а отец — горский еврей, почитание родителей должно быть возведено в ранг абсолютного, не подлежащего обсуждению закона. Ведь это и есть главное мерило мужской зрелости.

Если человек не научился уважать того, кто дал ему жизнь, он никогда не сможет держать слово и быть уважаемым среди чужих мужчин.

Той лондонской ночью, идя по оживлённым улицам этой бездушной столицы мира, я вдруг осознал, что, к моему сожалению, практически не знал своего сына. И это неудивительно: меня не было

рядом с ним с его семнадцати лет. Я злился на весёлых прохожих, безразлично шагавших мимо меня, на парня с гитарой, который с воодушевлением пел песни, на людей в окнах кафе, мирно попивающих вино, и думал: что это они так веселятся и почему так легко живут на этом свете?

— Помнишь те трагические слова, которые со слезами на глазах произносил Виктор, герой твоего рассказа «Отцы и сыновья»? — продолжал методично терзать душу внутренний голос. — «Тебя не было с нами, когда мы пошли в первый класс. Тебя не было с нами, когда мы заканчивали школу. Тебя не было с нами, когда мы уходили в армию. Тебя не было с нами, когда поступали в университет и заканчивали его. Тебя не было с нами, когда на первую свою зарплату мы купили маме дорогой подарок. Зачем ты нам сейчас?»

Я даже не буду перефразировать эти слова — просто представь себе, что это невидимое послание твоего сына тебе

— И снова мой внутренний голос, ковыряясь в потаённых уголках сознания, вытащил на свет божий обидные до слёз слова моей младшей дочери. Того самого ребёнка, ради которого я когда-то пожертвовал карьерой в Москве. Она невзначай выдала отцу всю правду-матку: «Ты предал нас, уехав из Израиля после развода с мамой. И у нас дома не оказалось мужчины, постепенно семья распалась, и мы всё реже собирались на Шабаты».

— Эти годы без отцовства закалили его дух, — не переставал напоминать мой внутренний голос. — Ему просто не на кого было опираться, не было рядом мужчины, и он сам выкристаллизовывался с ранних лет в Израиле, где условия выживания — одни из самых трудных в мире. Я не знаю, может быть, он в мыслях спорил с тобой, чтобы доказать, что сам способен достигнуть достойного уровня в финансовой столице Ближнего Востока.

— Я только радуюсь этому, — жёстко ответил я своему поводырю. — Слава Богу, он больше не нуждается во мне и самостоятельно решает свои проблемы. Самое главное — я тоже не стою с протянутой рукой.

Раньше, приезжая в Израиль, я предполагал, что задержусь на месяц-другой. Но уже через неделю глубокого затишья понимал: я не нужен здесь никому. Я собирал вещи и уезжал обратно в Россию. И всё это время, которое занимала дорога, становилось адской мукой.

— Говорят, мужчины стареют именно с головы — почему, как ты думаешь?

— Ого! Это вопрос вопросов, — прервал молчание внутренний голос. — Но я постараюсь на твоём примере ответить внятно. Всё дело в грузе невысказанного: женщины выплёскивают эмоции наружу — плачут, говорят, делятся. Сильный мужчина, особенно горской закваски, всё носит в себе. Все свои обиды, недосказанности, лондонские автобусы и чеченские ямы ты запер внутри собственной головы. От этой колоссальной тяжести мозг не просто устаёт, он немеет.

Мужчина живёт экспансией — ему нужно завоевывать, строить, обеспечивать базу. Когда семейная жизнь худо-бедно построена, а дети выросли и больше не нуждаются в твоём «ручном управлении», в голове образуется вакуум. Если не найти новую цель, мозг начинает «засыхать», пережёвывая старые ошибки.

Ты физически сидишь у монитора в Волгограде, а мыслями каждую секунду летишь то в Дербент, то в Рим, то в Лондон. Ты перестаёшь жить сегодняшним днём. Дорога между прошлым и настоящим превращается в ту самую «адскую муку», которая прямиком ведёт к физическому бездействию.

Эти безжалостные слова напарника подействовали на меня как ледяной душ. Я понял, что если прямо сейчас не разорву удушающий круг воспоминаний, то окончательно погрязну в трясине одиночества. В таких ситуациях я молча одеваю кроссовки и выхожу на воздух

— Я плотно прогулялся по набережной Волги — сделал рекорд, прошёл 17 000 шагов. Между делом постригся, сделался симпатичным. Так вот, в завершение прогулки мой взгляд остановился на молодом мужчине, который безучастно смотрел куда-то в сторону. Только потом, когда пожилая женщина взяла его под руку и они медленно пошли мне навстречу, я понял, что он был слепым.

Но именно тогда я почувствовал долгожданное облегчение. Да, в моей жизни есть проблемы, но я зрячий и не живу втёмную — мой поводырь хорошо знает об этом. И с некоторых пор я твёрдо говорю себе: «Ты в любом случае проживёшь больше девяноста двух лет!». Больше не нужно тревожиться о том, что ждёт впереди. Просто проживи эту жизнь за себя и за отца, делай то, что должен, а там — что будет, то и будет.

ГЛАВА 43

Современный телефон окончательно уничтожил магию старой фотографии. В те времена, тридцать, сорок или пятьдесят лет назад, каждый кадр на плёнке был на вес золота. Человек не щёлкал затвором сотни раз подряд. К съёмке тщательно готовились, надевали лучшие костюмы, замирали перед объективом, и в этот единственный миг вкладывалась реальность жизни. В таком кадре нет ничего случайного. Память фиксирует ушедшее время, и именно поэтому старый снимок врезается в сознание навечно.

Я вглядываюсь в семейную фотографию и размышляю: сотни раз я держал этот снимок в руках, но почему-то раньше никогда не задумывался о судьбах людей, запечатлённых на нём. Пока они были живы и здоровы, казалось, что возможность общаться с ними будет вечной. Но сегодня никого из них уже нет на этом свете, и оттого гораздо острее познаёшь их лица с высоты прожитых лет.

Вот я — младенец всего семи дней от роду на руках у любимой бабушки. Рядом, с правой стороны, совсем близко стоит мой кузен Захар в белой рубашке и безразлично смотрит прямо перед собой — ему было тогда года четыре. А чуть поодаль — Рафик, тоже мой кузен, но уже подросток лет двенадцати. Его взгляд осмысленный, сосредоточенный, он с лёгкой усмешкой смотрит поверх головы маленького Захара прямо на меня.

Я сегодня знаю всё их будущее: как они проживут свою земную жизнь, какова будет их непростая судьба и когда именно они уйдут в другой мир. Но там, на старой фотографии, они ещё живы, счастливы, беспечны и совершенно не ведают, какая участь ожидает их впереди. Этот резкий контраст между беззаботным прошлым моих кузенов на снимке, запечатлевшим первозданную чистоту их душ, и знанием их предстоящей судьбы, разрывает моё сердце на части.

И снова память, копаясь в тайных уголках сознания, открывает забытые моменты, и я мгновенно вспоминаю, как Рафик перед моим поступлением в институт настойчиво просил меня сбрить первые юношеские усы: «Иначе, Илюха, точно попадёшь под жёсткие жернова приёмной комиссии!». Как же он был прав! Её председатель на всех вступительных экзаменах ходил за мной по пятам. Но усы я сбрил только на третьем курсе, и то по совету декана факультета. Мне

нужно было пересдать экзамен, и он поставил жёсткое условие: «Сбрей усы — получишь направление». Ради дела пришлось наступить на горло кавказской гордости.

А другой случай был ещё смешнее. Наш традиционный головной убор — знаменитая кепка-«аэродром» — была лицом каждого крутого парня на Слободке. С ней я когда-то гордо и приехал в Волгоград. Рафик много раз в шутку прятал её от меня, но я всегда её находил — как можно голову отделить от туловища? Они ведь всегда находят друг друга!

Но однажды, во время нашей прогулки по Волге, я стоял у перил теплохода и заворожённо любовался ночными огнями большого города. Рафик стоял рядышком и вдруг, подгадав момент, намеренно подцепил мою любимую фуражку, которая вмиг полетела прямо в тёмные воды Волги.

— Ой-ой! — картинно сожалел он тогда, хитря от всей души.

Я уже многое рассказал о Рафике в предыдущих главах, но далеко не всё. Что же касается Захара, то подробная хроника его бурной жизни ещё впереди. На следующих страницах я постараюсь быть предельно правдивым и объективным несмотря на то, что сделать это мне будет эмоционально очень сложно.

Захар, царство ему небесное, обладал крайне противоречивым характером. Поэтому даже при мимолётной встрече с ним большинство людей испытывали полярные чувства — от восторга до смятения и полного равнодушия. С одной стороны, он был добрым и общительным человеком, с другой — весьма вздорным и строптивым.

Иногда под влиянием стресса он легко переходил к ярости и агрессии. В такие моменты от него можно было ожидать потока обидных слов и нецензурных выражений. Обычно это происходило под воздействием домашнего алкоголя, который он сам производил в собственном гараже.

Своим неумением «держать лицо» в безобидных ситуациях Захар вызывал у окружающих тревогу и крайнее недоумение. Сам факт того, что он придавал огромное значение совершенно обыденным вещам, изумлял его друзей — это было отчётливо заметно по их едва сдерживаемому раздражению. Щедрый и властный покровитель семьи, никогда не считавшийся с расходами, он умел жёстко улаживать домашние ссоры, которые зачастую вспыхивали по пустякам, нешуточно выводя из себя хозяина дома.

Это касалось как споров между домочадцами, так и рабочих моментов между партнёрами по бизнесу. Взаимные пререкания и лишние разговоры разрешались мгновенно, с пользой для всех. Резкий жест или сердитый взгляд главы семейства, выражавший крайнее несогласие, в один миг ставил будущих наследников на свои места.

Прикрыв глаза**,** я мысленно представил себе образ Захара. Чем ярче становились мои воспоминания о его прошлой жизни, тем печальнее и мрачнее делались мысли — предстояло раскрыть чувствительные секреты и семейные тайны кузена. Но я решился поведать подлинную историю его судьбы. Она настолько захватывающая, что воистину достойна остаться на этих страницах во всей своей неприглядной и суровой правде.

Захар своим безрассудным шагом, которого от него никто не ожидал, грубо и цинично навлёк неслыханные бедствия на мою мать, причинив ей глубокую душевную боль. В эту драматическую историю трудно поверить, но она, словно гром среди ясного неба, разразилась в нашем большом доме, повергнув в дикий ужас всех членов семьи.

Дядя Митя — средний брат отца, красавец-парень и при деньгах — руководил тогда кондитерским цехом в привокзальном ресторане. Раньше этим делом успешно управлял мой папа, но позже ему предложили лучший вариант — кондитерское производство уже городского масштаба, и он с лёгким сердцем передал привокзальный цех по наследству младшему брату. Тот женился, и молодым выделили одну из комнат в нашем доме.

Как сейчас помню эти цеха, которые сквозь систему развитого социализма настойчиво пробивали первые ростки теневого бизнеса в Дербенте. Мама, снабдив меня вместительной сумкой, всякий раз напоминала, что именно я должен взять у папы.

Отец накладывал мне полную сумку дефицитных продуктов: сливочное масло, яйца, сгущённое молоко, мёд, шоколад и многое другое, что шло на выпечку тортов, чебуреков и беляшей. С этой богатой ношей я, изрядно нагруженный, плёлся обратно домой. И так происходило каждую неделю. С тринадцати лет я принимал самое активное участие в снабжении нашей семьи ценными продуктами.

Чудесные были времена! Утром на завтраке стол буквально ломился от всяких вкусностей, но мне больше всего запомнился мой восторг, когда на тринадцатилетие я получил сногсшибательный

подарок — новенький рижский магнитофон «Дайна», который казался мне тогда вершиной человеческой техники.

И взамен привычного мугама на нашей Слободке вдруг зазвучали первые песни «Битлз»! Друзья моего отца настойчиво уговаривали его забрать у меня это заграничное чудо, но папа в ответ только весело улыбался. Но всё же, чтобы уважить слободчан, он сделал мне тихое, мягкое замечание. Однако «Битлз» и «Роллинг Стоунз» не переставали звучать на Слободке аж до того момента, как я уехал из Дербента. Не зря всё-таки пацаны дали мне прозвище Англичан.

И вдруг в один миг моя беззаботная жизнь рухнула, словно произошло мощное землетрясение, разрушившее до самого фундамента стены нашего благополучного дома. Не прошло и недели после свадьбы, как у молодых стали таинственно пропадать деньги и золотые украшения. Поначалу они молчали, но, когда исчезли их обручальные кольца, дядя Митя рассказал обо всём отцу, косвенно намекая, что только моя мама способна на такое гнусное преступление.

Тётя Тейло, старшая сестра отца и мать Захара, уверенно заявляла, что это воровство — дело рук моей матери.

— Только она, эта детдомовская, могла пойти на такое! — злорадно твердила она.

Мама рассказывала, что именно Тейло изначально была самой ярой противницей женитьбы отца на девушке из детского дома. Эта её неиссякаемая ненависть к моей маме так и не прошла до самых последних дней её жизни.

Разочарованный и раздражённый наговорами родни, отец всячески угрожал матери и требовал от неё признания. Всякое бывает в больших семьях, живущих скопом в одном доме, но того, чтобы отец так безрассудно унижал мою бедную маму, я не видел никогда. А ведь я был невольным, глубоко страдающим очевидцем всех этих страшных событий, разыгравшихся в нашей некогда дружной семье.

В доме воцарилась обстановка тревожного ожидания взрыва. Моя бедная мамочка постоянно была в слезах. Она всячески оправдывалась, и однажды я услышал, как она, горько рыдая от гнетущего бессилия перед ложным обвинением и невозможности доказать свою невиновность, обратившись к отцу, произнесла:

— Клянусь жизнью нашего единственного сына! Я ничего подобного не совершала!

Я стоял между не на шутку разгневанным отцом и моей беспомощной, беззащитной матерью, совершенно не понимая, что происходит. Какие деньги, какие золотые изделия, кто их своровал в комнате дяди Мити? Для меня всё это казалось каким-то нелепым, фантастическим событием, ведь до сих пор в нашем доме никогда, ни у кого, нечего не пропадало.

Детдомовская, беззащитная сирота в глазах многочисленной родни моего отца, прослывшая девушкой без рода и племени, моя мама, Азарьева Яффа, так и не смогла окончательно вписаться в самобытный уклад этой большой ортодоксальной семьи горских евреев. Хотя сама она была дочерью известных в прошлом людей и до замужества носила ту же фамилию, что и отец.

И то, что моя мама от рождения носила благородную фамилию Азарьева — это был великий, провидческий замысел Всевышнего! Творец словно изначально, ещё до замужества, выдал этой беззащитной девочке священную охранную грамоту. Этим совпадением Бог как бы твёрдо заявил всей многочисленной и строгой родне моего отца: «Она не чужая! Она вашей крови, вашей фамилии и вашего достоинства, даже если вы по своей гордыне не хотите этого замечать!».

Но Всевышний всё видит, и правда в конце концов восторжествовала. Как-то один из моих Слободских друзей мимоходом тихо сказал мне:

— Ты знаешь, на Слободке вовсю говорят, что твоя мама от домашнего гнёта и ложных обвинений хотела покончить с собой... Дядя Боря вытащил её в последний миг прямо из-под колёс проходящего поезда. А крадёт все ценности в вашем доме Захар, сын твоей тёти Тейло.

Я обомлел и поначалу даже не поверил этим страшным словам. Ведь Захар был любимым и самым доверенным племянником моего отца! В тот же день я полностью пересказал этот разговор родителю. Как выяснилось позже, на ворованные деньги Захар покупал голубей — самых свободолюбивых птиц, которые едва не стали причиной моего сиротства.

После этого позорного случая Захар не мог продолжать работать у отца, и дорога в наш дом ему была закрыта навсегда. Позже Рафик забрал его в Волгоград, где мы с ним спустя несколько лет снова встретились и, вопреки прошлому, даже подружились.

Я часто потом задумывался, почему он это совершил. Ведь у него в юности было абсолютно всё: ключи от склада огромного кондитерского цеха всегда лежали в его кармане, и отец верил ему так же безгранично, как в своё время Рафику. А Захар бессовестно пользовался этим святым доверием, исподтишка продавая на сторону дорогие продукты ради сиюминутной наживы.

Это потом, спустя многие годы в Волгограде, видя, как он без зазрения совести мухлюет, ведя грязную игру и обыгрывая преданных друзей и близких за карточным столом, я окончательно понял: всё это пагубное семя зарождалось ещё в его далёком детстве.

Прошло немало лет, прежде чем честное имя моей мамы было полностью отмыто от гнусных наговоров, а позорное воровство кузена вскрылось перед всей роднёй. Справедливость восторжествовала, но глубокие шрамы на мамином сердце остались навсегда. Время шло, я повзрослел, уехал учиться, начал строить свой бизнес, но при первой же возможности всегда стремился вырваться в родные пенаты.

В одни из таких майских праздников я на несколько дней прилетел в родной Дербент, чтобы повидаться с матерью и посетить могилу покойного отца. Мама ласково попросила меня нигде долго не задерживаться и к обеду непременно быть дома, потому что к нам в гости должны были прийти люди. Она суетилась, с любовью готовила мои самые любимые блюда. Было отчётливо видно, что у неё приподнятое, радостное настроение, и я всей душой разделял это ликование.

— Конечно, буду, мама. Ты же отлично знаешь, как сильно я люблю твои праздничные обеды, — ответил я, совершенно не думая о гостях, которых она так трепетно ждала, и вышел на залитую солнцем улицу.

В обед, вернувшись домой, я увидел добротно, богато накрытый стол, за которым сидели трое взрослых, солидных мужчин, мне совершенно незнакомых. Мама, нарядно одетая, сидела напротив них. Они о чём-то тихо переговаривались между собой, но никто из них до обеда ещё даже не дотронулся — все терпеливо ждали меня. «Как будто сидят на сватовстве», — вмиг промелькнула у меня тревожная мысль, и я присел рядом с матерью. За столом все мгновенно затихли, и эта гнетущая тишина, как мне тогда показалось, длилась очень долго.

Прервал это неловкое положение самый старший из гостей. Он неторопливо отломил кусочек хлеба, благоговейно приложил его к своим губам и тихо, но веско сказал:

— Клянусь этим куском хлеба, сынок...

Когда прозвучали эти слова, мне на мгновение отчётливо представился покойный отец. Когда ему в жизни надо было сказать что-то очень важное, сокровенное, он точно так же, как сейчас этот незнакомый мне мужчина, свято клялся куском хлеба.

— Мы пришли в твой дом, — продолжал он говорить спокойно и с достоинством, — с чистыми и хорошими намерениями. Твой отец был прекрасным человеком, царство ему небесное и вечный покой душе его на небесах, — он говорил так, будто очень хорошо знал моего отца. — Но вот уже почти десять лет твоего родителя нет среди нас, а твоя мать всё это время живёт в одиночестве. Она нам очень нравится, мы знаем её как исключительно порядочного человека, хорошую женщину и хотим уважительно взять её в свой дом.

Он повернулся к рядом сидящему с ним мужчине, бережно положил руку на его плечо и продолжил:

— Мой брат тоже давно одинокий человек. Твоя мать и он хорошо знают друг друга, и я думаю, если они станут одной семьёй, они оба снова обретут счастье.

— Вы что, пришли сватать мою маму?! — резко спросил я человека, который был намного старше меня. — Но моя мама — самостоятельный человек, и она может принять любое решение, даже не спрашивая моего согласия!

Я резко поднялся из-за праздничного стола, не очень любезно попрощался с ошеломлёнными гостями и быстро вышел прочь из дома. Сегодня, спустя многие годы, я часто задаю себе один и тот же мучительный вопрос: почему я тогда так мерзко, так эгоистично поступил?

Тогда, в свои тридцать с небольшим лет, я был ослеплён ложной мужской гордостью. Мне, горскому еврею, только-только начавшему вставать на ноги в бизнесе, подсознательно казалось, что теперь только я являюсь единственным хозяином и защитником нашей семьи. Мой врождённый эгоизм ко всему, что касалось святой памяти покойного отца, не позволил мне разглядеть за праздничной суетой мамы её глубокое, гнетущее одиночество женщины, которая десять лет жила одна.

Мне показалось, что появление другого мужчины в доме — это предательство памяти отца, осквернение его места за столом. Я среагировал мгновенной вспышкой гнева, защищая то, что считал неприкосновенным, и этой своей слепотой безжалостно растоптал её последнюю надежду на простое женское счастье.

Моя мама так надеялась в тот день на понимание и мудрость своего взрослого сына. Но после моего демарша она так и осталась до конца дней вдовой.

Прости меня, моя дорогая, хрупкая, беззащитная мамочка с тяжелейшей сиротской судьбой, что не уберёг тебя. Прости за мой эгоизм, за невежество и роковые ошибки. Прости меня, мама, за недостаток чуткости, за то, что так беспардонно вмешался в твою личную жизнь. И за то, что в тот роковой момент я сам, не ведая что творю, оказался среди тех жадных, бессердечных людей, которые всю жизнь грубо притесняли тебя и определяли, как тебе следует правильно жить.

ГЛАВА 44

Сразу скажу: паскудное это дело и очень неблагодарное — нарушать общепринятый закон горцев, по которому о мёртвых говорят либо хорошо, либо ничего. Но я попытаюсь честно и откровенно рассказать о трудной судьбе человека, который мечтал о самом простом, о чём только может грезить каждый отец, — увидеть своих сыновей самостоятельными людьми.

Я часто вспоминаю один эпизод, который врезался мне в память. Как-то раз, не стесняясь моего присутствия, Захар поднял голову к небу и покорно произнёс: «Господи, я хочу лишь одного — чтобы мой старший сын стал доцентом». Эти проникновенные слова, сказанные от самого сердца, взволновали меня. Душу обожгла глухая тоска — ведь его отцовским мечтам так и не суждено было сбыться.

В Библии сказано: «Человек подобен дереву в поле». Каждый раз, когда я пытаюсь воссоздать в памяти образ Захара, я наталкиваюсь на то, что у него изначально не было своего поля. Не было тех глубоких корней, которые могли бы питать его сознание честными, созидательными помыслами.

Ненавижу вспоминать эту позорную историю, но я вынужден сделать это на страницах книги, чтобы читатель мог воочию оценить всю глубину духовного падения человека ради копеечной, смешной наживы.

Близился торжественный момент бракосочетания моей старшей дочери. По незыблемым обычаям наших предков тесть обязан был сделать ценные подарки зятю. Я как-то раз между делом упомянул об этом, сидя с кузеном за дружеским столом. Захар тут же деловито сказал, что у него есть прекрасные, дорогие туфли, идеально подходящие для праздника. Он назвал цену, я без лишних слов рассчитался с ним и, придя домой, с гордостью похвастал супруге, какую красивую лакированную обувь приобрёл.

Когда супруга открыла коробку, она очень долго от шока не могла произнести ни слова. Эти туфли были одноразовыми — из того самого дешёвого набора, в который наряжают покойников перед погребением! «Какая же ты мелочная сука», — думал я тогда, гневаясь до самого предела.

Почему же так невыносимо сложно писать чистую правду о близкой родне и друге своего детства? Ведь нередко за эту самую правду честные люди во все времена подвергались жестоким гонениям, страдали и в один миг становились изгоями. Я сам, будучи молодым человеком, раз за разом упрямо наступал на одни и те же грабли. Даже став взрослым, умудрённым опытом мужчиной, я далеко не всегда мог справиться с собой и противостоять внутреннему желанию высказать человеку всё прямо в лицо, совершенно не думая в тот момент о пагубных последствиях для самого себя.

Однажды я оказался в одном самолёте с нашим общим другом Валерой. Он летел на встречу к брату в Нижневартовск, а я — в Норильск с пересадкой там же. Время вполне располагало к откровенной дружеской беседе.

Так, за парой стопок виски Валера как-то недоуменно спросил меня:

— Илюха, а что вообще твой кузен Захар хочет от тебя? Он вечно меня исподтишка подначивает, чтобы я тебя подбивал на крупную игру в карты на деньги. «Давай разуем Илюшу, — постоянно твердил он, — он теперь богатый парень!».

Вскоре Захару всё же представился долгожданный случай усадить меня за карточный стол. Захар буквально кричал мне в трубку

мобильного: «Где ты там пропадаешь? Срочно приезжай к нам, здесь сегодня собралась вся твоя родня из Кисловодска!»

Уже через десять минут я сидел за большим праздничным столом, буквально ломившимся от всяких яств. Люда, жена Захара, была русской женщиной, но великолепно, с душой готовила сложные традиционные блюда кухни горских евреев. «Всё хорошо, — подумал я про себя, — но вот водка на столе опять палёная». Та самая, которую Захар тоннами разливал у себя в гараже. Он был большой любитель выпить, как и Рафик, да и вообще вся наша многочисленная родня очень любила крепкие напитки.

Захар щедро налил мне полную стопку.

— Я за рулём, — отрезал я. — Да если бы и не был за рулём, я такой шмурдяк принципиально не употребляю.

— Ой-ой-ой, какой ты у нас гурман, оказывается! — с явной насмешкой произнёс он на всю комнату. И с язвительной улыбкой громко спросил: — А какую же ты тогда водку предпочитаешь? — так, чтобы все сидящие за праздничным столом могли это отчётливо услышать.

Я молча поднялся и вышел из дома. У меня в багажнике автомобиля всегда на всякий случай лежал ящик оригинального шведского «Абсолюта». Я достал две бутылки, принёс в комнату и уверенно поставил их на стол перед кузеном.

— Илюха, ты Захара сейчас уделал по полной программе! — тихо сказал Ной, сидевший рядом со мной.

Потихоньку мужики за столом захмелели и пересели в сторону, вовсю готовясь к азартной карточной игре. Я долго не соглашался, потому что прекрасно знал, чего желает мой двоюродный брат. Но в итоге им всё же общими силами удалось меня втянуть.

Я хладнокровно включился в игру и начал сразу с уверенного выигрыша. В тот памятный вечер я выиграл у них очень крупную сумму денег и, сухо попрощавшись со всеми, спокойно уехал домой.

Я много раз потом задумывался, почему Захар так ревностно, с затаённой обидой относился ко мне. Вроде бы мы с ним абсолютно никак не соприкасались — ни общими делами, ни жизненными позициями. Если честно, я так и не нашёл явного, однозначного ответа на этот мучительный вопрос.

Пытаясь разгадать загадку его противоречивой натуры, я искал ответы в значениях имён и судьбах людей нашего рода. И то, что я обнаружил, поразило меня до глубины души.

Имя Захар имеет древнее иудейское происхождение и в переводе означает «Бог помнит». Толкователи древних текстов утверждают, что люди с этим именем от природы обладают сильным характером и невероятным упорством. Они амбициозны и настойчивы в достижении своих целей, уверены в себе и стойки в любых испытаниях, но излишне вспыльчивы в трудных ситуациях. Но главное — мужчины по имени Захар склонны к упрямству и откровенному недовольству. Эти черты часто приводят к серьёзным конфликтам как в семье, так и в кругу их общения.

Я был безмерно удивлён тем, насколько точно эти древние описания совпали с характером моего кузена Захара. Словно этот код был прописан в его судьбе за много веков до нашего рождения. А ведь я близко знал его с того самого момента, когда мы были наивными, доверчивыми и мечтательными пацанами на Слободке.

Часто ночами мы бок о бок стояли над медным тазом в самом центре продолговатой полутёмной комнаты. И пока с превеликим удовольствием справляли малую нужду, устремляли взоры высоко вверх, в световое окно в потолке. А там, в бездонном тёмном небе, то сближалось, то разбегалось, то стремительно взмывало ввысь огромное множество блуждающих звёзд. А какая именно из них твоя путеводная звезда — попробуй теперь разберись.

Судьба раскидала нас, но кавказский дух Слободки мы свято хранили и в Волгограде. Помню, как в город приехал с гастролями знаменитый канатоходец, наш земляк — легендарный Рабадан Абакаров. Встретились мы по-простецки, по-землячески, и сразу договорились поужинать в ресторане «Южный».

На втором этаже мы заняли скромный стол, а рядом с нами сервировали три длинных стола на пару десятков человек каждый. Оказалось, что в Волгограде как раз в это время проходили международные соревнования сборных европейских стран по водному поло.

Сели за стол, и вскоре появились ватерполисты. Зал был полностью заполнен гостями. Я подсуетился и предупредил Захара, чтобы музыканты объявили, какая легендарная личность ужинает сегодня с нами. Когда в самый разгар вечера ведущий объявил, что в

зале присутствует Рабадан Абакаров, посетители ресторана встали, приветствуя Рабадана, который с удовольствием позировал зрителям.

За столами ватерполистов пошли разговорчики, они переглядывались, а потом стали смотреть в нашу сторону. И пошло-поехало: все дружно поднялись, и каждый хотел чокнуться с нами, словно мы были частью команды прославленного канатоходца. Тогда я впервые почувствовал это сладкое ощущение чужой знаменитости.

Захар в тот вечер проявил удивительную щедрость и гостеприимство. Он спокойно, без каких-либо проблем оплатил наш стол, который ломился от яств и напитков.

В голодные студенческие времена я часто на ходу забегал в кафе к Захару, где он работал шеф-поваром. Я с превеликим удовольствием уплетал его фирменные шницели из свинины. От них исходил сумасшедший запах сочного, поджаристого мяса, пробуждавший невероятное желание немедленно пропустить бокал-другой холодного «Жигулёвского» пива. Уже потом, когда Захар стал заведующим производством в престижном ресторане «Южный», конечно, не так часто, как в студенческом кафе, но иногда, когда в карманах водились деньги, я с гордостью посещал этот знаменитый ресторан города...

Нужно ли обо всём этом писать? — долго и мучительно думал я поначалу. А потом твёрдо принял для себя единственно верное решение: да, обязательно надо! Только так я смогу честно показать вдумчивому читателю, насколько престижным, грандиозным производством изначально управлял Захар, будучи в те годы амбициозным, целеустремлённым и сильным молодым человеком.

В отличие от многих людей, окружавших Захара, я был глубоко вовлечён во все важные, можно сказать, судьбоносные события, происходившие в его семье. Несмотря на то, что со временем даже самые дорогие сердцу воспоминания неизбежно блекнут, моё сознание бережно сохранило поучительные истории его непростой судьбы.

Мой разум, вороша прошлое, методично, одно за другим, выводил на Божий свет скрытые факты из его жизни. Но как написать о Захаре то, что до сих пор живёт в моём сердце? Как это сделать правильно и перестать фильтровать эпизоды и сюжеты, чтобы ни в коем случае не исказить его живой образ?

В правде нет ничего хорошего, она ранит сильнее лжи, хотя без достоверного и правдивого повествования невозможно написать захватывающую историю, которую будут дочитывать до конца.

С чего начать этот рассказ о человеке, которого я близко знал с самого раннего детства? Ведь даже на нашем старинном семейном снимке мы были запечатлены рядом: правда, Захар уже твёрдо стоял на своих ногах, а я, новорождённый, беззаботно лежал на руках любимой бабушки. Путешествуя сквозь время и пространство, я много раз размышлял о том, как через историю жизни ярче раскрыть личность этого незаурядного человека, включая его эмоции, потаённые мысли и недостойные поступки.

Как раз и навсегда избавиться от подсознательного страха осуждения со стороны многочисленных родных, друзей, старых знакомых и перестать наконец бояться их будущих раздражённых, визгливых и негодующих голосов? Что именно они подумают и будут злобно говорить мне вслед? Я честно не знаю ответа на этот вопрос, хотя вполне допускаю неконтролируемый эмоциональный всплеск злостных базарных сплетен и нелепых рассуждений типа: «Да как он вообще посмел написать такое о нашем отце, о нашем брате, о близком друге?!»

Эти пугающие мысли глубоко волновали мою душу, заставляя сердце биться чаще. Но я, словно вольный волк и бунтарь по жизни, твёрдо знал: обязан пройти сквозь домыслы, сплетни и злые языки обывателей, ревностно охраняющих мнимую чистоту своих лицемерных помыслов.

Мама однажды рассказала мне историю, которая произошла с ней, когда она была ещё совсем молодой невестой в нашем доме:

— Я как-то раз зашла в коровник, — вспоминала мама, — уже точно не помню зачем, наверное, за свежими яйцами... А маленький Захар незаметно проследил за мной и запер тяжёлую дверь сарая снаружи на крепкий засов. Я долго просила, умоляла его открыть, плакала, говорила, что мне нужно срочно готовить праздничный ужин для старших, но на него ничего не действовало! Он просто повернулся и беззаботно убежал по своим мальчишеским делам. Я ревела в этой темноте, пока все слёзы окончательно не закончились.

Зачем он тогда, будучи ребёнком, совершил это маленькое кощунство? Сегодня, вороша прошлое, я отчётливо понимаю: мальчик каждый божий день слышал дома от взрослых одно и то же

— что моя мама в их семье чужая, и что с ней можно вести себя так, как захочется.

Прежняя самоуверенность, шептавшая мне, что я смогу легко написать историю Захара, довольно быстро прошла. Я ведь близко знал его вдоль и поперёк, со всеми достоинствами и явными пороками. Но как теперь, не кривя душой ради красного словца, написать чистую правду и вместе с тем попытаться хоть как-то оправдать друга своего детства перед его женой и детьми?

Всё оказалось невероятно сложно. И всё же я принял решение, которое предопределило ход моего дальнейшего повествования. А как на самом деле получилось — судить вам.

За последнее время ничего особенного в моей мирской жизни не происходило. Тот ненастный, холодный январский день шёл своей привычной, монотонной чередой. Внешне всё было в порядке, я прошёл свои привычные десять тысяч шагов, но на сердце смутная тревога вовсю била в набат.

Рок ударил неожиданно леденящей душу новостью, будто внезапно грянул страшный гром в самый разгар морозной зимы. На экране вспыхнул текст: «Марк Юнаев погиб в Донецкой области. Отпевание и похороны состоятся на Центральном кладбище».

Сказать, что это короткое извещение потрясло меня до самой глубины души — значит абсолютно ничего не сказать. Я замер в ужасе и застыл на месте без единого движения. Некоторое время я тупо, отрешённо смотрел на экран мобильного и почему-то неотступно думал о Захаре... О том, что там, на бескрайних, холодных небесах, его отцовская душа теперь не находит себе места, оплакивая трагическую гибель своего любимого сына.

Ещё чуть-чуть — и мои собственные мозги взорвались бы от жгучей безысходности. Точно такую же разрывающую душу боль я испытывал лишь тогда, когда страшное сообщение о внезапной смерти моей матери таким же безжалостным, холодным и бесцеремонным образом впервые поступило на мой телефон.

ГЛАВА 45

Марк вырос на моих глазах. В своё время именно я настойчиво убедил его уехать по известной программе НААЛЕ для еврейских подростков тринадцати-шестнадцати лет, которая давала им уникальную возможность успешно завершить среднее образование в Израиле и получить официальный израильский аттестат зрелости. Эта престижная международная программа полностью финансировалась израильским правительством, обеспечивая участников всем необходимым — от перелёта до проживания в закрытых интернатах, но требовала от детей самостоятельности и успешного прохождения сложнейших психологических тестов**.**

По этой программе в Израиль уехала и моя младшая дочь. Жанне тогда было пятнадцать лет, а мои еврейские друзья испуганно шептались между собой: «Илюха точно сошёл с ума! Как он разрешил совсем юной девчонке уехать из родного дома в чужую, далёкую страну?!»

Их можно было понять. Представьте себе состояние домашней, избалованной родительской заботой пятнадцатилетней девочки, которая в один миг оказалась выброшена из сытого, уютного кавказского дома в суровую реальность закрытого интерната. Чужая страна, чужой язык, бытовой дискомфорт и, главное, тесная комната на несколько человек, где ей пришлось уживаться с такими же сложными, испуганными, а порой и агрессивными девчонками из самых разных уголков планеты — со своими нравами, комплексами и правилами выживания. Это был жестокий фильтр, ломающий многих детей.

Марк же, увы, не устоял перед первыми трудностями. Спустя всего несколько месяцев его с треском отчислили из израильской школы за недостойное поведение, и он вернулся обратно в Россию... Несмотря на все эти невзгоды, моя Жанна всё же выдержала, переборола судьбу — сейчас она состоявшийся доктор наук, моя истинная отцовская гордость.

Много лет спустя, успешно окончив университет в Тель-Авиве, Жанна рассказывала, как трудно и сложно ей было в пятнадцать лет жить в общежитии, сколько горьких слёз она пролила ночами и сколько раз в отчаянии хотела всё бросить и вернуться домой, к родителям.

— Моя дорогая девочка, — в пылу раздражения сказал я ей, — ты даже близко не можешь представить себе, сколько слёз в этом возрасте пролила моя бедная мама! Твоя бабушка с двух лет осталась круглой сиротой и оказалась в детском доме, где без родительской ласки пробыла до шестнадцати лет. А потом её отправили работать на консервный завод, и она снова в юные годы жила в рабочем общежитии — и так длилось до её замужества...

Цинковый гроб, обтянутый ярко-красной тканью, покоился посреди просторной траурной комнаты. Чуть поодаль от него стояла строгая подставка с большой чёрно-белой фотографией Марка. Он смотрел на всех присутствующих со своей привычной, немного виноватой улыбкой, словно искренне просил у живых прощения за причинённые неудобства — за то, что в самом начале нового года, в такую лютую морозную погоду, им всем пришлось собраться в этом полутёмном, холодном зале.

Но самое удивительное и ошеломляющее из того, что я в тот миг увидел, находилось прямо под траурным портретом. Вместо привычной фамилии Юнаев крупными буквами было написано – МАРК ЗАДОРКИН. Это потрясло меня до глубины души, сокрушив все понятия о неразрывной связи отца и сына.

Понемногу я приходил в себя от леденящего шока и каким-то неведомым образом вспомнил, что Задоркина — это ведь девичья фамилия его матери. И тут я не удержался: окинув вопросительным взглядом фотографию Марка, я мысленно спросил его: «Зачем, мой друг, ты так явно и незаслуженно обидел покойного отца? Он ведь тебя слепо любил!».

Для горского еврея, рожденного и воспитанного в строжайших традициях кавказского патриархата, смена сыном фамилии отца — это акт колоссальной духовной и родовой трагедии. Сын — единственный продолжатель этого рода в вечности. Когда сын отказывается от фамилии, для отца это означает, что его ветвь на родовом дереве навсегда и жестоко отсечена.

На Кавказе мужчина живёт ради имени своего рода и чести своих детей. Смена сыном фамилии воспринимается как открытый, демонстративный отказ от отца, как знак того, что между ними произошёл глубочайший, неразрешимый духовный разрыв. Для Захара, который был амбициозным гордым и заметным дельцом, человеком, управлявшим лучшими ресторанами города, это был бы

самый страшный, смертельный удар по его самолюбию. На небесах его душа действительно «не находит себе места» от этой горькой обиды. Марк осознанно пытался полностью стереть своё кавказское, еврейское прошлое, ассимилироваться и убежать от тех самых «слободских корней», в которых вырос его отец.

Однажды Марк в присутствии друзей отца жёстко высказал Захару: «Почему дядя Илья находит время для игры в футбол со своим сыном и внуками, а у тебя на это нет времени? Зато за картами ты можешь проводить ночи напролёт, и для этой азартной игры время у тебя находится всегда».

Девичья фамилия матери — это щит, который Марк поднял, чтобы защитить память своей мамы Люды. Видя в детстве и юности недостойные поступки Захара, его карточные игры, палёную водку в гараже и эгоизм, сын на пороге зрелости совершил страшный суд над родителем — он лишил его права называться его отцом.

А безутешная мать, скорбно склонив перед цинковым гробом седую голову, тихо причитала сквозь горькие слёзы:

— Родной мой сыночек, сокровище ты моё ненаглядное! Тебя отныне нет ни среди живых, ни среди мёртвых... Где же мне теперь тебя искать?!

Эта жестокая действительность нашей безумной жизни в один несчастный миг безжалостно разрушила абсолютно всё. Должен честно признаться: я уже и забыл, когда в последний раз плакал на людях. А тут, прямо во время моей надгробной речи, я сам неудержимо, навзрыд рыдал.

За считаные минуты зал до отказа наполнился хмурыми, небритыми мужчинами, а женщины в одеждах строгих, сдержанных тонов тревожно перешёптывались друг с другом и буквально не сводили глаз то с цинкового гроба, то с чёрно-белого фото Марка.

Я моча сидел у большого окна в переполненном зале, а прямо рядом со мной пристроился Роберт — мой старинный, верный друг. Он сам совсем недавно в страшной автомобильной катастрофе потерял своего двадцатипятилетнего сына.

Жуткая, несправедливая история: его сын, молодой и перспективный сотрудник криминального отдела полиции, по личному указанию начальства сопровождал опасного подозреваемого в убийстве на место следственного эксперимента. Их служебная машина на высокой скорости внезапно перевернулась, не доехав до намеченного места всего какие-то сто метров. В результате этой

аварии преступник получил лишь лёгкие ранения, а сын Роберта скончался на месте, так и не дождавшись приезда скорой помощи...

Мы давно не виделись с Робертом, разговорились о том о сём, слово за слово — и речь неизбежно зашла о том, как Марк вообще оказался в Донецкой области.

— Он ведь, насколько я знаю, особо не нуждался в деньгах... Почему же он тогда добровольно завербовался на СВО? «Искренняя любовь к Родине или стремление стать героем сыграли здесь решающую роль?» —тихо спросил я сутуловатого Роберта.

Он глубоко вздохнул, повернулся ко мне и пристально, с грустной, ехидной улыбкой посмотрел прямо в глаза. Потом, плотно прильнув губами к моему уху, еле слышно прошептал:

— Илюха, ты издеваешься? Какие к чёрту деньги, какой патриотизм, какой героизм! Он давно, ещё будучи зелёным пацаном, наплевал на своё и чужое достоинство. Вспомни, что он творил и как нагло вёл себя в свои семнадцать лет: вовсю баловался наркотиками, забавы ради угонял чужие машины, чтобы просто нарисоваться и покататься с друганами.

Захар потратил уйму денег на ремонт новенького «Мерседеса» Бадри. Помнишь эту дикую историю? Пока Захар и Бадри азартно рубились в карты, Марк преспокойно угнал этот «Мерседес» и на сумасшедшей скорости сто пятьдесят километров в час врезался в столб! А потом, как ни в чём небывало, спокойно продолжал развлекаться в компании с обкуренными пацанами.

А какую классную, благородную невесту ему в своё время нашли — неужели забыл? Она мне казалась самой красивой девушкой во всём нашем окружении. Я тогда одного не понимал: как твои уважаемые нальчикские друзья, родители этой чудесной, чистой девочки вообще согласились на брак с ним? Но ты же отлично знаешь, чем всё это предсказуемо закончилось — они, не успев прожить вместе и полугода разбежались в разные стороны.

И тут Роберт резко изменился в лице. Тяжело покачав головой, он вопросительно взглянул на меня, опустился обратно на своё место и легонько толкнул локтем в бок — видимо, хотел хоть как-то вывести меня из оцепенения. А потом сдержанно спросил:

— Ты вообще в курсе, какова была подлинная причина их скорого развода?

Роберт тихо, на одном дыхании произнёс:

— Оказалось, Марк цинично заявил, что горская еврейка не в его вкусе, поскольку она «слишком домашняя». После этого развода вся его жизнь покатилась под откос. Пошли бесконечные пьянки, гулянки, разгульные женщины и наркотики. Никому до него не было дела, никто его вовремя не остановил, и в результате сегодня мы все стоим здесь, на его похоронах... А ты вообще знал, что Марк был в ЧВК «Вагнер» при самом первом, страшном наступлении на Бахмут? — словно между делом спросил меня Роберт.

Он заметно оживился и горько усмехнулся. Очевидно, одичав от одиночества после потери собственного сына, Роберт наконец-то нашёл в моём лице понимающего слушателя и вовсю лил в уши всё то, что мёртвым грузом скопилось у него на душе за целый год.

— Ты и вправду до сих пор думаешь, что Марк пошёл воевать на передовую ради больших денег или из высоких патриотических чувств? — Роберт со строгим, заговорщицким видом продолжал выкладывать мне эту страшную правду. Потом он снова плотно прильнул к моему уху и еле слышно прошептал: — Он ведь был осуждён за убийство собутыльника прямо у себя дома... Ему дали двенадцать лет строгого режима. И ЧВК стала для него единственным, отчаянным шансом вырваться из лагерных застенков.

И обо всём этом я узнавал за считаные минуты! Сидя рядом со своим «заботливым» другом, я всем сердцем желал лишь одного — чтобы в это скорбное время он наконец заткнулся. Я находился в шоке. Зная противоречивую, страстную натуру Марка, я понимал, что он вряд ли выдержал бы такой длительный срок в тюрьме. Выход напрашивался сам собой — ЧВК «Вагнер».

Не приведи Господь на склоне лет хоронить своих детей, — думал я, неотрывно глядя сквозь пелену слёз на Людмилу.

Я словно очнулся от забытья и снова оказался в холодном, полутёмном зале ритуальных услуг. Рядом всё так же сидел неугомонный Роберт, а перед моими глазами по-прежнему неподвижно стоял цинковый гроб, возле которого, согнувшись от невыносимого горя, тихо причитала Людмила.

Было трудно поверить, что совсем недавно эта красивая женщина с вечной улыбкой на миловидном, холёном лице вообще сможет постареть... Есть такие удивительные женщины: прожив достойную жизнь, они сохраняют благородную стать. Русские женщины действительно уникальны. У них гораздо более открытый,

свободный взгляд на жизнь, чем у большинства строгих горских евреек. Они поразительно гармонично сочетают в себе лучшие качества прекрасной матери, заботливой домохозяйки и желанной женщины.

Мужчины со Святой земли буквально без ума от них. Израильтяне открыты, отважны и самостоятельны — многие из них уже не раз побывали на жестокой войне, своими глазами видели скупые мужские слёзы, отчаяние и смерть. Несмотря на то, что они порой обладают вспыльчивым характером, граничащим с откровенной наглостью, на улицах израильских городов никогда не встретишь пьяных дебоширов. Они громко разговаривают и, открыто улыбаясь, смотрят собеседнику прямо в глаза. Иногда со стороны кажется, что этикет — это история вообще не про них.

Кто, как не русские женщины с их покладистым, мягким характером, способны в полной мере понять таких настоящих, суровых мужчин? Их семейные отношения всегда основаны на честности, глубоком доверии и душевной близости. А волшебные слова «мой дорогой», «мой любимый», «мой ненаглядный», так сладко звучащие из их уст, могут запросто свести с ума любого горячего восточного мужика.

Вот и Марк — горский еврей по отцу и русский по матери — вполне предсказуемо предпочёл в своей жизни русских женщин домашним горским еврейкам. Круг безжалостной реальности замкнулся.

«Всё же дети отвечают за грехи, совершённые их родителями». – подумал я и мысленно обратился к Богу, умоляя уберечь меня от таких жизненных потрясений**.**

Оставив Людмилу наедине с её вечным горем, я незаметно вышел из ритуального зала в холодную январскую проседь, унося в собственном сердце тяжёлую, кровоточащую правду об ещё одной безвременно оборвавшейся человеческой судьбе.

ГЛАВА 46

Мужчины — ещё те сплетники! Иные из них в этом деле могут дать сто очков вперёд самым завзятым слободским сплетницам

и базарным торговкам. Они придумывают невероятные небылицы, основанные на своих выдумках и чужом вранье, и искренне воспринимают их за незыблемую истину.

Роберт — мой старинный друг и постоянный партнёр по карточной игре покойного Захара — трагически погиб 7 октября 2023 года в Израиле от рук палестинских террористов. Он в то роковое утро вместе со своим зятем поехал на обычную рыбалку, а там, на побережье, уже вовсю безжалостно хозяйничали ворвавшиеся террористы из Газы...

Мы многие годы хорошо знали друг друга. Его супруга Жанна была дочерью старого, закадычного приятеля моего покойного отца. Она была удивительно хороша собой — настоящая, утончённая леди: женственная, кокетливая, наполненная мягкой внутренней энергией. Со своей яркой внешностью и врождённой чувственностью Жанна выделялась среди многих женщин и мгновенно, с первого взгляда очаровывала мужчин.

— И как только такая яркая женщина, настоящая королева, согласилась выйти за тебя замуж? — дружески, беззлобно подшучивал я над Робертом. — Ты, наверное, на сватовстве был в чадре? И она из-за этого просто физически не могла разглядеть, какой у тебя огромный, горбатый нос?

Он знал об этом изъяне своей кавказской внешности и никогда не обижался на мои слова — в силу врождённого такта и хорошего семейного воспитания.

К слову сказать, горские евреи Кисловодска, Пятигорска, Нальчика и даже Грозного традиционно очень вежливы, говорят всегда сдержанно, без эмоций, не высказывая открыто неприязненного отношения к собеседнику. Не дай бог, если кто-то, пусть даже в самой безобидной шуточной форме, высказался бы подобным образом о горском еврее родом из Дербента... Там, если бы и удалось избежать мордобоя, то бурной потасовки или, на самый худой конец, ожесточённой перепалки точно было бы не миновать!

— Ты ведь и сам до встречи с ней вовсю крутил бурные романы с девицами, которые и в подмётки не годились твоей супруге, — не унимался я тогда, с улыбкой пытаясь напомнить другу, какой беспечной жизнью он жил ещё совсем недавно.

Жанна погибла в автомобильной катастрофе. В последние годы трагические события буквально преследовали Роберта по пятам. Злой рок был неумолим: шаг за шагом он набирал безжалостную,

разрушительную силу и в итоге до самого основания разбил в дребезги жизнь некогда везучего и счастливого человека.

Страшно подумать: в автомобильных авариях Роберт потерял и любимую жену, и младшего сына, а сам в конце концов принял мученическую смерть от рук безжалостных боевиков... Я часто вспоминаю теперь заразительный, добрый смех Роберта.

Странное дело: пока наши друзья живы и здоровы, мы в этой повседневной суете крайне редко — в лучшем случае пару раз в месяц — общаемся с ними по телефону. Зададим простые, дежурные вопросы: «Ты где?», «Как твои дела?», «Какие новости?». Взамен услышим привычные ответы: «Всё в порядке», «Как сам?», «Куда пропал?». На этом, вполне довольные, мы снова с головой окунаемся в бесконечный круговорот дней. Но при этом мы твёрдо знаем в глубине души, что настоящие друзья в самую трудную минуту обязательно окажутся рядом.

Временами мы совершенно не ценим то, что имеем, вечно торопимся куда-то, слепо гонимся за призрачным успехом, и в этой бешеной житейской суете просто не можем вовремя остановиться, оглянуться назад и подумать — а что же будет потом? Нам наивно кажется, что этот круговорот жизни неизменен, как само Солнце, и бесконечен, как Вселенная. Но человек — этот венец творения Всевышнего — увы, смертен. Ему не дано бессмертие древних богов.

Очень часто в житейской суете мы легкомысленно проходим мимо своей удачи, больших денег, успеха, мимо собственной судьбы, которую Господь нам завещал, изначально записав её в священную Книгу Жизни. Воланд в бессмертном романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» сказал по этому поводу удивительно мудрые, пронзительные слова: «Да, человек смертен, но это было бы ещё полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чём фокус!».

И только тогда, когда наши близкие, верные друзья навсегда уходят в иной мир, мы с опозданием вспоминаем, какими классными, надёжными и стоящими парнями они были при жизни.

Роберт — добрый, глубоко сердечный человек — был моим давним и самым задушевным другом. Из всех близких людей в нашем городе в итоге остались мы одни: Роберт, внезапно ставший вдовцом, и я, переживший болезненный развод. На фоне этого одиночества мы — двое умудрённых годами мужчин — сильно привязались друг к другу. Мы открыто, без утайки говорили о наших сокровенных

мыслях, разочарованиях и тайных желаниях, не боясь осуждения или колкую критику.

Часто в Шаббат я устраивал домашний обед или ужин, на котором единственным и самым желанным гостем неизменно был мой верный Роберт.

Однажды, расслабившись после сытного субботнего обеда и пары бокалов хорошего красного кошерного вина, Роберт осторожно и как бы между делом спросил меня:

— Илюха, а ты вообще знал, что Захар в своё время всеми правдами и неправдами, особо даже не стесняясь нас, всячески пытался втянуть тебя в крупную карточную игру? Но ты молодчина, что не поддался этому искушению, — искренне, без скрытого подтекста похвалил меня Роберт.

Он широко раскрытыми глазами пристально уставился на меня и как бы невзначай произнёс слова, словно они должны были напрочь меня ошеломить:

— Твой двоюродный брат — я умышленно не буду сейчас называть вслух его имени, он, слава Богу, давно уже взялся за ум и живёт нормальной семейной жизнью, ты сам прекрасно знаешь, о ком именно идёт речь, он, кстати, приходится родным кузеном и Захару... — продолжал Роберт свои пространные, горькие рассуждения. — Так вот, в те годы он был просто моральный урод и полный придурок! Он сел опрометчиво играть в карты с заядлыми профессиональными картёжниками — Захаром и Бадри, которые легко, без малейшего труда в один вечер обыграли его до нитки. В итоге ему тогда пришлось позорно продать свой собственный родной дом, чтобы полностью расплатиться с этим страшным карточным долгом...

Эта невероятная, трагическая история наглядно показывает, что человеку ни в коем случае нельзя слепо переходить невидимые границы разумного и дозволенного, какой бы всепоглощающей ни была его страсть к игре!

Держа большим и указательным пальцами тонкую ножку фужера с остатками вина, Роберт несколько секунд задумчиво покрутил его в руке и выпил залпом всё содержимое. Словно этим глотком он хотел потушить внутренний душевный огонь и заглушить тот жгучий, неистовый гнев, который до сих пор не давал его сердцу покоя.

— Ладно, он псих, которого белый свет отродясь не видывал! — Роберт с отвращением выдавил имя Захар. — Но как он в счёт

обычного карточного долга мог со спокойной совестью забрать дом у своего двоюродного брата — я до сих пор ума не приложу... Захар был ещё тем ублюдком, на котором клейма негде было ставить! Хотя надо честно сознаться, — продолжал Роберт, задумчиво глядя в пустой бокал, — никого силком за азартный стол он не сажал.

Когда я был молодым и незрелым пацаном, я свято полагал, что настоящие друзья никогда не должны играть друг с другом в азартные игры на деньги.

Но почему-то эти правильные мысли приходили в мою дурную голову только тогда, когда я сам в очередной раз оказывался в крупном, сокрушительном проигрыше... — с глубокой горечью произнёс Роберт и ища поддержки, вопросительно взглянул на меня.

— Я испытал на собственной шкуре всю тяжесть болезненной, разрушительной зависимости от азартной игры, — ничуть не кривя душой, откровенно рассказывал Роберт. — Дело прошлое, я в своей жизни хлебнул этого дерьма сполна... Мысли настойчиво лезли в голову, и было невозможно избавиться от навязчивых, абсолютно абсурдных идей — немедленно отыграться. Я, прямо как наш Ной, был слишком самоуверен в игре, раз за разом делал грубые ошибки и в итоге всегда проигрывал, — продолжал он свой сбивчивый, эмоциональный монолог.

— А Захар видел это и никогда не прощал. Я страшно переживал, искал любые оправдания своему неразумному поведению и мучительно страдал от сознания того, что у меня просто нет достаточной мужской воли прекратить этот распутный образ жизни, заслуживающий лишь порицания и презрения. Ты ведь отлично знаешь, мы с Захаром были не только друзьями, но и близкими родственниками, а он безжалостно насиловал моё сердце через мой собственный карман и ни разу меня не остановил.

Я слушал молча, стараясь не прерывать этот сбивчивый, кровоточащий рассказ. Мне в ту минуту неожиданно вспомнился ещё один человек из прошлого, чьи тайные пороки и ошибки не позволили ему найти язык со своими сыновьями, но эта история выходит за рамки моих воспоминаний...

— Помнишь? — задумчиво произнёс Роберт. — Как за дружеским застольем у Захара Ной часто с горечью говорил ему в лицо: «Все твои дома построены исключительно на мои деньги!». А Захар в ответ лишь цинично заявлял: «Никто тебя за уши сюда не

тянул и насильно не заставлял играть, порой ты сам настаивал на игре».

Отчасти Захар, конечно, был по-своему прав. Ной, когда бывал в сильном подпитии, сам настойчиво требовал игры, безумно жаждал во что бы то ни стало отыграться, но всегда предсказуемо проигрывал. А Захар, будучи безжалостным, холодным за карточным столом игроком, никогда и ни при каких обстоятельствах не прощал Ною его проигрыша. Да и я хорош: немало своих кровных денег оставил у него дома, азартно играя с ним в Секу.

Роберт снова вопросительно взглянул на меня и как бы ненароком тихо спросил:

— Илюха, как ты постоянно вращаясь во всей этой нашей среде, где абсолютно всё свободное время заполнялось только игрой в карты на деньги, умудрился не впасть в эту страшную зависимость и вообще не пристрастился к азартным играм?

— Со всех сторон на Захара сыпались упрёки, ругательства и даже страшные проклятия, — с глубокой горечью произнёс Роберт.

Он долго и упорно не сводил с меня своих воспалённых от бессонницы глаз. Что именно он так отчаянно хотел увидеть? Одобрение, поддержку или, наоборот, осуждение? До этой встречи я не задумывался об этом, поэтому, дав ему как следует наглядеться на меня, лишь уважительно молчал. А его в тот вечер под действием вина уже окончательно повело куда-то не туда...

— Проклятие всегда сопровождает проклятого бесконечно, — продолжил Роберт свой разговор вслух с самим собой, — даже после его кончины оно роковым образом переходит на прямых потомков и рано или поздно всегда достигает своей цели. Я однажды как-то сгоряча прямо в лицо сказал Захару: «Счастье, построенное на несчастье других людей, неизбежно повлечёт за собой страшные муки совести и вечные душевные страдания!».

— Клянусь сыном, моё нынешнее отношение к Захару никак не связано с потерей тех огромных денег, которые я ему регулярно проигрывал, — как бы оправдываясь передо мной за свои, неосторожные слова, по-детски бесхитростно произнёс Роберт.

Он залпом выпил всё содержимое бокала, резко, рывком встал со своего стула и быстро подошёл к окну, открыв его настежь. Холодный, освежающий ночной ветер мгновенно ворвался в нашу тёплую комнату. Роберт несколько долгих минут абсолютно молча стоял у открытого окна, глубоко вдыхая свежий морозный воздух, и

отрешённо наблюдал, как, монотонно раскачиваясь на ветру, одинокий уличный фонарь тускло и уныло освещал пустую ночную улицу.

Роберт, не отрывая задумчивого взгляда от качающегося уличного фонаря, вежливо спросил:

— Илюха, помнишь слова из песни Жана Татляна «Фонари»?

Он вновь медленно сел за стол и, устремив на меня свой вопрошающий, замерший взгляд, тихо произнёс:

— Вспомни, ведь ты сам пел эту песню, когда мы вдвоём ехали в Пятигорск... Я тогда на всю жизнь запомнил все слова из этой душевной песни.

«Да, конечно же, я прекрасно помню», — подумал я про себя, и в моих мыслях с леденящей чёткостью мгновенно всплыла та наша безумная, роковая поездка. Я ведь ещё тогда твердо решил для себя: если с Божьей помощью мы доберёмся живыми до Пятигорска, то возвращаться обратно я непременно буду только на самолёте!

Летел Роберт за рулём на сумасшедшей скорости не менее ста сорока — сто пятидесяти километров в час. Когда я с тревогой спросил его, зачем мы так безумно быстро едем, он лишь равнодушно, спокойным голосом ответил: «По-другому я просто не могу...». И это происходило при том, что его жена и сын трагически погибли в автомобильных катастрофах!

Тогда, в несущейся с бешенной скоростью машине, у меня в голове мелькнула пугающая мысль: «А что, если он осознанно ищет своей смерти на этой дороге?..». Прости меня, мой дорогой, ушедший друг, за эти мои путаные, вольные мысли.

Эта чудесная песня моей далёкой молодости была одной из тех, которую тогда знали наизусть. Я сам когда-то пел её дождливыми дербентскими вечерами под окнами одной голубоглазой девчонки — пел в темноте, пряча от чужих глаз свои мальчишеские слёзы.

Я разлил вино по бокалам, мельком взглянул на погружённого в глубокие раздумья Роберта и тихо, вполголоса, с душой запел:

— Где-то вдали догорает закат, и фонари ярче горят... И не дают они людям сбиться с пути, ночные спутники — фонари.

Я пел легко и вдохновенно, искренне придавая каждому звуку особую, неповторимую интонацию своей заблудшей, чувствительной души. Роберт окинул меня быстрым, цепким взглядом, тяжело вздохнул и неожиданно спросил:

— Илюха, у тебя дома есть что-либо покрепче вина? Давай помянем и почтим Марка, как настоящие мужчины.

Я поднялся, вышел в соседнюю комнату, и уже через минуту на нашем столе появилась, солидная пузатая бутылка дорогого коньяка «Хеннесси». Её я совсем недавно лично приобрёл в магазине дьюти-фри в аэропорту Бен-Гурион. Возвращаясь из Израиля, я обязательно покупал оригинальный «Хеннесси Х.О.» с благородной выдержкой лет. Эту заветную бутылку я долго держал в закромах для исключительного случая. И, видимо, сегодня в моём доме наступил именно тот самый скорбный момент.

В молодости я был заядлым любителем хорошего коньяка. У нас на еврейской Слободке в Дербенте пацаны традиционно предпочитали именно вино и коньяк, а наши отцы почему-то больше любили крепкую московскую водку. При этом почти в каждом подвале в домах на Слободке нелегально, вовсю разливали в бутылки, настоящий дербентский коньяк!

И тут мне на фоне этих воспоминаний вдруг вспомнилась одна крайне занятная история из прошлой деловой жизни. Как раз после очень удачных, тяжелейших переговоров с Тимуром Кулибаевым — влиятельным зятем президента Назарбаева, я, такой весь из себя крутой, важный и успешный, возвращался ранним утренним рейсом из Алматы в Москву.

Удобно устроившись в мягком кожаном кресле бизнес-зала аэропорта, я бросил оценивающий взгляд по сторонам и вскользь глянул на большие настенные часы, стрелки которых застыли ровно на четырёх часах утра. «Ещё целых два часа до вылета», — подумал я про себя и вальяжным жестом подозвал симпатичную официантку, чтобы продиктовать ей свой заказ.

Довольно скоро на моём столе оказались два пузатых бокала, в которых было налито ровно по пятьдесят граммов коньяка. Вскоре лёгкая, приятная алкогольная эйфория мягко сняла всё накопившееся за дни переговоров сильное нервное напряжение. Положительные эмоции и гордость от блестяще проделанной масштабной работы буквально били через край!

Я поднял руку с двумя вытянутыми указательными пальцами, и уже через минуту на моем столе появились ещё два бокала с коньяком. Но на этот раз галантная официантка деликатно принесла блюдечко с твёрдым дорогим сыром и нарезанными ломтиками лимона и, вежливо улыбнувшись, пожелала мне приятного аппетита.

Когда же я спустя время вновь поднял руку, требуя повторить заказ, и на столе опять послушно появились два пузатых бокала, сидевший за соседним столиком мужчина с нескрываемым удивлением и глубоким возмущением пристально посмотрел на меня, а затем демонстративно и резко отвернулся в другую сторону.

Позже, уже в просторном салоне самолёта, миловидная бортпроводница, аккуратно опустившись на корточки возле моего кресла, приблизилась ко мне настолько близко, что я отчётливо уловил опьяняющий, тонкий аромат её дорогих духов, живо напомнивший мне чудесную казашку, случайно встретившуюся мне в самолете из Атырау на Москву

— Что будете пить: водку, виски или, может быть, коньяк? — мягким грудным голосом спросила стюардесса.

— Коньяк, — недолго думая ответил я и глубоко, с явным наслаждением вдохнул этот сладкий аромат молодого женского тела.

Я с наигранной весёлостью откровенно рассказывал Роберту эту забавную, романтическую историю, приключившуюся со мной много лет тому назад. Хотя у этой правдивой истории на самом деле было бурное продолжение и было о чём ещё долго повествовать, я остановился на миг, а потом и вовсе замолчал, чётко видя на лице Роберта лишь унылое, глухое безразличие.

— Илюха, мы ведь знаем друг друга уже целых сто лет, и у меня действительно нет никаких секретов от тебя, — тихо, надтреснутым голосом произнёс он. — Ты мне всегда, как старший брат, давал мудрые, добрые советы, настойчиво пытался вовремя вправить мне мозги и наставить на путь истинный. Да и сейчас ты от всей души стараешься отвлечь меня от этих безрадостных, давящих воспоминаний. Но такое, брат, вовек не забывается.

Роберт привычно осушил залпом всё содержимое фужера, сильно скривился от горечи терпкого вкуса дорогого алкоголя и почти театрально произнёс:

— Классный коньяк!

И чтобы до конца выразить искренний восторг, он грациозно поднял руки над головой, а затем кивком красноречиво указал на бутылку, давая мне понять, что нужно немедля добавить ещё.

Я покорно долил, протянул ему фужер, наполовину наполненный коньяком, и вкрадчиво произнёс, пытаясь своим рассчитанным, спокойным поведением вызвать доверие друга и уберечь его:

— Роб, послушай меня внимательно... Тебе ведь сейчас вообще нельзя глушить крепкое спиртное фужерами, — и тут же в своё оправдание тихо добавил: — Ты же совсем недавно перенёс сердечный приступ!

Он пристально, сквозь меня, посмотрел долгим, отрешённым взглядом. Затем медленно поднялся из-за стола, тяжело положил руку мне на плечо и тихо произнёс:

— Илюха, ради Бога, не делай мозги... — и тут же на моих глазах сделал очередной приличный глоток коньяка. — После стольких мучительных ночей без сна я чувствую себя абсолютно разбитым, а хороший коньяк — это сейчас единственный надёжный и верный способ хоть как-то оправиться от этого потрясения.

Роберт тяжело вздохнул, помолчал и еле слышно добавил:

— У меня весь этот день пугающее ощущение, что эти похороны Марка — где мы только что воочию видели, как ледяной январский ветер безразлично трепал цветы и чёрные ленты траурных венков на его свежевырытой могиле, — уже происходили в моей жизни. Они странным, мистическим образом переплетаются в моих мыслях с трагическими событиями того злосчастного вечера, случившегося с моим любимым сыном много лет назад. Ведь именно я был инициатором его приезда в наш город... Это я по блату нашёл ему ту самую работу, которая в итоге хладнокровно и бессердечно забрала его юную жизнь.

ГЛАВА 47

Какие бы споры и разногласия ни возникали, между нами, я в любом случае упрямо делал вид, что ничего необычного и экстраординарного в наших отношениях на самом деле не происходило. Хотя интуитивно я догадывался, что Захар осознанно замышлял против меня недоброе.

Он жаждал моего проигрыша, но я никак не мог понять: в чём же кроется истинная причина его стремления унизить меня? Неужели в нём до сих пор тлел тот старый страх перед прошлым — перед тем, что он натворил с моей семьёй ещё мальчишкой, будучи верным помощником моего покойного отца?

Если честно, я и сегодня не могу до конца объяснить даже самому себе, какие именно чувства я испытывал к нему в те минуты, когда эти же самые парни из нашего окружения настойчиво предупреждали меня никогда не садиться играть с ним в карты. И главное — почему, прекрасно видя его недоброе отношение, я снова и снова протягивал ему руку?

Сколько раз я твердил себе, что нужно прекратить эти походы к нему домой! Ведь ничего позитивного от наших встреч я не получал — одно лишь расстройство от созерцания этих бесконечных азартных посиделок на крупные деньги. Но почему-то, вопреки здравому смыслу, я упрямо продолжал ходить туда, словно притянутый магнитом.

Сегодня, спустя годы, я понимаю: это была странная, иррациональная, духовная зависимость. Мой разум всё понимал, но подсознание упрямо тащило меня в этот карточный капкан. Потому что там, среди азартных парней, я не чувствовал себя одиноким, я был одним из них — выросший в среде картёжников, наркоманов и воров.

Да, Захар является центральной фигурой этого повествования, но я никогда не ставил перед собой задачу детально разобраться во всех запутанных хитросплетениях его семейных отношений — они, пожалуй, не под силу даже профессиональным психологам.

Мне гораздо больше хотелось узнать и честно рассказать читателю о другом: как способный, талантливый еврейский юноша, умеющий виртуозно приспосабливаться к жизни с самого раннего детства, легко налаживать и улаживать любые сложные дела, моментально располагать к себе людей в романтических, дружеских и любых других отношениях, смог в итоге так бездарно и серо завершить свою профессиональную карьеру?

Чего стоила хотя бы моя помощь вписаться ему в кооператив на строительство дома. В те годы это было безумно сложно и требовало колоссальных денег, — ему же тогда всё обошлось, по сути, одним рестораном... А в ответ я получал лишь чёрную неблагодарность.

А затем он и вовсе поставил этот канал на поток, зарабатывая большие деньги и предлагая знакомым свои услуги по решению вопросов включения в кооперативы.

Он, один из лучших и прославленных шеф-поваров нашего города, много лет успешно руководивший одним из самых популярных ресторанов, к концу жизни превратился в незаметного, мелкого цеховика, который в полукустарных условиях производил на продажу обычные беляши и пирожки...

Как-то утром, мы случайно встретились с Захаром на Центральном рынке. Я, как обычно по субботам, отоваривался там, закупая качественные и свежие продукты, цены на которые в те годы были значительно выше, чем в том самом государственном ресторане, в котором когда-то шеф-поваром работал Захар и где я иногда покупал редкие деликатесы.

Захар стоял у мясного прилавка и шумно, на повышенных тонах торговался с продавщицей, брезгливо перебирая куски свиного сала и всем своим видом демонстрируя, что оно не совсем качественное. Я подошёл ближе, внимательно взглянул на него и прямо обомлел — передо мной стоял совершенно другой человек!

Он на моих глазах превратился в мелочного, брюзгливого, вечно недовольного постаревшего мужчину — всем своим нынешним обликом он теперь до боли напоминал мне своего покойного отца Пинхаса...

— Захар, зачем тебе свиное сало в таком огромном количестве? — с искренним удивлением тихо спросил я его.

— Как это зачем? — буднично отрезал он. — Я же его килограммами кладу в фарш для приготовления пирожков и беляшей!

Зная Захара как талантливого шеф-повара и крутого, изворотливого дельца, который никогда не упустит малейшей возможности заработать, я всё же пытался помочь ему выбраться из этой мелочной кустарщины. При любых обстоятельствах я упрямо предлагал его кандидатуру своим влиятельным знакомым и друзьям. Я ведь тогда был на виду — советник Губернатора, в те годы это реально весило очень много и открывало любые двери.

С будущим сватом Захара и отцом Арика я познакомился совершенно случайно в приёмной Губернатора. Именно я впоследствии уважительно ввёл его в круг моих знакомых и друзей. Он был крупным теневым дельцом, владельцем самого большого склада пушнины в Волгоградской области. Эти парни в годы социалистического реализма были гораздо круче, богаче и влиятельнее, чем слободские цеховики, которые в сырых подвалах нелегально клепали фальсифицированный коньяк — хотя, надо отдать

им должное, по качеству он ничуть не уступал заводскому, а иногда и превосходил его. Хозяева пушнины оставались для нашей среды недосягаемой элитой — они ворочали сотнями тысяч живых рублей.

Помню, как девятиклассником я работал на одного из таких теневых магнатов. Утром на складе, который доверху был забит сырыми шкурами (в основном это был кавказский барашек), мы расстилали их на земле во дворе. Обильно засыпали солью, а к вечеру собирали и складировали обратно. Это происходило до тех пор, пока шкура не становилась достаточно сухой и мягкой. Рассчитывался хозяин не из бумажника: он просто запускал руку глубоко в карман, оттуда слышался шелест новеньких купюр, и на свет появлялись хрустящие пятирублёвые, а иногда даже десятирублёвые банкноты.

Позже, прямо на закрытой территории гигантского волгоградского завода «Каустик» сват Захара организовал мощный, закрытый цех по производству дефицитных дублёнок. Всю необходимую химию для выделки шкур — от едкого каустика до мощных щелочных растворов — он брали прямо из заводских хранилищ. Именно там крутились те самые живые деньги, которые намертво привязали его к крупным карточным ставкам.

Как советник Губернатора я мог донести до него многие просьбы моих друзей. Мне доверяли и верили, и у меня была реальная возможность вернуть Захару в крутой ресторанный бизнес.

Однажды за рюмкой коньяка в открытой, дружеской беседе, владелец знаменитой волгоградской гостиницы «Интурист» горько пожаловался мне, что его престижный ресторан стремительно теряет свою былую славу. Я тогда, словно случайно предложил ему частично или полностью заменить приевшуюся всем европейскую кухню на традиционную еврейскую.

Многозначительно подняв большой палец, я дал ему понять, что это может стать поистине классной, прорывной идеей, и добавил лишь одну краткую, но вескую фразу:

— Поверь, с евреями всегда интересно, а в их ресторанах — к тому же сытно, гостеприимно и весело!

Каково же было моё удивление, когда спустя несколько дней он позвонил мне и уверенно сказал, что полностью согласен с моей идеей, и теперь нужно только найти для ресторана надёжного, высококлассного шеф-повара. И тут же твердо добавил:

— Я готов предложить ему хорошую долю в этом бизнесе.

Об этой доверительной беседе я подробно рассказал Захару, искренне думая, что он загорится и заинтересуется таким масштабным делом. И снова удивление: на этот раз Захар окончательно поразил меня своим лаконичным, ленивым ответом:

— Там надо впахивать и работать с самого утра и до поздней ночи, а реальных денег я буду иметь гораздо меньше, чем сейчас имею в своём собственном цеху.

«Ну всё, — горько подумал я про себя, — он окончательно выдохся... Ему уже совершенно ничего не интересно в этой жизни, и больше не манит его былая романтика больших свершений, ради которой он когда-то дерзким пацаном покинул родимый дом на Слободке». А ведь как хорошо и многообещающе всё начиналось! Он в своё время успешно окончил третий курс престижного факультета политехнического института, искренне мечтал стать уважаемым доцентом и читать студентам лекции с кафедры...

Мечты улетучились, в пустоте безвозвратно растворились желания — и всему виной деньги. Этот всесокрушающий яд, беспощадно разъедающий человеческую душу, толкающий человека на обман, предательство и полный отказ от своих прежних идеалов... Крушение планов, надежд, заветных и некогда дерзких мечтаний, потеря лица, слова, которые наносят нам глубокие душевные раны, измены и недостигнутые цели... Да мало ли несчастий в нашей повседневной жизни внезапно обрушивается на каждого из нас? Но надо твёрдо помнить: после самой глухой ночной темноты всегда неизбежно наступает светлое утро!

Та самая ночная темнота, о которой на похоронах Марка мне таинственно шептал на ухо Роберт, зародилась на пышном, богатом застолье у Захара. В тот вечер они шумно отмечали новоселье. Захар праздновал новоселье в доме, где раньше благополучно жила семья нашего общего двоюродного брата — до тех пор, пока он безжалостно не отобрал это жильё в счёт крупного карточного долга...

Я отчётливо, до мельчайших подробностей помню тот злосчастный, роковой вечер, словно всё это было совсем недавно. И порой, когда горькие мысли и грустные воспоминания всецело овладевали моим разумом, а я глубоко погружался в историю тех трагических событий, мне казалось, что всё произошло буквально вчера.

Перехватив на скорую руку ужин дома, я довольно поздно пришёл в гости к Захару. Праздничный звон хрустальных бокалов,

сумасшедшие запахи вкусной традиционной кавказской еды и всеобщее бурное веселье создавали поначалу очень радостное настроение за столом. Уже позже друзья рассказывали мне, что эта хмельная гулянка с непрерывной карточной игрой, которая всегда была обязательной, ритуальной частью таких сугубо мужских посиделок, без перерыва продолжалась до самого утра.

И вот в какой-то момент Арик весело попрощался с гостями и направился прямо ко мне. Мы с ним очень тепло, по-родственному обнялись, и он гордо, со счастливой улыбкой произнёс:

— Дядя Илюша, вы видели мою новенькую «девятку» белого цвета? Хотите посмотреть?

— Давай в следующий раз, дружок, — мягко и уклончиво ответил я ему, совершенно не ведая, что этого следующего раза у нас уже никогда не будет.

Я ласково потрепал его по плечу и спокойно присел рядом с Захаром на освободившийся стул. А Захар в порыве нахлынувших хмельных чувств вдруг при всей честной компании в полный голос, как будто совершенно случайно, спросил Арика, который уже стоял на самом пороге, в проёме открытой входной двери:

— Ты был в роддоме?

— Да, конечно, я недавно пришёл! Алёну вовсю готовят к скорой выписке, — радостно и бойко отрапортовал он.

Бросив быстрый извиняющийся взгляд на Захара и гостей, Арик стремительно вышел из дома, словно очень торопился по важным, неотложным делам. Он сел в свою белую «девятку» и умчался в туманную неизвестность, где нельзя найти чёткого ответа на мучительные вопросы судьбы. Он улетел в эту ночную тьму, совершенно не зная, что невидимый замысел Всевышнего уже хладнокровно отсчитывает последние часы его молодой жизни.

Ранним осенним утром городские уборщики внезапно обнаружили ту самую белую «девятку» в укромном, глухом месте на нашей набережной. В машине неподвижно покоились два молодых тела — Арик и юная белокурая спутница.

Сын моего друга —Артур студент-медик, как раз в те дни дежуривший на практике в патологоанатомическом отделении областной больницы, — позже рассказывал мне, что эта трагически погибшая в машине девушка была настолько божественно хороша собой, что весь медицинский персонал и молодые студенты тайком бегали в морг, пытаясь украдкой разглядеть её идеальные черты. Да и

сам Арик был парень хоть куда — статный, аристократичный молодой человек из очень богатой семьи, у которого всегда с самого детства водились большие деньги в кармане. Злопыхатели потом долго рассказывали невероятно чудовищные небылицы о мотивах его гибели, но Книга его Жизни была закрыта навсегда.

А что же Алёна — его законная, беззаветно преданная и любящая супруга, которая в тот злосчастный вечер находилась на седьмом месяце беременности и в один страшный миг осталась вдовой? Тяжело даже вспоминать о том, что этой хрупкой чудесной девочке пришлось пережить в самом цветущем возрасте. Но несмотря на тяжелейшие, жестокие испытания, Алёна не сломалась. Она мужественно выстояла, полностью восстановилась и нашла в себе силы жить дальше.

Судьба в итоге оказалась милостива к ней: Алёна благополучно вышла замуж за французского еврея, уехала во Францию и жива-здорова по сей день, в любви и согласии воспитывая двоих прекрасных парней Жизнь, задуманная Творцом, вопреки любым трагедиям и ударам рока, всё равно победно продолжается в грядущих поколениях.

Что же касается старшего сына Захара, он не стал доцентом, как когда-то пророчил ему отец, он стал успешным бизнесменом и на честно заработанные деньги построил собственный дом.

ГЛАВА 48

Читая поздравление от моего семилетнего сына, я был по-отцовски счастлив. Мой единственный сын своим детским, корявым почерком, с множеством забавных ошибок старательно написал: «Папа, желаю тебе крепкого здоровья, семейного счастья, долголетия и неиссякаемой жизненной энергии!».

Пусть эти пожелания были по-детски просты и наивны, а сам почерк казался излишне неряшливым — уж очень он у меня был активным, неусидчивым пацаном, — оттого и допустил так много ошибок в своих «крылатых» фразах. Но его простые, идущие от

самого сердца слова в честь моего пятидесятилетия затронули меня до глубины души. Я был безмерно горд тем, что эти искренние пожелания исходили от моего маленького сына...

В пятьдесят лет я в душе всё ещё оставался неисправимым мечтателем и фантазёром. Но на сердце в тот праздничный день почему-то было неуютно и грустно. Старшая дочь, вовремя заметив моё настроение, метко и мудро высказалась по поводу моего полувекового юбилея:

— Папочка, не думай и не переживай ни о чём плохом! Если тебя вдруг одолевают печальные мысли — немедленно выкинь их из головы. Ты и сегодня пользуешься успехом у хорошеньких женщин, а все мои подруги искренне считают тебя очень спортивным, подтянутым и импозантным мужчиной!

Я искренне верил её словам. Хотя в глубине души прекрасно понимал, что моя дочь в тот праздничный вечер уж очень хотела угодить своему отцу и подарить его сердцу покой.

Сидя за праздничным столом, я невольно возвращался памятью в далёкую юность. Вспоминая времена, когда я был в расцвете сил, а честолюбивые стремления и безумные мечты были устремлены высоко ввысь, на недосягаемую, казалось бы, для обычного человека высоту, я наивно полагал, что шестьдесят лет — это крайний предел человеческой жизни, что после этого рубежа можно без страха отдать Богу душу...

Но случилось то, чего я меньше всего ожидал: я благополучно дожил до шестидесяти лет. И именно в этом возрасте я мирно, без охов и ахов, спокойно и равнодушно развёлся с женой, с которой до этого прожил целую вечность. В первые минуты мне казалось, что было бы гораздо лучше сразу отдать концы, чем пережить такое позорное, сокрушительное событие в своей судьбе.

Чёрт меня возьми, но жизнь вопреки всему продолжается! Пусть по совершенно новому, незнакомому сценарию. В этом внезапном, беспросветном одиночестве поначалу невозможно было осознать: в чём заключается истинный смысл моей дальнейшей жизни... Всё внутри меня тогда шло со скрипом, но я упрямо двигался вперёд.

Стефан Цвейг — самый читаемый в двадцатом веке романист, подаривший миру «Нетерпение сердца», «Письмо незнакомки», «Марию Стюарт». А его знаменитая «Шахматная новелла» по сей день является признанным шедевром мировой

психологической драмы. И этот человек, находясь на самом зените планетарной славы, именно в шестьдесят лет добровольно ушёл из жизни.

Знаменитый Эрнест Хемингуэй — Нобелевский лауреат. В мире, наверное, просто нет грамотного человека, который не прочёл бы его гениальную повесть «Старик и море». В прежние времена портрет этого писателя висел на стене в каждом интеллигентном доме. И он точно так же совершил суицид, прожив чуть более шестидесяти лет.

Я ни на что не намекаю — сам и близко не стою рядом с этими титанами. Мне порой трудно до конца понять и осознать действия людей, добровольно прервавших свой земной путь. Но это был их личный выбор, и осуждать их я не имею права.

Стефан Цвейг, утончённый гуманист, веривший в торжество разума, ушёл из жизни в сорок втором году не от бедности — его книги жгли на площадях, и он просто не смог пережить крах прежнего цивилизованного мира, отказавшись жить в новой, варварской реальности. Другой мастер слова, Эрнест Хемингуэй — эталон мужчины, охотник и боксёр, — совершил суицид в шестьдесят один год, потому что не сумел смириться с настигшей его немощью, тяжёлыми болезнями и потерей способности писать. Когда гении достигают зенита славы, вокруг них образуется космический вакуум, где любое крушение личного мира или угасание здоровья лишает жизнь прежнего масштаба, а вместе с ним — и всякого смысла.

Каждый из ныне живущих на этом свете задумается над тайной, почему эти великие писатели самостоятельно ушли из жизни. Ведь это был реально смелый поступок: в то время как измождённые люди изо всех сил цепляются за каждый миг своего существования, они предпочли уйти из жизни сами.

Но моя судьба распорядилась иначе: именно писательский труд вернул меня к жизни. В тот самый беспросветный час, когда земля уходила из-под ног, только творческий труд, эта ежедневная работа над книгами помогла мне заново собрать и восстановить мой больной на всю голову разум... Я советую друзьям: если вы не хотите раньше времени стареть и жаждете сохранить мозги в рабочем состоянии — пишите. Пишите обо всём, что приходит в голову, и играйте хотя бы одну партию в шахматы в день.

За долгие годы жизни я много раз оказывался на волосок от гибели, на самой грани смерти. Как ни странно, но я до сих пор жив,

нахожусь в здравом уме и даже увлечённо пытаюсь писать свои заумные книги. Такова моя удивительная судьба, в которой сквозь череду предательств и смертельных опасностей всегда ясно просматривается направляющая рука Всевышнего.

Мне порой вспоминаются самые драматические события из прошлого. За свой век я трижды по-настоящему тонул, и каждый раз неистовая жажда жизни, а вероятнее всего — Его незримое покровительство, спасала меня от неминуемой гибели в морской пучине.

На закате дней память человека устраивает свой строгий и безжалостный отбор. Время без следа стирает из неё серую будничную суету, мелкие обиды и повседневные разговоры, но оставляет нетронутыми лишь те редкие мгновения, когда ты заглядывал в лицо вечности. Мозг на пороге старости словно возвращает нас к этим отметинам судьбы, чтобы мы наконец осознали: каждое мгновение нашей жизни была подарена нам свыше, а наш земной путь бережно вела невидимая, всесильная рука Творца.

В тринадцать лет, аккурат в день своего рождения, я оказался один на один с безбрежным ночным морем. Не фантазируйте, как это могло произойти — это долгая история... Если говорить коротко, в глупом пацанском споре дерзкие слободские ребята решили во что бы то ни стало доплыть до горизонта. А ведь эта линия, как призрачный мираж, обманчив и недосягаем, словно далёкая мечта безнадёжного романтика...

Подростковый разум не способен осознать простую истину: эта призрачная черта — всего лишь иллюзия, которая упрямо и безжалостно отступает назад с каждым гребком. Плыть к горизонту — значит бежать за собственной тенью, сжигая последние силы в погоне за пустотой.

Но почему в тринадцать лет мы верим в себя так отчаянно и слепо, что напрочь лишаемся чувства страха? Наверное, в те годы наша душа ещё не знает тяжести настоящих потерь, изломов судьбы и смертельных опасностей. Разум чист от взрослого опыта, который позже заставит нас сомневаться в каждом шаге. В тринадцать лет весь мир кажется подвластным тебе, а собственное тело представляется вечным и несокрушимым. Это великое безрассудство юности — именно эта слепая вера удерживала меня, тринадцатилетнего пацана на плаву, когда подо мной разверзалась чернильная бездна ночного моря.

Я — измождённый, уставший, находясь в страшном одиночестве — отчаянно боролся за жизнь. В моей памяти по сей день отчётливо сохранилось холодное равнодушие далёких звёзд и пугающий цвет моря, ставшего точным отражением иссиня-чёрного неба.

Представьте себе тринадцатилетнего пацана в морской пучине, когда вокруг стоит давящая, безмолвная и глухая темнота. Сказать, что мне тогда было страшно — значит ничего не сказать. Животный ужас целиком охватил меня. Руки и ноги напрочь онемели от усталости и парализующего страха, они с огромным трудом реагировали на команды, шедшие из остывающей головы.

Больше всего меня в те минуты занимала одна горькая мысль: как мои слободские пацаны, верные друзья детства, могли так легко оставить меня в воде одного? Да ещё и без футбольного мяча, который был тогда моей единственной надеждой, опорой и гарантией спасения... Почему они струсили, бросив меня на произвол судьбы, и даже не попытались протянуть руку помощи в той дикой ситуации? Где же была эта хвалёная пацанская слободская солидарность?

Но почему тогда в момент смертельной опасности я думал предательстве и потерянном мяче.

В тринадцать лет юношеский разум ещё не способен по-настоящему осознать и принять реальность собственной смерти — она кажется далёкой и немыслимой. Зато предательство близких друзей и потеря заветного мяча были для меня осязаемой катастрофой здесь и сейчас, затмившей собой даже страх перед бездной.

Это сегодня, с высоты прожитых лет, понимаешь: цинизм и измены сплошь и рядом сопровождают человеческий век. Но тогда чистая, благородная мальчишеская душа категорически отказывалась это осознать.

Но вопреки всему я выплыл! А уже на берегу, едва ступив на твёрдый песок, получил пару жёстких, отрезвляющих оплеух от заплаканной и насмерть перепуганной мамы.

Тремя годами ранее на этом же самом берегу произошёл другой случай. Я, тогда ещё ученик четвёртого класса, одетый в новое, элегантное пальто — в общем, весь из себя крутой пацан, — умудрился нелепо свалиться с плавучей льдины прямо в холодное, леденящее апрельское море. Дна морского я под собой совершенно не ощущал, а большие, бесформенные глыбы льда совершали вокруг

меня причудливые пируэты в ходе своего медленного движения к далёким берегам Азербайджана...

Ещё несколько мгновений — и эти огромные льдины со скрипом сомкнутся прямо над моей головой, устроив мне страшное ледяное надгробие, — в глубоком безрадостном унынии думал я тогда, обращая свой прощальный, печальный взор на бездонное, ярко-голубое весеннее небо. Но Всевышний в тот день был безмерно благосклонен ко мне: я вовремя успел намертво уцепиться своими совершенно бесчувственными от холода пальцами за скользкий край плавучей льдины и каким-то непостижимым чудом взобрался на неё. А как я после этого умудрился благополучно добраться до берега — это уже совсем другая история...

Наши слободские пацаны поначалу упрямо не верили, что в родном Дербенте, на самом берегу южного моря, в самый разгар весны вообще возможно такое нагромождение огромных ледяных глыб. Поэтому вместо скучных школьных уроков мы всей нашей дружной гурьбой в тот злополучный день оказались на море. Для нас эти льдины были наподобие настоящих плотов — представляя себя мужественными мореплавателями из любимых приключенческих романов, мы смело отправлялись в своё опасное плавание.

А третий, самый экстремальный случай — тот и вовсе был словно из мира фантастики. При неудачном, резком падении в узкую, каменную расщелину между надводными валунами на морской косе я получил множество тяжёлых травм. Сильнейший вывих правого плеча и резкая, сковывающая дыхание боль в груди из-за повреждения рёбер в один миг сделали меня абсолютно беспомощным.

И в этой страшной ситуации — когда надо мной уже стояла сплошная толща морской воды, а мои ноги всё ещё никак не достигали морского дна, — я физически мог делать лишь одно-единственное: истово молиться в душе. И снова Господь сотворил великое чудо, ещё раз милостиво сохранив мне жизнь на этой земле.

Зачем, Господи, Ты трижды так чудесно сохранил мне жизнь? Неужто ради того, чтобы сегодня, в свои семьдесят пять лет — когда многие мои близкие и друзья уже давно попрощались с земной жизнью, — я остался один на один со своими мыслями, в полном, гордом одиночестве?

Зачем Ты — весь из Себя такой крутой, незыблемый и всемогущий — ни разу вовремя не остановил меня от моих непродуманных, роковых ошибок? Из-за этого я и сегодня судорожно замираю от каждого нового сообщения, приходящего на телефон от моего сына. Вот и вчера его неожиданное послание — я даже не знаю, как правильно назвать этот текст — напрочь выбило меня из колеи и не позволило мне сомкнуть глаз всю ночь, заставив провести её без сна.

Но произошло удивительное, мистическое дело: я на этот раз совершенно никак не отреагировал на его резкие, оскорбительные высказывания. Я просто мужественно промолчал. И сейчас, в тишине комнаты, раздумывая над этой непростой ситуацией, я с гордостью думаю о том, что наконец-то, на пороге своего семидесятипятилетия, я обрёл отцовское терпение. Я его отпустил на все четыре стороны.

Число семьдесят пять в нумерологии гармонично объединяет в себе глубокую духовную мудрость и мощную, динамичную энергию. Люди, таинственно связанные с этим числом, подсознательно способны видеть вещи гораздо глубже остальных и всегда искренне стремятся к свободе, делая свою земную жизнь полноценной, яркой и увлекательной...

Сегодня мне даже страшно подумать о том, что на склоне лет я внезапно стал писать серьёзные рассказы, повести, а в 2023 году даже официально издал свой роман «Воспоминания о будущем», притом — на чистейшем русском языке!

Сабир Рустамханлы — выдающийся азербайджанский поэт, прозаик и публицист — в самый первый день 2025 года лично написал мне в письме: «Дорогой Ильясаф, я давно и с большим интересом слежу за твоим творчеством. Твой роман "Воспоминания о будущем" интригует меня одним только своим названием! Очень надеюсь вскоре получить в подарок эту заветную книгу с твоим авторским автографом...»

Мы с Сабиром Рустамханлы познакомились совершенно удивительным образом — на борту самолёта министра иностранных дел Республики Узбекистан. Нам, международным наблюдателям на официальных выборах парламента этой чудесной страны, руководство МИД тогда любезно устроило роскошную двухдневную ознакомительную поездку по древним историческим городам — в Самарканд, Фергану и Бухару. Вот именно так, под гул самолётных

турбин в азиатском небе, и зародилась наша крепкая дружба, которая в уважении и согласии благополучно продолжается по сей день.

ГЛАВА 49

Признаться честно, в начальных классах у меня было немало проблем с русским языком. На Слободке, где проходила вся наша пацанская жизнь, да и дома в семье мы общались исключительно на своём родном языке — джуури. Уже в средних классах, когда мы писали бесконечные диктанты и изложения, мои оценки по русскому балансировали на грани тройки, а иногда скатывались даже до тройки с минусом. Из-за хронической неуспеваемости по этому предмету меня чуть не оставили на второй год, но вот по литературе у меня всегда были высокие отметки. Даже поступив в институт, я долгое время был вынужден наряду с таджиками, узбеками и парнями из арабских стран посещать дополнительные уроки русского языка.

Но вопреки всем трудностям, сегодня я уже много десятилетий уверенно говорю, читаю, мыслю и мечтаю на русском, который со временем стал для меня по-настоящему родным.

В голове раз за разом всплывали воспоминания из детства, когда я ещё с огромным трудом изъяснялся на русском языке. Моя кузина Соня тогда весело, задорно смеялась над моим забавным кавказским произношением. Иногда она вежливо, словно не расслышав моих слов, упрямо просила меня по несколько раз повторить фразу, а потом от всей души хохотала своим пронзительным, звонким смехом, часто доводя меня до слёз...

На старой семейной фотографии Соня — симпатичная, в меру упитанная девушка с коротко подстриженными густыми чёрными волосами и большими тёмными глазами — кажется мне теперь истинным воплощением девичьего высокомерия и надменности. Ей, впрочем, было чем гордиться: она была единственной, балованной дочерью моей богатой тётушки —

известной бакинской спекулянтки, которая вовсю нелегально торговала ювелирными украшениями с чистейшими бриллиантами.

На фото Соня стояла рядом с моей мамой. Их взгляды были направлены прямо в объектив фотографа, но на снимке всё равно чувствовалось, что в их отношениях не было согласия и теплоты. В лице моей кузины проскальзывало какое-то холодное отчуждение. Выросшая в достатке, будучи избалованной дочерью богатой тётушки, она, видимо, с трудом принимала мою маму — скромную девушку с совсем другой, трудной детдомовской судьбой.

В последний раз я видел Соню в Нью-Йорке. Купив в магазине пышный букет из двадцати пяти красных роз, я отправился на эту обязательную, ритуальную встречу. Мы виделись крайне редко, но все наши встречи всегда были пронизаны особым родственным теплом.

Мой давний друг Адам — «настоящий американец», который сопровождал меня на эту нью-йоркскую встречу, — настойчиво пытался напомнить растерянной Соне, кто же я такой на самом деле.

— Соня, послушай, это же Илюша! «Родной сын твоего дяди Года и тёти Яффы», —со стоическим терпением раз за разом объяснял Адам.

Соня поначалу никак не могла вспомнить меня. Но вдруг, как это изредка бывает при таком тяжёлом недуге, в её уставшую голову наконец пришло мгновенное озарение.

— Этот тот самый Илюша Азарьев?! — с глубоким недоумением громко спросила она Адама. — А мне ведь совсем недавно твёрдо сказали, что он умер.

Она бросила на меня быстрый, растерянный взгляд, словно сквозь туман наконец узнала, и тут же отрешённо произнесла:

— Дай Бог памяти, вспомнить бы теперь. Кто же именно мне сказал об этом?

Широко раскрытые глаза Сони, горящие каким-то странным, нездоровым блеском, устремились к потолку.

— Да, да, тот самый, твой родной двоюродный брат, живой и совершенно невредимый! — с облегчением произнёс Адам и тоже устремил свой взгляд вверх. Видимо, таким образом он выражал немую благодарность Всевышнему.

— Ой, мои дорогие, у меня ведь сегодня дома совсем нет ничего вкусненького к чаю — растерянно всплеснула руками Соня.

Её мягкая, интеллигентная манера, традиционно свойственная старым бакинцам, по-прежнему располагала к себе. А я в этот момент задумался о том, что хвалёный американский «плавильный котёл» даже за два поколения так и не смог до конца полностью адаптировать многих горских евреев в американское общество. Это действительно колоссальная, непростая задача даже для тех из нас, кто от природы легко идёт на контакт с незнакомыми людьми и с искренней радостью заводит новые знакомства.

Я в своё время сам испытал это на собственной шкуре. Ведь даже в Израиле, на нашей священной Родине, горские евреи зачастую с огромным трудом приспосабливаются к жёсткой действительности, и до последних дней со щемящей ностальгией вспоминают былые времена в России, словно тоскуя о навсегда потерянном рае.

— Берта вот-вот должна прийти, она твёрдо обещала принести из магазина свежие сладости. А вы пока располагайтесь, я сейчас быстро заварю чая, — суетливо произнесла Соня и медленно направилась на кухню.

Это была крошечная комнатка, в которой с трудом умещались плита, шкафы с посудой, маленький обеденный столик и пара стульев. «Да...» — грустно подумал я, невольно вспомнив, как накануне их эмиграции в США мне довелось побывать в их роскошной бакинской квартире. В той прошлой жизни их кухня была настолько просторной, что там без всякой тесноты можно было проводить большие семейные торжества минимум на десять человек.

Мы с Адамом молча переглянулись и без лишних слов, по одним только глазам, мгновенно поняли друг друга. И уже позже, оказавшись на шумной нью-йоркской улице, я впервые за всё время пребывания в Америке внезапно испытал странное волнение, переросшее в острое чувство душевной тревоги и необъяснимого беспокойства.

Адам, заметив моё подавленное настроение, с понимающей хитринкой посмотрел на меня и добродушно, по-свойски произнёс:

— Сто двадцать лет проживёшь, Илюха, помяни моё слово!

Она старая, глубоко одинокая женщина, да и дядя Миша недавно скончался. Вот с тех самых пор её угасающий разум с трудом узнаёт даже самых близких людей. Давай-ка, дорогой мой друг, мы прямо сейчас поедем домой, разопьём бутылочку-другую хорошего красного израильского вина и уже сегодня принципиально не будем

больше посещать твоих родственников, чтобы вконец не портить себе воскресное настроение.

По дороге домой мы заехали на небольшой рыбный рынок, который, как мимоходом сказал Адам, держали наши земляки — горские евреи. Там мы купили дюжину свежемороженых стейков отличного осетра.

— Этот благородный осётр ещё буквально вчера весело плавал в Каспийском море, прямо напротив вашей Слободки! — добродушно пошутил один из усатых продавцов и искренне пожелал нам хорошего вечера.

Ужин у нас получился на славу, и, конечно же, одной только бутылкой вина мы не обошлись.

— Слушай, Адам, если я задержусь в Нью-Йорке ещё хотя бы на одну неделю, то в твоём винном погребе вообще не останется ни капли хорошего вина! — довольный собственной шуткой, я расплылся в широкой улыбке.

Адам с удивлением взглянул на меня, понимающе покачал своей седой головой и весело улыбнулся в ответ. Он неторопливо откупорил новую бутылку, а затем торжественно и изящно наполнил наши хрустальные бокалы рубиновым вином.

— Скорей вина сюда! Теперь не время сну. — артистично вымолвил Адам великие строки Омара Хайяма и вдохновенно, во весь голос произнёс наш священный тост: — Лехаим!

Отпив изрядный, глубокий глоток вина, Адам плавно откинулся на спинку стула и на мгновение глубоко погрузился в свои размышления. Вдруг он резко встрепенулся, подался вперёд своим мощным мужским торсом и звучным, уверенным голосом сказал:

— Послушай, брат. Мы с тобой будем ещё долго жить на этом свете! Будем часто встречаться, и веселиться от всей души, выпивая это классное израильское вино!

В тот счастливый момент никто из нас двоих ещё не знал, когда именно и как трагически закончатся все наши крутые совместные планы. Через неделю Адам внезапно узнал от врачей страшную весть: у него обнаружили редкую и крайне опасную злокачественную опухоль.

С тех пор прошло уже долгих семь лет. За это тяжёлое время ему пришлось мужественно пройти через целую серию сложнейших хирургических операций. Но Адам и сейчас живее всех живых! Он находится в прекрасной физической форме и даже самостоятельно

построил роскошный, красивый дом в Бруклине — в одном из самых живописных, зелёных и востребованных районов Нью-Йорка.

И теперь каждый раз, приглашая меня к себе в гости, он с гордостью говорит по телефону, что в его новом бруклинском доме оборудован поистине шикарный винный погреб.

Значительно позже, когда Соня вышла замуж за кузена моего отца и своей матери, ей волей-неволей пришлось навсегда усмирить свой вздорный нрав. Я, будучи в те годы совсем ещё зелёным пацаном, часто с искренним удивлением думал: зачем дядя Миша — статный, видный и привлекательный мужчина — женился на девушке, которая по всем человеческим параметрам и характеру абсолютно не подходила ему? К тому же — на своей близкой родственнице... Пусть даже и с богатым бакинским наследством в придачу.

Мазанту — Сонина мама и моя незабвенная тётя — на этой старой фотографии счастливо сидела рядом со своим отцом, моим мудрым и почтенным дедушкой. Мама часто рассказывала мне, что их связывали удивительно тёплые, доверительные отношения, а бабушка и вовсе не чаяла в дочке души. Наверное, такая слепая родительская любовь была во многом связана с тем, что после ранней смерти мужа — он геройски погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны — их юная дочь навсегда осталась одинокой вдовой.

Древнее имя Мазанту лингвистически состоит из двух священных слов на иврите: «мазал» — счастье или судьба, и «тов» — хороший. Стало быть, имя её означает «хорошее, доброе счастье». Глядя на её одинокую, заполненную заботами жизнь, невольно думаешь о том, что глубокое значение имени человека, увы, далеко не всегда соответствует его реальной формуле судьбы.

Но сколько себя помню, я всегда был очарован этой благородной женщиной. Каждая встреча с ней сулила мне, маленькому пацану, много удивительных приключений. У неё был потрясающий, мягкий, бархатистый голос с певучим, ласкающим слух бакинским акцентом. Слегка полная, с обаятельной улыбкой и интеллигентными манерами, она являлась самой желанной гостьей в нашем слободском доме. Тётя Мазанту была точной копией своей матери, моей бабушки: она унаследовала её характер, мягкие манеры общения и буквально всё лицо — разве что была чуть полнее.

Мазанту приходилась старшей сестрой моему отцу, и моя мама радушно, с распростёртыми объятиями принимала золовку.

Добрая, невероятно энергичная, безгрешная в помыслах, тётя одним своим появлением мгновенно создавала в доме праздничный настрой. Её просто невозможно было не любить всем сердцем!

Возвращаясь после долгих гостевых недель обратно в Баку, она иногда, подолгу упрашивая моих родителей, забирала меня с собой. И это были, пожалуй, самые лучшие, светлые и безоблачные времена моего детства.

Тот колоритный бакинский дворик, в котором жила моя любимая тётя, удивительным образом объединял людей разных национальностей в одну большую, дружную семью. Там, точно так же, как и на нашей еврейской Слободке, все соседи до мельчайших подробностей знали всё друг о друге. Но если у нас на Слободке жили исключительно горские евреи, и мы с утра и до вечера разговаривали только на родном языке джуури, то в тесных бакинских двориках звенели все языки Кавказа: азербайджанский, армянский, грузинский и еврейский.

Какой же это был невероятный, сумасшедший мальчишеский кайф — тёплыми южными ночами ложиться спать прямо на крыше дома! Это было восхитительное, пьянящее чувство абсолютной свободы в моём тогдашнем семилетнем возрасте. А ранним утром певучие голоса местных торговок свежей зеленью, прохладным мацони и горячими, только что из печи лавашами ласково будили нас, предвещая начало нового, безмятежного дня.

Как все эти шумные, излишне любопытные жители крохотного дворика умудрялись годами уважительно сосуществовать друг с другом — для меня оставалось большой неразгаданной загадкой. Ведь это был не просто вечный людской гул, весёлый гомон и кавардак с раннего утра и до позднего вечера... Это был ещё и один-единственный крошечный туалет в самом центре тесного двора. И что самое поразительное — каждый житель, вне зависимости от статуса и возраста, терпеливо, с глубоким кавказским пониманием ежедневно ожидал там своей законной очереди!

Сумгаитский разлом стал страшным поворотным пунктом, вызвавшим первые массовые потоки армянских беженцев, многие из которых впоследствии получили политическое убежище в США. Хотя горским евреям, благополучно жившим в то время в Баку, напрямую ничего не угрожало, многие из моих сородичей своевременно приняли меры и тоже уехали в Штаты.

Вот именно таким замысловатым образом мои бакинские родственники и оказались в Америке. К тому времени немало парней из нашей Слободки также перебрались за океан — многие гораздо раньше этих трагических событий. И ведь я сам когда-то мог стать гражданином этой страны, если бы мой дорогой отец в своё время поддался настойчивым уговорам своих старинных друзей...

Нью-Йорк ошеломил меня с самого первого взгляда! Наводнённый людьми самых разных наций и культур, он манил экзотическими ароматами кулинарных блюд, вмиг разжигающими зверский аппетит, и чарующими звуками великой музыки — джаза, рока и глубокого городского блюза.

В итоге Большое Яблоко стало и для моих земляков родным домом. Жизнь в Нью-Йорке настолько стремительна и полна безграничных возможностей, что не реализовать себя в этой бурной «Столице мира» было бы для мужчины просто непростительно. Наши горские евреи в полной мере проявили здесь кавказскую деловую хватку, ум и сегодня очень твёрдо, уверенно стоят на этой далёкой земле, ставшей для них новой Родиной...

Когда мне становится нестерпимо грустно и хочется побыть один на один со своими мыслями, я тихо сажусь за рабочий стол и со щемящей ностальгией подолгу рассматриваю старую семейную фотографию. Когда я погружаюсь в это далёкое прошлое, во мне всякий раз просыпается непреодолимое желание вернуться туда, где все члены моей большой семьи — любимые дедушка, бабушка, мама, тётушка, мои двоюродные братья и сёстры — ещё живы и здоровы...

Затем, волевым усилием стряхнув с себя эти несбыточные грёзы, я ловлю себя на мысли, что все мои родственники, запечатлённые на снимке, уже давно ушли в мир иной. А я до сих пор остаюсь на этой земле и, признаться честно, даже не знаю — радоваться мне этому или нет. Но главное для меня сейчас — ни в коем случае не поддаться мимолётным порывам слабости, жалости к самому себе и не опасаться одиночества, чтобы в итоге не закончить свой путь подобно Стефану Цвейгу или Эрнесту Хемингуэю...

Как-то однажды в Баку, проезжая на машине мимо высокого, добротного каменного забора, тётя Мазанту будто между прочим спокойно сказала мне:

— За этой стеной, мой родной, покоится твоя бабушка, — она иначе ко мне и не обращалась. Глубоко вздохнув, тётя тихим голосом добавила: — Она любила тебя в детстве больше, чем кого-либо

другого в нашей семье. Мы в этот приезд обязательно выберем день и побываем на её могиле.

Заметив мой вопросительный взгляд, Мазанту нежно посмотрела мне в глаза и успокаивающе произнесла:

— Ничего пугающего на кладбище нет.

Но она так и не выполнила своего обещания — просто не успела. Я редко посещал Баку, да и когда бывал в этом прекрасном городе, тётушки уже не было в живых. Всё как обычно у людей... Спустя годы и Мазанту ушла за этот холодный кладбищенский забор. Теперь она лежит рядом со своей матерью, и уже никто и никогда их не разлучит...

А мне — единственному оставшемуся в живых человеку с этой старой семейной фотографии — сегодня уже некому на всём белом свете подсказать, где именно покоится моя любимая бабушка. Чтобы я мог прийти, низко поклониться её праху и мысленно поблагодарить за те добрые, заботливые руки, которые качали меня в младенчестве.

Иногда я подолгу задумываюсь над тем, какой иной могла стать моя жизнь, если бы я в своё время согласился на предложение тётушки. Она ведь постоянно носила в сумочке мою фотографию, где я был запечатлён в элегантном костюме, а на шее гордо красовался тёмный галстук-бабочка — в общем, со стороны выглядел парнем хоть куда!

И вот однажды Мазанту неожиданно позвонила мне по телефону, что в те годы вообще было редким случаем. Взволнованно, на своём забавном, ломаном русском языке она говорила горячо, увлечённо и убеждённо, что я должен как можно скорее, бросив все дела, прилететь к ней в Баку:

— Я тебе нашла чудесную невесту! Горская еврейка, ослепительно красивая, богатая, и при этом — образованная девушка. Дочка управляющего крупным трестом в Баку. Короче говоря, Илюша, бери билет и немедленно лети — тебя здесь уже ждут!

Она говорила в трубку быстро и напористо, словно больше всего на свете опасалась услышать от племянника твёрдое «нет».

Несколько месяцев назад я, наверное, воспользовался бы этим роскошным предложением и не раздумывая помчался бы в Баку. Но моё молодое сердце к тому времени уже было намертво занято другой — удивительно красивой, умной девушкой, дочерью крупного руководителя строительной компании из тбилисских армян.

Я, выросший в строгой ортодоксальной семье, всё детство провёл на еврейской Слободке, где свято чтили вековые традиции и запреты. Никто из наших пацанов тогда даже подумать не мог о том, чтобы по своей воле вступить в брак с иноверкой.

Армяне, как и евреи — ревностные хранители своей веры, культуры и чистоты крови. Они гордо убеждены в том, что были самыми первыми христианами на Святой земле, и чрезвычайно дорожат этим перед всем миром.

Мы же — страстные, азартные, с горячей южной кровью кавказцы, внезапно ставшие свободными от религиозных предрассудков и ханжеской морали, — вмиг закружились в бешеном водовороте сладострастия. Преодолев вековые ограничения, мы безудержно, слепо двинулись навстречу друг другу и в объятиях этой всепоглощающей любви окончательно потеряли головы.

Разве мог я тогда честно рассказать строгому отцу правду о причине своего поспешного, тайного решения жениться в неполные двадцать лет? Ведь он изначально был решительно против моей учёбы в России.

— Эти русские девчонки там быстро вскружат ему голову и в один миг сломают всю жизнь! — как-то в сердцах резко сказал мой отец матери.

А она — покорная и тихая в доме — лишь беспомощно развела руками и со слезами ответила вполголоса:

— Вспомни лучше самого себя... Разве ты послушался своего строгого отца, когда наперекор всем собирался жениться на мне, простой детдомовской девушке? Вся твоя огромная, гордая родня стеной стояла против нашего брака — они высокомерно считали меня чужой, чуть ли не «русской». Я ведь тогда даже толком не знала джуури и с огромным трудом общалась с твоими близкими. А между тем всё обошлось, хотя мне пришлось невероятно тяжело. Невозможно высказать словами то, что я молча вытерпела от твоей спесивой родни! Однако всё это уже в далёком прошлом. Будь я в молодости чуточку смелее — рванула бы от вас куда глаза глядят! Да вот только дальше этих намерений дело не пошло. А ты, как ни в чём небывало, продолжал свою весёлую, разгульную жизнь в Дербенте...

Сегодня мне трудно даже представить, как моя любимая девушка в тот момент объяснялась со своими строгими родителями... Можно только смутно догадываться о подлинных масштабах её горького унижения и страха, связанных с внезапным признанием о

беременности. Но случилось то, что случилось: мы — неопытные влюблённые, студенты всего лишь второго курса института — ожидали внебрачного ребёнка.

Это судьбоносное событие в моей жизни произошло абсолютно случайно. Даже сегодня, когда с тех пор прошла целая вечность, в строгих традициях кавказских семей подобное известие — неслыханный, сокрушительный скандал! Но несмотря на это, сразу после тяжёлого, сдержанного одобрения моего отца на наш брак наконец пришло время сватовства.

Сватать мою армянскую невесту приехали тётя Мазанту, жёны старших братьев отца и моя дорогая мама. Поначалу в чужом доме они разговаривали друг с другом очень тихо, сдержанно, словно были до глубины души омрачены этим поспешным событием. И только тогда наши кавказские женщины заметно оживились, оттаяли и наконец приняли праздничный настрой, когда своими глазами увидели мою будущую супругу — она им с первого взгляда очень понравилась...

Но я тогда совершенно не знал и уже, к огромному сожалению, никогда не узнаю, о чём на самом деле думал мой отец, когда готовился к нашей скорой свадьбе.

И можно ли вообще считать этот бунтарский брак счастливым, если после сорока лет совместной жизни он всё же окончательно распался?

Мой сын как-то раз тихо сказал мне — к тому времени он стал уже взрослым мужчиной, способным здраво размышлять:

— Знаешь, папа. Мне гораздо спокойнее, когда вы с мамой живёте врозь. У вас двоих, увы, так и не хватило терпения и мудрости идти на компромиссы ради сохранения мира в семье.

Не буду философствовать на эту тему — там миллионы невидимых причин.

ГЛАВА 50

В заключительной главе повести «Мечты о прошлом» я расскажу вам, уважаемые читатели, о самых значимых событиях из

жизни моего отца. Несмотря на деликатность ситуации, в которой нужно проявить разумную осторожность, быть подчёркнуто учтивым и мягким в словах, фразах и предложениях, я расскажу обо всём как было, ничего не утаивая, ничего не сгущая и ничего не приукрашивая. Прежде всего это жизненно важно для меня самого — чтобы моя душевная боль, связанная с эмоциями и переживаниями от воспоминаний из жизни отца, которыми я хочу искренне поделиться с вами, навсегда закончилась вместе с последним абзацем этой главы.

Даже сейчас, спустя полвека после кончины отца, мне очень непросто писать о нём. Но я от души надеюсь, что умудрённый жизненным опытом, вдумчивый и беспристрастный читатель поверит в абсолютную правдивость моего документального повествования, основанного на реальных событиях, и сумеет за изъянами моей прямой речи разглядеть главное, о чём я стремлюсь рассказать.

Помните, с чего началось это правдивое и развёрнутое повествование? С фотографии из старого семейного альбома, где запечатлены самые близкие мне люди, сыгравшие существенную роль в моей судьбе. Сосредоточенные лица, холодные, неподвижные взгляды, выражающие немое удивление происходящим вокруг них, и я — совсем крохотный, но ключевой персонаж, вокруг которого разворачивалось событие, запечатлённое на старом снимке. Празднично одетые мама и члены моей большой семьи чувствовали себя скованно перед объективом, словно кто-то панически боялся выглядеть нелепо или недружелюбно.

Только сейчас, внимательно вглядываясь в эту старую, пожелтевшую от времени фотографию, где в самом центре, рядом друг с другом сидели дедушка и бабушка, а справа и слева от них устроилась и вся остальная многочисленная родня, я наконец отчётливо понимаю, насколько этот снимок был важен для моего отца. Ведь на фото бережно позировал его новорождённый сын. Мама родила меня спустя пять месяцев после того, как мой отец ушёл служить в армию. В самое лучшее, благодатное время жизни я рос без отца — так уж сурово сложилась моя судьба...

Мой отец и я — это долгая и сложная история отношений. До семнадцати лет я вполне мирно сосуществовал под одной крышей с заботливыми родителями, и в то же самое время каждый из нас жил своей собственной внутренней жизнью, и каждый считал, что именно так и надо жить.

Спустя годы, когда мои собственные дети стали подростками, я часто задумывался над тем, почему мой отец — такой крутой мужчина, искренний, добродушный, абсолютно правдивый в своих поступках, выходец из зажиточной патриархальной семьи — вдруг женился на двадцатилетней девушке, которая всю свою сознательную жизнь провела в детском доме. Что сблизило и объединило в единую семью двух молодых людей с несхожими взглядами на жизнь? Мои родители были настолько разными, что их взаимное сближение продолжает искренне удивлять меня и по сей день.

Но случилось то, что неизбежно должно было случиться: мой отец по уши влюбился в молоденькую, симпатичную девушку на городской танцплощадке. Там по выходным парни из еврейской слободки и работницы Дербентского консервного комбината, чаще всего бывшие детдомовцы, собирались потанцевать, так как молодёжи в те годы больше негде было повеселиться.

Известно, что с возрастом человека всё чаще тревожат ностальгические воспоминания. Они приходят без спроса, именно тогда, когда их совсем не ждёшь. Мечты о прошлом без особых усилий заполняют разум, а ожившие чувства бередят душу, не давая покоя уставшему сердцу.

Знаю по личному опыту: мечты о прошлом — это тяжёлый груз, ведь воспоминания о детстве неизменно возвращают меня в самые трудные, переломные периоды жизни отца. Из потаённых закоулков души всплывают волнующие эпизоды наших встреч, где по воле судьбы я принимал личное участие или был невольным очевидцем событий, на которые никак не мог повлиять...

Воссоздавая в памяти образ отца, я постараюсь передать те истинные чувства и ощущения, которые испытывал, воочию наблюдая за насыщенной, но такой короткой жизнью самого близкого и дорогого мне человека.

Оглядываясь в прошлое, я отчётливо осознаю, что мне круто повезло иметь такого благородного отца, который после моих необдуманных бунтарских поступков ни разу не упрекнул меня словом. А ведь было за что — я, неожиданно для него, очень рано женился, причём на девушке другой религии. Сегодня, когда юные горские евреи освобождаются от отцовской власти, подобный поступок всё равно считается необычным в их среде, хотя бывают редкие случаи, когда наши парни теряют головы и связывают жизнь с иноверками.

Мой отец — внешне привлекательный и добродушный от природы человек — обладал полной свободой действий и комфортными условиями для здоровой, полноценной жизни. Но, пожираемый огнём тяжёлой внутренней болезни, мой бедный отец, так и не дожив до своего пятидесятилетнего юбилея, неожиданно завершил свой земной путь. В моей жизни настал страшный день, когда я навсегда потерял человека, который любил меня больше всего на свете и искренне хотел, чтобы я стал в тысячу раз лучше его самого.

Уже ничего не изменить. Отца мне не вернуть, но воспоминания, от которых я до сих пор не могу отойти, вновь и вновь возвращают меня в минувшие годы, наполненные реальными историями из его жизни.

Признаюсь, я не знал, о чём он думал и о чём мечтал. Не помню случаев, чтобы мы, дружно сидя за одним столом, отмечали дни рождения или семейные праздники. Отец никогда не рассказывал о своих планах, целях и желаниях. Но то, что он изо всех сил стремился сделать нашу жизнь благополучной и ради этого осознанно жертвовал свободой, я знал не понаслышке. Он ни свет ни заря уходил на работу и лишь поздно вечером возвращался домой. Мне, простому слободскому пацану, тогда казалось, что у отца и не должно быть другой жизни, и что он — такой родной, тёплый и душевный — всегда будет рядом со мной в этом безумном мире.

Мне много лет — аж страшно подумать... Но даже сегодня, когда чёрный верблюд смерти уже поравнялся со мной, мне всё так же хочется оказаться в тёплых объятиях своего сына, чтобы великая, неразрывная связь между моим отцом, мною и моим сыном никогда не прекращалась! Чтобы мои мечты о прошлом стали прочной основой для светлых воспоминаний о будущем.

Эпилог

«Иногда, оглядываясь назад с высоты прожитых лет, я невольно замираю в глубоком изумлении и думаю: какая же всё-таки огромная, непостижимая штука — человеческая жизнь! Кажется почти невероятным, что в судьбу одного человека смогло вместиться такое

колоссальное, поистине космическое количество исторических событий, крутых переломов и встреч с яркими, цельными, самобытными людьми, оставивших после себя незабываемый след, который до сих пор определяет, как надо и как нельзя жить в этом непростом безумном мире...»